

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ЛЫЗЛОВ Алексей Игоревич

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

10.02.04 – германские языки (английский)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук
проф. О.А. Сулейманова

Москва – 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
ГЛАВА 1. Теоретические основы лингвоаксиологического изучения фразеологизмов	20
<i>1.1. Национальная и культурная специфика фразеологизмов английского языка в современной парадигме лингвистического знания</i>	20
1.1.1. Идеи и принципы современной лингвистической аксиологии: лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты	20
1.1.2. Объем и содержание понятия «фразеологизм» в общей и описательной фразеологии	25
1.1.3. Роль фразеологии в моделировании этнической языковой картины мира: национально-культурная обусловленность фразеосистемы языка	33
1.1.4. Проблемы синхронно-диахронного описания английской фразеологии в свете национальной и культурной специфики	38
<i>1.2. Лингвокогнитивный подход к анализу концептуального содержания фразеологизмов: к проблеме когнитивного моделирования</i>	40
1.2.1. Основные термины и понятия концептуального анализа в когнитивной лингвистике	40
1.2.2. Принципы когнитивного моделирования в концептуальном анализе фразеологизмов	51
1.2.3. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу фразеологизмов	61
<i>1.3. Проблемы описания ценностного компонента в концептуальном содержании фразеологизмов</i>	63
1.3.1. Категория ценности в историко-научном освещении	63
1.3.2. Языковая оценка в современной лингвистике	65
1.3.3. Образно-метафорические механизмы выражения языковой оценки	78
1.3.4. Принципы лингвокогнитивного анализа языковой оценки в фразеологических концептах	84
1.3.5. Историческая изменчивость ценностного компонента в концептуальном содержании фразеологизмов	93
<i>1.4. Построение методики исследования аксиологической составляющей фразеологизмов</i>	96
<i>Выводы по содержанию первой главы</i>	102

ГЛАВА 2. Аксиологическая динамика когнитивных моделей и оценочной составляющей фразеологизмов средне- и новоанглийского периода, репрезентирующих реалии природной среды	105
2.1. <i>Аксиологический потенциал английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды</i>	105
2.1.1. Концепт «КОШКА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	105
2.1.2. Концепт «СОБАКА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	109
2.1.3. Концепт «ЛОШАДЬ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	116
2.1.4. Концепты «БЫК» и «КОРОВА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	121
2.1.5. Концепт «ЛЕВ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	127
2.1.6. Концепт «СВИНЬЯ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	130
2.1.7. Концепт «ВОЛК» и «ОВЦА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	133
2.1.8. Концепты «МЫШЬ» и «КРЫСА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	136
2.1.9. Концепт «ПТИЦА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	140
2.1.10. Концепты «ПЕТУХ» и «КУРИЦА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	144
2.1.11. Концепт «РЫБА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	148
2.1.12. Концепты растительного мира: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	152
2.2. <i>Сопоставительный синхронно-диахронный анализ английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды, средне- и новоанглийского периода</i>	159

ГЛАВА 3. Аксиологическая динамика когнитивных моделей и оценочной составляющей фразеологизмов средне- и новоанглийского периода, репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека	171
3.1. <i>Аксиологический потенциал английских фразеологизмов, репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека</i>	171
3.1.1. Концепт «ЛЮБОВЬ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	171
3.1.2. Концепт «СМЕРТЬ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	177
3.1.3. Концепты «ДРУЖБА» и «ВРАЖДА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	182
3.1.4. Концепты «ГЛУПОСТЬ» и «УМ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	190
3.1.5. Концепты «УДАЧА» и «НЕУДАЧА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	197
3.1.6. Концепты «ЛОЖЬ» и «ПРАВДА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	200
3.1.7. Концепты «БЕДНОСТЬ» и «БОГАТСТВО»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах	204
3.2. <i>Сопоставительный синхронно-диахронный анализ английских фразеологизмов, репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека, средне- и новоанглийского периода</i>	214
<i>Выводы по содержанию второй и третьей глав</i>	223
ГЛАВА 4. Аксиологическая составляющая и когнитивные модели английских фразеологизмов, реализующих реалии природной среды, в аспекте их дискурсивного варьирования	233
4.1. <i>Ценностный компонент английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды, в художественном и массмедиийном тексте</i>	233
4.1.1. Аксиологическая динамика английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды, в художественном дискурсе	233
4.1.2. Аксиологическая динамика английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды, в массмедиийном дискурсе	252
4.2. <i>Сопоставительный анализ английских фразеологизмов,</i>	

*репрезентирующих реалии природной среды, в художественном и в 284
массмедиийном дискурсе*

**ГЛАВА 5. Аксиологическая составляющая и когнитивные модели
английских фразеологизмов, реализующих внутренний мир и
социальные характеристики человека, в аспекте их дискурсивного
варьирования** 297

*5.1. Ценностный компонент английских фразеологизмов, репрезентирующих
внутренний мир и социальные характеристики человека, в художественном
и массмедиийном тексте* 297

5.1.1. Аксиологическая динамика английских фразеологизмов,
репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека
в художественном дискурсе 297

5.1.2. Аксиологическая динамика английских фразеологизмов,
репрезентирующих, внутренний мир и социальные характеристики человека,
в массмедиийном дискурсе 317

5.2. Сопоставительный анализ английских фразеологизмов,
репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека,
в художественном и в массмедиийном дискурсе 340

Выводы по содержанию четвертой и пятой глав 351

Заключение 356

Библиографический список 362

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена анализу аксиологической динамики в языковой концептуализации мира, отраженной во фразеологизмах английского языка среднеанглийского и новоанглийского периодов, которые репрезентируют значимые аспекты внешней среды и внутреннего мира человека.

На настоящий момент в лингвистике в рамках реконструирования национального образа мира, языковой картины мира особое внимание исследователей сосредоточено на выявлении аксиологического компонента языковой картины мира, т.е. системы национальных идеалов и ценностей, отраженных в языке.

Оценка является одной из категорий, отражающих познавательную, регулятивную и ориентационную активность человека по отношению к природной и социальной реальности. При этом именно языковая объективация оценки выступает в качестве важнейшего средства воплощения аксиологической составляющей в совокупной картине мира этноса, носителя и выразителя важнейших национально-культурных особенностей моделей оценивания, этнических ценностных приоритетов и речеповеденческих стереотипов, эволюции идеалов и ценностей в языковом освоении действительности.

В работах ряда исследователей [Вежбицкая 1997; Телия 1994, 196; Верещагин, Костомаров 1980; Арутюнова 1991; Степанов 1997; Красных 2002; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Маслова 2007 и др.], разрабатывающих принципы анализа «языка культуры», сформировалось лингвокультурологическое направление, ориентированное на выявление национально-культурных особенностей употребления единиц и категорий в языке. Национально-культурную специфику языка следует искать прежде всего в его фразеологизмах (ФЕ), поскольку именно в них объективирован комплекс духовной работы этноса по ориентации в мире, стиль его мировидения, система ценностей.

Неослабевающий интерес к аксиологическому проявлению этноса, проявляющийся в появлении все новых исследований [Зыкова 2017; Карасик 2019; Томберг 2019], и предопределяет **актуальность** данного исследования. При этом именно в рамках лингвокультурологического подхода к исследованию ФЕ с точки зрения отражения в них национальной модели мира и – главное – ее ценностно-ориентационного компонента были получены методологически наиболее значимые в плане современных требований к стратегиям научного поиска в гуманитарном

знания результаты [Ковшова 2016; Добровольский 2017а и 2017 б], в частности, изучены ФЕ в диахроническом аспекте [Mieder 2010; Коваль 2011; Winter, Wieling 2016; Cserép 2018].

Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, посвященных английским ФЕ, исследование динамики их аксиологической составляющей сводилось, главным образом, к выявлению способов семантической и структурной трансформации ФЕ в различных современных контекстах. В связи с этим возникает необходимость разработки такого подхода к изучению различных способов означивания ситуаций с помощью ФЕ, который позволил бы выявить их роль в фиксации ценностей англоязычной культуры в разные исторические эпохи и в разных типах дискурса.

Более того, актуальны выбранные для данного исследования ФЕ, репрезентирующие реалии природной среды (животный и растительный мир), ФЕ, репрезентирующие внутренний мир и социальные характеристики человека; а также их анализ в когнитивно-дискурсивной синхронно-диахронной перспективе.

Указанная перспектива исследования, таким образом, требует привлечения научного инструментария, основанного на антропоцентрическом и когнитивном принципах, когда ФЕ рассматриваются в качестве форматов знания, когнитивных моделей, отражающих опыт языкового освоения действительности этносом в его исторической динамике, и предопределяет общую актуальность данной работы. Отдельного внимания заслуживает и актуальная задача разработки методологии исследований в рамках предлагаемого нами синхронно-диахронного подхода к анализу ФЕ и выстраивания исследовательского алгоритма их анализа.

Объектом предпринятого исследования являются ФЕ среднеанглийского (СА) и новоанглийского (НА) периодов, воплощающие национально-культурную специфику языкового выражения отдельных аспектов в предметно-тематических областях, соответственно, реалий внешней среды и элементов внутреннего мира человека.

Предмет исследования – ценностные компоненты значения в английских ФЕ, обозначающих реалии внешней среды и внутреннего мира человека, в системе языка и в текстовой реализации в дискурсах разного типа (художественный и публицистический дискурсы) в динамике их развития от среднеанглийского к новоанглийскому периоду.

Цель исследования состоит в первую очередь в разработке методологии исследования аксиологической составляющей ФЕ в динамике (от средне- к новоанглийскому периоду), выработке соответствующего заявленной цели метаязыка описания и процедур исследования ФЕ, обозначающих реалии внешней среды и элементы внутреннего мира человека, как в аспекте функционирования в языке в качестве репрезентантов определенных ценностей, так и в аспекте их варьирования в дискурсах разного типа в качестве маркеров ценностного компонента в зависимости от характера дискурса.

Реализация цели предполагает решение следующих **задач**:

(1) для обоснования концепции исследования на основе критического анализа существующих теоретических представлений определить ключевые категории, релевантные для предпринимаемого исследования: категорию ценности, языковую оценку как механизм реализации ценностей в ФЕ; обозначить границы ФЕ относительно сходных, но не тождественных языковых единиц и др.;

(2) разработать принципы когнитивного моделирования ФЕ, обозначающих реалии внешней среды и элементы внутреннего мира человека с учетом динамики развития ценностного компонента в ФЕ английского языка, что позволит описать представленную в них систему ценностей; для чего выстроить модель, основанную на учете взаимодействия различных ментальных планов когниции, представленных в содержании ФЕ, отражаемых в триаде «концепт» – «модель» – «признак»;

(3) описать динамику объективации ценностей в ФЕ средне- и новоанглийского периодов, для чего по данным словарей проанализировать ценностные компоненты ФЕ, отражающие внешнюю среду и внутренний мир человека;

(4) выявить национально-культурную обусловленность и дискурсивную специфику моделей текстовой реализации аксиологического компонента ФЕ в художественном дискурсе в сопоставлении с публицистическим;

(5) охарактеризовать зависимость вариативности ценностного компонента фразеологических единиц от типа дискурса;

(6) обобщить полученные результаты, связанные с аксиологической динамикой английской фразеологической системы.

Материалом исследования послужили данные словарей английского языка; материалы корпусов английского языка; аутентичные англоязычные художественные и публицистические тексты разных периодов.

Эмпирическую базу исследования составили следующие материалы: из словарей методом сплошной выборки извлечено 8064 ФЕ, которые для удобства пользования маркировались по хронологическому периоду вхождения в язык (указание года в скобках). Дискурсивное варьирование ФЕ учитывалось по 28700 микротекстам употребления (12400 – художественного, 16300 – публицистического дискурса), всего проанализировано 13400 фразеоупотреблений (7500 – художественного, 5900 – публицистического дискурса).

Степень изученности вопроса. Методологическую основу исследования составили труды по категории ценности и языковой оценки как механизма выражения ценностей.

Ценности как совокупность представлений общества о добре и зле и оценка – механизм соотнесения конкретных ситуаций с этими ценностями находят отражение в трудах философов, как античных (Платон, Аристотель), так и представителей европейской мысли разных эпох (Дж. Локк, Б. Спиноза, Д. Юм, Дж. Мур, И. Бентам, Дж. Милль, Г. Седжуик, Р. Хэр, Б. Рассел, А.А. Ивин, Г.Ч. Гусейнов и др.). Природа, свойства и функции языковой оценки описывались философами и логиками [Wright 1963, Ziembinski 1963, Prior 1984, Leech 1983].

В лингвистических работах, рассматривающих категорию оценки, предлагаются ее определения, описываются ее характер и свойства, поднимается вопрос о взаимоотношении категорий «ценность» и «оценка», изучаются особенности объективации оценки в языке и речи [Алефиренко 2005; Арутюнова 1984; 1988; 1991; 1998; Байрамова 2002; 2004; 2008; 2009; Вольф 1986; 1988; 2002; Карасик 2004 а, б; 2019; Красных 2003; Никитин 1968; 2000; Радбиль 2016; Шаховской 2008].

В области анализа языкового выражения ценностей исследуется экспрессивность оценки [Лукьянова 1976; Борисова 2012], семантика оценки [Писанова 1997], оценочная номинация [Белова 2001].

Оценочность исследуется на материале различных языков: в английской лексике [Френкель 1982; Темкина 1984; Ретунская 1996; Ильюшина 2001; Гаврилова 2005], в русском языке [Тухтаходжаева 1982], испанском [Мед 2008].

Изучена оценка в рамках теории картины мира [Банина 2001; Кислицина 2002; Ефремов 2010], ее этико-эстетические компоненты [Бобырева 2007; Пименова 2007], а также проблема взаимосвязи фразеологии и аксиологии [Фадеева 1989; Гриднева 1999]. Анализируется роль оценки в реализации дискурса

[Марьянчик 2005; Перескокова 2005], причем может использоваться и диахронический подход к изучению оценочных высказываний [Кононова 2010].

Вместе с тем указанные работы были посвящены узкоспециальным аспектам исследования фразеосистемы. В них изучались либо отдельные аспекты манифестации оценки, либо взаимосвязь фразеологии и оценки в синхронии на базе конкретного языка, тогда как систематического изучения оценочного аспекта английских фразеологизмов в динамике, а также моделирования их когнитивного содержания до сих пор проведено не было.

В связи со становлением новой, когнитивно-ориентированной парадигмы в современной лингвистике оказался востребованным когнитивный подход к изучению фразеологизмов, разрабатываемый в трудах современных исследователей [Хабарова 2004; Белявская 2005; Мелерович 2005; Бабушкин 2006; Золотых 2008; Воркачев 2010; Warnock 1983; Johnson-Laird 1984; Van Dijk 2001; 2003 и др.]. Идеи и принципы когнитивного описания языка и концептуального анализа разрабатываются в трудах зарубежных [Lakoff, Johnson 1980; Fauconnier 1999; Fodor 1995; Rosch 1978; Langacker 1973; Jackendoff 2002; Minsky 1975; Talmy 2003; Croft, Cruise 2004; Пинкер 2103] и отечественных [Попова, Стернин 2007; Карасик 2015; Болдырев 2001] авторов. Принципы когнитивно-дискурсивного анализа, эксплицированы в работах У. Чейфа [Chafe 1968], Т. ван Дейка [Dijk 2003], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1992], А.А. Кибрика [Кибрик 2015] и др.

Следует отметить, что в области изучения отдельных аспектов фразеологии лингвистическая наука имеет длительную традицию и восходит к трудам А.А. Потебни [Потебня 1999], И. А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963], Ш. Балли [Балли 1961] и далее Н.Н. Амосовой [Амосова 1963], И.А. Федосова [Федосов 1977], Ю.А. Гвоздарева [Гвоздарев 1977], В.П. Жукова [Жуков 1986], Н.М. Шанского [Шанский 1999], где был поставлен вопрос о выделении фразеологии как самостоятельной области языка и как отдельной научной лингвистической дисциплины, в рамках которой предлагались интерпретации фразеологической системы и основанные на ней классификации ФЕ по различным основаниям: семантическим [Виноградов 1977], структурным [Архангельский 1964].

На современном этапе развития лингвистической науки сохраняется устойчивый исследовательский интерес к фразеосистемам различных языков,

представленный в работах [Добровольский 1990; Баранов, Добровольский 2008; Бабушкин 1998; 2007; Алефиренко 1993; 2005; Маркова 2016] и др.

В зарубежной лингвистике одними из первых из первых значимых работ англоязычных авторов на тему фразеологических единиц являются труды Л. Смита [Smith 1948]. У. Вайнрайха [Weinreich 1969], Дж. Коой [Kooij 1968] и А. Маккая [Makkai 1972]; как формальная, так содержательная стороны ФЕ изучаются в работах [Grzybek 1991; Croft 1993; Gibbs 1994; Taylor 1995; Cowie 2006; Fleischer 1991; Nicolas 1995]: исследуется объем понятия «фразеологизм», рассматривается проблема соотнесения фразеологизма, с одной стороны и словосочетания – с другой, описываются функции фразеологизмов, даются примеры описания значений.

Ученые анализируют фразеологические системы также в сопоставительном аспекте, так, изучаются фразеологизмы славянских и германских языков на фоне русского языка [Арсентьева 1986; Байрамова 2002; Иванова 2002; Пирогов 2003; Попова 2015; Вальтер 2006; 2011; Федуленкова 2009; Балакова 2010; Финк 2013].

Вопросы изучения фразеологизмов в дискурсе, в том числе вопросы фразеологической вариативности также привлекали внимание многих исследователей [Nippold, Martin 1989; Fernando 1996; McCarthy 1998; Philip 2008; Mieder 2010; Naciscione 2010; Cserép 2018], появляются в том числе корпусные дискурсивные исследования [Moon 1998; Sinclair 2004; Granger, Paquot 2008].

Грамматика фразеологизмов исследуется в работах [Fraser 1970; Gazdar, Klein, Pullum, Sag 1985; Croft 1993; Добровольский 2017; Pamires-Bertrán 2018].

Ряд исследований посвящен проблеме анализа фразеологизмов на стыке психологии и лингвистики, использования их в устной речи [Cacciari, Tabossi 1988; Sperber, Wilson 1995; Schweigert 1986], различные аспекты прагматики фразеологизмов описаны в работах [Newmeyer 1974; Fillmore 1988; Burger 2007; Hunston, Su 2018]. Вопросом изучения фразеологизмов как проводников релевантных явлений культуры занимаются Д.О. Добровольский [Dobrovolskij 2010], Е. Пиирайнен [Piirainen 2008], В.П. Аникин [Аникин 2001], Г.Г. Слышкин [Слышкин 2000] и др.

Описательному аспекту изучения фразеологизмов посвящены работы отечественных и зарубежных лингвистов [Кунин 1971; 1972; 1986; Семененко 2005; Гвоздарев 2009; Čermak 2010], а когнитивные аспекты фразеологических

значений изучены в трудах [Беляевская 2005; Gries 2008; Martin 2008; Omazić 2008; Карасик 2013; Зыкова 2017].

Фразеологизмы рассматривались также в рамках теории метафоры – см. [Lakoff, Johnson 1980; Телия 1988; Блэк 1990; Glucksberg 1993; 2001; Levorato 1993; Kovács, Szabó 1996; Horn 2003; Скляревская 2004; Svensson 2008] и мн.др.

Современные авторы изучают проблему семантического анализа и моделирования фразеологизмов – см., например, [Gibbs, Nayak, Cutting 1989; Wray 2002; Мелерович 2005; Martin 2008; Siyanova-Chanturia, Martinez 2014; Dobrovolskij 2018]. В историческом аспекте фразеологизмы описаны в трудах [Молотков 1977; Шанский 1996; Арсентьева 2006; Norrick 2007; Colson 2008].

В последнее время существенно активизировались лингвокультурологические и лингвоаксиологические исследования фразеологии, в том числе в сопоставительном освещении. Фразеология является такой областью языковых явлений, где само содержание культуры данного коллектива в данную эпоху отображается более или менее непосредственно. В.Н. Телия отмечает, что в образах, соответствующих их «буквальному» прочтению, закреплены и воспроизводятся в процессе употребления языка фрагменты обиходно-эмпирического, исторического и духовного опыта народа, связанного с его культурными традициями [Телия 1996]. Проблема национально-культурной специфики фразеологии разрабатывается на материале славянских [Мокиенко 1975; 1980; 1990] и западноевропейских языков [Добровольский 1990; 1997]. По мнению В.Г. Гака, следует разграничивать национальную специфику фразеологических единиц и их культурную специфику [Гак 1997].

Внимание к объективному фактору, формирующему национально-культурную специфику фразеологических единиц, характерно для представителей лингвострановедческого подхода к исследованию языковых явлений, которые применительно к фразеологии ставят своей задачей прежде всего экспликацию так называемых «фоновых знаний», содержащихся в семантике фразеологических единиц. Как отмечает Д.Г. Мальцева, подобные знания обусловлены экстралингвистическими факторами, т.е. особенностями экономики, географического положения, общественного устройства, искусства, наук, быта, обычая народа [Мальцева 1991: 10].

Форма импликации фоновых знаний в семантической структуре лексико-фразеологических единиц получила название национально-культурного

компоненты семантики. По мнению основоположников лингвострановедческого направления Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, национально-культурные элементы семантики могут проявляться на трех различных уровнях плана содержания фразеологических единиц [Верещагин, Костомаров 1980: 85]. ФЕ могут отражать национальную культуру нерасчлененно, т.е. своими идиоматическими значениями; расчлененно, т.е. единицами своего состава (это могут быть так называемые «уникальные компоненты» (чаще всего архаизмы), безэквивалентная лексика (культурно-этнические реалии, топонимы, экзотизмы); в прямом значении совокупного словесного комплекса, лежащего в основе фразеологизма, в котором «закодированы» многочисленные народные обычай, традиции, игры и под. ФЕ как базисные элементы картины мира этноса отражают типичные частотные и релевантные ситуации, совокупность которых отражает значимую для этноса систему аксиологически маркированных мотивационно-прагматических установок.

В целом, несмотря на значительное количество работ, посвященных устойчивым сочетаниям в английском языке, исследование динамики их аксиологической составляющей сводилось, главным образом, к выявлению способов семантической и структурной трансформации фразеологизмов в различных современных контекстах. В связи с этим существует необходимость разработки такого подхода к изучению различных способов означивания ситуаций с помощью фразеологизмов, который позволил бы выявить роль данных единиц в фиксации базовых ценностей англоязычной культуры в разные исторические эпохи и в разных типах дискурса.

Все сказанное выше позволяет обосновать **научную новизну** исследования, которая заключается в том, что в работе впервые:

1. обосновываются и апробируются принципы когнитивного моделирования ФЕ среднеанглийского и новоанглийского периодов, относящихся к описанию внешней среды и внутреннего мира человека, в аспекте их национально-культурной специфики с учетом динамики развития ценностного компонента в их содержании; представлен опыт применения введенной и обоснованной автором методологии исследования ФЕ «концепт – когнитивная модель – оценочный когнитивный признак»;

2. представлено ценностно-ориентированное описание английских ФЕ, отражающих аспекты внешней среды (животный и растительный мир) и аспекты

внутреннего мира человека (экзистенциальные, эмоциональные, этические, социально-характеризующие концепты), как аксиологические ориентиры, объективирующие базовые ценности социума;

3. в результате ценностно-ориентированного описания ФЕ средне- и новоанглийского периода на когнитивно-дискурсивной основе выявлены ранее не изученные характеристики оценочных признаков концептов, формирующих семантику и особенности функционирования ФЕ; в рамках обоснованного в работе синхронно-диахронного подхода исследован аксиологический потенциал концептов, формирующих значения и особенности функционирования ФЕ средне- и новоанглийского периода и на этой основе выявлена зависимость динамики языкового воплощения системы ценностей в зависимости от типа ФЕ, исторического развития фразеологического фонда и характера дискурсивной деятельности;

4. на основе анализа лексикографических источников в исследовательский обиход введен и типологизирован материал в области семантического развития ФЕ от СА к НА; на основе анализа обширного массива текстов собран и описан новый материал в области дискурсивного варьирования ФЕ в художественных и публицистических текстах разных хронологических периодов;

5. осуществлен количественный сопоставительный синхронно-диахронический анализ динамики реализации оценочных признаков ФЕ в художественном и публицистическом дискурсах, что позволило оценить характер и направленность развития семантики ФЕ от средне- к новоанглийскому периоду и ее специфику в плане дискурсивного варьирования ФЕ.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в исследовании сформулированы и применены аналитические механизмы определения и квалификации ценностного компонента ФЕ, на основе разработанной и апробированной автором методики когнитивно-дискурсивного описания аксиологически маркированных компонентов ФЕ через призму национально-культурной обусловленности английской фразеосистемы и ее речевой реализации в текстах разных типов, что вносит определенный вклад в формирование когнитивной фразеологии английского языка, в дальнейшее развитие лингвистической аксиологии и когнитивно-дискурсивного направления в германистике. Предложенный понятийный аппарат и методика исследования могут быть значимы для решения фундаментальных проблем анализа непрямого

наименования, путей и средств означивания ценностей в различных языках и текстах и имеют выход в более широкие вопросы семантики и языкового функционирования (разграничение свободной и несвободной сочетаемости в языке и тексте, проблемы внутриуровневой и межуровневой синонимии, исследовательского моделирования языковых картин мира и др.).

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут найти применение в курсах стилистики, лексикологии и фразеологии английского языка, в лекциях по общему языкознанию, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, спецкурсах по когнитивной фразеологии, лингвистической аксиологии, лингвострановедению, лингвокультурологии, дискурс-анализу и лингвистике текста, в теории и практике лексикографического описания лексических подсистем английского языка. Данная диссертация может быть использована в написании учебных пособий, курсовых работ и магистерских диссертаций по теме исследования.

В качестве основных **методов** исследования использованы метод когнитивного моделирования, при котором производится выделение аксиологически маркированных моделей ситуации, представленных в ФЕ, метод концептуального анализа, метод историко-лингвистического анализа ФЕ, и метод дискурс-анализа. Также в работе применялся анализ лексикографических толкований, элементы количественного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. ФЕ английского языка являются средством фиксации ценностных ориентиров и могут быть описаны в рамках разработанной в диссертации методики исследования аксиологических значений, которая опирается на триаду «концепт» – «модель» – «признак».

2. В ФЕ, отражающих особенности внешней среды – элементы животного и растительного мира, с одной стороны, и в ФЕ, отражающих особенности внутреннего мира человека – с другой, представлено языковое воплощение эволюции базовых ценностных представлений носителей английского языка от СА к НА периоду. ФЕ обладают способностью к аксиологическим изменениям, которые выступают как проявление кумулятивной функции языка и обусловлены, с одной стороны, сменой эпох и вызванными этой сменой изменениями в социокультурной среде носителей языка, с другой стороны – особенностями дискурсивной деятельности говорящих.

3. Динамика ценностных компонентов в указанных предметно-тематических областях английских ФЕ может быть выявлена при сопоставлении этих компонентов, локализованных, соответственно, в среднеанглийском и в новоанглийском периодах. Предпринятый анализ позволяет доказать, что с течением времени, с развитием англоязычной культуры у ее носителей возрастает интерес к моральным ценностям, при сохраняющемся интересе к ценностям физического, социального, политического, экономического плана, что вызвано усилением морализаторских, дидактическо-просветительских установок в английском обществе, начиная с XVII в. в связи с развитием философии, науки, образования, литературы и публицистики, укреплением церковных и правовых институтов.

4. Когнитивные модели и оценочные признаки ФЕ, которые рассматриваются по принципу «целое» – «часть», формируются вокруг ряда базовых концептов, положенных в основу фразеономинации. Базовые концепты, в свою очередь, характеризуются набором инвариантных оценочных когнитивных признаков, объединяющих ФЕ различных предметно-тематических групп. Синхроническая инвариантность получает отражение в виде **поливалентных оценочных признаков**, повторяющихся в рамках различных концептов одного хронологического среза; диахроническая инвариантность находит свое выражение в обоснованном в работе понятии **константных оценочных признаков**, повторяющихся в рамках различных концептов двух последовательных хронологических срезов.

5. Анализ типологических классов выявленных оценочных признаков для исследуемых групп английских ФЕ позволяет показать, что концепты сферы природы реализуют по большей части социальные, эмоциональные, утилитарные и интеллектуальные оценки; в меньшей степени выражены эстетические, моральные и физиологические оценки; концепты сферы человека в большей мере объективируют оценки эмоционального, социального и интеллектуального характера.

6. Синхронно-диахронный анализ лексикографических источников позволяет выделить основные тенденции в языковой объективации ценностного компонента в концептуальном содержании сравниваемых групп английских ФЕ, что в свою очередь обуславливает возможность описать **ценностные доминанты** в английской фразеосистеме с особой культурной значимостью для языковой

картины мира этноса. Эти базовые ценностные представления репрезентированы положительными оценочными признаками «умеренность, удачливость, смелость, свобода» и пр., и отрицательными оценочными признаками «опасность, глупость, неудачливость, упрямство, непрактичность, болтливость, жадность» и пр.

7. Синхронно-диахронный сопоставительный анализ дискурсивного варьирования ФЕ указанных групп в художественных и публицистических текстах позволяет выявить и описать **ценостные доминанты**, репрезентированные положительными оценочными признаками: «опыт, умеренность»; отрицательными: «коварство, поспешность, медлительность, агрессия, смерть, невыразительность, глупость, вздорный характер» – для сферы природы в художественном дискурсе; «жизнь, тихий нрав, умеренность» (положительные); «агрессия, коварство, вздорный характер» (отрицательные) – для сферы природы в публицистическом дискурсе; «дружба, сила правды, удачливость» (положительные); «безумство любви, абсолютность смерти, старость, самонадеянность, сила лжи, диалектичность удачи» (отрицательные) – для сферы человека в художественном дискурсе; «сила любви, истинность дружбы, трудолюбие» (положительные); «безумство любви, абсолютность смерти, предательство, недальновидность, диалектичность удачи, абсолютность лжи, абсолютность бедности» (отрицательные) – для сферы человека в публицистическом дискурсе.

8. Смысовой объем ценностных компонентов в составе аксиологически маркированных моделей английских ФЕ с течением времени меняется в сторону увеличения (или экстенсии): в совокупном концептуальном содержании модели общее количество признаков новоанглийского периода превышает количество признаков среднеанглийского периода почти в семь раз, что обусловлено значительным расширением знаний о мире и существенным культурным ростом этнического сознания. При этом для обоих сравниваемых периодов общее число пейоративных признаков почти на треть превышает число мелиоративных признаков, что вызвано действием универсальной общекультурной тенденции, при которой положительные признаки существ и явлений воспринимаются как норма и потому не попадают в сферу интенсивной ценностной активности этноса, стремящегося максимально и с большой степенью расчлененности и подробности маркировать именно отрицательные признаки, чтобы очертить и зафиксировать в коллективной памяти этноса зоны значимых отклонений от нормы.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены в 51 публикации, в том числе 2 монографиях, одной статье, опубликованной в изданиях базы данных Scopus, и 27 статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК. Работа прошла апробацию на Международных конференциях в Санкт-Петербурге (2011, 2012, 2016, 2018), Белгороде (2010, 2013, 2015), Ростове-на-Дону (2013, 2015, 2017), Владимире (2011, 2013, 2015, 2016, 2017), Москве (2014, 2017), Смоленске (2005, 2007, 2008, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014), Перми (2008), Туле (2010, 2015), Кирове (2011), Курске (2013), Астрахани (2103), Трнаве (2104), Костроме (2016).

Результаты исследования обсуждались на кафедре языкоznания и переводоведения МГПУ ИИЯ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка. Объем исследования – 395 с.

Во **введении** обосновывается выбор темы, раскрывается актуальность исследования, его объект, предмет и материал, формулируются цель и задачи работы, обосновываются ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описываются методологическая база и методы исследования, определяются положения, вынесенные на защиту.

В **первой главе** характеризуется теоретический аппарат, концептуальная база, научный инструментарий и методология исследования аксиологически маркированных моделей языковой концептуализации мира, стоящих за английскими фразеологизмами средне- и новоанглийского периода в аспекте динамики их развития, и на этой основе формируется концепция исследования.

Затем по данным словарей осуществляется когнитивное моделирование значений фразеологизмов и выделение ценностных компонентов, являющихся основанием моделирования. На этой основе анализируются фразеологизмы средне- и новоанглийского периодов, отражающие ряд аспектов внешней среды (животный и растительный мир), что отражено во **второй главе**, а также внутреннего мира человека что, соответственно, отражает **третья глава** работы.

Четвертая и пятая главы работы посвящены анализу особенностей языкового воплощения динамики ценностного компонента в контексте текстовой реализации фразеологизмов английского языка среднеанглийского и новоанглийского периодов, отражающих отдельные аспекты внешней среды (животный и растительный мир) и отдельные аспекты внутреннего мира человека

(экзистенциальные, эмоциональные, этические, социально-характеризующие концепты), в художественном и массмедиийном дискурсе.

В **заключении** содержатся теоретические и практические результаты исследования и намечаются его дальнейшие перспективы.

Библиографический список включает источники текстового материала; научную литературу; словари; электронные ресурсы и составляет 467 наименований.

ГЛАВА 1. Теоретические основы лингвоаксиологического изучения фразеологизмов

В главе дается теоретическое освещение принципов современной лингвистической аксиологии как динамично развивающегося направления в науке о языке, которое воплощается во фразеосистеме языка. Это вытекает из самой сущности фразеологической системы языка как совокупного отображения представления реальности в человеческом сознании. В работе рассматриваются представления о границах фразеологии, в частности, узкое и широкое понимание фразеологизмов (последнее включает паремии в их состав), раскрываются их основные функции, на основе чего выявляется роль фразеологии в моделировании этнической языковой картины мира. Анализ основных положений описательной и исторической фразеологии английского языка позволил разработать синхронно-диахронный подход к анализу фразеологизмов, принятый в данном исследовании. Особое внимание уделяется обоснованию правомерности применения методов концептуального анализа значений, образной основы и стилистической маркированности ФЕ для выявления их оценочного потенциала, в результате чего определяются принципы когнитивного моделирования. Рассматривается языковая оценка как механизм объективации ценностей в языке, обосновывается интерпретация ценностного компонента в совокупном концептуальном содержании ФЕ и оценочных когнитивных признаков как его составных частей. Определение исходных понятий исследования позволяет дать обоснование концепции предпринятого исследования.

1.1. Национальная и культурная специфика фразеологизмов английского языка в современной парадигме лингвистического знания

1.1.1. Идеи и принципы современной лингвистической аксиологии: лингвокогнитивный и лингвокультурологический аспекты

Проблема аксиологической маркированности ФЕ неизменно привлекает внимание исследователей [Телия 1996; Маслова 2007; Ковшова 2016 и др.], что связано со становлением лингвокультурологической парадигмы в современной лингвистике [Вежбицкая 1997; Степанов 1997; Телия 1996]. Активно разрабатываются принципы анализа «языка культуры», направленного на выявление национально-культурных особенностей употребления единиц и категорий разных уровней языковой системы в языке [Верещагин, Костомаров

1980; Арутюнова 1991; Красных 2002; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Маслова 2007 и др.], в отечественной лингвистике сформировалось **лингвокультурологическое направление**, ориентированное на выявление национально-культурных особенностей употребления единиц и категорий разных уровней языковой системы в том или ином языке.

Национально-культурная специфика языка отражается в первую очередь в его фразеологическом фонде. В.Н. Телия отмечает, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996: 12]. В.А. Маслова утверждает, что «в самом формировании ФЕ, т.е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами)» [Маслова 2007: 84]. Эта связь вытекает из сущности фразеосистемы языка как совокупного отображения способа представления реальности в народном сознании: «фразеология есть фрагмент языковой картины мира, она всегда обращена на субъект, т.е. возникает не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение [Маслова 2007: 82].

При этом осознание ключевой значимости категории ценности, отражающей совокупную познавательную, регулятивную и ориентационную активность человека по отношению к природной и социальной реальности, к собственной ментальной и интенциональной сфере обусловило возникновение нового междисциплинарного направления в лингвистическом знании, которое получило наименование **«лингвистическая аксиология»** [Гизатова 2009; Темиргазина 2015; Мельничук 2017], или, в другой терминологии, **«аксиологическая лингвистика»** [Карасик 2004 а, 2005; Юнусова 2009]. Лингвистическая аксиология рассматривает язык как важнейший источник информации о ценностях. «Ценность и оценка являются центральными понятиями аксиологической проблематики в языке, составляя предмет интереса аксиологической лингвистики, или лингвоаксиологии» [Мельничук 2017: 8], именно изучение «языка ценностей» в диахроническом и синхроническом аспектах, рассмотрение свободной (окказиональной) и узуальной текстовой сочетаемости слов составляет предмет изучения лингвистической аксиологии [Юнусова 2009: 7].

На стыке лингвокультурологических и лингвокогнитивных стратегий научного поиска формируется **лингвоаксиологический подход**, в рамках которого ценностные аспекты значения рассматриваются как способ выражения категорий культуры, закрепленных в национальной картине мира [Баранов 1989: 74; Арутюнова 1999: 3; Писанова 1997: 16; Слышкин 2001: 874; Серебренникова 2011: 7; Радбиль 2017: 994; Томберг 2019 и др.]. В работах Л.К. Байрамовой для обозначения этого направления исследований вводится понятие **аксиологической парадигмы**, которое показывает соотношения универсального и идиоэтнического в языковой концептуализации ценностей и, что важно для целей предпринятого нами исследования, вводит диахронический вектор в исследование языкового выражения ценностей [Байрамова 2009: 108].

Для того чтобы оценить объект, человек должен рассмотреть его относительно своей системы ценностей. Природа оценки отвечает природе человека. Картина мира, или «идеализированная модель мира», состоит как из макромира, системы представлений человека, так и из микромира, то есть самого мыслящего субъекта [Арутюнова 1999]. При этом именно языковая объективация оценки выступает в качестве одного из важнейших средств воплощения аксиологической составляющей в картине мира этноса [Хомякова 2018; 2019].

В.А. Марьинчик отмечает, что «лингвоаксиологический анализ выявляет связь **ценность – концепт – единица языка**. Исследуя ценности и аксиологические иерархии, концепты и концептуальные поля, мы обращаемся к Слову. Слово есть хранилище ценности, ее отражение и воплощение. Связующим звеном между ценностью и словом является концепт. В этом случае концепт рассматривается как структурированная в сознании ценность. Цепочка ЦЕННОСТЬ – КОНЦЕПТ – СЛОВО (ИМЯ КОНЦЕПТА) отражает движение от содержания к форме» [Марьинчик 2011: 82].

Целостная программа изучения логических и собственно языковых механизмов выражения оценки была предложена в трудах Н.Д. Арутюновой. Так, в работе «Аксиология в механизмах жизни и языка» была предложена классификация общеоценочных («хорошо» – «плохо») и частнооценочных («вкусно» – «невкусно», «красиво» – «некрасиво», «полезно» – «вредно» и пр.) значений, введено понятие «аксиологического оператора» («хорошо / плохо, что Р.»), который позволяет отграничить ценностные высказывания от внеценостных, а также представлены параметры (планы) бытования в языке оценочных понятий (в

нашей терминологии – концептов): онтологический, психологический, деятельностный, коммуникативный – и их функции: «Понятие ценности выполняет координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную) функцию в механизмах человеческой жизни» [Арутюнова 1984: 23].

На методологической основе, заложенной в трудах Н.Д. Арутюновой, складывается **лингвокогнитивный аспект** в исследованиях по лингвистической аксиологии, в центре которого лежит представление о языковой концептуализации мира» [Апресян 1986; Булыгина, Шмелев 1997] и ее ценностная составляющая. Языковая концептуализация ценностей, результатом которой выступает ценностная картина мира, представляется как один из двух аспектов, наряду с чисто познавательным, когниции, т.е. процесса целостного лингвокогнитивного освоения действительности в разного рода форматах знания –концептуальных моделях / схемах, ситуациях, сценариях, фреймах, гештальтах и пр. [Карасик 2002; 2004 а; 2004 б; 2019; Радбиль 1996; 2006; 2017; Пищальникова, Сонин, Карданова 2008; Кононова 2010 ; Zheltukhina, Vikulova 2016].

В.И. Карасик в рамках совокупной языковой картины этноса постулирует бытие особой, **«ценостной картины мира»** [Карасик 2002]. При изучении ценностной картины мира он исходит из следующих положений:

1. ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом последняя сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей;
2. ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами;
3. между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, так возникают ценностные парадигмы культуры;
4. в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик 2004 б].

Иными словами, в рамках «ценностной картины мира» ценностные смыслы исследуются как система аксиологически маркированных концептов: «Поскольку концепты представляют собой упорядоченный, осознанный и ценностно значимый опыт, который обозначен и охарактеризован языковыми единицами, то в составе концептов можно выделить по меньшей мере три составные части – образную (совокупность представлений), понятийную (языковое обозначение этих представлений в виде имен, развернутых дискурсивных характеристик, системных противопоставлений) и ценностную (соотнесение этого опыта с системой важнейших ориентиров поведения)» [Карасик 2004 б: 24]. В.И. Карасик обосновывает важнейшие для этого подхода понятия **культурных доминант** в ценностной картине мира, которые могут быть объективно выявлены посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов и пр. [Карасик 2004 б], и **аксиогенных ситуаций**: последние представляют собой продукт языкового освоения опыта взаимодействия людей в действительности [Карасик 2004 а].

Ряд исследователей постулируют наличие в коллективном сознании этноса некоего эталонного «прототипического мира», существенного для культурного самосознания данного этноса или социума – проще говоря, национально-культурной «логики вещей», к которому носитель языка неявным образом апеллирует в опыте лингвокогнитивного осознания действительности как к воплощению норм и приоритетов, ценностных ориентиров и поведенческих реакций. Причем «прототипический мир» не существует в реальном мире. «Прототипический мир» задан как коррелят реального мира в концептуальном пространстве. Это совокупность коллективного опыта, определенных представлений о том, как бывает или могло бы быть при отсутствии нарушений рационально верифицируемых связей и отношений между элементами в заданных условиях существования [Fillmore 1988: 501; Демьянков 1995: 239; Радбиль 2006: 50].

Таким образом, лингвоаксиологический подход сформировался как относительно самостоятельное направление в науке о языке со своей проблематикой, и проводимые в его рамках работы составляют следующие группы:

1. исследования, целью которых является изучение оценки как категории в сопоставлении со смежными областями гуманитарного знания: философией, логикой, этикой, эстетикой гуманитарного знания: философией, логикой, этикой, эстетикой;
2. исследования общей теории языковой оценки, описывающие разновидности оценочных значений и способы их реализации;
3. изучение конкретных оценочных представлений в рамках этнолингвистики;
4. изучение фразеологии языка как квинтэссенции ценностных представлений и оценочного компонента в культурно-языковой семантике фразеологизма;
5. описания лингвокультурных типажей с ценностных позиций;
6. исследования оценок и моделирование оценочной структуры дискурса; эти исследования чаще всего выполняются на материале медиа-политического дискурса, так как именно эти типы обладают особым ценностным потенциалом воздействия;
7. описание фрагментов языковой картины мира и национального менталитета как отражения ценностных ориентаций носителей языка;
8. исследования, выполненные в русле истории понятий, что отражает динамическую природу ценностей [Мельничук 2017: 9].

В качестве отдельного аспекта лингвоаксиологии выделяется использование **лингвоаксиологического подхода в анализе ФЕ**. «ФЕ, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова 2007: 82].

1.1.2. Объем и содержание понятия «фразеологизм» в общей и описательной фразеологии

Фразеологизм как единица языка. Проблема выделения фразеологии как отдельной области языка была отражена в трудах Ш. Балли [Балли 1961] и развита в работах зарубежных и российских ученых [Виноградов 1977; Кунин 1970; Черная 1983; Шанский 1996; Телия 1996; Мокиенко 2007; Иванова 2003; Савицкий 2006; Kanyo 1981; Dobrovolskij 2017 и др.].

В одной из первых работ англоязычных авторов на тему ФЕ [Smith 1948] к числу фразеологизмов причислены глаголы с послелогами (фразовые глаголы). У. Чейф рассматривает ФЕ как нечто «аномальное» [Chafe 1968: 109] с точки

зрения классической структурной лингвистики. Его современники концентрируют внимание на изучении типологии и семантики ФЕ [Weinreich 1969; Kooij 1968; Makkai 1972]. В данных работах признается неделимость значения ФЕ при раздельнооформленности составляющих его элементов-словоформ, а также большое внимание уделяется синтаксическому аспекту связных сочетаний.

До сих пор в науке существуют разные мнения по поводу статуса фразеологии: некоторые ученые рассматривают ее как самостоятельный уровень языка [Жуков 1978; Молотков 1977], другие – в качестве самостоятельного подуровня на лексическом уровне языка [Виноградов 1977; Шанский 1996 и др.], подчеркивая при этом ее особый, переходный статус между лексикой и синтаксисом. Взаимосвязь между синтаксисом и степенью «спаянности» значений фразеологических единиц отмечается и в трудах современных зарубежных авторов [Pamies-Bertrán 2018]. ФЕ – это сочетания, «в которых смысл отдельного слова в той или иной степени бледнеет, убывает до полного исчезновения, смысл же словосочетания как целого при этом выигрывает, приобретая новые семантические качества, развивая дополнительное, а нередко и совершенно новое значение по отношению к сумме тех значений, которые содержатся в словах, входящих в подобное сочетание» [Бабкин 1970: 9]. ФЕ – это специфические по своим свойствам языковые единицы, сходные по своим семантическим и функциональным характеристикам со словом (лексемой), а по структурным и формальным характеристикам – со свободным словосочетанием, но не сводимой ни к тем, ни к другим единицам. Как отмечает А.И. Молотков, «ФЕ и слово не эквивалентны, они не тождественны друг другу, не адекватны как единицы языка, они не повторяют друг друга и не заменимы один другим. ФЕ – это особая единица языка, характеризующаяся, … совокупностью нескольких признаков. Только у ФЕ совокупность категориальных признаков иная, чем у слова. Признаки эти следующие: а) лексическое значение, б) компонентный состав и в) грамматические категории» [Молотков 1977: 29].

Объем и содержание понятия «фразеологизм». Эта особая единица сначала называлась идиомой (Ш. Балли), затем получила название *фразеологизм* (А.И. Молотков), *фразема* – по аналогии с лексемой (Д.О. Добровольский), или, вслед за В.В. Виноградовым – *фразеологическая единица*.

В настоящей работе принимается определение ФЕ А.В. Кунина: «устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин

1972: 8]. В качестве главного критерия ФЕ А.В. Кунин рассматривает такой признак, как устойчивость, которая основана на свойственных ей различных типах инвариантности, т.е. неизменяемости тех или иных элементов при всех нормативных изменениях. Выделяются следующие виды инвариантности или устойчивости (неподменяемости):

1. Устойчивость употребления. Показателем этого типа устойчивости является воспроизведение в готовом виде.

2. Структурно-семантическая устойчивость: ФЕ состоит не менее чем из двух слов, является раздельнооформленным образованием и не может служить образцом для создания аналогичных ФЕ по структурно-семантической модели.

3. Семантическая устойчивость. Инвариантность полностью или частично переосмысленного фразеологического значения опирается на: а) стабильность переосмысления значения; б) наличие тождественного значения и лексического инварианта во фразеологических вариантах; в) наличие семантического и лексического инварианта при всех возможных различиях в структурных синонимах.

4. Лексическая устойчивость компонентов или возможность нормативной замены компонентов в рамках фразеологической варианты или структурной синонимии при обязательном сохранении семантического и лексического инвариантов.

5. Синтаксическая устойчивость, т.е. полная неизменяемость порядка компонентов ФЕ или изменение порядка компонентов в рамках варианты [Кунин 1972: 6–8].

Узкое и широкое понимание фразеологизмов. В настоящее время в лингвистике отсутствует единство в определении границ фразеологии. Традиционное понимание, которое можно обозначить как узкое, относит к сфере фразеологии только устойчивые сочетания, которые образовались на базе единиц непредикативного характера – подчинительных и сочинительных сочетаний слов [Молотков 1977; Мелерович 1978; Телия 1996; Мокиенко 2005; Баранов, Добровольский 2008; Мелерович, Мокиенко 2011]. Тогда сферу устойчивых сочетаний предикативного характера, к которой принадлежат поговорки, пословицы, загадки, относят, соответственно, уже к другой области языка – к области паремиологии [Жуков 2004; Аникин 2001 и др.]. ФЕ приближаются по объему передаваемой аксиологической информации к словам общей оценки

«хорошо/плохо», тогда как пословицы содержат моральное суждение в законченном виде [Черданцева 1996: 66]. Паремийный фонд можно рассматривать как моральный код, предназначенный для структурации всех форм жизни человека: физической, психической, социальной и природной [Fleischer 1991: 35].

Однако в науке о языке существует и альтернативная точка зрения на границы фразеологии, которая известна как широкое понимание и которой мы придерживаемся в настоящем исследовании. Согласно этой точке зрения пословицы, а также другие устойчивые предикативные единицы – цитаты, афоризмы, так называемые «крылатые слова» – следует включать в состав фразеологии, так как пословицы и поговорки с фразеологизмами объединяет наличие следующих общих признаков: воспроизводимость в готовом виде, связное (фразеологическое, идиоматическое) значение, устойчивость компонентного состава, экспрессивно-оценочная окрашенность [Виноградов 1977: 567; Жуков 1986: 148; Ляпон 1988: 158; Шанский 1996: 23; Максимов 2003: 31; Буторина, Миронова 2013: 40 и др.].

Лексико-грамматическое значение не затрагивает индивидуальных семантических особенностей ФЕ, так как характеризует целый класс однородных в лексико-грамматическом отношении единиц. Грамматически опорный компонент выполняет знаковую функцию, которая позволяет отличать его от других компонентов, которые не указывают на лексико-грамматическое значение всей ФЕ. Данный пласт значения системно объединяет ФЕ и паремии в один разряд, выступая в качестве специфичного общего элемента фразеологического значения [Жуков 1975: 36].

В современной зарубежной лингвистике также постепенно упрочивается широкое понимание ФЕ. Так, термин «фразема» используется как гипероним, включающий все виды фиксированных последовательностей с более чем одной лексемой, вытекающие из грамматической метафоры [Pamies-Bertran 2017: 59].

Паремии, вместе с афоризмами, максимами и слоганами некоторые исследователи относят к числу «коммуниктивных фразем», исходя из их коммуникативной функции [Granger, Paquot: 2008 42]. Они эксплицитно выражают мнение говорящего, привлекают внимание слушающего к своим мнениям, убеждениям (в нашей терминологии – оценкам – А.Л.) повлиять на него. В последнее время некоторые зарубежные авторы [Sinclair 2004; Siyanova-Chanturia; Martinez 2014] вводят в употребление термин *multi-word expressions* (MWEs),

соответствующий русскому «связные сочетания», или ФЕ в широком значении, к числу которых относят пословицы и поговорки, или «formulaic units». Ряд исследований показал, что связные сочетания обрабатываются сознанием иначе, чем свободные коллокации. Условия, при которых ФЕ «хранятся, извлекаются целиком из памяти» [Sinclair 2004: 9], во многом зависят от ряда «переменных», таких как частотность употребления и композиционность.

В настоящей работе, придерживаясь широкого понимания фразеологии, мы включаем в состав ФЕ также и паремии, содержание которых охватывает разные области национальной культуры. Пословично-поговорочный фонд в составе фразеологической сферы языка, несомненно, имеет свои особенности, в сравнении с так называемыми «традиционными» фразеологизмами. Они способны отражать действительность как национально-культурные высказывания, которые являются обобщенно-образными, синтаксически замкнутыми семантически целостными конструкциями, выражающими специфику жизни и быта каждой отдельной общности людей, и выполняют директивную функцию [Пирогов 2003: 7].

Разные единицы пословично-поговорочного фонда имеют разный потенциал в языковом освоении действительности. Так, пословично-поговорные клише можно разделить на две группы исходя из их грамматической структуры [Пермяков 1970]. Представители первой группы получают конкретный смысл и окончательное оформление только в контексте, откуда они черпают недостающие элементы. К их числу относятся фразовые глаголы. Представители второй группы фигурируют в высказываниях в неизменном виде. К их числу относятся пословицы и поговорки. Единицы первой группы автор относит к незамкнутым или не полностью клишированным элементам, единицы второй группы – замкнутые – клишированы от начала и до конца. Предложения, состоящие из одних постоянных членов и потому не изменяемые и не дополняемые в речи, т.е. представляющие собой замкнутую структуру, есть пословицы. Незамкнутые структуры, обретающие конкретный смысл в речевой ситуации, относятся к поговоркам.

Возможно также разграничить паремии относительно степени их обобщенности – одни из них повествуют о частных событиях или исключительных случаях, тогда как другие описывают закономерности, регулярно повторяющиеся явления, постоянные правила или обычаи. К частным паремиям относятся все «незамкнутые» единицы, то есть поговорки, а также часть пословиц. Обобщенные единицы составляют класс пословиц [Пермяков 1970: 9]. Существует также

подход, согласно которому единицы языка разделяются на основе свойства устойчивости / изменчивости в зависимости от конкретного речевого окружения. Помимо авторских окказионализмов выделяются устойчивые языковые образования, которые регулярно воспроизводятся «в готовом виде» в речи, а также неустойчивые или переменные языковые единицы, которые каждый раз заново конструируются в речи [Кулаева 2003: 7].

В целях нашего исследования важно, что связные сочетания обоих типов (непредикативные и предикативные) представляют собой особый вид высказываний, в сжатой форме выражающих моральные нормы и носящих образный характер [Маркова 2000: 114; Gibbs 1994: 98]. Исследуемые единицы образуют достаточно обозримый и законченный участок языковой системы, в котором реализуются как языковые концептуальные образования и представляют собой важный участок картины мира [Иванова 2004: 20].

Семантика фразеологических единиц. Специфика ФЕ определяется своеобразием *фразеологического значения*. ФЕ экспрессивно-эмоционально окрашивает тот смысл, носителем которого она является, уподобляясь тем лексемам, которые не столько называют лицо, предмет, процесс или явление, сколько «обзывают» их, характеризуют и обнаруживают отношение говорящего к объекту речи [Бабкин 1970: 10].

Одной из отличительных черт ФЕ является ослабление буквального значения его компонентов, которое отходит на задний план, подчиняется общему значению ФЕ [Кунин 1970: 323; Черная 1983: 132; Савицкий 2006: 185]. В целом своеобразие фразеологизма определяется как характером его семантики, так и особенностями его состава и структуры.

Процесс фразеологизации понимается как «следствие глубоких семантических процессов, вызванных метафорическим переосмыслинением свободных словосочетаний эквивалентного состава» [Жуков 1986: 45]. По мнению Н.М. Шанского, специфика значения ФЕ проявляется в его вторично-номинативном характере, обобщенности, эмоционально-экспрессивности и наличии функционально-стилевой, собственно-стилистической или оценочной коннотации [Шанский 1996: 48]. ФЕ призваны не к прямой номинации явления или лица, но к его квалификации, характеризации. Кроме того, фразеологизм, как правило, является результатом образно-метафорического переосмыслинения значений слов, входящих в свободное словосочетание – его прототип.

В основе интерпретации значения ФЕ лежит анализ внутренней формы высказывания, что поддерживается большинством языковедов [Потебня 1999; Пирогов 2003; Прохорова 1986; Беляевская 2005; Иванова 2003; Комлев 2003; Латина 1991; Fleischer 1991 и др.]. Внутренняя форма ассоциативна по своей природе, являясь средством актуализации в сознании говорящих целостного представления об обозначаемом, складывающегося в наглядный образ [Гриднева 1999: 55]. По определению Н.Ф. Алефиренко, внутренняя форма ФЕ представляет собой «отношение смыслового содержания фразеологического концепта к сознанию говорящего» [Алефиренко 2008: 50]. «Внутренняя форма, – утверждал А.А. Потебня, – есть центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [Потебня 1999: 125]. Признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными, поскольку воспроизводится в сознании постоянно при употреблении данной единицы, остальные же признаки возникают в сознании лишь изредка [Потебня 1999: 122]. Внутренняя форма является концентрацией смысла, что порождает сложный ассоциативный механизм движения мысли от абстрагированных сущностей, которые являются отражениями дискретных элементов действительности, к их образной объективации в номинативно-коммуникативно-знаковые [Пирогов 2003: 7].

Функции фразеологизмов. Исследователи ФЕ выделяют ряд функций рассматриваемых единиц. Прежде всего, они выполняют в языке *номинативную* функцию – одну из важнейших функций языковых единиц. Своебразие номинации ФЕ заключается в том, что в отличие от слов и словосочетаний, именующих объекты и понятия, ФЕ номинируют «*типовыe жизненные ситуации*» и «*типовыe отношения*» между объектами [Лазарева 1994: 5; Иванова 2004: 33; Семененко, Шипицина 2005: 31]. Номинативный характер ФЕ позволяет рассматривать ее как единицу языка.

Выделяется также *кумулятивная* функция. На протяжении веков ФЕ являлись средством фиксации и хранения информации о постигнутой человеком действительности [Иванова 2002: 33]. Составной частью ее является *аксиологическая* функция, важная для передачи системы ценностей культуры [Семененко, Шипицина 2005: 34].

Кумулятивная функция тесно связана с *дидактической* функцией. ФЕ в директивной форме передают импульсы воздействия от говорящего к слушающему, служат средством воспитания и формирования личности.

В.П. Аникин выделяет также *познавательно-прагматическую* функцию, которая состоит в передаче и закреплении знаний и имеет обобщенный дидактический характер, направлена на упорядочивание социальной и природной жизни человека. *Социально-регулирующая* функция находится в прямой связи с прагматической функцией и направлена на передачу информации о бытовых представлениях и поддержание кодекса поведения. *Религиозно-магическая* функция непосредственно связана с наивными представлениями людей о строении мира, является следствием незнания ими истинных причин природных явлений. *Художественная* функция обеспечивает потребность индивида выражать чувства при помощи усвоенной системы образов и понятий. Воспринимаемые образы отражаются в ритмических и структурно упорядоченных формах [Аникин 2001: 25].

В соответствии с современными когнитивно-ориентированными представлениями о фразеологии прототипические ФЕ выполняют также *идеативную* функцию [Fernando 1996: 1], т.е. отражают способность человека к формированию и восприятию идей и, следовательно, носят концептуальный характер.

Национально-культурная специфика фразеологизмов. В современной лингвистике ФЕ рассматриваются как национально-культурные высказывания, которые являются обобщенно-образными, синтаксически замкнутыми семантически целостными конструкциями, выражающими специфику жизни и быта каждой отдельной общности людей [Пирогов 2003: 7]. В них дана оценка знаний человека о мире, через нее строится определенная жизненная установка, некая «программа поведения» [Иванова 2003: 162]. Таким образом, ФЕ отражают способ представления смысла в языке, который выявляется при буквальном прочтении ФЕ и соотносится с шаблонной, стереотипной ситуацией, как правило, хорошо знакомой и понятной носителям языка. Е.В. Иванова говорит о «когнитивных моделях пословиц», которые представляют «пропозициональные элементы знания», встречающиеся как в одной, так и в нескольких высказываниях [Иванова 2002: 56].

Из вышесказанного вытекает проблема выявления национальной и культурной специфики фразеологии как одного из базовых репрезентантов национальной языковой картины мира. Фразеология в системе любого языка имеет особую культурную значимость «как экспрессивно-образное воплощение

«духовной энергии народа» [Гумбольдт 1984], его неувядающей фантазии в процессе создания национально-языковой картины мира» [Алефиренко, 1993: 67]. А.М. Бабкинотмечает, что «фразеологический фонд языка народа, национальное идиоматическое достояние – вот тот живой и не иссякающий источник, который обеспечивает обогащение литературного языка новыми выразительными возможностями и средствами. Воздействие этого источника придает языку яркость черт национального характера и тот неповторимый колорит, который отличает один от другого как языки многовековой культуры, так и вновь слагающиеся и закрепляемые письменностью литературные языки» [Бабкин 2009: 5].

ФЕ в яркой и чеканной форме отражают факты живой действительности [Пермяков 1970: 8], кроме оценки бытовых реалий они обобщают также и философский опыт осмысления жизни. Содержание фразеологизмов охватывает все стороны природы и социума: рельеф, небесные светила, породы животных и виды растений, образ жизни, социальные группировки и религиозные установления, все природные и культурные объекты [Мелетинский 2000: 173].

1.1.3. Роль фразеологии в моделировании этнической языковой картины мира: национально-культурная обусловленность фразеосистемы языка

Основой для развития теории языковой картины мира послужили идеи В. фон Гумбольдта, который понимал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», как средство, «заложенное в самой природе человека и необходимое для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [Гумбольдт 1984: 51]. Л. Витгенштейн вводит термин «картина мира» в науку о языке, полагая, что посредством анализа и «репрезентации» структуры языковых выражений можно получить представление не только о внелингвистической реальности, но и о характере жизнедеятельности людей [Витгенштейн, 2009: 34]. В языке можно выделить наслоения различных мировоззрений, или следовавших друг за другом, или же отражающих собою различные стороны явлений природы и общественной жизни.

В современном гуманитарном знании научный концепт «картина мира» является востребованным. Создание первых картин мира у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза [Серебренников 1988 а: 11]. Картина мира есть целостный глобальный образ мира, это результат духовной активности человека. Она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром и «формируется в

процессе синтеза результатов познавательных и оценочных процессов» [Залевская, 1991: 59]. Сознание человека, формирующее идеальный образ внешнего мира, есть не только знание об объекте познания, противостоящее субъекту, это также есть некое эмоционально окрашенное «переживание», а в эмоциях гносеологическая противоположность субъективного и объективного исчезает, поэтому субъект и объект переживаются как единое целое [Афанасьев 2002: 37].

Картина мира состоит из множества элементов – стереотипных представлений, которые получают у носителей языка более или менее одинаковую смысловую нагрузку и вырабатываются для успешного осуществления процесса коммуникации [Parsons 1994: 21; Карданова 2010; Фомина 2009]. Д.О. Добровольский отмечает, что: «духовное присвоение действительности происходит под воздействием родного языка, так как мы можем мыслить о мире только в выражениях этого языка, пользуясь его концептуальной сетью, то есть, оставаясь в своем «языковом круге». Следовательно, разные языковые сообщества, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся, по сути, основанием национальных культур» [Добровольский, 1990: 41].

Ю.Д. Апресян предлагает понятие «наивная картина мира»: выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая является обязательной для всех носителей языка [Апресян 1986: 5]. Под термином «наивная картина мира» не следует понимать нечто примитивное или алогичное. Во многих случаях наивные представления человека о мире не менее сложны и интересны, чем научные [Апресян 1995: 349]. Мыслительная деятельность носителя наивной картины мира образна, она проявляется через веру в силы неощутимые для чувств, но воздействующие на все сферы жизни человека [Леви-Брюль 1999: 29]; наивное мышление стремится с максимальной ясностью выразить все дифференцирующие свойства вещи, особенности процесса, нюансы действия [Кассирер 2002: 227]. Современное понимание языковой картины мира отражается в следующих положениях Ю.Д. Апресяна: «Языковые значения связаны с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные

принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными» [Апресян 1986: 6]. Под языковой картиной мира понимается также «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 9; Карданова 2010: 61].

В целях нашего исследования важно подчеркнуть, что в рамках совокупной языковой картины мира, согласно избранному нами лингвоаксиологическому подходу, постулируется «ценностная картина мира» [Слышкин 2004; Писанова 1997; Биженкова 2004; Карасик 2004; Чекулай 2007; Гальскова, Тарева 2004] (См. раздел 1.3.). При этом в формировании и функционировании указанных феноменов огромную роль играют ФЕ (в широком смысле слова, включая и паремические языковые образования) как кристаллизованный и объективированный опыт взаимодействия этнического сознания с внешней средой. Сама природа ФЕ связана с когнитивной деятельностью человека – познанием человеком мира и накопленным в результате опытом [Телия 1996; Маслова 2007; Ковшова 2016].

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, относят также традиции, обычаи, обряды, бытовую культуру, тесно связанную с традициями, повседневное поведение (привычки представителей культуры, принятые в социуме нормы общения), «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей народа, а также художественную культуру, отражающую традиции того или иного этноса [Тер-Минасова, 2000: 56].

Несомненно, что именно в ФЕ отражается весь комплекс духовной работы этноса по ориентации в мире, «отпечатывается» стиль его мировидения, система ценностей. Возникает закономерный вопрос: какие же конкретно аспекты национально-культурного своеобразия может запечатлеть фразеологизм:

1. фрагменты устоявшихся форм образно-мифологического видения мира природы;
2. определенная концепция человека, его социальных и культурных связей, его внутреннего мира;

3. некоторые типизированные формы народного мышления, способы образно-ассоциативной связи понятий, количественного членения мира и распределения признаков, связей и отношений того или иного явления;
4. способы оценки того или иного явления;
5. система идеалов и ценностей, нравственных норм и образцов;
6. народные представления о красоте;
7. система религиозных и мифологических представлений;
8. определенные этапы социокультурного развития, исторические события, социальные институты, бытовая обрядность [Маслова 2007: 164].

В языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет, служащий для нее «духовной оснасткой», «психологическим инструментарием» [Телия 1988: 87].

Д.О. Добровольский и Е. Пиирайнен излагают свою фразеологическую теорию (*Conventional Figurative Language Theory*) [Piirainen 2008; Dobrovol'skij, Piirainen 2010: 73-96], которая основывается на образном характере ФЕ, их мотивированности и культурной обоснованности. Образная ФЕ интерпретируется на двух различных концептуальных уровнях: первичном уровне, т.е. на уровне его «буквального» значения (внутренней формы), лежащей в его основе, а также вторичном уровне, т.е. на уровне ее образного значения, причем образная составляющая берет на себя роль «семантического моста» между двумя уровнями.

Иными словами, фразеология является областью языка, где само содержание культуры данного коллектива в определенную эпоху отображается более или менее непосредственно. Этой точки зрения придерживается и В.Н. Телия, отмечая, что в образах, соответствующих их «буквальному» прочтению, закреплены и воспроизводятся в процессе употребления языка фрагменты обиходно-эмпирического, исторического и духовного опыта, связанного с его культурными традициями [Телия 1988: 69].

Необходимо разграничивать национальную специфику ФЕ и их культурную специфику [Гак 1997]. Национальная специфика ФЕ наиболее ясно выделяется при сопоставлении разных языков и формируется под влиянием как объективного, так и субъективного факторов. Культурная специфика ФЕ определяется соотнесением

ее с элементом материальной или духовной культуры общества, его истории, верований, природно-географического ареала, в котором живет народ [Гак 1975: 261]. Характерным примером культурно-обусловленных, но лишенных национальной специфики фразеологических единиц, могут быть библейзмы: англ. *to eat of the fruit of knowledge* ‘вкусить от древа познания’, *sift the grain from the chaff* ‘отделить пшевелы от пшеницы’.

Повышенный интерес к объективному фактору, формирующему национально-культурную специфику ФЕ, характерен для представителей лингвострановедческого подхода к исследованию языковых явлений, которые применительно к фразеологии ставят своей задачей прежде всего экспликацию «фоновых знаний» (background knowledge), содержащихся в семантике ФЕ. Подобные знания обусловлены экстравелингвистическими факторами, т.е. особенностями экономики, географического положения, общественного устройства, искусства, наук, быта, обычая народа [Мальцева 1991: 10].

По мнению основоположников лингвострановедческого направления Е.М.Верещагина и В.Г. Костомарова, национально-культурные элементы семантики могут проявляться на трех различных уровнях плана содержания ФЕ [Верещагин, Костомаров 1980: 85]. ФЕ могут отражать национальную культуру как нерасчлененно, т.е. своими значениями, так и расчленено, т.е. единицами своего состава. Это могут быть так называемые «уникальные компоненты» (чаще всего архаизмы), безэквивалентная лексика (культурно-этнические реалии, топонимы, экзотизмы и так далее). Национально-культурные элементы семантики могут отражаться в прямом значении совокупного словесного комплекса, лежащего в основе ФЕ. В подобных ФЕ «закодированы» многочисленные народные обычаи, традиции. Национальное своеобразие может также проявляться в частотности употребления того или иного компонента ФЕ, той или иной структурно-семантической модели. К формам проявления национально-культурной специфики ФЕ относят также особенности народного юмора, присутствующего в семантике ФЕ, а также общую идеологическую направленность фразеологического фонда.

Национально-культурная специфика ФЕ может проявляться на уровне их компонентов, которые несут смысловую нагрузку. В этой связи возникает необходимость исследовать ФЕ сквозь призму культуры. В большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, они хранятся во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придает ФЕ

культурно-национальный колорит, «цель исследователя – вскрыть культурно-национальную коннотацию» [Маслова 2007: 82]. По мнению Ю.П. Солодуба, основу семантики ФЕ составляет фразеологический образ, который чаще всего и сохраняет национальную специфику ФЕ, поскольку он во многих случаях опирается на реалии, известные представителям одной нации [Солодуб, 1998: 57].

Кроме внутренней формы ФЕ и национально-культурной коннотации, национально-культурную специфику ФЕ можно обнаружить также и в особенностях его лексического состава, морфолого-сintаксических свойствах слов, составляющих ФЕ – ведь специфика фразеологии в том, что в ней в большей или меньшей степени отражаются все основные особенности других уровней языка. Немаловажен в этом аспекте и учет дискурсивного варьирования фразеологизмов, а также возможности их семантического и / или pragматического преобразования.

1.1.4. Проблемы синхронно-диахронного описания английской фразеологии в свете национальной и культурной специфики

Все вышеуказанные характеристики фразеосистемы отражали преимущественно синхронический подход к описанию фразеологизмов, доминирующий в парадигме современного лингвистического знания. В целях данного исследования для обоснования предпринятого в работе синхронно-диахронного подхода необходимо рассмотреть традиции и современное состояние диахронических исследований в отечественной и зарубежной фразеологии.

Изучение фразеологического состава разных языков в диахронии ведет ряд исследователей [Палевская 1972; Назарян 1976; Мокиенко 2017; Шанский 1996; Береговская 1999; Арсентьева 1986; Васильев 2011; Коцюбинская 2014; Баско 2018 и др.]. Изучаются происхождение языковых единиц, делаются попытки установить источники фразеологического фонда, исследуются библеизмы, заимствования из других языков, переход афоризмов и крылатых фраз в состав фразеологии [Архангельский 1964; Зимин 1990; Бабкин 2009; Мокиенко 1980; Солодухо 1989].

Исследователи выстраивают структурные и семантические типологии, изучают синонимические отношения между ФЕ, изучаются их варианты, зафиксированные в словарных источниках, определяются переменные и постоянные составляющие ФЕ и их стилистика, возможность инкорпорации ряда тропов и фигур во фразеологические тексты. Отметим, что исследования второй

половины двадцатого века традиционно имеют преимущественно сравнительно-сопоставительный или лексикографический характер.

Б.А. Ларин выдвинул задачу «установления объективных закономерностей образования и развития несвободных словосочетаний», выявления причин отклонения от норм языка в ФЕ в сопоставлении со свободными словосочетаниями и предложениями [Ларин 1977]. «Лексикографы, – писал Б.А. Ларин, – констатируют отклонения в значении слов, входящих в устойчивые сочетания, приводят и поясняют их в словаре, но не их дело, по крайней мере, с тех пор, как выделилась фразеология, устанавливать шкалу обесцвечивания, размывания значений слов-компонентов в идиомах, не их дело – установить полную схему соотношений смыслового ядра подчиненных элементов значения идиомы, не их задача – история формальной и смысловой структуры несвободных словосочетаний» [Ларин 1977: 203]. Все эти задачи в настоящее время можно рассматривать как задачи диахронического фразообразования.

Н.М. Шанский формулирует «программу» диахронического языкознания:

1. определение исконного или заимствованного характера ФЕ;
2. установление времени его появления в языке как определенной значимой единицы с данным значением, лексико-грамматическим составом и структурой;
3. реконструкция его исходной формы и структурно-семантического характера;
4. выяснение образа, положенного в основу ФЕ [Шанский 1996: 164].

Многие англоязычные авторы, использующие диахронический подход в изучении фразеологии [Stevenson 1949; Collins 1964; Radford 1973; Hendrickson 1987], так же, как и современные им отечественные исследователи, изучают историю возникновения ФЕ, занимаются вопросами лексикографии ФЕ, задействуя различные концепции. Лонгитюдные исследования (изучение фразеологизмов как составных частей текста) [Levoranto, Roch, Nesti 2007: 473-494]. изучают различного рода дискурсивные элементы, обращаются к «мультимодальному дискурсу (multimodal discourse)», причем и в синхронической, и в диахронической перспективе [Mieder 2010]. Некоторые исследователи применяют методы статистического анализа для того, чтобы проследить характер изменчивости моделей, используемых для построения как свободных коллокаций, так и ФЕ [Winter, Wieling 2016: 7-18; Kirby 2001: 102-110].

В силу того, что национально-культурная маркированность ФЕ проявляется как на уровне их символики, основанной на эталонах, стереотипах, так и на уровне

соотнесенности их семантики с особенностями социокультурного и исторического развития этноса, его духовной эволюции, очевидна необходимость учета диахронических особенностей в формировании и функционировании ФЕ. Учет всех указанных факторов в синхронно-диахронном анализе английских ФЕ на основе научного инструментария когнитивной лингвистики, а именно – концептуального анализа фразеологизмов в их функционировании и развитии позволит получить оптимальное описание выбранной системы ФЕ.

1.2. Лингвокогнитивный подход к анализу концептуального содержания фразеологизмов: к проблеме когнитивного моделирования

1.2.1. Основные термины и понятия концептуального анализа в когнитивной лингвистике

В настоящем исследовании английские ФЕ как рефлексы когнитивного моделирования рассматриваются с позиций современного концептуального анализа. Рассмотрим основные теоретические положения, связанные с этим направлением исследования национальной и культурной специфики устойчивых единиц языка, и определим ключевые метапредставления, в число которых входит в первую очередь интерпретация концепта.

Концепт. Человеческое мышление – когниция – рассматривается современными учеными как динамический процесс, который позволяет получать, структурировать и хранить информацию в виде системы представлений – концептов, представленных соответственно в языковом выражении [Fauconnier 1999: 96; Langacker 1973: 3; Langlotz 2006: 58; Сулейманова., Фомина 2010: 25 и др.].

В. Эванс определяет концепт как фундаментальную единицу знания, центральное понятие для процесса категоризации [Evans 2007: 31]. Категоризация для языка представляется одной из основополагающих и всеобъемлющих процессов (pervasive), затрагивающих все сферы языковой деятельности [Bybee 2010: 7]. Множество концептов образует концептуальную систему, или **концептосферу языка**.

В современной лингвистической науке о языке нет общепринятого подхода к определению объема и содержания понятия «концепт». А.Д. Кошелев указывает на несводимость к одному знаменателю концепций Дж. Лакоффа, И.А. Мельчука, Р. Лангакера, Т. Гивона, Ч. Филлмора [Кошелев 2015: 1]. Наличие разных точек

зрения на концепты констатируется и в работах [Маслова 2007; Попова, Стернин 2007; Радбиль 2016 и др.]

Концепт можно рассматривать как продукт динамических ментальных процессов, в основе которых лежит категоризация. Концепт, таким образом, выступает как результат мыслительной деятельности, направленной на систематизацию наших знаний о мире является [Ungerer, Schmid 2006: 7]. Концепт представляет мысленные образы предметов и существует прежде лингвистических процедур, то есть он сформирован до того, как станет известно обозначающее его слово [Fitch 2010: 152].

Существует два противопоставленных направления в истолковании процесса формирования концептов. Первое направление истолковывает деятельность человеческого сознания по аналогии с компьютером. Так, Н. Хомский и Р. Джакендофф описывают человеческий мозг и человеческое сознание в терминах информатики, так, мозг они сравнивают с «компьютерным железом» – электронными носителями информации, тогда как сознание человека сопоставляется с программным обеспечением, которое в компьютерном сленге называется «софтом» [Chomsky 2000:18; Jackendoff 2002: 21].

Другое направление отстаивает несводимость ментальной деятельности по образованию концептов к принципам работы любой познающей системы, в том числе искусственной, постулируя специфичность человеческого типа когниции. Так, один из наиболее ярких представителей американского когнитивизма Дж. Фодор разработал теорию «нативизма». Он отстаивает идею о том, что человек характеризуется врожденным потенциалом использовать базовые понятия [Fodor 1995]. В некоторых работах Н. Хомского также признается, что способность к языку является уникальным свойством человека, и, следовательно, когнитивная деятельность человека может иметь врожденный характер [Chomsky 2005: 1–22].

Однако идеи Дж. Фодора не сводимы только к теории «нативизма». Автор говорит также о том, что концепт не в последнюю очередь определяется внешними по отношению к языковой системе факторами. Взаимоотношения между ментальными образованиями в рамках человеческого сознания характеризуются качественно иными связями, если их сравнивать с теми, которые существуют между собственно ментальными образованиями (*mentalese*) и языковыми средствами их объективации. Ментальные образования являются результатом мыслительных процессов, которые носят характер количественного и

качественного описания рассматриваемых вещей (mental processes are characteristically computational) [Fodor 1995: 7]. Дж. Байби также отмечает динамический характер мыслительных процессов, происходящих в естественном языке [Bybee 2010: 1].

А. Вежбицкая разделяет представления о том, что нужно признать объективное существование в сознании человека ряда концептов, которые имеют не приобретенный, а врожденный характер [Вежбицкая 2011: 41]. При этом исследователь отмечает, что врожденными не могут считаться культурно-специфические концепты, возникающие в разных языках. Врожденными могут считаться лишь концепты, обнаруживающиеся во всех языках. Эти концепты именуются исследователем «семантическими примитивами». В целях нашего исследования важно, что семантические примитивы включают в свой состав компоненты «хороший» и «плохой», т.е. аксиологические концепты. Примитивы «хорошо» и «плохо», в отличие от прочих, не зависят от специфической составляющей той или иной культуры. Они характеризуются универсальной эмоционально-оценочной нагрузкой [Вежбицкая 1999: 523].

В современном лингвистическом когнитивизме плодотворной оказалась попытка описать базовые форматы знаний, исходные элементы когниции через обращение к прототипическим структурам [Rosch 1975; Lakoff 1987 и др.]. Изучая концептуальные образования, Э. Рош приходит к выводу о том, что в нашем сознании концепты являются вместилищем определенного набора характеристик. Автор рассматривала минимальные смысловые элементы, в основе которых лежит, прежде всего, наглядный, образный компонент, который обретает свое место в сознании в результате контактов с миром. Изучая предметы реального мира и их ментальные отражения, Рош приходит к мысли о том, что концепты представляют собой типизированные представления о вещах, чем больше конкретный отдельно взятый предмет реального мира воплощает в себе типичных характеристик, тем ближе он к образцу, или **прототипу**. Важно отметить, что Э. Рош рассматривает признаки, не взятые в отдельности, а как некую совокупность, которая может быть систематизирована.

Но мир не состоит из идеальных вещей. Существуют целые группы предметов, характеризующиеся минимальным набором релевантных для определенной категории признаков, позволяющих причислить их к числу данной категории. Это маргинальные члены категории [Ungerer, Schmid 2006: 32].

Минимальных элементов смысла множество, некоторые из них могут характеризовать несколько концептов, поэтому границы между некоторыми концептами нечетки (fuzzy nature of category boundaries). У. Тейлор отмечает, что прототипы могут храниться в сознании человека в виде образов [Taylor 2008: 39]. Он указывает на важную проблему, наблюдалась у признакомо ориентированном подходе к описанию действительности. Существуют некоторые признаки, которые трудно описать в отрыве от категории, которую они призваны описать. Изучая прототипы на основании сопоставления признаков, важно изучать не только наличествующие признаки, но и признаки отсутствующие (default values), иными словами, лакуны. Многие слова – выразители прототипов полисемантичны, и, соответственно, в каждом из своих значений характеризуются наличием разного набора признаков [Geeraerts 2006: 145].

Ряд исследователей указывает на то, что прототипизация как динамический процесс имеет всеобъемлющий характер [Lakoff 1987; Vybe 2010; Fowler 2015: 27]. Дж. Фодор [Fodor 2007; 2010] вслед за Э. Рош признает наличие минимальных элементов смысла, которые способствуют бесконечному разнообразию сочетаний языковых элементов разных уровней языка. Они организуются в сознании подобно тому, как единицы речи строятся во фразы, подчиняясь синтаксическим законам. Значения слов подобны атомам в первоначальном виде, они неделимы.

В работах А. Вежбицкой также постулируется, что ментальная система, отраженная в любом языке мира, представлена базовыми единицами, в качестве которых выступают элементарные смыслы – «семантические примитивы» [Вежбицкая 2001: 27]. Автор исходит из положения о том, что «семантика может иметь объяснительную силу, только если ей удается определить или истолковать сложные и темные значения с помощью простых и самопонятных» [там же]. Значение нельзя описать, не пользуясь неким набором элементарных смыслов. Человеческое сознание характеризуется наличием ряда «врожденных универсальных когнитивных сценариев, которые идентифицируются посредством лексических универсалий» [Вежбицкая 1999: 12].

Развитие теории прототипов приводит к появлению следующих постулатов:

1. прототипические категории не определимы при помощи единого набора признаков;
2. прототипические категории являются собой структуру, представляющую набор сгруппированных признаков, данные категории перекрывают друг друга;

3. прототипические категории можно рассмотреть, как некую общность предметов или явлений, отражающих эту категорию, причем не все члены этой общности раскрывают категорию всеобъемлющим образом;

4. границы прототипических категорий нечетки [Geeraerts 1995: 146].

Для нашего исследования идеи Э. Рош, А. Вежбицкой и Д. Герартса ценные тем, что, изучая идиоматические выражения английского языка как репрезентанты концептов, мы ставим задачу изучить элементарные составляющие концептуального содержания фразеологических концептов. Несомненно, что в ФЕ отражаются прототипические образы предметов и явлений, в той или иной степени значимые для национальной культуры. Развиваясь в рамках лингвокультуры, с течением веков концепты в составе ФЕ «обрастают» многочисленным, если не сказать максимально возможным, наборов признаков. Ряд признаков уникальны для отдельно взятого концепта, другие признаки встречаются у разных концептов, иными словами, они полиморфны.

В отечественном гуманитарном знании интерес к концептам был заложен еще С.А. Аскольдовым-Алексеевым, который рассматривал концепт как «неуловимое мелькание чего-то в умственном кругозоре». Это «нечто», «не вызывая никаких художественных «образов», создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения» [Аскольдов 1997: 267-268]. Д.С. Лихачев отмечает, что концепт «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, мы не должны исключать человека. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека. И слово, и его значения, и концепты этих значений существуют не сами по себе в некоей независимой невесомости, а в определенной человеческой «идеосфере»» [Лихачев 1997: 281]. На этой основе вводится понятие «концептосфера», под которым понимаются совокупности потенций, открываемых в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом: «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство <...> она соотносима со всем историческим опытом нации» [Лихачев 1997: 282].

Итак, концепты формируются в результате познавательной деятельности человека. Концепт есть совокупность общих и существенных признаков целого

класса объектов. Таким образом, в сознании человека создается идеальный мир – коррелят объективного мира. Этот вторичный идеальный мир существует как абстракция, схематизация первого, основанная на культурных приоритетах говорящего [Коровкин 1993: 48]. Эта структура и носит название картины мира.

В отечественной лингвистике интерпретация концепта обсуждается в работах многих ученых (Р.М. Фрумкиной, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, В.З. Демьянкова, М.А. Фоминой и др), предлагается понимание концепта как единицы нашего знания о мире, как инструмента познавательной активности человека. Так, по определению Е.С. Кубряковой, концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова 1994: 90]. Л.О. Чернейко говорит о том, что концепты – это «наши обыденные представления о стоящих за именами сущностях, то самое «языковое знание», которое порождает мифологемы сознания (коллективное бессознательное) и выявляет их» [Чернейко 1997: 187].

В «Кратком словаре когнитивных терминов» концепт (*concept*) характеризуется как многозначный термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [КСКТ 1996: 90].

Концепты как элементы сознания вполне автономны от языка. Мышление человека не ограничивается лишь его верbalным компонентом. Люди владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, т. е. концептов и передаваемых ими признаков. Языковые значения передают лишь некоторую часть наших знаний о мире, структурированных в виде системы концептов. Этот факт подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных определений и текстовых описаний одного и того же концепта. Значение слова – это попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные его границы, представить его

отдельные характеристики данным словом. Концепты изменчивы, и новые характеристики концептов потребуют новых форм вербализации [Болдырев 2001: 26].

Ряд ученых отводят концепту промежуточное положение между чувственно воспринимаемым миром и языковым сознанием, которое этот мир отражает [Никитин 2000; Красных 2002]. М.В. Никитин дает метафоричное определение концепта, согласно которому рассматриваемое понятие подобно двуликуму Янусу. Одной из сторон концепт обращен к миру, который он отражает и/или конструирует в своем сознании. Другая сторона данного понятия обращена к языку и знакам, которые его выражают и называют [Никитин 2000: 172]. Концепт, с одной стороны, представляет собой абстрагированный ментальный конструкт, а с другой – обладает способностью репрезентироваться в языковом сознании в виде конкретных структур. Кроме того, концепт определяет также его национально-культурная маркированность [Красных 2002: 272].

Большинство исследователей считают, что концептам присущи такие свойства, как системность, разноаспектность и иерархичность, а также выводимость более сложных и поздних элементов из элементов более ранних и элементарных [Croft, Cruise 2004; Evans, Green 2006; Алефиренко 2009; Кошелев 2015]. Н.Ф. Алефиренко описывает содержание концепта как взаимодействие когнитивной, эмотивно-оценочной и языковой сфер. Каждая из этих сфер находит особое преломление в содержании концепта, делая его многоярусным образованием, выполняющим роль речемыслительного посредника между языковым знаком и мыслительными корреляциями этого знака – образами, представлениями [Алефиренко 2009: 80]. В концепте присутствуют базовые элементы: прототип и ядро. Прототип, который можно назвать также образом или формой, представляет собой типичный внешний облик референтов слова, их перцептивная, главным образом, визуальная, характеристика. Семантическое ядро, или функция, – это недоступная восприятию, интенциональная, антропоцентрическая характеристика, присущая всем референтам и отражающая ту роль, которую они играют для носителей языка в рамках его таксономии мира. Они находятся в определенных взаимоотношениях. Ядро приписывается прототипу как его содержание, его смысл [Кошелев 2015: 8]. Предлагаемая А. Кошелевым бинарная система, состоящая из прототипа и ядра, функционирует следующим образом. Главной компонент системы – ядро, оно присутствует у основного

значения абстрактных слов. Ядро реализует референциальную, номинативную функцию, при этом прототипический, обобщенно-образный компонент факультативен [Кошелев 2015: 145].

В рамках лингвокультурологического подхода концепты рассматриваются не только как единицы когниции, но и как своего рода ключевые элементы национальной культуры. Чтобы подчеркнуть роль концептов в выражении культурно-значимой информации, их иногда именуют «**культурные концепты**» [Арутюнова 1991], или «**лингвокультурные концепты**» [Воркачев 2004].

Концепты рассматриваются и как единицы метаязыка культуры. «Природа познается извне, культура – изнутри. Ее познание рефлексивно. Чтобы в нем разобраться, нужно проанализировать метаязык культуры, и прежде всего ее ключевые термины, такие, как «истина» и «творчество», «долг» и «судьба», «добро» и «зло», «закон» и «порядок», «красота» и «свобода». Эти понятия существуют в любом языке и актуальны для каждого человека. Вместе с тем нет философского сочинения, в котором бы эти концепты не получали различных интерпретаций. Можно также найти немало проницательных их толкований в художественных текстах разных жанров. Мировоззренческие понятия личностны и социальны, национально специфичны и общечеловечны. Они живут в контекстах разных типов сознания: обыденном, художественном и научном. Это делает их предметом изучения культурологов, историков религий, антропологов, философов и социологов» [Арутюнова 1991: 3]. В этом же плане рассматривает концепты и Ю.С. Степанов, определяя их как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [Степанов 1997: 43].

В целях нашего исследования, посвященного выявлению аксиологической динамики концептуального содержания английских ФЕ, важно, что культурный концепт представляется как инвариантно-вариантное образование. При таком подходе к концепту признается, что как образование этнокультурного плана он «характеризуется признаками инвариантности (в рамках национального самосознания концепт инвариантен) и вариативности (инвариант видоизменяется и, следовательно, варьируется от социума к социуму, различаясь множеством параметров: языковым наполнением, образной основой, метафоричностью,

грамматическими категориями, степенью значимости для социума и этноса в целом и включенностью / невключенностью в нормативно-ценностную картину мира). Вариативность концепта не только позволяет ему изменяться, эволюционировать под влиянием тех или иных внешних и внутренних факторов, но и является залогом его стабильности, константности» [Фахрутдинова 2000: 25].

К числу классификационных признаков концепта относят: исторический детерминизм; широкую экстенсиональность; структурированность интенсионалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологем, стереотипов; неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального; разнообразие типов знаковых презентаций [Токарев 2003: 10].

Мы считаем, что когнитивное и лингвокультурологическое понимание концепта не противоречат, а дополняют друг друга. Мы понимаем концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин: 2007: 34]. Таким образом, концепт выступает как многомерное ментальное образование, отражающее культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия и имеющее верbalное выражение.

Структура концепта. Современные исследователи не рассматривают концепт как нечто неделимое. Ж. Фоконье говорит о том, что вербальная активность соотносится с когнитивной деятельностью как вершина айсберга с подводной его частью, произнесенная фраза вызывает к деятельности ментальные модели, находящиеся «в глубине» сознания. Он называет эту сферу «закулисным сознанием» (backstage cognition) [Fauconnier 1999: 98].

Концепт можно рассматривать в его способности отражать некое множество релевантных характеристик, признаков (attributes) [Croft, Cruise 2004: 82]. Явление вещественного мира тем полнее отражает концепт, чем больше оно способно проявлять категориальных признаков. Авторы рассматривают концепт не только как фактор номинации, но и как фактор категоризации. Явления окружающего

мира можно ранжировать относительно их способности отражать категориальные признаки, представляется возможным создавать концептуальные схемы, в которых предметы и явления располагаются по принципу «центр - периферия». Чем больше и полнее явление отражает признаков, тем ближе к центру его можно расположить. В научной литературе также отмечается, что и сами признаки, характеризующие концепт, неоднородны. Они могут качественно отличаться друг от друга, таким образом можно говорить об иерархии признаков и их носителей (qualificational forms) [Nuysts 2004: 280]. Данные рассуждения важны для нас потому, что одной из целей нашего исследования является изучение признаковой составляющей концептов, отраженных в связных сочетаниях английского языка. Именно поэтому далее нами рассматривается проблема структурирования концептов, иерархической организации их содержания и смыслового наполнения, т.е. семантического объема.

Многие исследователи ставили задачу изучения природы концептов, рассматривая их как некую систему, включающую в себя определенные элементы. Концепт имеет определенную структуру, хотя он не может быть представлен как жесткая языковая структура, подобная значению слова. Это связано с его активной динамической ролью в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами или отталкивается от них. И.А. Стернин выделяет три структурные типа концептов: одноуровневые, многоуровневые и сегментные [Стернин 2001: 58]. Одноуровневый концепт включает только чувственное ядро. Таковы концепты – предметные образы. Такую структуру имеют концепты в сознании ребенка. В сознании большинства людей концепты сложнее. Концепт может быть многоуровневым и включать несколько слоев, различающихся по уровню абстракции, отражаемому ими и непосредственно налагающихся на базовый слой. Сегментные концепты состоят из базового чувственного слоя, который дополняется несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Базовый слой концепта совокупно с его системой когнитивных слоев и признаков составляют ядро концепта. Помимо этого, существует еще и периферийная часть – интерпретационное поле концепта. Это совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта [Стернин 2001:

58]. Базовый слой может исчерпывать содержание концепта, если концепт отражает конкретные чувственные ощущения и представления. В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки налагаются на базовый образ, образуя структуры иного порядка. Данные слои являются когнитивными по своей сути, так как отражают определенный результат познания внешнего мира, то есть результат когниции. Когнитивные слои образуются концептуальными признаками. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концептов, определяют его структуру [Стернин 2001: 58].

С.Г. Воркачев рассматривает концепт как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев 2001: 45]. При этом отмечается, что «план содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную или прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности» [Воркачев 2005: 5]. Итак, можно утверждать, что совокупное содержание концепта представляет собой определенный набор упорядоченных особым образом элементов смысла, семантических «квантов». В нашей работе, в соответствии с традициями воронежской школы концептуального анализа, эти минимальные смысловые элементы именуются **«когнитивные признаки»**.

Под **когнитивными признаками** понимаются разнообразные семантические явления: значение слова, оттенок значения или какой-либо другой смысловой компонент, которые воспринимаются как отдельные, отличные от других в сознании носителя языка и реализуется в разных сочетаниях [Попова, Стернин 2007]. Когнитивные признаки могут иметь *деноативный*, *сигнификативный* и *коннотативный* характер, а также, как и любые другие элементы смысла, дифференцируются по признаку «предметность / непредметность». Непредметные когнитивные признаки, имеющие потенциал для

выражения ценности, в нашей работе именуются «**оценочные когнитивные признаки**» (или «**оценочные признаки**»).

Концептуальное содержание того или иного концепта как иерархически структурированная совокупность когнитивных признаков эксплицируется в единицах и категориях национального языка. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, языковая объективация концепта в языке представлена следующими *группами языковых единиц*:

1. готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые));
2. свободными словосочетаниями;
3. структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);
4. текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) [Попова, Стернин 2003: 38].

Как представляется, ФЕ выступают в роли «п полноценных» репрезентантов концептуального содержания. С когнитивной точки зрения ФЕ можно трактовать как пропозитивные (или квазипропозитивные) структуры, отражающие связь между реалией (своего рода референт) и совокупной семантикой через образ (своего рода предикат), положенный в основу фразеологизации.

В теории концептуальной зависимости Р. Шенка [Schank 1977: 24] пропозиции, характеризующиеся наличием значения, трактуются как **концептуализации**. На уровне содержания высказываний выявляется их потенциальный или активный оценочный характер. Оценочные значения ФЕ приобретают дополнительный оценочный импульс, если рассматривать фразу в контексте ФЕ [Schank, Abelson 1977].

1.2.2. Принципы когнитивного моделирования в концептуальном анализе фразеологизмов

Одной из центральных идей когнитивистики является положение о динамическом характере когниции в естественном языке, которое воплощено в представлении процесса лингвокогнитивного освоения действительности

посредством различных форматов знания, различных способах «упаковки» [Chafe 1968: 109] концептуально значимой информации, т.е. ментальных / концептуальных / когнитивных моделей.

Какой бы удачной ни была построенная исследователем модель, отражающая механизмы когнитивной деятельности, она неизбежно будет иметь ряд объективных ограничений. Реальные явления мира слишком сложны и изменчивы, чтобы можно было говорить о том, что человек полностью способен постичь их и, соответственно, отразить в языке. Существует бесконечное количество вещей за пределами человеческого понимания, и даже, казалось бы, близкие ему вещи человек не в состоянии воспринимать и понимать адекватно. Поэтому он вынужден пользоваться специфическими терминами, образами, символами и моделями, чтобы описать при помощи своей речи возникающие в его сознании отношение к окружающему миру [Юнг 2006: 18; Сулейманова, Фомина 2010].

Идея когнитивного моделирования находит выражение в категориальном аппарате современной лингвокогнитивистики, а именно – в понятиях фрейма, скрипта, сценария, концептуальной схемы, когнитивной модели ситуации, ментальной модели и пр.

Походы к описанию когниции: фрейм, скрипт, ситуация.

В языке существует бесконечное разнообразие языковых структур, которые, однако, подчинены логике. Задачей современного исследователя является изучение особенностей строения и употребления концептуальных образований [Кибрик 2015: 33]. Поиски ученых, направленные на понимание механизма концептуальной организации знаний в сознании человека, привели к выдвижению представления о «фрейме» [Петров, Герасимов 1988: 5]. Данный термин встречается в работах многих ученых, работающих в рамках лингвистической когнитологии [Schank 1977; Minsky 1975; Карасик 2004; Fillmore, Baker 2009; Филлмор, 1988; Беляевская 2015 и др.]. С точки зрения когнитивной лингвистики, значения слов соотносимы с определенными когнитивными контекстами – когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание. Эти когнитивные контексты или блоки знания Дж. Лакофф называет «ментальными пространствами» [Lakoff, Johnson 1980: 11], Ч. Филлмор назвал их фреймами.

Фреймовая семантика позволяет моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации. Фреймовые структуры могут служить основой лексической категоризации языковых единиц по тематическому принципу. М. Минский понимал фрейм как объединение группы слов, которое мотивируется, определяется и взаимно структурируется особыми унифицированными конструкциями знания [Минский 1988: 289]. Он признавал за фреймами возможность репрезентировать стереотипные ситуации (stereotyped situations) [Minsky 1975: 212]. Фрейм описывается как «когерентная сфера человеческого знания» [Croft, Cruise 2004: 14]. Через термин «когерентный» постулируется логичность, последовательность и осознанный характер фрейма. Фрейм представляет собой структуру, предназначенную для описания чувственного восприятия человека. Знания человека о мире строятся в виде так называемых фреймов-сценариев, или динамических фреймов. Составные элементы фрейма – слоты и субслоты, знания декларативного или процедурного характера [Kesarwani 2013: 2].

М. Минский определял фрейм как один из способов представления стереотипной ситуации [Минский 1988: 289]. Важно различать понятия фрейма и фрейм-структуры, определяя последнее как когнитивную единицу, формируемую штампами сознания и представляющую «пучок» предсказуемых валентных связей, векторов направленных ассоциаций [Карасик 2004; 2013; 2015]. При этом ассоциативная связь, в основе которой лежит некий когнитивный феномен – культурный предмет, репрезентированный сознанию, – носит предсказуемый характер. Фрейм-структура – единица составная, но цельная, единая. Это единица «молекулярного», а не «атомарного» характера. Ее также можно образно сравнить с многогранником, который может быть более простым (при наличии одного вектора предсказуемых ассоциативных связей) или более сложным (при наличии множества подобных векторов).

Многие современные авторы также заявляют о принадлежности фрейма к сфере концептуального пространства [Croft, Cruise 2004: 15; Ungerer, Schmid 2006: 212], связывая его с концептом, но при этом не противопоставляя ему. Фрейм представляет логическую сферу концепта и носит конвенциональный характер. Концептуальные фреймы Т. ван Дейк называет сценариями [ван Дейк 2015: 17].

Сначала в когнитивистике недифференцированно употреблялись понятия «фрейм» и «скрипт», или «сценарий», который в работе Р. Шенка определяется как «форма репрезентации знания, которая имеет структурный характер ... и описывает стереотипную последовательность событий в отдельно взятом контексте» [Schank 1977: 40].

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский различают фрейм и сценарий, определяя фрейм как декларативный способ представления знаний, формулируемый в терминах описания, сценарий – процедурный способ представления, формулируемый в терминах алгоритма или инструкции [Баранов, Добровольский 1997: 12], это структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации.

Теория фреймов применима к анализу ФЕ. Исследователи утверждают, что пословица является «фреймом и сценарием одновременно» [Иванова 2002: 50]. Набор сценариев является неотъемлемым, потенциальным свойством пословиц, которые отражают релевантный опыт социума при употреблении в речи той или иной пословицы [Иванова 2002: 52]. Употребление пословицы оправдано, если ситуация, воспроизводимая в ней, коррелирует с речевой ситуацией, в которой она может быть употреблена.

В лингвокультурологическом понимании скрипта / сценария под культурным скриптом понимается «общезвестные и обычно неоспоримые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя, – мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой объективные факты, доступные научному изучению» [Вежбицкая 2011: 389]. Среди скриптов выделяют универсальные и культурномаркованные, причем последние маркируются через использование в них ключевых слов. Культурные скрипты отражают «наивную аксиологию», запечатленную в языке, и могут реализовываться не только в свободных, но и в связных сочетаниях, в том числе и в пословицах и поговорках как ярких представителях наивной картины мира, которая, в свою очередь, раскрывает наивные представления аксиологического характера, изучаемые в данной работе. Важным методологическим принципом их исследования является разработка универсального семантического языка, на котором формулируются универсальные культурные скрипты [Вежбицкая 2001: 391].

По сути событийный аспект мира издавна находится в поле зрения философов. Например, И. Кант, рассматривая поступки как события в чувственно

воспринимаемом мире, философ говорит о возможности применения к ним морального закона, отражение поступков в сознании имеет схему в чувственном созерцании [Кант 2016: 97]. И. Кант подчеркивает возможность схематизации в описании событий и поступков как элементов бытия человека. «Событие» приходит в когнитивную лингвистику в терминологическом обозначении «ситуация», или фрейм. Описывая сущность языка, Р. Лангакер указывает на важность понятия ситуации для науки о языке и говорит о том, что язык – это не медицинский рецепт, язык – это код, «диагностирующий» коммуникативные потребности ситуации речевого общения [Langacker 1973: 34; Langacker 2000: 3]. В качестве базового появления этого «кода» Р. Лэнекер постулирует **когнитивную ситуацию**, которая характеризуется частотностью и воспроизведимостью и которую, следовательно, нельзя смешивать со случайными явлениями, *transitory events*, не сохраняющимися в сознании. Типичные частотные ситуации подобного рода Лэнекер описывает термином *cognitive routines* – отражение в сознании типичного порядка действий и реакций.

В работе Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999] событие определяется как концепт, некий языковой классификатор, объединяющий группу частнособытийных имен и номинаций [Арутюнова 1999: 170]. События существуют в пространстве и во времени и представляют элементарный фрагмент бытия. Фрейм может рассматриваться в свете его способности описывать исобытия, и ситуации [Ungerer, Schmid 2006: 218]. События динамичны, они описывают изменение положения относительно времени или пространства. Ситуации ориентируются на фактуальный способ описания действительности [Talmy 2003: 480].

Далее, изучение специфики концептуального содержания ФЕ невозможно без изучения более элементарных сущностей, единиц более низкого порядка, структурирующих концепт и составляющих часть фрейма. К числу подобного рода сущностей относится **аксиогенная ситуация**. Понятия о добре и зле в рамках ФЕ раскрываются в виде некоей типизированной ситуации, являющейся образной основой для паремии. В этой связи применимо понятие «аксиогенной ситуации» – это положение дел, которое заслуживает внимания, является ценностно мотивированным и допускает переосмысление [Карасик 2004а: 65; 2015: 26]. Повторяясь, они становятся прецедентными явлениями [Красных 2002; Слышкин 2004].

Когнитивная модель. Наиболее общим научным представлением, позволяющим интегрировать понятия фрейма, ситуации, скрипта, сценария, концептуальной схемы / структуры и пр., является **когнитивная (ментальная) модель**, непосредственно отражающая моделирующую функцию когниции в естественных языках.

Термин «ментальная модель» или «когнитивная модель» появляется в трудах ряда англоязычных авторов с конца семидесятых годов XX века. Так, Дж. Лакофф говорит о том, что человеческое знание организовано посредством структур, которые он называет «идеализированными когнитивными моделями», и что категориальные структуры и прототипические эффекты являются побочными продуктами этой организации [Лакофф 2011: 99]. П.Н. Джонсон-Лэрд отмечает, что модель репрезентирует положение дел, его структура непроизвольна, она играет роль непосредственного воспроизведения или аналогии и отражает существенные аспекты соответствующей ситуации реального мира [Johnson-Laird 1980: 98].

Т. ван Дейк использует понятие «**ситуационная модель**» (близка к понятию «аксиогенная ситуация» В.И. Карасика). Модель есть когнитивный коррелят такой ситуации: это то, что «происходит в уме» человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит или читает о ней. Следовательно, модель включает личное знание, которым люди располагают относительно подобной ситуации, и это знание представляет собой результат предыдущего опыта, накопленного в столкновениях с ситуациями такого рода [Дейк 2015: 68]. Модель ситуации организована в виде схемы и отражает такие категории, как обстановка (место, время), обстоятельства, участники, события, действие и соответствующие им характеристики, включающие оценочные свойства. Модели выступают в качестве референциальной основы когнитивной интерпретации [Дейк 2015: 141].

Ментальные модели имеют схематическую структуру, укорененную в культуре того или иного социума, многие из них имеют генерализированный, если не социальный характер (существуют в «социальной памяти общества») [van Dijk 2006: 25; Сулейманова 2017: 66], они отражают релевантный опыт того или иного социума. Существуя в коллективном сознании, модели имеют динамический, а не статический характер, развиваясь и меняясь вместе с ним. Ментальные модели – продукт взаимодействия между дискурсом и человеком / обществом. Автор

использует термин информатики «интерфейс» для описания характера этого взаимодействия [van Dijk 2014: 126].

Модели с оценочной составляющей создаются следующим образом: человек выражает свое отношение к определенной ситуации, с течением времени он уже не помнит деталей ситуации, а сохраняет только положительную или отрицательную оценку ситуации [Дейк 2015: 76]. Оценки вместе со знаниями общего характера и идеологемами и составляют «социальную память общества» и существуют в рамках определенных контекстов. Так, можно говорить о когнитивном обосновании присутствия оценочных смыслов в рамках pragматических моделей, представленных в дискурсе того или иного социума, что укладывается в поставленную нами задачу изучить оценку как элемент значения английских ФЕ.

Отметим, что многие исследователи указывают на то, что модель является одним из центральных понятий когнитивной науки, коррелируя с представлениями о скрипте и фрейме [Evans 2007: 23].

Ментальные модели многоаспектны и мультимодальны. Как и все когнитивные конструкты, ментальные модели описывают знания, находящиеся не только в сфере языкового сознания, но и те из них, что лежат вне этой сферы. Выступая в качестве интерфейса ментального информационного пространства, соединяя языковой и внеязыковой планы мыслительной деятельности, они могут быть использованы для описания как статических, так и динамических ментальных систем. Их отличает ясность содержания и четкость и логичность структуры. В человеческом сознании ментальные модели не существуют изолированно, так же, как и концепты, они характеризуются способностью создавать особый когнитивный уровень – уровень ментальных систем.

Для нашей работы ценность когнитивной модели состоит в том, что при помощи данного представления можно описывать не только «наглядные» концепты, ментальные единицы, формируемые в первую очередь при помощи работы органов чувств, но и абстрактные концепты, являющиеся продуктом сознания, и, в конечном счете, – плодом культуры.

Когнитивное моделирование фразеологизмов. Первые попытки описать ФЕ как базис когнитивного моделирования производились лингвистами начиная с 1970-х годов двадцатого века. Например, может выстраиваться структурно-семантическая модель ФЕ, которая обладает типовым значением, как лексико-грамматический образец, по которому создаются аналогичные переменные

сочетания слов около опорно-зnamенательных слов [Кунин 1970: 94; Авалиани, Эмирова 1971: 33]. В трудах Д.О. Добровольского изучается компонентный состав значения ФЕ [Добровольский 2018]. Автор описывает модели ФЕ (patterns), которые позволяют генерировать новые связные сочетания, что становится возможным благодаря процессам метафоризации, осуществляющейся по типичным когнитивным схемам (Conceptual Blending Theory). В рамках функционального подхода используется *фразеологическая модель* [Moon 1998: 90]. В рамках анализа ФЕ на базе теории концептуальной метафоры утверждается, что образный язык включает в себя те же виды лингвистических и прагматических операций, которые используются для обычного, «буквального» языка. При этом обычные разговорные метафоры используются для создания новых понятий и категорий и этот процесс является спонтанным и автоматическим. Метафора является особенной только в том смысле, что эти категории получают свои имена из «лучших примеров» (best examples) того, что они представляют [Glucksberg 2001]. Автор развивает мысль, высказанную в работах итальянских исследователей [Tabossi, Zardon 1993] по поводу механизма восприятия ФЕ, указывает на необходимость вычленения ключевых слов в ФЕ [Glucksberg 2001: 71]. Если ключевое слово зафиксировано в начале ФЕ, данное высказывание определяется говорящим как ФЕ быстрее и легче, чем в ситуации, когда оно дано в конце. В исследованиях ФЕ, см., например, [Gries 2008: 26] намечается синтез структурной и когнитивной традиции в изучении фразеологических единиц. Основой для этого синтеза является анализ статистически частотных моделей – паттернов, которые можно изучать и со структурных позиций, и с точки зрения дискурсивного корпусного анализа.

Ряд зарубежных ученых предполагают, что многие идиомы можно интерпретировать как единицы с анализируемой или разложимой семантикой (Gibbs, Nayak 1989; Geeraerts 1995; Glucksberg 1993; 2001), тогда как другие, см., например, [Wray 2002], относят фразеологизмы к шаблонным единицам (formulaic language units). Автор отмечает, что значительная часть нашего повседневного языка является шаблонным. Язык предсказуем по форме, идиоматичен и хранится в фиксированных или полуфиксированных блоках “chunks” [Wray 2002: 12].

Ученые также предлагают применять фреймовый анализ к изучению значений ФЕ [Martin 2008: 51–66].

Вместе с тем, исследователи полагают, что не следует прибегать к буквальному толкованию ФЕ и механистичному их делению на составляющие

элементы, исследователи «не должны пытаться разложить идиому на ее составляющие, не основываясь на каком-либо принципе» [Cermak 2010: 179-182], поскольку, по их мнению, ФЕ являются готовыми средствами номинации, они помогают избежать при этом точности формулировок в силу своей образности, но при этом предлагают «широкие возможности для передачи прагматической (оценочной) позиции» говорящего (там же). Тем не менее, ФЕ при этом не монолитны, и композиционная интерпретация не всегда отменяется идиоматической интерпретацией [Burger 2007: 95]. Иными словами, прослеживается промежуточная позиция в вопросе членности фразеологических единиц.

Таким образом, признается метафоризация как основа для моделирования ФЕ [Glucksberg 1993, 2001; Levorato 1993: 101], лингвисты продолжают развивать теорию концептуальной метафоры Лакоффа-Джонсона [Kovecses, Szabco 1996: 326].

Фразеология становится также объектом психолингвистики [Alexander 1978; Gibbs, Nayak 1989], изучается проблема восприятия и понимания ФЕ [Schweigert 1986].

Англоязычные авторы уделяют меньше внимания фразеологии, в отличие от грамматики и фонетики; подобного рода ситуация сложилась по объективным причинам, в силу неоднородности компонентного состава ФЕ и особенностей их функционирования [Cacciari, Tabossi 1993: xiii, 1995: 171]. Итальянские авторы предлагают оригинальную трактовку ФЕ, используя компьютерный лексикон: понятия «ключ», «ввод», и говорят о том, что «идиомы не существуют в ментальном лексиконе» [Cacciari, Tabossi 1988: 678]. Последовательность словоформ (*strings of words*) в речевом потоке воспринимается как ФЕ, а не как свободное сочетание слов лишь после восприятия всего «отрезка» посыпаемой информации. Ключевые элементы ФЕ, определяющие ее значение, являются «катализатором» восприятия данной последовательности элементов речи именно как ФЕ. Наше сознание «активирует этот ключ» (там же). Авторы считают, что сначала нужно воспринять некую последовательность словоформ как ФЕ, а затем инкорпорировать его значение в смысл всего высказывания.

Это понимание семантики ФЕ сближает ее интерпретацию с принципами передачи и восприятия информации в теории релевантности, в рамках которой коммуникация описывается с прагматических позиций. Релевантная информация

предается как эксплицитно, так и имплицитно (в том числе непрямым, метафоризованным образом, что свойственно для ФЕ). Говорящий указывает (*ostensifies*), какая часть информации наиболее важна. Слушающий должен интерпретировать подсказку, принимая во внимание контекст, и предположить, что говорящий намеревался сообщить. Релевантность понимается как относительная или субъективная, то есть в принципе оценочная характеристика [Sperber, Wilson 1995: 2].

М. Омажич [Omazić 2008: 67] применяет теорию концептуальной интеграции для анализа процессов метафоризации в ФЕ, изучая различного рода модификации фразеологизмов, как лексические, так и структурные. Механизм анализа, происходящий в сознании человека в процессе коммуникации, или процессинг – обработка [Omazić 2008: 74], включает узнавание модифицируемого фразеологизма в контексте и сопоставления с известным образцом, зафиксированным в словарных источниках.

Таким образом, принимаемый в настоящей работе метод **когнитивного моделирования** фразеологизмов основан на представлении о том, что фразеологизмы в широком смысле выступают как репрезентанты когнитивных моделей ситуаций. Одной из основных задач такого изучения ставится реконструкция схемы репрезентации знания, объективированного в ФЕ, в сознании индивида или коллективном сознании языкового социума. В англоязычной литературе по лингвокогнитивистике в этих целях используется термин «фигуративные модели» – *patterns of figuration* [Burger 1989: 17; Langlotz 2006: 4]. Е.В. Иванова предлагает лингвокогнитивную модель изучения пословиц и использует в этом смысле понятие «когнитивная структура», которое в когнитивной лингвистике используется как при изучении крупных информационных блоков, так и при анализе информации, заключенном в одном предложении. Автор определяет понятие **когнитивной структуры** как схему репрезентации знания, которая состоит из компонентов (признаков) [Иванова 2002: 10].

Таким образом, принципы **когнитивного моделирования** значения ФЕ в широком смысле слова (включая паремии) основаны на описании семантики ФЕ как фрейма, скрипта или когнитивной ситуации. Согласно А.Н. Баранову и Д.О. Добровольскому, за ФЕ стоит своя абстрактная концептуальная структура – фрейм, в которой аккумулируются знания человека о мире. В качестве основы для

формирования фразеологического значения выступают не значения слов – компонентов фразеологизма, а связанные с ними «фреймы-сценарии» [Баранов, Добровольский 1996], которые, в свою очередь, основаны на концептуальном отражении в сознании носителей языка прототипических ситуаций. В результате концептуальных преобразований во фреймах происходит формирование нового значения ФЕ. А.П. Бабушкин в этой связи говорит о «динамике сюжетов в сценариях» [Бабушкин 2001: 81]. На концептуальную связь семантики ФЕ с прототипической ситуацией, которая реализуется через его внутреннюю форму, указывал еще А.В. Кунин: «Внутренняя форма фразеологизма – это значение его прототипа, с которым фразеоматическое значение связано деривационными отношениями» [Кунин 1996: 173].

Когнитивные признаки концептуального содержания ФЕ, выраженные в составных элементах фразеологизма, которые порождают образную ситуацию, будучи компонентами национальной английской культуры, одновременно входят в модель представления заключенного в ФЕ фрагмента знания о мире и системы ценностей. В этом ракурсе когнитивные признаки могут быть оценочно нейтральными по отношению к процессу когниции (внеоценочными), а могут быть и оценочными: позитивно- или негативно-оценочными когнитивными признаками.

1.2.3. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу фразеологизмов

В соответствии с целями и задачами нашего исследования системно-языковые свойства интересующих нас ФЕ должны быть верифицированы и уточнены посредством изучения специфики их вхождения в дискурс, их речевой, текстовой реализации, что в работе получило наименование «дискурсивное варьирование». Для этого необходимо рассмотреть исходные принципы дискурсивного анализа во фразеологии, имеющие место в современной науке о языке.

Дискурсивные аспекты употребления ФЕ отмечены в работах многих ученых [Nippold, Martin 1989; Fernando 1996; McCarthy 1998; Кучинская 2011; Беляевская 2013 и др.]. Дж. Филип утверждает, что в языковых корпусах принятые за образец (или канонические) формы идиом и других «устойчивых» оборотов встречаются гораздо реже, чем их варианты [Philip 2008: 103]. При этом высокая степень вариативности исследуемых выражений является прямым следствием прозрачности их значения. Идея о вариативности английских ФЕ подтверждается

современными корпусными исследованиями [Cserép 2018]. Вариативность «подвижность» (decomposability) ФЕ зависит и от компонентного состава, и от когнитивной нагрузки.

Применяется метод корпусного анализа художественной литературы, содержащих ФЕ [Moon 1998; Simpson, Mendis 2003]. Этот современный метод позволяет изучить ФЕ с позиций диахронического подхода, показать особенности изменения употребления ФЕ с течением времени. Меняется язык, меняется и узус языковых единиц. В дискурсе ФЕ свойственна вариативность как в плане замены компонентного состава, так и в плане морфологии [Glucksberg 2001: 69; Swinney, Cutler 1979: 523; Gibbs, Nayak 1989; Мокиенко 2005]. Но вариативность при этом остается в пределах, не препятствующих пониманию фразеологизма, точнее сказать фиксации высказывания как связного сочетания, а не свободной коллокации.

Используемый корпусный подход в изучении ФЕ [Moon 1998; Sinclair 2004; Granger, Paquot 2008], строится на принципе индуктивности. Основанный на принципе частотности употребления; данный подход обращает внимание на сравнения, фразовые глаголы, различные словосочетания. При этом внимание уделяется дискурсной реализации фразеологизмов [Naciscione 2010]. Изучаемые единицы определяются как стабильные связные сочетания словоформ с полностью или частично переосмыленным значением: “stable, cohesive combination of words with a fully or partially figurative meaning” [Naciscione 2010: 254]. Автор использует термин «фразеологический образ» (phraseological image) [Naciscione 2010: 178]. ФЕ объективируют образные ментальные модели: “The PU is one of the modes of reflecting figurative thought” [Naciscione 2010: 17]. Он выделяет три вида манифестаций ФЕ: как явления языка, зафиксированные в словарных источниках (base form); как явления речи, употребляемые дословно, без изменений (core use); и авторское употребление ФЕ в тексте, характеризующееся различного рода изменениями, которые вносятся в ее состав для достижения автором pragматических целей (instantial stylistic use) [Naciscione 2010 17].

Таким образом, вполне закономерно, что для целостного изучения интересующих нас групп английских ФЕ оправдано применение методов когнитивно-дискурсивного анализа, который будет способствовать выявлению специфики именно текстовой реализации их оценочного потенциала, особенно в аспекте возможных текстовых преобразований исходных ФЕ разного типа.

1.3. Проблемы описания ценностного компонента в концептуальном содержании фразеологизмов

1.3.1. Категория ценности в историко-научном освещении

Категория ценности рассматривается как одна из базовых категорий человеческой экзистенции в трудах по философии, этике, эстетике, психологии и других гуманитарных науках, в которых были представлены различные взгляды на природу, сущность, виды и функции ценностей. Представления о добре и зле формируются еще в античной философии. Сократ создал гносеологическую концепцию объяснения понятий добра и зла и выдвинул принцип единства знания и добродетели. Платон также рассматривает добро и зло в рамках закона взаимоперехода противоположностей [Платон 1999: 22].

В рамках этики фигурирует вид ценностей как нравственная (моральная) ценность, которая оперирует категориями добра и зла. Добро в этике определяется как одно из наиболее общих императивно-оценочных понятий морали и выражает нравственное значение явлений общественной жизни в их соотнесенности с общественным идеалом добра. Противоположность добра – зло как негативные стороны действительности, деятельности людей и отношений между ними, как то, что препятствует удовлетворению интересов человека и человечества; злое, плохое, отрицательное подлежат устраниению, если они уже возникли, и предотвращению, если их еще нет [Скрипник 1992: 136].

В трудах Аристотеля изложена концепция античной морали, где большое внимание также уделяется понятиям добра и зла и выдвигается учение о добродетелях, значение которого трудно переоценить. Аристотель использовал три аспекта добра (хорошего), структура которых не определена им вполне четко: благо (agaphon), счастье – эвдемония (eudaimonia), удовольствие (hedys) [Аристотель 1998: 131].

Другой важный вид ценностей – эстетическая ценность. Эстетической ценностью могут обладать как предметы и явления природы, доступные чувственному созерцанию, так и сам человек – его облик, действия, поступки, поведение. Основным видом эстетической оценки является *прекрасное*, которое выступает во многих конкретных вариациях: возвышенное, изящное, грациозное и т.д. Платон охарактеризовал прекрасное как свойство особого рода, как продукт объективных идей, как источник специфического эстетического переживания. Прекрасное у Платона – это идея, которая имеет свое бытие, которое не

чувственно, не имеет формы, оно есть понятие умопостигаемое [Платон 1999: 59]. Как и другие положительные ценности, прекрасное диалектически соотносится с соответствующими отрицательными ценностями и оценками (антиценностями или отрицательными оценками), представленными понятиями *бездобразного*, уродливого, низменного [Эстетика 1985: 392]. Безобразное воплощает ценностные характеристики природных и общественных явлений, которые хотя и имеют отрицательное общественное значение, не представляют серьезной угрозы человечеству, так как заключенные в них силы освоены человеком и подчинены ему. Безобразное описывает явления «мертвенные, патологичные, неодухотворенные, лишенные целостности, внутреннего света и богатства» [Борев 1997: 592].

Учения Платона и Аристотеля нашли продолжение в работах философов разных времен и направлений: Дж. Локка, Б. Спинозы, Д. Юма, И. Канта, Дж. Мура, И. Бентама, Дж. Милля, Г. Сиджуика, Р. Хэара и др. Дж. Локк выделял каузальный мотив оценки, ее направленность «от мира к человеку». В работах Д. Юма вопросы морали рассматриваются сквозь призму учения об аффектах, внутренних, вторичных восприятиях-впечатлениях, рефлексии. Д. Юм говорит о том, что «некоторые объекты непосредственно производят приятное ощущение благодаря изначальному строению наших органов, в силу чего их называют *благом* (добром); другие же из-за непосредственно вызываемого ими неприятного ощущения приобретают название *зла*» [Юм 1965: 172].

И. Кант заменил принцип «ощущений и чувствований принципом разума», а модальность желания – модальностью долженствования, введя в философию и категорию оценки понятие категорического императива. Выстраивая номенклатуру аксиологических понятий, И. Кант создает две бинарные оппозиции: благо / несчастье, а также добро / зло. Первая пара понятий связана с телесными ощущениями, с реакциями человека на проявления чувственно воспринимаемого мира и отражается в рамках терминов «приятное» и «неприятное». Вторая пара понятий связана с духовными миром человека, его поступки направляются его волей, которая, в свою очередь, определяется законом разума [Кант 2016: 95]. Кант отделяет собственно человека от его поступков. Оценке могут быть подвержены лишь последние: «доброе и злое относятся к поступкам, а не к состоянию действующего лица» [Кант 2016: 95]. Таким образом, Кант закладывает основы

этического релятивизма: человек не может быть абсолютно злым или абсолютно добрым, важна ситуация, в которой человек проявляет себя тем или иным образом.

Г. Сиджуик связывает оценку и долженствование: поступки, описываемые в терминах морали, зависят от воли человека и передаются терминами «нужно» и «правильно» [Sidgwick 1907: 25]. Автор обращается к прагматической стороне оценки, которая обусловлена психологическими, социальными и коммуникативными факторами. Р. Хэр также отмечал прагматический характер оценочных языковых единиц, которые он относил к числу «функциональных слов» [Hare 1972: 100], используемых для указания на предназначение, функцию предмет может быть назван хорошим, если он отвечает ряду требований, предъявляемых к предметам подобного рода. Человеческие действия признаются хорошими или дурными, если они отвечают определенным критериям, выработанным обществом. Иными словами, оценки имеют конвенциональный характер.

1.3.2. Языковая оценка в современной лингвистике

Научная лингвистическая литература, посвященная проблеме оценки в языке, на настоящий момент чрезвычайно обширна. Прежде всего это работы А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, Н.Н. Болдырева, М.В. Никитина, В.И. Карасика и др.

Проблема определения языковой оценки. Оценка рассматривается как обозначение выраженного в языке установления ценностного отношения между субъектом и предметом. В этой связи многие исследователи рассматривают оценку в рамках эмоционально-экспрессивных значений [Балли 1961; Телия 1981; 1988; 1999; Кожин 1982; Лукьянова 1986 а; б; Маслова 2007; Береговская 2004]. Эмоционально-оценочные значения языковых единиц изучались в работах ряда ученых [Апресян 1995; Шаховский 1987; 1994; Вежбицкая 1999; Филимонова 2001; Маркова 2006: 48]. Частнооценочные значения связаны во многом с пониманием оценки как категории стилистики [Арнольд 2006; Ризель 1975; Долинин 1987]. Взаимосвязь категорий оценки, эмоциональности и экспрессивности освещалась и в ряде диссертационных работ [Френкель 1982; Тухтаходжаева 1982; Фадеева 1989; Петелина 1984; Темкина 1984; Писанова 1997; Миронова 1998; Баяртуева 2001; Белова 2001; Ильюшина 2001; Банина 2001; Махмутова 2002; Кислицина 2002; Горяева 2003; Чекулай 2006].

В настоящее время оценка рассматривается в рамках нескольких направлений. *Функциональное* направление рассматривает оценку как действие, как процесс соотнесения явления или предмета с элементами оценочной шкалы «хорошо-безразлично-плохо». По Аристотелю «наше состояние хорошо, когда есть наклонность держаться середины противоположных движений чувств, и за это нас одобряют; наоборот, дурное состояние – это наклонность к их избытку или недостатку» [Аристотель 1998: 1186]. По мнению ряда исследователей, оценка представляет собой отношение говорящего носителя языка к объекту высказывания (неязыковому объекту) [Ивин 1970: 11; Ильюшина 2001: 117] и содержится в высказываниях, выражающих представления о том, что есть добро, а что есть зло: «оценка – сложное действие, производимое сознанием субъекта при восприятии и обработке информации о внешнем мире» [Минина 1995: 3].

Последние работы по лингвоаксиологии направлены на рассмотрение оценки с *когнитивных* позиций, когда оценочная семантика рассматривается как элемент плана содержания особого рода. По мнению Г.Г. Котеля «оценка – специфический компонент познания, который получает отражение в языке» [Котель 1980: 5]. Категория оценки имеет особый когнитивный статус, что обусловлено диалектическим взаимодействием мыслящего индивида с объективной действительностью [Чекурай 2006: 17]. Денотаты имен описываются не только онтологически, но и по их признакам, которые обусловлены их внеобъектными отношениями к человеку. Оценочные признаки как признаки когнитивные имеют как прагматический, так и эмотивный характер [Никитин 2004: 65]. Оценка – яркий показатель прагматического значения. С точки зрения Н.Д. Арутюновой «максимум контекстной зависимости делает оценку одним из наиболее трудно определимых типов прагматического значения» [Арутюнова 1998: 5].

Развивается также *семиометрическое* направление изучения ценностей [Серебренникова 2011: 41; Викулова, Серебренникова, Кулагина 2011: 196].

Оценка может иметь место на пяти уровнях описания денотатов: *онтологическом*, *эпистемическом*, *прагматическом*, *эмотивном* и *репрезентационном* [Никитин 2004: 62]. Таким образом, оценка связана с сознанием человека и его ядром – мышлением, и тем самым она входит в качестве необходимого компонента в «архитектуру когниции»: познавательная активность

человека необходимым образом связана с его ценностной позицией по отношению к миру.

В мире человека все, что он узнал о мире, ценно не само по себе, а с точки зрения того, как это вписывается в его систему ценностей, насколько это важно и нужно для него. «Познавательная активность субъекта и его ценностная ориентация выступают как две стороны одной медали – как два аспекта его совокупной духовной деятельности по освоению действительности» [Радбиль 2016: 218].

Исходя из вышесказанного, в работе принимается определение оценки: *это компонент совокупного концептуального содержания единицы познания, вербализованной в словах, фразеологизмах, словосочетаниях, высказываниях, категориях, пропозициях и др. языковых единицах, который выражает отношение субъекта оценки к объекту внеязыковой действительности посредством соотнесения отдельных его признаков с системой ценностей, принятых в данном языковом коллективе.*

Категориальные признаки языковой оценки. В лингвистической литературе по лингвоаксиологической проблематике выделяются следующие **категориальные признаки языковой оценки**, позволяющие определить объем и содержание этого сложного и многоаспектного понятия.

Антропоцентричность оценки подчеркивали еще философы 18-19 вв. Приведем несколько дефиниций. «Никакая вещь не может быть ни хорошей, ни дурной, если она не имеет с нами (человеком) ничего общего» [Спиноза 2001: 42]. «Каков бы ни был объект человеческого влечения или желания – это именно то, что человек называет для себя добром, объект своей ненависти и отвращения – злом» [Гоббс. Цит. по: Арутюнова 1998: 17]. Антропоцентрический характер оценки отмечают и современные исследователи [Кунин 1970: 6; Колшанский 1980: 33; Телия 1981: 44; Нелюбин 2008: 134; Топорова 2016: 19 и др.]. Оценка содержится повсюду, где происходит соприкосновение субъекта познания с объективным миром. Специфика оценочной номинации заключается в том, что, употребляя ее, говорящий выражает не только определенное интеллектуальное содержание, но и закрепленное в речевой практике оценочное отношение к языковой единице и через нее к языковой ситуации. В определении А.В. Кунина «оценка – объективно-субъективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [Кунин 1970: 6].

Н.Д. Арутюнова утверждает, что «оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир. Мир существует для человека, а не человек для мира» [Арутюнова 1999: 58]. Это свойство подчеркивает М.В. Никитин, утверждая, что «способность к оценочной деятельности встроена в организм и встраивает его в мир органичной частью» [Никитин 2004: 69]. Согласно антропоцентрическому подходу к оценке, существует несколько типов оценочного значения, исходя из функции, выполняемой оценкой в высказывании [Минина 1995: 4]. Автор выделяет гносеологическую, коммуникативную и экспрессивную функции. *Гносеологическая* функция направлена на соотношение субъекта и объекта оценки относительно идеальной, нормативной картины мира. *Коммуникативная* функция выражается в том, что оценка в высказывании воспринимается слушающим в том числе и как информация о предмете. В случае с *экспрессивной* функцией говорящий, сообщая свое суждение о предмете, желает воздействовать на слушающего. *Экспрессивная* функция имеет кумулятивный характер: заключенная в значении слов оценка сохраняет систему ценностей, действующую в данное время в данном социуме.

Когнитивная природа оценки. Еще одним важным свойством оценки является ее *когнитивность*. Оценка отражает членение мира [Вольф 2002: 67; Чекурай 2006: 18], она также имеет отношение к функциям познания мира [Трунова 1990: 85]. Наряду с категоризацией мира оценка относится к познавательным процессам, связанным с формированием суждений, а также тех структур знания, которые образуются в сознании человека и на базе которых осуществляется речемыслительная деятельность и понимание высказываний оценочного характера в процессе коммуникации в том или ином языке [Болдырев 2003: 104]. М.В. Никитин также подчеркивает когнитивный момент оценки, говоря о том, что «оценка – один из важнейших моментов в структуре отражательной деятельности сознания: она составляет целый самостоятельный уровень этой деятельности» [Никитин 1999: 23; 2004: 66].

Ряд исследователей [Минина 1995; Чекурай 2006] постулируют многообразие и многомерность оценки и определяют ее как особую **когнитивную категорию** в семантической структуре лексического значения.

Прагматичность оценки. Оценка высказывается с целью оказать влияние на мнения окружающих с целью удовлетворения собственных потребностей [Alexander 1988: 70]. Важно отметить, что «и онтогенетически, и филогенетически

сознание начинается с формирования прагматических структур, обеспечивающих полезностную оценку, ценностную ориентацию и оптимальное реагирование на среду» [Никитин 2004: 69]. Прагматика оценки входит в поле «актуальных и потенциальных интересов субъекта оценки, которая перетекает в рационально-логическую обработку информации с тем, чтобы достичь достаточного знания об объекте» [Никитин 2004: 69]. Прагматика оценки соотносится с логикой антропоцентризма, для изучения оценки важен человек как носитель языка и как говорящий субъект в познании мира [Болдырев 2003: 104]. Оценочные высказывания есть «продукт речевой деятельности конкретного человека в конкретных обстоятельствах» [Austin 1961: 26]. Значение конкретной единицы выкристаллизовывается исходя из интенций говорящего, знания участников общения о мире, характера протекания коммуникации и т.д. Для позиции говорящего релевантный характер играет степень заинтересованности говорящего в сообщаемом [Гак 1982: 12].

Нерефлексивность оценки. Ряд исследователей [Каньо 1984; Арутюнова 1987; Никитин 2000 и 2004; Болдырев 2002] связывают функционирование категории оценки с понятием интуитивного. Интуиция порождает как объективные оценочные значения (ориентированная когнитивная оценка, качественная и количественная), так и субъективные значения, связанные с прагматическими интересами человека в окружающей среде. Интуиция признается «психологическим корнем» аксиологических категорий [Арутюнова 1987: 15]. Интуиция является методом, способом и орудием формирования оценки как следствие включенности организма в среду его обитания и результат его взаимодействия с миром [Никитин 2004: 70]. Это способ обработки информации человеком, осуществляемый вне рамок рационально-логического процесса. Она действует быстро и экономно, как непосредственная мыслительная реакция на предметы и события. Недостатком интуитивной оценки является то, что она позволяет судить о вещах на основании интуитивных критериев без верификации, поэтому она репрезентирует знание не всегда достоверно, не вполне точно. «Интуиция, – полагает М.В. Никитин, – предназначена служить инструментом прагматических структур сознания … продукт прагматических структур носит характер оценочный и интуитивный» [Никитин 2000: 69]. Исходя из связи оценки и интуиции, М.В. Никитин предлагает более широкий подход к понятию оценки. Оценка – мыслительное действие на интуитивной основе, цель которого

ориентировочно (в диапазоне от догадки до убеждения) установить наличие тех или иных признаков у вещей и событий. Результат оценки – мнение о наличии, количестве и качестве признаков у вещей и событий. На дологическом уровне сознания оценке соответствуют рефлекторные интуитивно-чувственные оценочные представления [Никитин 2000: 73].

Субъективность оценки. Оценка зависит от говорящего субъекта [Арутюнова 1998: 6], это часть индивидуального, субъективного процесса познания мира [Болдырев 2003 а, б: 104]. При взаимодействии человека с окружающим миром явления и объекты последнего оказывают на него воздействие, которое может не соответствовать комплексу влияний этих явлений и объектов на другого человека. Субъективный характер оценочных высказываний непреодолим: иначе они перестанут выполнять свою аксиологическую функцию [Quine 1967: 8; Searle 1970: 185; Болдырев: 2000: 105; Вольф 2002: 224; Чекурай 2006: 17]. По мнению М.М. Бахтина, «слова ничьи, и сами по себе ничего не оценивают, но они могут обслуживать любого говорящего и самые различные и прямо противоположные оценки говорящих» [Бахтин 1986: 264]. Необходимость отнесения оценки к субъекту вызвана тем, что являющееся хорошим для одного может быть плохим для другого, и поэтому следует всегда указывать, для кого именно нечто хорошо, то есть релятивизировать оценку путем указания лица, высказывающего ее [Ивин 1970: 22]. По словам З. Зембинского «оценка должна быть релятивирована путем указания оценивающего лица. Без этого предложение «роза красива» является точно так же неполным, как и предложение «Ян выше»; ни первое, ни второе из этих предложений не будет ни истинным, ни ложным до тех пор, пока не укажем, что роза красива для Петра, а Ян выше Адама» [Ziembinski 1963: 12].

Как утверждает М.В. Никитин, «оценочные суждения относятся к суждениям мнения. Последние лежат в области, промежуточной между сомнением и убеждением, между предположением и установленным знанием, между верой и доказательством» [Никитин 2004: 70]. Оценка в связи со своим интуитивным характером дает знание не полное и не точное, а только предварительное, приблизительное, всецело зависящее от pragматических представлений субъекта оценки.

Модус полагания составляет тот шаткий мост, который человек может перекинуть из мира ценностей – мира желаемого, идеального – в мир физический.

Именно модусу мнения подчинены мотивы оценки независимо от того, какую синтаксическую позицию они занимают в структуре предложения [Арутюнова 1998: 180]. Поскольку идеализированная модель мира не столь стабильна, достоверна и ощутима, как мир реальности, оценочные суждения не только участвуют в ее создании, они способствуют также ее познанию. В ее познании, как и в познании действительности, через постижение добра/зла человек узнает идеальное в реальном.

Б. Рассел также полагает, что определяющим свойством аксиологической дихотомии «хорошо – плохо» является ее относительный характер. Позиционирование предметов относительно данной шкалы зависит от установок и чувств говорящего. Данная категория носит избирательный характер. Понятие оценки, как и понятие времени, трудно описать, опираясь лишь только на безотносительные суждения. Вместе с тем, как и категория времени, оценка носит фундаментальный характер в интеллектуальной иерархии понятий, вырабатываемых человеческим сознанием [Russel 1953: 32].

Объективный характер мотивации оценочной реакции. Оценочные высказывания определяют отношения вещей, но при этом они порождаются этими вещами. Аристотель полагал, что «если кто-либо знает какое-либо отношение, он будет знать и то, в отношении к чему оно высказывается. Если неизвестно вообще, по отношению к чему позиционируется определенное явление, то не будет известно также, находится ли оно в некотором составе по отношению к чему-нибудь» [Аристотель 1998: 1138].

Оценочное значение обусловлено фактическими свойствами предмета, которые выступают в качестве **мотива оценки** [Вольф 2002: 18]. Мотив оценки, как правило, имеет объективный характер. В число мотивов могут входить свойства объекта, связанные с данным объектом факты, закономерности и особенности эмпирического восприятия объекта, различные реакции человека на разные виды объектов. Между мотивом оценки и самой оценкой нет прямой связи, хотя они и находятся в постоянном эмпирическом взаимодействии в сознании людей. Их разделяет та непреодолимая преграда, которой человек отделен от физического мира. Ценности могут существовать как в рамках сознания одного человека, так и разделяться всем обществом [Гальскова, Тарева 2004; Zheltukhina, Vikulova, Serebrennikova, Gerasimova, Borbotko 2016].

Деятельностный характер оценки. С философской точки зрения оценочный характер отражения действительности субъектом относится к числу имманентных характеристик познания [Гринин 1987: 59]. Современные исследователи отмечают когнитивный характер системы ценностей [Никитин 2004: 73; Чекурай 2006: 18]. Ценность выступает как специфическая категория человеческого типа освоения действительности [Радбиль 2017: 99]. Автор выделяет биологические, психологические, утилитарные, моральные, интеллектуальные и эстетические ценности. Совокупность оснований функционирования оценочной способности представляет собой иерархическую динамическую структуру, в которой Ю.Д. Гринин выделяет относительно самостоятельные ценностно-нормативный, социокультурный, личностно-профессиональный, ситуационный и операциональный планы [Гринин 1987: 69].

Нормативность и регулятивность оценки. Практически невозможно найти феномен, как в сфере человеческой деятельности, так и в сфере бытия природы, где не существовало норм, приписываемых ему человеком. Люди, усваивая нормы, бытующие в том или ином обществе с ранних этапов своего развития, оценивают происходящие события относительно последних. Привычки и клише, усвоенные человеком в процессе жизнедеятельности, служат основой нормативного анализа бытия. По Н.Д. Арутюновой, «привычка – мотивированная норма индивидуального поведения» [Арутюнова 1998: 6].

Оценка, как вытекает из философских и лингвистических концепций, связана с понятием нормы и ценности. Она квалифицирует и классифицирует, идентифицирует и отождествляет на основе ценностных представлений в картине мира человека в виде диахотомий: «хорошо – плохо», «красиво – некрасиво», «полезно – неполезно» и т.д. [Никитин 2004: 73]. М.В. Никитин сводит ценностные шаблоны к двум большим принципиальным группам: модально-истинностные и ценностные, причем модально-истинностные шаблоны относятся к когнитивно-рациональной сфере мышления, а ценностные – к когнитивно-эмоциональной сфере субъекта.

Комплекс вопросов, касающихся нормы в сфере семантики, рассматривался рядом отечественных и зарубежных лингвистов (например, [Арутюнова 1998; Вольф 2002; Никитин 1997; 2002; Красных 2003; Лукьянова 1986 б.; Дридзе 1972; Russel 1953; Hare 1972; Rosch 1978; Peregrin 1995]). Норма в когнитивном аспекте

освещается в трудах В.И. Карасика, Г.Е. Крейдлина, М.А. Кронгауза, Н.Н. Болдырева и др.

Дж. Мур предлагает разграничить моральные принципы – «правила идеала», которые базируются на этике долга И. Канта, и «физическое добро и зло», основывающееся, в свою очередь, на традиционных, правовых и прагматических представлениях о мире [Moore 1922: 13, 17]. Р. Хэр и Дж. Уорнок именуют высказывания, описывающие оценочно-нормативные аксиомы, «прескриптивными высказываниями» [Hare 1970: 221; Warnock 1983: 151], функция которых – управлять поведением человека, они существуют в форме совета, разрешения/запрещения делать что-либо; при этом признается, что управление поведением человека не исчерпывается лишь сферой оценки. Оценочная деятельность состоит в построении особого пространства, которое представляет собой систему нормативных положений, являющихся отправной точкой для механизма оценки.

Явления действительности, которые не укладываются в рамки норм, расцениваются индивидом как неестественные или же аномальные. Нормы описывают поведенческие табу, нарушение которых вызывает отрицательную реакцию участников общения [Карасик 2004: 25]. Наиболее ярко эта черта нормативно-оценочных высказываний проявляется в отрицательных ФЕ, например, *don't quarrel with your bread and butter* («не руби сук, на котором сидишь»). Человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда выделяются на общем фоне норм. Ненормативное явление озадачивает, объяснить его причину означает свести ненормативное явление к норме или открыть дотоле неизвестное – новую норму [Крейдлин 1994: 2]. Понятие нормы распространяется только на позитивные оценки, поскольку позиция «хорошо» является исходной при оценке. Положительная оценка означает, что процесс протекает нормально; негативная оценка подразумевает отклонение от нормы или же то, что характер протекания процесса не удовлетворяет всем нормативным требованиям [Арутюнова 1987: 3]. Иными словами, аксиологическая норма сдвинута в сторону положительного полюса. В оценочной шкале заключена асимметрия: норма и среднее не совпадают, норма удалена от отрицательной части шкалы [Вольф 1986: 98; Никитин 1997: 176; Лукьянова 1986 б: 24].

Нормы существуют благодаря наличию переменной и постоянной составляющих [Кронгауз 2004: 141]. В каждом конкретном случае в зависимости

от контекста, индивидуального опыта как говорящего, так и слушающего могут появиться колебания в трактовке нормы. Таким образом, оценка, основанная на сравнении и отрицании, стремится к норме и отталкивается от нее. Эти виды оценки обладают и центростремительной, и центробежной динамикой. Нормативная оценка представляет собой наложение двух систем или двух миров – реального и ценностного, идеального [Болдырев 2000: 137]. В.И. Карасик применяет для описания ценностных норм термин «социокультурные оценочные признаки» [Карасик 2004: 84], с помощью которых представляется возможным описать поведение как отдельного представителя социума, так и ту социальную группу, к которой он принадлежит.

Бинарность оценки. Бинарность оценки установили еще античные философы, выделив разнополюсность оценки. Платон описывал добро и зло как вечные сущности, «идеи» [Платон 1999: 22], существующие в рамках закона взаимоперехода противоположностей. В рамках современного языкознания [Арутюнова 1998: 121; Банина 2001: 3; Вольф 2002: 5; Болдырев 2003: 139; Никитин 2004: 44] эта система также описывается как оппозиция положительных и отрицательных значений. Предлагаются различные термины для положительной и отрицательной оценки: мелиоративная и пейоративная оценка [Банина 2001: 3], плюс-оценка и минус-оценка [Френкель 1982: 10], положительные и отрицательные идентификаторы оценки [Тухтаходжаева 1982: 16], положительные и отрицательные факторы [Арутюнова 1998: 72].

В трудах разных лет выделялись и такие свойства оценки, как **эмоциональность** [Фадеева 1989: 6; Долинин 1987: 264; Тухтаходжаева 1982: 12; Ильюшина 2001: 114 и др.]; **ироничность** – инверсия языкового знака от плюса к минусу [Френкель 1982: 10; Ильюшина 2001: 31]; **ситуативность** – зависимость оценочных высказываний от контекста [Тухтаходжаева 1982: 12; Ильюшина 2001: 119]; **коммуникативность** [Ильюшина 2001: 115]; **интенсивность** (позиции «сильное/слабое неодобрение» и «сильное/слабое одобрение») [Банина 2001: 22]. Все вышеперечисленные категориальные признаки оценки являются релевантными характеристиками, актуальными для нашего исследования.

Специфика оценочного значения. В современной когнитивной парадигме лингвоаксиологии оценочное значение рассматривается как определенная концептуальная схема, отражающая выделенность в сознании человека некоторого аспекта окружающей его физической или социальной реальности. В этом плане

оценки представляют собой функции своего рода системы координат, организованной вокруг триады *хорошо – нейтрально – плохо*, и в этом смысле в поле оценивания попадают различные сущности.

Начало описанию когнитивных механизмов оценки было положено в логике, где в механизме оценки выделяется три компонента деятельности по оцениванию оценки: *субъект*, *объект*, *основание*. Данные компоненты образуют структуру, характерную для всех языковых оценок [Ивин 1970: 25]. Под *субъектом* оценки понимается лицо или группа лиц, приписывающие ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки. *Объектом* оценки являются объекты или объект, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются. Третьим компонентом оценивания является *основание*, с точки зрения которого производится оценка [Ивин 1970: 12]. Это та сторона или признак денотата, который подвергается оценке [Никитин 2004: 72]. В качестве *основания* оценки может выступать не только чувство, но и некоторый образец, стандарт. К примеру, фразы «хороший певец», «хороший генерал» означают в случае таких оценок примерно то же, что «такой певец или генерал, каким он должен быть». Слово «должен» указывает на существование определенных стандартов [Ивин 1970: 22]. Стандартные представления о том, какими должны быть вещи определенного типа, не являются неизменными и зависят от ряда экстралингвистических факторов – культурных, политических, национальных, природных.

Основываясь на вышеизложенных механизмах оценивания, Е.М. Вольф выводит следующую формулу построения оценочных высказываний, модальную рамку»: «*A r B*», где «*A*» представляет субъект оценки, «*B*» – ее объект (предмет), а «*r*» оценочное отношение, соотносимое с основанием оценки, которое имеет значение «хорошо/плохо». В естественном языке оценка может быть представлена по-разному; как словами *хороший*, *плохой*, *умный*, *глупый*, *нравиться*, *одобрять*, *уважать*, *презирать*, так и семантикой высказывания в целом [Вольф 2002: 12].

В когнитивном понимании оценочного значения перспективным выглядит путь определения значения через его соотношение с эталоном, стереотипом, нормой. Этот подход применен, например, в исследовании В.А. Марьинчик: «**Оценочное значение** мы понимаем, как отношение между объективно существующим миром и его стереотипной моделью, нормой. Оценочное значение закрепляется в сознании

членов лингво-культурного сообщества и формирует оценочность языковой единицы. **Оценочность** есть потенциал слова, его способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта, фиксировать его на оценочной оси, в аксиологическом поле. Оценочное значение слова есть часть его общего значения» [Марьянчик 2011: 133]. Данную интерпретацию оценочной семантики слова правомерно распространить и на исследование ФЕ в силу их очевидной изоморфности по отношению к лексеме.

Типология языковых оценок. Оценочные значения классифицируются по ряду параметров [Френкель 1982; Тухтаходжаева 1982; Арутюнова 1998; Болдырев 2001 а, б; 2002; 2003; Никитин 1999; 2000; Банина 2001; Корнилов 2003 и др.]. Взаимодействие субъекта оценки с ее объектом лежит в основе классификации общеоценочных и частнооценочных значений [Арутюнова 1998: 75]. *Общеоценочный тип* значений определяется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами (*превосходный*, *замечательный*, *дряной*, *скверный* и т.д.), которые выражают некий аксиологический итог. Характер общей оценки вытекает из механизма оценки. Каждый объект действительности обладает неким набором аксиологически релевантных свойств, которые учитываются при оценке. Общая оценка представляет собой своего рода баланс положительных и отрицательных факторов, она достигается соотношением количеств. «Чтобы вывести общую оценку, – по мнению Н.Д. Арутюновой, – нужно перевести количество в качество» [Арутюнова 1998: 74]. Общеоценочные высказывания имеют релятивный характер. Фразы, строящиеся по типу *good thing – bad thing*, получают оценку лишь при взаимодействии с концептуальными структурами, которые определяют особенности строения и содержания оценочных категорий [Гаврилова 2005: 5]. Общая оценка описывает свойства объектов в функциональном плане [Vendler 1967: 195; Moore 1922: 1]. Для успешного выполнения своей функции предмет должен иметь ряд качеств, соответствующих конвенциональным нормам. Е.М. Вольф отмечает, что набор свойств, которые замещает общая оценка, является неопределенным в количественном и качественном отношении, поскольку не определен круг хороших и плохих поступков. Если бы не существовало стереотипов, оценочные высказывания не могли бы служить коммуникации [Вольф 1986 б: 84].

Общей оценке противостоит частная оценка. *Частную оценку* выражают значения, оценивающие объект с определенной точки зрения, по параметрам

добroе / злое, красивое / безобразное, вкусное / невкусное, полезное / вредное и пр. В классификации частнооценочных значений Н.Д. Арутюнова выделяет три группы. Первая группа: *сенсорно-вкусовые* (гедонистические) оценки; *психологические оценки* (интеллектуальные: *интересный, увлекательный, банальный* и эмоциональные: *радостный, желанный, приятный*). Вторая группа: *сублимированные* (абсолютные) оценки (эстетические оценки, основанные на синтезе сенсорных и психологических: *красивый, прекрасный*; этические оценки, основаны на нормах: *моральный, добрый, порочный*). Третья группа: *рационалистические* оценки, связанные с практической деятельностью человека (утилитарные: *полезный, вредный*; нормативные: *правильный, нормальный, здоровый*; телесологические: *эффективный, негодный*) [Арутюнова 1998: 52].

В работах Л.К. Байрамовой предлагается классификация частнооценочных явлений языка, основанная на типах ценностей, которым соответствуют те или иные **аксиологемы** – абстрактные концепты с семантикой оценки, представленные в виде бинарных оппозиций: «вitalные (аксиологемы: *жизнь – смерть, здоровье – болезнь*), гедонистические (аксиологемы: *счастье – несчастье*), священные (аксиологемы: *родина – чужбина*), социально – утилитарные (аксиологемы: *труд – безработица / лень – отдых*), материально – утилитарные (аксиологемы: *богатый – бедный*); интеллектуально-познавательные (аксиологемы: *умный – глупый*); нравственно-этические (аксиологемы: *правда – ложь*); эмоционально-утилитарные (аксиологемы: *смех – плач*); религиозные (аксиологемы: *рай – ад*)» [Байрамова 2008: 300].

Еще одна классификация оценок связана с градацией оценки по **характеру выражения оценочного содержания**. Оценки в этом плане делятся на *абсолютные* оценки, выражаемые понятиями «хорошо», «плохо» и «оценочно безразлично», и *компаративные* (в терминологии А.А. Ивина *сравнительные* или *относительные*) оценки, в которых используются понятия «лучше», «хуже» и «равноценно». Характер абсолютной оценки определяется тем, квалифицирует ли она свой предмет как хороший, как плохой или как безразличный, например, *a good dog deserves a good bone* (букв.: «хорошая собака заслуживает хорошей кости») [Ивин 1972].

При *абсолютной* оценке речь идет об одном оценочном объекте, при *компаративной* – имеются, по крайней мере, два объекта или два состояния

одного и того же объекта. В абсолютных оценочных структурах сравнение прямо не выражено. Иными словами, абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, в то время как сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом [Вольф 1986 b: 15].

Важной проблемой является вопрос о первичности / вторичности (исходности) *абсолютной и компаративной* (относительной) оценок, который не имеет однозначного решения. При семантическом анализе обнаруживается, что оценка неотделима от сравнения: абсолютные признаки имплицитно содержат сравнение, и сравнение, таким образом, первично. Как отмечает Э. Сепир, «градуирование как психический процесс предшествует измерению и счету. Мера «фут» не имеет значения, пока мы не знаем, что он больше, чем дюйм, и меньше, чем ярд» [Sapir 1968: 93].

Также существует еще одна классификация оценок – это разделение оценок на *внешние* и *внутренние*. Большая группа оценок представляет собой выражение чистого чувства, без «примеси» рассудочности. Оценки, являющиеся выражениями чувства симпатии, антипатии, склонности, безразличия и т. п., относят к *внутренним*. Основанием оценки может быть и некоторая иная оценка, когда имеет место «оценка оценки». Оценки этого типа принято относить к *внешним*, или *утилитарным* [Ивин 1970: 31]. Предмету приписывается здесь положительная, отрицательная или нулевая ценность не сама по себе, а как средство достижения или устранения некоторых иных вещей, оцениваемых положительно или отрицательно, например: *a good arrow cannot be made of a sow's tail* букв.: «невозможно сделать стрелу из свиного хвоста»).

Таким образом, оценка в перечисленных классификациях предстает как весьма разноплановое явление. Принадлежность языкового выражения к тому или иному классу определяется его содержательной стороной. При рассмотрении видов оценок в фразеологизмах мы используем классификацию Н.Д. Арутюновой поскольку она недвусмысленна, функциональна и детализирована, что позволяет адекватно описать такое многофакторное явление, как ФЕ.

1.3.3. Образно-метафорические механизмы выражения языковой оценки

Применительно к целям и задачам данного исследования важно отметить, что интересующие нас устойчивые связные сочетания языка, как правило,

выражают языковую оценочность особого типа, особым образом. Оценка в ФЕ реализуется не посредством прямых оценочных суждений по модели X – это хорошо / плохо (или хорошо / плохо, что P), а посредством разного рода образных, метафорических структур. Подобный, непрямой способ актуализации оценочных смыслов имеет свои особенности.

Образный тип познания действительности рассматривается в философии и языкоznании как один из двух главных каналов взаимодействия сознания с миром объективной реальности, наряду с типом дискурсивным, рационально-логическим [Сартр 2002: 54; Арутюнова 1999: 315; Fodor 1995: 4; Арнольд 2006: 113]. В широком смысле термин «образ» означает отражение внешнего мира в сознании и является сквозной категорией, присутствующей в парадигме гуманитарного знания начиная с периода античной философии, что говорит о его значимости для человеческого существования.

Б. Спиноза был одним из первых, кто ввел этот термин в научный обиход [Спиноза 2001: 41]. Он утверждает, что чем к большему числу вещей относится какой-либо образ или аффект, тем более причин, которыми он может возбуждаться и поддерживаться и которые душа, по предположению, находясь под влиянием этого аффекта, созерцает вместе с ним. Под аффектами философ понимает наши чувства, эмоции, оценки. Д. Юм описывает образы как «восприятия, которые входят в сознание с наибольшей силой и неудержимостью», он называл их «впечатлениями» [Юм 1995: 62]. Образ рождается в сознании как наглядное чувственное представление, «мысленная картинка» [Флоренский 1990: 111]. Ему свойственны такие черты, как «допустимость» и «целесообразность» [Флоренский 1990: 112]. Образ не материален, возникает в процессе восприятия, но в самом восприятии не участвует. Образ возникает «в ситуации отсутствия». Образ – категория сознания, а не действительности. В сознании он не может быть до конца объективирован посредством механизмов языка. Между картиной и словами невозможен эквивалентный обмен [Дэвидсон 1990: 186]. Образ не идентичен оригиналу. Его назначение состоит в обобщении накопленного опыта, связанного с объектом или классом объектов. Это итог наглядного обобщения, отбора ситуаций максимального соответствия внешнего обличия духовному содержанию [Арутюнова 1999: 320]. В понятии образа обозначилась идея формы, мыслимой отвлеченно от субстанции и поэтому воспроизводимой. Образ воплощает в себе единство формы и содержания.

Образ дуалистичен: с одной стороны, он рассматривается как нечто неделимое, где каждое качество разлито по всей его протяженности и проникает в остальные, с другой – как совокупность различных свойств, как система фрагментарных аспектов, в которой просматривается ее первоначальная нерасчлененность [Сартр 2002: 171]. Образ детерминирован некоторыми признаками и характеристиками, которые наполняют его достоверным содержанием, наличие которых является необходимым условием для понимания «сущности образа» [Сартр 2002: 53]. Метафоризированные, образные признаки образуются путем вычленения, «отщепления» от денотата исходного понятия, которое используется для характеристики нового объекта. Так происходит «удвоение» метафоризируемого денотата [Скляревская 2004: 21].

По мнению Дж. Лакоффа «мышление является образным (imaginative) в том смысле, что те понятия, которые не основываются непосредственно на опыте, используют метафору, метонимию, ментальные образы – все это выходит за пределы буквального отражения или репрезентации внешней реальности, ... именно способность воображения позволяет нам мыслить «абстрактно» и выводить разум за пределы того, что мы можем увидеть и почувствовать» [Лакофф а, б 2004: 13]. Еще А.А. Потебня в свое время отмечал, что образ заменяет сложное и трудноуловимое близким, наглядным, образная символика полисемантична [Потебня 1999: 90].

Образ в сознании существует не изолированно, а как система, сходные элементы которой группируются в модели (парадигмы) образов. Чтобы понять образ, нужно понять его когнитивную парадигму [Резанова 2003: 24; Павлович 2004: 14]. При всем «внешнем» различии образов каждая группа имеет инвариант – смысл, общий для всех ее членов. Такой инвариант представляет парадигму образов и состоит из двух смыслов, связанных отношением отождествления: левого элемента (того, что отождествляется с чем-либо) и правого элемента (того, с чем происходит отождествление).

Образ, например, может изучаться в рамках классической теории тропов, для которой характерно понимание образа как совокупности самых широких ассоциаций, которые он порождает. Значение образа рассматривается, по Н.В. Павлович, как «вольная интерпретация, фантазия на заданную тему, рассказ о том, что хотел сказать этим автор». В соответствии с тропической традицией образ

описывается как один из компонентов значения тропов [Павлович 2004: 30; Арнольд 2006: 117].

В современной науке о языке доминирует когнитивно-ориентированное представление об образе как о специфическом способе непрямого выражения значимой информации. Под образностью понимается способность языкового знака выразить неязыковое содержание посредством целостного наглядного представления-образа [Лукьянова 1986 а: 71]. Ср. в этом смысле определение образа, сформулированное Н.Ф. Алефиренко, – это «предметно-чувственное отражение в сознании человека номинируемого объекта, возникающее у коммуникантов» [Алефиренко 2008: 54].

Образность является качественным свойством плана содержания языковых явлений, объективирующим его когнитивную составляющую. В основе любого наименования лежит образ, образную основу имеют фразеологизмы. По словам Е.М. Марковой, «признак – это всегда образ, история каждого слова есть сгущение образов – исходных представлений в законченное понятие о предмете» [Маркова 2007 а: 18].

По мнению Н.Д. Арутюновой образ представляет собой механизм стихийного, непроизвольного исследования мира в жизни [Арутюнова 1999: 319]. Креативность невозможна без интуиции, эмоции и образности. Данная сторона языкового значения так же важна, как и логическая. Язык – это двустороннее структурно-функциональное единство, в котором эмоционально-экспрессивная сторона равна логико-понятийной.

Ш. Балли выделял: 1) конкретные образы (воспринимаемые воображением), 2) эмоциональные или ослабленные образы (воспринимаемые чувствами), 3) мертвые образы (воспринимаемые рассудком) [Балли 1961: 226].

В целях нашего исследования важно, что образность выступает как существенное свойство ФЕ в широком смысле слова. Так, например, Н.Ф. Алефиренко рассматривает образность как свойство связанных сочетаний сохранять и воспроизводить образ при использовании его в речи [Алефиренко 2008: 54]. При этом лишь те концептуальные образования, которые имеют перцептивную (наглядно-образную) основу, могут иметь однозначный и безотносительный культурно-аксиологический характер [Rosch 1978: 195; Огольцова 2005: 56; Арнольд 2006: 114].

Основным концептуальным и языковым средством создания образа выступает модель метафорической репрезентации некоторого содержания [Lakoff, Johnson 1980; Leech 1983; Gibbs 1994; Goatley 1997; Cowie 1998; Jackendoff 2002; Croft, Cruise 2004; Блэк 1990; Дэвидсон 1990; Баевский 2001; Афанасьев 2002: 17].

Метафоры / образы представляют собой универсальное явление когниции [Lakoff, Johnson 1980; Goatley 1997: 109; Никитин 1997: 269; Пищальникова, Сонин, Карданова 2008: 158], она возникает в силу особенностей человеческого мышления и существует в языке не только потому, что отвечает ряду его функциональных требований. Аналогия как языковой механизм является креативным механизмом языкового творчества. Человек создает новые формы, опираясь на образцы уже знакомых реалий [Chomsky 1988: 9].

Метафору можно представить в виде верхушки затопленной модели [Блэк, 1990: 161]. В сознании носителей языка она связывает предметы окружающего мира на основе общественных представлений и опыта. В отличие от научного знания, метафоры могут содержать полуправду и даже ошибочные сведения. В основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную внеязыковую действительность и потому можно утверждать, что она служит не только именованию, но и мышлению [Ортега-и-Гассет 1990: 72]. Метафора служит орудием мысли, при помощи которого человеку удается достигнуть отдаленных участков своего концептуального поля [Арутюнова 1990: 7].

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский также отмечают, что в основе переосмыслинного, образного значения ФЕ лежит концепт, который реализуется во внутренней форме ФЕ на основании метафоры. Исследователи предлагают когнитивно-ориентированный подход к изучению концептуального содержания описываемых устойчивых единиц языка. Значение ФЕ, основанных на метафоре, представляется авторам как нечто цельное – единый образ, неразложимый на отдельные составляющие. Для этого естественно обратиться к стратегии толкования, основанной не на разложении смысла, а на его **узнавании** как концепта, уже имеющегося в сознании носителя языка. Именно в этом случае появляется возможность апеллировать к метафоре, к образу. Такая стратегия толкования должна основываться не на аналитическом описании метафоры, а на намеке, на «триггере», спускающем крючок ассоциаций, приводящих к нужному образу. Здесь уместно предложить аналогию угадывания слова в кроссворде:

именно так может быть устроен триггер – намек [Баранов, Добровольский 1998: 41]. ФЕ отражают ментальные модели, *модели внутренней формы* [Баранов, Добровольский 2008: 36]. Среди них выделяются метонимические модели, модели множества, модели счета, модели пространства, модели времени, синонимические модели, модель сравнений. Каждая из приведенных выше базовых моделей рассматривается авторами как подсистема, включающая в себя модели более низкого уровня. В состав этих подсистем входят группы идиом, построенных сходным образом, на основании одной или нескольких, синонимичных, синтаксических структур.

Важно подчеркнуть, что в трудах ряда отечественных авторов прослеживается тенденция рассматривать метафоры в свете их способности выражать оценочные значения [Вольф 2002; Телия 1999; Томашевский 2002; Банина 2001]. Возникновение оценочного смысла при метафоризации связано с природой самой метафоры. Как метафора, так и оценка основаны на сопоставлении явлений по некоему основанию – основанию сравнения (*tertium comparationis*). Важной чертой метафорических высказываний, в том числе имеющих оценочное значение, является их способность нести ярко выраженное экспрессивное значение при помощи относительно кратких по форме высказываний: «метафора сокращает эмоциональную оценку до уровня одного слова, что делает метафору важным средством языковой компрессии, так как при минимуме лексических средств дается полная оценка соответствующей реалии» [Банина 2001: 5].

К метафоре прибегают в том случае, если определенный феномен либо нуждается в именовании, либо его первичное имя не отвечает целям коммуникации, и в чем-то необходимом уступает метафоризируемому имени. Для целей данного исследования особый интерес вызывают **эмотивно-оценочные метафоры**. В них сходство сравниваемых предметов (денотатов) порождается не онтологией вещей, а имеет эпистемическую, когнитивную природу. Метафорический сдвиг порождается механизмами переработки информации и должен быть отнесен на их счет. Данный вид метафор предполагает также переключение из когнитивного плана в прагматический. Здесь бесконечное разнообразие объектов, могущих вызвать определенное эмоциональное состояние слушающего выкристаллизовывается в конкретные структуры, несущие ограниченное число экспрессивно-оценочных значений [Никитин 2002: 210].

По мнению В.А. Марьянчик, образ, стоящий за словом, служит базой для выведения оценки, является ее основанием, следовательно, в структуре значения слова возможно выделение **образно-оценочного компонента** [Марьянчик 2011: 141]. Образность номинации связана с метафорическим мышлением: «Образ прорывается в язык через метафору, а метафора в своем дальнейшем семиотическом развитии либо поднимается до символа, либо опускается до знака» [Калашникова 2008: 54]. Нетрудно видеть, что эти рассуждения применимы и к специфике выражения оценочности во ФЕ.

Таким образом, оценочная составляющая исследуемых ФЕ имеет особую, образно-метафорическую природу, что обусловливает возможности **экстенсии**, т.е. расширения их оценочного потенциала как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

1.3.4. Принципы лингвокогнитивного анализа языковой оценки в фразеологических концептах

Специфика когнитивной интерпретации оценочной семантики в фразеологизме. ФЕ с семантикой оценки рассматриваются в работе как единицы, реализующие аксиологический потенциал языка и выступают как продукт вторичной номинации особого типа, так называемой **оценочной номинации**: «Оценочная номинация есть процесс и результат создания лексико-фразеологической единицы с оценочным значением – слова, фразеологизма, составного термина» [Марьянчик 2011: 127].

В качестве важнейших объектов описания действительности является человек в широком смысле и окружающий его мир [Красных 2003: 299]. Язык представляет собой систему привычек, систему предрасположенности индивида к той или иной модели поведения, которая достигается воспитанием и собственным опытом [Chomsky 1988: 137]. Человек хранит в памяти знания о типичных установках, действиях, ожиданиях ответных действий и оценочных языковых реакциях применительно к тем или иным ситуациям [Карасик 2004: 25]. Количество речевых ситуаций бесконечно, тогда как реакции человека конечны и сводимы к определенным правилам реагирования. Чтобы описать то или иное значение, нужно провести «реконструкцию» речевой ситуации, в которой оно употреблено [Peregrin 1995: 175]. Все это применимо и к специфике ценностных суждений в составе ФЕ. О.А. Корнилов отмечает, что «ценностные суждения – это

не только результат эмоционального восприятия, но и обобщение коллективного жизненного опыта, результат осмыслиения общественной практики, квинтэссенция народной мудрости» [Корнилов 2003: 231].

ФЕ способны выражать межпредметные категории, выделенные Аристотелем: состояние, действие, качество, степень, интенсивность, количество, описание ситуации и положения дел [Латина 1991: 137]. Обозначение фрагментов действительности происходит в ФЕ при установлении аналогии между новым содержанием и типизированной ситуацией, которая выражается внутренней формой ФЕ [Grzybek 1991: 201]. Ситуативно-событийные высказывания, отражаясь в языке, но не порожденные им, занимают в семантике особое место [Parsons 1994: 21].

В этом плане вполне логично, что исследователи фразеологии [Fleischer 1991; Телия 1999; Иванова 2003] отмечают способность описываемых языковых единиц выражать оценку сквозь призму культурологической информации, поскольку они являются одним из средств сохранения, накопления и распространения этой информации. У. Тейлор выдвигает идею о том, что следует изучать фразеологизмы не изолированно, а относительно других ФЕ, он вводит в этой связи понятие **мотивации** [Taylor 2004: 49–74], а мы можем говорить о системном характере фразеосистемы языка и стоящих за ней когнитивных моделях представления внешней среды и внутреннего мира человека. М.Л. Ковшова также рассматривает ФЕ как элементы культурного пространства, которые зарождаются на пересечении языка и культуры [Ковшова 2016: 145]. Они порождаются культурной средой и существуют в ней. Культура представляет собой пространство смыслов, вырабатываемых человеком в процессе миропонимания и вторичных знаковых систем, кодов, в которых находят применение различные материальные и формальные средства, для выражения смыслов культуры [Ковшова 2012: 145]. Система ценностных ориентиров создается именно культурой и поддерживается ей, она закономерно находит свое отражение в рамках ФЕ. Автор вводит понятие *фразеологическая оценка* (выделено нами – А.Л.), которое является результатом ценностного осмыслиения ФЕ сквозь призму установок культуры, с которыми корреспондирует как денотативно-сигнификативная информация ФЕ, так и его образ [Ковшова 2016: 145].

С.Е. Никитина, рассматривая «коллективные фольклорные тексты», описывает ФЕ в широком смысле (включая и паремии) как достояние каждого

члена традиционного социума. Автор этих произведений – коллективная языковая личность, фольклорный социум, субъект особого рода, творящий свое мироздание, свою эстетику, свою аксиологию, свой поэтический язык и свои коллективные культурные тексты [Никитина 1993: 13]. Однако субъект оценочного действия редко выражается напрямую, «пословица не любит конкретизации субъекта» [Семененко, Шипицина 2005], чему способствует синтаксическая структура пословицы. Наиболее ярко это проявляется в отрицательных моделях: *don't put the cat among the canaries* (ERPD) (букв. «не оставляй кошку среди канареек»). Так, А.Д. Райхштейн отмечает бо́льшую частотность фразеологических негаций, главным образом, острой речемыслительной реакции людей именно на отрицательные факты [Райхштейн 1980: 11].

Достижением лингвокогнитивного подхода к анализу оценочной семантики ФЕ мы считаем **признание градуируемого характера языковой оценочности**, так называемой «компаративной семантики оценки» [Арутюнова 1998: 238] у ФЕ. Это понимание основано на применении научного инструментария теории прототипов (см. выше), когда подлежащий оценке объект сравнивается с неким эталоном, зафиксированным в сознании социума. Многие авторы отмечают близость категорий оценки и компаративности, так как в обыденном сознании одно может толковаться через другое [Телия 1981; Тухтаходжаева 1982; Вежбицкая 1999; Князев 2001; Лернер, Куперман 1998; Вольф 2002; Петрова 2003; Урысон 1999; Серебренников 1988 а; Леэметс 1988]. Компаративность является одной из когнитивных категорий, это «интегральная единица человеческого сознания, позволяющая преодолевать грань между миром языка и сознанием отдельного человека» [Quine 1967: 8]. Феномен сравнения является универсальным для человека как в психологическом восприятии, так и в ассоциативном мышлении и предметной деятельности [Серебренников 1988 а: 89].

Система операциональных предпочтений в языке строится исходя из механизма градации, основанного на аналитическом рассмотрении сравниваемых явлений и предметов по их признакам, результатом чего является выделение в них простейших понятийных структур, которые в дальнейшем подлежат сопоставлению. Градация предполагает также заданную иерархическую систему размещения сущностей по уровням общности обнаруживаемых у них признаков [Sapir 1968; Chomsky 1988; Леэметс 1988; Болдырев 2001 а, б; Николаева 2002].

Компаративность оценочных высказываний может быть выражена не только имплицитно, но и эксплицитно. Средства выражения оценки в рамках компаративных моделей включают систему разноуровневых средств языка (морфологических, синтаксических, лексических и стилистических). Дж. Найтс именует данные образования «семантическими парадигмами», которые могут быть описаны как со стороны структуры, так и со стороны содержания [Nuyts 2004: 277]. Это система, описывающая как динамический процесс функционального выбора определенной грамматической формы для достижения определенных целей, так и статическую форму, результирующую сделанный выбор [Fortescue 2004: 151].

В обследованном материале встречаются различные интенсификаторы компаративной оценки [Фадеева 1989: 7; Арутюнова 1999: 248], такие, как прием антонимизации: *better the last smile than the first laughter* (WDP) (букв.: «лучше улыбаться в конце, чем начале»); прием повтора: *better to do well than to say well* (ERPD) («лучше хорошо делать, чем хорошо говорить»); использование лексических интенсификаторов: *better go to heaven in rags than to hell in embroidery* (ERPD) (букв.: «лучше попасть в рай в лохмотьях, чем в ад в расшитом платье»).

При этом компаративные суждения так же, как и оценочные, существуют только благодаря системе норм, которые и служат мерилом при сопоставлении сравниваемых понятий [Князев 1996: 129; Никитин 2000: 67].

Важную роль в семантике компаративной оценки играет логика предпочтений [Ивин 1970: 26]. Среди форм компаративной оценки Н.Д Арутюнова выделяет «*предложения операционального предпочтения*», выражающие объективно-прагматические смыслы, в отличие от неоперациональных предложений, которые отражают спонтанные и индивидуальные оценочные решения [Арутюнова 1998: 234]. Характер компаративной оценки зависит от того, обладает ли один из сравниваемых предметов меньшей ценностью, чем другой, или же она характеризует сопоставляемые предметы как равноценные. Компаративы «лучше» и «хуже» описывают преимущественно ситуации, создаваемые волей и действиями человека, выражают модальность желания, целесообразности или нежелания, нецелесообразности. Они отталкиваются от нормы в сторону положительного или отрицательного [Вольф 1986: 5]: ср.: *better an egg today than a hen tomorrow* (EPSRE) (букв.: «лучше яйцо сегодня, чем курица завтра»). Понятия «лучше» или «хуже» являются конверсивами: сказать, что А лучше В, значит сказать, что В

хуже А. Примечательно, что семантика «антипредпочтений», выражаемая оценочными маркерами «хуже» и «наихудший», а также их синонимами, представлена в картине мира весьма скучно. Это объясняется направленностью человека прежде всего на выделение и отражение в сознании положительного. В качестве примера можно привести паремии: *debt is the worst poverty* (ERPD); *false friends are worse than bitter enemies* (ERPD).

В ФЕ с семантикой операциональных предпочтений выделяются *прямая* и *реверсивная* оценочная шкала. Прямая оценочная шкала представляет собой традиционный вид шкалы для выявления семантики операциональных предпочтений. Высказывания с семантикой оценочной предпочтительности представляют в рамках прямой оценочной шкалы различные виды отношений между составляющими ее элементами. С ее помощью могут описываться как положительные ценности, так и антиценности. Выбор предпочтительного объекта осуществляется по совокупности оценочных признаков, которые выражают прямую оценочную шкалу.

Прагматика ряда предложений операционального предпочтения направлена на шкалирование признаков и ситуаций относительно нулевой отметки. ФЕ признают их недостаточность, «ущербность» относительно существующих в сознании носителей языка ценностных норм. Пейоративным фактором являются как количественные, так и качественные показатели. Однако в семантике описываемых единиц постулируется положительный признак для описываемой жизненной ситуации, поскольку альтернативой будет являться его полное отсутствие.

Предложения операционального предпочтения описывают прагматически опосредованную ситуацию выбора. Выбор требует мотивировки, ее обычно ищут в практической целесообразности, удобстве, легкости, надежности, желанности и прочих частных оценках [Арутюнова 1988: 256]. Предложения операционального предпочтения привлекаются для описания идеи предпочтения прагматических ценностей, некой уступки желаниям человека в пользу реальных благ. Описываемые высказывания имеют сложную двухуровневую семантику. Рассмотрим высказывания:

1. *better a small fish than an empty dish* («лучше маленькая рыбка, чем пустая тарелка»);
2. *a living dog is better than a dead lion* («живая собака лучше мертвого льва»).

Данные высказывания имеют образный характер, но различаются в семантике. В высказывании *better a small fish than an empty dish*, реализующем прямую оценочную шкалу, ценностные предпочтения выражают два образа с разной позицией на ценностной шкале. Для понимания ФЕ *a living dog is better than a dead lion* нужно произвести, как минимум, две когнитивные операции. Первое действие состоит в идентификации двух образов: собаки и льва, выявлении большей ценности образа льва как более сильного животного относительно другого, собаки – животного более слабого. Второе мыслительное действие состоит в создании новой шкалы, ориентированной на сопоставление других оценочных признаков: «живой» – «мертвый». Дихотомия признаков «сильный» – «слабый» уходит на задний план. Вторая оппозиция – оценочные признаки – является более важной, чем первая, она меняет соотношение оцениваемых образов, переставляет их «с ног на голову». Таким образом, семантика высказывания *a living dog is better than a dead lion* актуализирует оценочную шкалу, которую можно назвать *реверсивной*, в ней образ льва занимает более низкое положение, чем образ собаки. В основе данного высказывания лежит *реверсивная оценочная шкала*. Она была названа так потому, что в ней разрушается привычное соотношение образов в ценностной шкале. Под действием ситуативных признаков образы, конвенциально более ценные относительно других, уступают место в шкале менее ценностным. Иными словами, *реверсивной* является шкала, в которой предмет, обладающий большим количеством ценностных признаков, признается менее предпочтительным в рамках конкретного высказывания под воздействием ряда аксиологических факторов. На первый план выступает менее значимый для картины мира предмет. Таким образом разрушаются стандартные представления о ценностных характеристиках явлений и возникает новая шкала, истинностная для конкретной жизненной ситуации.

В качестве промежуточного итога рассуждений – возникает закономерный вопрос, все ли без исключения ФЕ содержат в себе языковую оценочность? Согласно И.В. Фадеевой, связные сочетания в естественном языке по отношению к оценочному потенциалу могут быть подразделены на четыре класса: безоценочные (дескриптивные) единицы; единицы, в которых оценка проявляется в зависимости от контекста (потенциально-оценочные единицы); коннотативно-оценочные единицы; сигнifikативно-оценочные единицы [Фадеева 1989: 4]. Отметим, что в коннотативно-оценочных единицах оценка фигурирует как дополнительный

компонент значения, тогда как в сигнifikативно-оценочных единицах оценка занимает центральное место.

Несмотря на наличие внеоценочных ФЕ, согласно принятой нами концепции исследования, они все же входят в языковое поле оценочности, обладая своего рода «нулевой» оценочностью (ср. понятие значимого нуля в семиотических системах, противопоставленное простому, незначимому отсутствию чего-либо). Кроме того, и в количественном соотношении число внеоценочных ФЕ на порядок ниже количества потенциально-оценочных, коннотативно-оценочных и сигнifikативно-оценочных единиц в языках мира в силу самой природы ФЕ.

Когнитивный подход к интерпретации специфики оценочной семантики в лингвистической аксиологии закономерно приводит к признанию существования особых типов концептов – так называемых **аксиологических концептов**, «они не только имеют ценностную составляющую, но соотносятся с ценностями как их ментальные эквиваленты. **Аксиологический концепт** – это ментальный конструкт, сосредоточивающий в себе знания, представления, понятия о духовных ценностях – нравственных, эстетических, познавательных, религиозных (*красота, свобода, праведность и грех, правда истина и др.*)» [Марьинчик 2011: 81].

Несколько иначе аксиологический концепт понимается в работе Е.С. Миронец, под которым автор понимает концепт, дополненный оценочными компонентами: «Ценностная составляющая аксиологического концепта может быть выявлена через анализ оценочных значений языковых единиц, паремий, прецедентных текстов. Наличие ценностного и оценочного компонентов в составе аксиологических концептов указывает на систему ценностей и ориентиров, закрепленную в коллективном сознании общества. Оценочный компонент является показателем положительного или отрицательного отношения общества к определенным явлениям жизни» [Миронец 2007: 10].

В нашей работе **когнитивная модель** ФЕ включает в свое концептуальное содержание **ценостный компонент** (см. ниже).

В целях нашего исследования важно, что аксиогенные ситуации осмысливаются в виде **концептов** – квантов переживаемого знания – и объективируются в семантике слов и фразеологизмов, в разного рода устойчивых клишированных высказываниях.

Ценостный компонент в концептуальном содержании фразеологизма. Ценостный компонент в содержании ФЕ выделяют многие исследователи

[Дмитриева 1997; Банина 2001; Корнилов 2003; Воркачев 2004; Карасик 2004 а; в], традиционно относят его к сфере прагматики [Newmeyer 1974: 327; Апресян 1995; Svensson 2008: 81; Алефиренко, Семененко 2017; Hunston, Su 2018].

Ценностный компонент ФЕ можно рассматривать как составную часть совокупной «ценностной картины мира», которая, в свою очередь, выступает как компонент языковой картины мира этноса [Карасик 2004в]. «Ценостная картина мира» обусловлена спецификой культуры этноса. Система культурных ценностей нации может быть описана как «культурные константы», «культурные измерения» [Fleischer 1995: 60], «культурные доминанты» [Карасик 2004в] или «культурный код» [Телия 1996; Шабанова, Кариева 2017]. Ценностные компоненты в ФЕ также являются элементами культурного кода, как система координат, которая содержит эталоны культуры. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, к которым также относится и аксиологическая оппозиция «хорошо – плохо» [Красных 2003: 297]. В рамках этих представлений в устойчивых сочетаниях языка описываются общественные, семейные, трудовые, религиозные отношения, а также отношения человека и природы. М. Фляйшер отмечает большую частоту употребления описываемых единиц в так называемых «традиционистских» культурах, которые в большей степени опираются на внутренние силы в своем развитии [Fleischer 1995: 60]. Анализ ФЕ, мотивированных образным переносом, позволяет получить представление и о ценностной составляющей наивной картины мира [Лапшина 1997: 41].

Одним из наиболее важных элементов ценностного компонента в концептуальном содержании изучаемых единиц является *модус общей оценки* по линии «положительно – отрицательно» [Фролова 2005: 125; Карасик 2002: 243, 2016: 40; Grzybek 1991: 201].

Если мы рассматриваем ФЕ как семантически и функционально изоморфные слову образования, вполне можно допустить существование оценочного компонента и для фразеологизма, в силу самой природы фразеологического значения как рефлекса вторичной номинации. В нашей концепции эта сущность как раз и именуется **ценостным компонентом** концептуального содержания ФЕ. Также для нас существенно постулирование иерархической структурированности оценочного компонента, который состоит из ряда субкомпонентов: «Инвариантная модель оценочного компонента включает понятийно-оценочный, эмотивно-оценочный, образно-оценочный, ассоциативно-оценочный (в т.ч. этно-оценочный,

идеологический и др.) субкомпоненты» [Марьянчик 2011: 135]. В нашей концепции элементы, составляющие совокупный ценностный компонент концептуального содержания ФЕ, именуются **оценочными (когнитивными) признаками** (см. ниже).

Оценочный когнитивный признак в ценностном компоненте.

М.В. Никитин предлагает модусный принцип описания оценочных высказываний. Модус оценки – один из возможных видов оценки, определяемых целью оцениваемого денотата [Никитин 2004: 72]. Он выделяет *бытийный, классификационный, идентификационный, дескриптивный, прагматический, количественный и качественный* модусы.

Частью языкового механизма оценивания, по мнению М.В. Никитина, являются «реляторы оценки» («базисные оценочные сферы») [Никитин 2004: 75], как ментальные механизмы отнесения представлений о денотатах с их признаками к соответствующим базисным оценочным сферам. В определении М.В. Никитина – это бинарные признаки по линии «хорошо – плохо», «полезно – вредно», «приятно – неприятно», «интересно – неинтересно», «такой, как следует – не такой, как следует». Оценка «хорошо – плохо» – это изначально простейшая, редуцированная, максимально обобщенная оценочная оппозиция, которая может быть раскрыта и описана в терминах других реляторов. Релятор действует на переходе от онтологии вещей к ценностной прагматике субъекта, от оснований к оценкам. Релятор переключает мысль из области когниции в область субъективных значимостей, соотнося одно с другим. Проекция онтологических систем оснований оценки на систему оценочных сфер определяет структуру значения оценочных слов. Это взаимодействие когниции с прагматикой, связь когнитивных признаков с ценностными обеспечивает максимальную диверсификацию оценочных понятий и оценочной лексики [Никитин 2004: 79].

Релятор является, таким образом, своего рода семантическим классификатором оценки, который, находясь над его основанием как общим признаком – *tertium comparationis*, – номинирует его [Ивин 1970: 12; Арутюнова 1999: 54; Вольф 2002: 24; Павлович 2004: 7 и др.]. Понятие релятора оценки соотносимо с выдвинутым в работах Е.В. Ивановой понятием «когнитема», под которой понимаются пропозициональные единицы познания, реконструируемые при анализе семантического пространства одной или нескольких языковых единиц [Иванова 2003: 57]. В свою очередь, с понятием «когнитема» коррелирует понятие

«когнитивный признак», выделяемое в работах ученых Воронежской концептуологической школы [Попова, Стернин 2007: 112] (см. раздел 1.2).

Если мы рассматриваем ФЕ как репрезентанты определенных форматов знания, когнитивных моделей, то мы постулируем наличие у них, помимо собственно языкового значения, определенное концептуальное содержание, которое шире языкового значения, поскольку включает в себя и экстралингвистические компоненты смысла, и которое формируется из **когнитивных признаков**. В рамках совокупного концептуального содержания для ряда ФЕ в широком смысле слова выделяется оценочная зона, или **ценостный компонент** (см. выше), который, в свою очередь, структурируется из **оценочных когнитивных признаков** (или, короче, **оценочных признаков**), описывающих свойства фразеологического концепта подобно релятору оценки. В.И. Карасик определяет этот объект нашего анализа как «статусный признак» [Карасик 2002: 235]. Этот признак, согласно В.П. Москвину, входит в ядро лексического значения слова, «окружая его подобно силовому полю» и образуя импликационал слова [Москвин 2006: 81; Никитин 1997: 225; Скляревская 2004: 45].

Обобщая вышеизложенное, мы можем дать рабочее определение ключевому для данной работы понятию **оценочный (когнитивный) признак**: *семантический элемент денотативного, сигнификативного или коннотативного характера в составе ценостного компонента концептуального содержания фразеологизма, выражающий общеоценочный или частнооценочный смысл как во фразеосистеме языка, так и в дискурсной реализации фразеологической единицы.*

1.3.5. Историческая изменчивость ценостного компонента в концептуальном содержании фразеологизмов

Изначально лингвокультурологическая проблематика, направленная на исследования связи языка и национального мировидения, языка и культуры, формировалась в русле диахронического подхода, что соответствовало существующему факту исторической изменчивости феноменов материальной и духовной культуры.

В отечественном гуманитарном знании этот подход связан с деятельностью В.В. Колесова, Ю.С. Степанова и др. Так, В.В. Колесов изучает своеобразие русской ментальности на материале истории русского языка, последовательно прослеживая инвариантные «культурные темы», сохраняющиеся неизменными в

«народной речемысли» [Колесов 2006]. На диахроническом подходе основана и деятельность этнолингвистики Н.И. Толстого, направленная на составление своеобразного «инвентаря» славянских древностей как своего рода «вербальных артефактов» славянской культуры. В частности, изучались особенности морфологии и структуры обрядовых и других форм народной культуры посредством разложения сложных культурных образований на простые элементы и фиксации повторяемости отдельных элементов или целых их блоков в разных фрагментах культурной традиции [приводится по: Мечковская 2004: 89-93]. Ю.С. Степанов предлагает диахронический анализ языковых данных (этимологии слов), составляющих базовый состав ключевых для русской культуры представлений, а также словоупотреблений и толкований слов и понятий, запечатленных в различных текстах – писателей, общественных деятелей, в других словарях [Степанов 1997].

Во всех этих и многих других концепциях прослеживается идея динамического развития национальной культуры как системы ценностей этноса. Этническая система ценностей существенно зависит от культурно-исторического контекста, от эволюции социокультурной среды, от изменения знаний об окружающем мире и духовных приоритетов этноса в процессе общественного развития [Викулова, Серебренникова, Кулагина 2011: 196; Федуленкова 2017: 176]. Содержание любой ценности следует рассматривать в диахроническом аспекте [Марьинчик 2011: 42]. Изменения исторического фона не могут пройти бесследно для человечества, «язык также чутко реагирует на аксиологические изменения, в том числе коррекцией прагматического компонента языковых единиц, изменением оценки слова» [Мельничук 2017: 58].

Языковое воплощение ценностей во фразеосистеме языка не является чем-то застывшим, но, как и любой феномен языка, когниции и культуры, представляет собой изменяющееся во времени явление, сохраняя при этом некоторые инвариантные черты. Подобная ситуация была охарактеризована нами выше в терминах инвариантно-вариантных образований, отражающих принципиальное единство синхронии и диахронии. Ср. в этом плане замечание Г.Н. Скляревской о том, что «в лексической системе синхрония и диахрония нераздельны и нерасчленимы: в каждый момент существования языка лексика сохраняет свою стабильность, только претерпевая непрерывные изменения» [Скляревская 1994: 5].

Изменения в оценочной сфере языка получили в лингвистике название **динамики аксиосферы** [Марьянчик 2011: 46], или **аксиологической динамики** [Юнусова 2009; Мельничук 2017]. «Под аксиологической динамикой мы понимаем изменение оценки слова с учетом внеязыковых и внутриязыковых факторов. Таким образом, сущность аксиологической динамики состоит в изменении безоценочной лексики на положительно или отрицательно оценочную, а также в постепенной замене какой-либо оценки на противоположную» [Мельничук 2017: 4]. Мы полагаем, что положения, применимые к квалификации аксиологической динамики слова, могут быть экстраполированы и на оценочную сферу ФЕ.

В исследовании В.А. Мельничук выделены и обобщены экстралингвистические и внутрилингвистические факторы, которые влияют на изменения ценностных представлений носителей языка и определяют изменения оценочного компонента языковых единиц. К экстралингвистическим факторам автор относит **социокультурные, общественные и психологические факторы**, среди которых особую роль играет изменение состава носителей языка, формирующих представления о норме, сословно-социальные языковые вкусы и их перемены [Мельничук 2017: 77]. Смена общественных классов, формирующих представление о норме, может стать причиной изменения оценки слова. Е.Д. Поливанов называет такие изменения «сдвигами в социальных субстратах языковых систем (и их элементов)» [Поливанов 2014: 317].

К числу внутрилингвистических факторов отнесены семантические сдвиги (расширение / сужение значения; метафоризация / метонимизация и пр.), заимствования (первичные и вторичные), ироническое переосмысление, лексико-грамматические изменения и пр. [Мельничук 2017: 78–82]. Мы считаем необходимым добавить в этот список такие факторы, как мелиоризация и пейоризация оценочных концептов (изменение «знака» оценочности с положительного на отрицательный и наоборот, повышение / понижение оценочного регистра), **экстенсия** оценочных концептов (расширение смыслового объема – количества оценочных признаков) [Лызлов 2017], изменение прагматических условий контекстной реализации (в том числе – способность сочетаться с противоположными прагматическими компонентами [Мельничук 2017: 82]), дефразеологизация, рефразеологизация и «новая фразеологизация» (появление фразеологических единиц на базе свободных сочетаний слов) и т.д.

Все вышесказанное позволяет нам сформулировать основные принципы анализа аксиологической динамики когнитивных моделей, стоящих за английскими фразеологизмами.

1.4. Построение методики исследования аксиологической составляющей фразеологизмов

В данной работе исследуется концептуализация аксиологических значений на базе английских ФЕ. Концептуализация есть проявление когнитивной деятельности человека; это проявление умственных, интеллектуальных способностей человека включает осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, построение особой картины мира – всего того, что составляет основу для рационального и осмысленного поведения человека (КСКТ 439).

На базе английских ФЕ исследуются процессы концептуализации, одного из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающегося в осмыслении поступающей к нему информации и приводящего к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в сознании человека. Это процесс описания возникновения разных структур (в терминологии нашей работы – моделей) представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц (в терминологии нашей работы – признаков А.Л.) Концептуализация может также рассматриваться как живой процесс порождения новых смыслов как в рамках концептосферы, так и в рамках отдельно взятого концепта, как процесс порождения и трансформации концептов (см.: [Rudzka-Ostyn 1988; 1993; Lakoff 1987: 303]. Она может рассматриваться как живой процесс порождения новых смыслов в рамках концепта, как концептуальная динамика.

На основе методов анализа концептов и когнитивного моделирования ФЕ в рамках лингвоаксиологического подхода наметим общую схему комплексного синхронно-диахронного когнитивно-дискурсивного исследования аксиологической динамики ФЕ средне- и новоанглийского периода в системе языка и в речевой реализации в разных типах дискурса (художественный и публицистический).

На первичном этапе исследования посредством сплошной выборки из словарей отбираются английские ФЕ определенных тематических полей: репрезентирующие реалии внешней среды (животный и растительный мир) и внутренний мир человека, которые содержат оценочный потенциал или имеют эксплицитную аксиологическую маркированность.

На следующем этапе исследования по данным лексикографических источников последовательно описываются ценностные компоненты английских ФЕ средне- и новоанглийского периода, обозначающих реалии внешней среды и внутреннего мира человека, и входящие в их состав оценочные (когнитивные) признаки, затем путем внутриязыкового сопоставления объема и содержания ценностного компонента в соответствующие периоды устанавливается характер аксиологической динамики ФЕ и выявляется их экстенсия (расширение объема ценностного компонента – увеличение количества оценочных признаков).

В данном исследовании концептуализация описывается при помощи триады: «концепт» – «когнитивная модель» – «признак».

Применяемый в исследовании метод когнитивного моделирования предполагает обнаружение аксиогенных ситуаций и аксиологически маркированных когнитивных моделей, стоящих за определённой ФЕ и создающих его позитивно- или негативно-оценочный характер. Этот сложный лингвокогнитивный комплекс можно именовать «фразеологический концепт». В совокупном концептуальном содержании концепта выявляется ценностный компонент. В рамках этого компонента можно, в свою очередь, выделить набор реляторов, или дифференциальных признаков, имеющих аксиологический потенциал (потенциально или реально), и оценочные (когнитивные) признаки.

Объем и содержание ценностного компонента, количество оценочных признаков, входящих в его состав, меняется со временем, как правило, в сторону увеличения, что обозначим как экстенсию. Процессы исторической изменчивости оценочного содержания ФЕ мы, вслед за рядом ученых, именуем аксиологической динамикой. Признак принимается как минимальная единица когниции. В работе выделяются аутентичные для средне- или новоанглийского периода признаки, а также константные признаки, которые встречаются как в СА, так и в НА.

ФЕ описывает некую ситуацию, типичный, воспроизведимый случай, релевантный в жизнедеятельности человека. Важный – значит ценный. Ситуация, воспроизведимая в ФЕ, описывается в работе путем построения когнитивной модели, включающей в себя концепт, который структурирует вокруг себя модель, являясь стержнем фразеситуации. Модель, согласно указанной выше триаде, является промежуточным звеном перехода от концепта к признаку, она раскрывает механизм объективации концепта во ФЕ. Модель характеризует концепт, указывает на проявление концепта как ментального продукта в реальной жизни.

Модель в лингвистике – это искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное «устройство», воспроизводящее или имитирующее (обычно в упрощённом виде) поведение какого-либо другого устройства в лингвистических целях. Моделирование выступает как средство углубления познания скрытых механизмов речевой деятельности, его движения от относительно примитивных моделей к более содержательным моделям, полнее раскрывающим сущность языка.

Если ФЕ образны, если в их значении прослеживается метафорический перенос, комплекс предстает в виде интеракции двух моделей: модели области источника метафорического переноса и модели области цели метафорического переноса. Первую модель назовем **образной моделью**, вторую – **базовой моделью**. Каждый концепт как базовый элемент модели, входящий в ту или иную сферу, изучается на предмет отражения в его ценностном компоненте совокупности оценочных признаков.

Базовые представления социума о событиях, феноменах и процессах, релевантных для англоязычной картины мира отражают глубинные когнитивные процессы, которые вербализуются в ярких образных формах, или образных моделях. Их содержательная сторона и структура позволяют выразить релевантную информацию в доступном для восприятия и удобном для запоминания виде.

Содержание ФЕ можно рассмотреть как интеракцию образной модели, которая основывается на ряде метафоризованных элементов и использует способ непрямой номинации, и базовой модели, которая является результатом прямой номинации. Иными словами, базовая модель направлена на мир человека, а образная модель направлена на мир природы. Базовая модель первична, она является первым результатом процесса когниции, отражает потребности человека в оценке самого себя и своего места в мире. Образная модель вторична, она строится на базе первой с привлечением метафоризации и именно таким образом описывает ценностные релевантные явления. Говоря языком математики, образная является производной величиной от базовой модели, механизмом, описывающим ценности экспрессивным способом, привлекая для номинации сложных явлений простые и понятные вещи.

Модели, как многомерные матричные образования, допускают классификацию еще по одному параметру, а именно: выделяются субъектные (агентивные) и объектные (пациентивные) репрезентации концепта, представленного во ФЕ.

В случае если концепт представлен как агент / экспериенцер (носитель признака), определяющий ситуацию, именно действия и свойства данного образного концепта оцениваются в ФЕ, выступая источником метафоризации.

При объектной репрезентации концепт также может выступать и оцениваться в рамках ситуации, когда концепт претерпевает ряд воздействий внешних факторов, и таким образом моделируется ситуация, которая подлежит оценке.

Далее, источником метафоризации может быть уже не концепт, который, как представлено выше, выступает либо как объект, либо как субъект, а скорее вся ситуация, которая и оценивается – положительно или отрицательно, но в таком случае исследуемый концепт не выступает объектом оценки, оставаясь при этом партиципантом ситуации, в которую попадает без приложения усилий со своей стороны, лишь в силу объективных обстоятельств - т.е. в фокус попадает не поведение исследуемого концепта как агента, а то, в какой ситуации он оказывается.

Аксиологическая динамика ФЕ находит языковое воплощение в изменении объема и содержания оценочных признаков в составе ценностного компонента той или иной «фразеологической модели» в рамках английской фразеосистемы от средне- к новоанглийскому периоду, в «экстенсии» (смысловом расширении в количественном и качественном аспекте) [Лызлов 2017].

Исходным пунктом анализа фразеологической динамики является концепт, он положен в основу фразеономинации, на его базе формируется образ. В соответствии с целями и задачами исследования эмпирическим путем, применяя метод сплошной выборки, из словарей были отобраны ФЕ английского языка, содержащие две группы концептов: репрезентирующие реалии внешней среды, воплощенные в номинациях явлений животного и растительного мира: «кошка», «собака», «лошадь», «лев», «свинья», «волк», «овца», «мышь» и «крыса», «петух» и «курица», «корова» и «бык», «рыба», «птица», и группа концептов, обозначающих растения (фитонимические концепты); репрезентирующие характеристики внутреннего мира человека, воплощенные в номинациях абстрактных категорий ментального, эмоционального, психологического, нравственного характера, а также концептуальные образования, репрезентирующие социальные реалии: «любовь», «смерть», «вражда» – «дружба», «глупость» – «ум» «удача» – «неудача», «ложь» – «правда», «бедность» – «богатство». Некоторые из

них объединяются попарно, составляя культурные оппозиции. Такой тип исходных концептов, ориентированных по преимуществу на отражение культурно-значимых абстрактных понятий, соответствует используемому в когнитивной лингвистике понятию «культурный концепт».

В рамках каждого раздела, посвященного описанию концепта, сначала рассматриваются ФЕ, объективирующие положительные оценочные признаки, затем – отрицательные. Номенклатура признаков выстраивается согласно принципу частотности. Если количество ФЕ, отражающих отдельный признак, одинаково, для удобства изложения применяется алфавитный принцип.

Описание результатов исследования включает сопоставительный количественный анализ экстенсии оценочных признаков ФЕ от СА к НА (представлен табличным способом). В работе принята следующая маркировка исследуемых фразеологизмов в тексте: курсивом без кавычек вводится сама ФЕ, в скобках приводится год вхождения в фразеосферу (год первоначальной фиксации в текстах, по словарям) и аббревиатура лексикографического источника, из которого извлечена данная ФЕ.

Приведём несколько примеров описания ФЕ, воплощающей концепты из сферы животного мира, их модели и признаки.

Рассмотрим ФЕ *a still dog bites sore* (1270, WDP). Основанием содержания данной единицы является субъектная модель; собака представлена как агенс фразеоситуации. Данная ФЕ как продукт концептуализации строится на основании абстрагированного представления о человеке и отражает некую нормативную сентенцию. В данном случае **базовая** модель имеет вид «человек может проявлять агрессию». Вторым этапом концептуализации является создание образной модели, описывающей указанное выше нормативное представление при помощи механизма метафоризации с привлечением зоонимического образного компонента для описания базовой модели. **Образная** модель имеет вид: «собака агрессивна, она кусается». Таким образом исследуемый концепт отражается как в образной, так и в базовой модели. В данной фразеоситуации описывается агрессивность. В базовой модели это агрессивность человека, в образной модели – это агрессивность собаки.

ФЕ *don't make yourself a mouse or the cat will eat you* (1875, WDP) является примером объектного моделирования во ФЕ. Ее базовая модель как продукт первого этапа концептуализации «трусливого человека может обидеть всякий» описывает психологическую характеристику человека. Ее производная – образная

модель для описания данной характеристики – оценочного признака использует прием метафоризации, задействует образ мыши как символа трусости и имеет вид: «мыши трусливы, они – потенциальные жертвы кошек».

Во фразеосфере АЯ содержится множество примеров фиксации ситуаций, в которых исследуемый концепт находится вне прямого употребления бинарной системы «агенс» – «пациенс». Так, ФЕ, восходящая к образам античной литературы, *a wolf in sheep's clothing* (1460, WDP) концептуализирует базовую модель «люди могут быть двуличными». Прежде чем стать речевым высказыванием, она трансформируется в образную модель с метафоризированным компонентом – зоонимом. Образная модель раскрывается в виде сентенции модели «волк – хитрец – двуличное животное». Две модели раскрывают такой оценочный признак, как «хитрость». Оценочный признак – это ось, соединяющая базовую и образную модели.

Приведём примеры описания ФЕ с концептом из сферы человека как базового элемента ее значения. ФЕ сферы человека используют механизм прямой номинации и базовая модель реализуется напрямую, без посредника – образной модели. Примером моделирования субъектного типа служит ФЕ *money makes a man* (1500, ODP). Ее базовая модель «богатство имеет большую власть над человеком» представляет оценочный признак «власть богатства». Объектное моделирование в ФЕ сферы человека может быть проиллюстрировано на примере ФЕ *prove your friend before you have need of him* (1400, WDP). Базовая модель «дружба нуждается в проверке» представляет оценочный признак «истинность дружбы». Ситуативный характер когнитивного моделирования для ФЕ сферы человека может быть проиллюстрирован на примере ФЕ *a friend in court is better than a penny in purse* (1400, WDP). Данная единица концептуализирует оценочный признак «ценность дружбы». Рассматриваемая ФЕ отражает базовую модель «дружба дороже денег».

На заключительном этапе производится верификация и уточнение полученных на предыдущем этапе исследования словарных данных посредством анализа особенностей дискурсивного варьирования, английских аксиологически маркированных ФЕ средне- и новоанглийского периода, обозначающих реалии внешней среды и внутреннего мира человека, в текстах, соответственно, художественного и публицистического характера.

Выводы по содержанию первой главы

В настоящее время в зарубежных и отечественных гуманитарных исследованиях на основе идей антропоцентризма, положений когнитивной лингвистики и лингвокультурологии активно развивается **лингвоаксиологический подход** к изучению феноменов языка и текста, в рамках которого ценностные аспекты значения рассматриваются как способ выражения категорий культуры, закрепленных в национальной картине мира.

Ценности и идеалы национальной культуры получают свою объективацию в категории языковой оценочности. Результатом языковой концептуализации мира является **ценостная картина мира**, выступающая как компонент совокупной национальной языковой картины мира. В рамках ценостной картины мира ценностные смыслы исследуются как система аксиологически маркированных концептов.

В качестве отдельного аспекта лингвоаксиологии следует рассматривать изучение ценностного потенциала фразеосистемы национального языка: ведь большинство ФЕ выражают прежде всего оценку как определенный тип ментальной реакции этноса на окружающую среду, и именно в ФЕ отражается весь комплекс духовной работы этноса по ориентации в мире, «отпечатывается» стиль его мировидения, система ценностей.

В настоящей работе принято широкое понимание ФЕ, в соответствии с которым в состав фразеологии включаются паремии, пословицы и другие устойчивые (цитаты, афоризмы, так называемые «крылатые слова») на основе наличия общего признака устойчивости и воспроизведимости.

Национально-культурная маркированность ФЕ проявляется как на уровне их символики, основанной на эталонах, стереотипах и являющейся своеобразным ключом к культурной памяти этноса, так и на уровне соотнесенности их семантики с особенностями социокультурного и исторического развития этноса, его духовной эволюции. Это вызывает необходимость учитывать и диахронические особенности в функционировании ФЕ, т.е. историко-лингвистического анализа фразеологии.

Описание национальной и культурной специфики выражения ценностей этноса в английской фразеологии как особого типа языковой концептуализации мира потребовало привлечение для анализа научного инструментария когнитивной лингвистики – в частности, методологии и методики концептуального анализа.

Концепт определяется как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности человека и несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.

В настоящем исследовании английские ФЕ рассматриваются как рефлексы когнитивного моделирования. Применяемый в исследовании метод **когнитивного моделирования** предполагает обнаружение аксиогенных ситуаций и аксиологически маркированных когнитивных моделей, стоящих за тем или иным фразеологизмом и создающих его позитивно- или негативно-оценочный характер.

Под **аксиогенной ситуацией** понимается прототипическая референтная ситуация (динамическое событие или статическое положение дел), по тем или иным причинам значимая для культурного самосознания этноса и тем самым допускающая ценностно-маркированное осмысление.

Под **аксиологически маркированной моделью** фразеологизмов понимается абстрактная концептуальная структура фреймового типа, в которой аккумулируются ценностно значимые для носителя языка представления, и которая является образным переосмыслением аксиогенной ситуации.

Этот сложный лингвокогнитивный комплекс, или **фразеологический концепт** представляет собой когнитивную модель представления определенного фрагмента знания о мире и / или системы ценностей.

Языковое воплощение экстралингвистической категории ценностей находит свое выражение в **языковой оценочности**, и, соответственно, –в оценке. В лингвокогнитивной интерпретации оценка определяется как компонент совокупного концептуального содержания единицы познания, вербализованной в словах, фразеологизмах, словосочетаниях, высказываниях, категориях, пропозициях и т.д., который выражает отношение субъекта оценки к объекту внеязыковой действительности посредством соотнесения отдельных его признаков с системой ценностей, принятых в данном языковом коллективе. Категориальными признаками языковой оценочности являются антропоцентричность, когнитивная природа, прагматичность, нерефлексивность, субъективность, деятельностный характер, нормативность, регулятивность, бинарность.

Оценочное значение понимается как отношение между миром и его стереотипной моделью, нормой, которое закрепляется в сознании членов сообщества и формирует оценочный потенциал языковой единицы.

Фразеологизмы с оценочной семантикой выступают как продукт вторичной номинации особого типа – так называемой **оценочной номинации**. Фразеологизмы чаще всего выражают языковую оценочность особым образом, посредством разного рода образных, метафорических структур. Подобный непрямой способ актуализации оценочных смыслов имеет свои особенности.

Совокупное концептуальное содержание аксиологически маркированного «фразеологического концепта» как когнитивной модели в качестве особого компонента непредметной природы включает в себя **ценостный компонент**. В свою очередь элементы, составляющие ценостный компонент концептуального содержания фразеологизма, именуются **оценочные (когнитивные) признаки**

Оценочный (когнитивный) признак определяется как семантический элемент в составе ценостного компонента концептуального содержания ФЕ, выражающий общеоценочный или частнооценочный смысл как в фразеосистеме языка, так и в дискурсной реализации ФЕ.

Разрабатываемый в работе синхронно-диахронный подход, анализирующий **аксиологическую динамику** ФЕ, изменения в оценочной сфере единиц и категорий языка с учетом внеязыковых и внутриязыковых факторов, основан на внутриязыковом сопоставлении объема и содержания оценочных признаков в соответствующих ФЕ средне- и новоанглийского периода.

По итогам рассмотрения теории и методологии вопроса, представленной в литературе, была обоснована концепция исследования, в соответствии с которой предполагается поэтапное выявление ценостного компонента и входящих в его состав оценочных (когнитивных) признаков английских ФЕ средне- и новоанглийского периода, обозначающих реалии внешней среды и внутреннего мира человека в фразеосистеме языка, по данным словарей и последующая верификация полученных данных посредством анализа особенностей дискурсивного варьирования указанных ФЕ в художественных и публицистических текстах. Сформулированные выше этапы анализа аксиологически маркированных ФЕ СА и НА представлены, соответственно, во второй и третей главах настоящего диссертационного исследования.

ГЛАВА 2. Аксиологическая динамика когнитивных моделей и оценочной составляющей фразеологизмов средне- и новоанглийского периода, презентирующих реалии природной среды

В настоящей главе рассматривается эволюция ценностных представлений об окружающей действительности и внутреннем мире человека, отраженная в когнитивных моделях английских ФЕ средне- и новоанглийского периода, в аспекте национальной и культурной специфики указанных ценностных представлений. Исследование на этом этапе проводится по данным словарей английского языка.

2.1. Аксиологический потенциал английских фразеологизмов, презентирующих реалии природной среды

Избирательный характер языкового мышления, в том числе и метафорического, отмечал еще А. Сеше: «Среди тысяч смутных ассоциаций, которые создаются благодаря речевой деятельности, (эмбрионы интеллекта) человек отдает предпочтение тем, которые отвечают наиболее насущным требованиям интеллекта и эмоциональной жизни» [Сеше 2003: 144]. Отражение мира построено на принципе пиков [Почепцов 2001: 112]. Иными словами, отражению подвергается не мир в целом, а лишь его релевантные узловые компоненты, которые наиболее полно характеризуют мир. Все это в полной мере относится и к манифестации реалий природной среды в языковой модели мира.

В соответствии с концепцией исследования в разделе 2. анализируются ФЕ, презентирующие реалии внешней среды посредством языковой объективации **концептов**, воплощенных в номинациях явлений животного и растительного мира: «кошка», «собака», «лошадь», «лев», «свинья», «волк», «овца», «мышь» и «крыса», «петух» и «курица», «корова» и «бык», «рыба», «птица», и концептов, обозначающих растения, по языковым данным среднеанглийского (СА) и новоанглийского (НА) периода.

2.1.1. Концепт «КОШКА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Кошка является амбивалентным образом как в СА, так и в НА. Она реализует различные виды оценки.

Положительные оценочные признаки концепта СА

В СА получают фиксацию положительные представления о кошке, воплощающей хитрость и настойчивость. В ФЕ *cat will (go) after kind* (1275, WDP), *the cat knows whose lips she licks* (1210, WDP) репрезентируется ситуация, в которой кошка выступает как субъект высказывания. В ней образная модель «кошка стремится к выгоде» отражает базовую модель «человек стремится к выгоде».

Мелиоративный признак «настойчивость» концептуализируется в образной модели «кошка любит сало» и представляет базовую модель «настойчивый человек добьется своего». В ФЕ *little by little like a cat eats the bacon* (1500, WDP) существует образная ситуация, когда человек, не имея возможности получить желаемое сразу, обретает его постепенно. Человек описывается через образ кошки, выступающей субъектом ситуации.

Отрицательные оценочные признаки концепта СА

К числу пейоративных признаков ФЕ с концептом «кошка», появившимися в ФЕ в среднеанглийский период, относятся избирательность и коварство.

Англичане для порицания избирательного человека, который не хочет поступиться своими правилами, используют ФЕ *the cat would eat fish but would not wet her feet* (1250, WDP). В данном случае имеет место фразеоситуация, когда образ кошки выступает в качестве агента. Данная ситуация отражена в образной модели «кошка избирательна», представляющей базовую модель «человек хочет получить блага, но не хочет прилагать дополнительные усилия, чтобы получить желаемое».

Ситуация игры, правила которой устанавливает кошка, встречаем в ФЕ, описывающей коварство: *as a cat plays with a mouse* (1340, WDP), которая задействует образную модель «кошка любит играть со своей жертвой» как проводник базовой модели «коварный человек не сразу раскрывает свои намерения». Она имеет вариант: *like a cat waiting for a mouse* (WDP), в котором элемент «играть» заменен на «подстерегать».

Концепт «кошка» представлен в СА оценочными моделями субъектного (агентивного) характера как для концептуализации положительных, так и отрицательных оценочных признаков.

Положительные признаки концепта НА

ФЕ НА представлены рядом новых мелиоративных признаков. Это «осторожность», «избирательность», «старость / опытность», «живучесть», «достоинство». Признаки СА «хитрость» и «настойчивость» не проявились в НА.

Английские ФЕ раскрывают образную модель «кошка не пойдет туда, где есть опасность». Область цели при метафоризации ФЕ описывается базовой моделью «осторожный человек всегда выйдет из опасной ситуации с наименьшими потерями», что воплощают единицы, описывающие осторожность: *the scalded cat fears cold water* (1611, WDP), *a cat falls upon his four legs* (1678, WDP). В первой ФЕ кошка выступает как объект, во второй – как субъект воздействия.

Образная модель «котенок повторяет действия взрослой кошки» отражает идею, представленную в базовой модели «молодые люди учатся у старых» в рамках ФЕ, одобряющих опыт: *an old cat laps as much milk as a young* (1605, WDP), *an old cat sports not with her prey* (1640, WDP). Образ старой кошки является основой фразеоситуаций, где данный образ выступает в агентивной роли.

ФЕ *a cat has nine lives* (1546, WDP) раскрывает базовую модель «человек может быть ловким и выживать в тяжелых ситуациях» в образной модели «кошка живучая». В данной ФЕ описывается физиологическая оценка и выражен признак «живучесть».

В ФЕ *a cat may look at a king* (1546, WDP) отражена национальная и культурная специфика английской фразеосистемы нового времени, она описывает ситуацию, в которой воплощается не столько скептическое отношение к монархии, сколько чувство собственного достоинства англичан.

Отрицательные признаки концепта НА

ФЕ НА представлены константным (встречающимся в СА) признаком – «коварство», а также новыми признаками: «жадность», «нервозность», «вражда», «бессмысленность», «неосмотрительность», «неприязнь», «неопределенность».

Кошка использована в образной модели «кошка может стать свирепой / поцарапать», которая объективирует базовую модель «в состоянии агрессии человек может причинить серьезный ущерб, дать отпор». ФЕ, описывающие агрессию: *a baited cat may grow as fierce as a lion* (1620, WDP) и *he that will play with cats must expect to be scratched* 1710 (WDP), *no playing with a straw before an old cat* (1546, WDP), выполняют дидактическую функцию – предупреждение от агрессии. Эмоциональная оценка реализуется во фразеоситуациях, где образ кошки выступает в качестве агента.

Базовая модель «человек, стесняющий себя в средствах для достижения цели, никогда ее не достигнет» раскрывает образную модель «кошка может ловить мышей в одежде» в ФЕ с семантикой утилитарной оценки *the cat in gloves catches*

no mice (1578, WDP), *keep no cats that will not catch mice* (1678, WDP). В данных ФЕ кошка выступает качестве субъекта фразеоситуации, дающего положительную оценку избирательности.

В НА в семантике ФЕ появляются аутентичные негативные признаки. Кошка как олицетворение коварства в противостоянии с мышью предстает в образной модели «кошка прикидывается добной / неагрессивной». Кошка является субъектом фразеоситуации, объектом – мышь. Имеет место отражение базовой модели: «коварный человек скрывает свои истинные намерения» в ФЕ *the cat invites a mouse to a feast* (1732, WDP), *cats hide their claws* (1732, WDP).

ФЕ действуют образную модель «кошка стремится находиться рядом с молочными продуктами», которая отражает базовую модель «жадный человек готов воспользоваться ситуацией» в ФЕ *send not a cat for lard* (1640, WDP), *the cat is in the cream-pot* (1678, WDP). ФЕ *like a cat round hot milk* (1855, WDP) объективирует базовую модель «недоступность желаемого». Данная единица порицает жадность, готовность предаться искушению.

В начале двадцатого века появляется единица: *a fat cat* (ERPD). Она объективирует негативную оценку чрезмерно богатого человека. Ее образная модель «кошки могут быть жирными» репрезентирует базовую модель «богатый человек, открыто демонстрирующий свою власть и богатство».

Образная модель «кошка беспокойна» описывает неспокойного человека в базовой модели «отчаявшийся человек не находит себе места», которая отражена в ФЕ *like a cat in bonfire, I do not know which way to turn* (1895, WDP), *like a cat in patens* (1913, WDP), *like a cat on hot bricks* (EPSRE). В них эмоциональная оценка ретранслируется путем использования образа кошки как субъекта фразеоситуации для описания нервозности и паники.

ФЕ *it would make a cat laugh* (1851, WDP) реализует признак «абсурдность». Базовая модель «абсурдные вещи вызывают смех» выражена в образной модели «это заставляет кошку смеяться». Ярко выраженная эмоциональная оценка во фразеоситуации строится при помощи образа кошки как объекта воздействия.

Концепты собаки и кошки, если они встречаются в рамках одной ФЕ, используются для описания вражды и реализуют базовую «заклятые враги никогда не помириются» и образную «кошка и собака всегда враждуют» модели. Они представлены в ФЕ, в которых образы кошки и собаки оказывают взаимное воздействие в плане субъект-объектных отношений: *to agree like cat and dog* (1566,

WDP), *none but cats and dogs are allowed to quarrel in my house* (1732, WDP), *the cat and dog may kiss yet are none the better friends* (1855, WDP).

Базовая модель «человек совершает бессмысленные действия, когда поставленные цели не соответствуют путем их достижения» отражается в образной модели «кошка выполняет странные, бессмысленные действия». Прием использования иронии встречается в ФЕ, в которых кошка является объектом негативных воздействий: *he signifies no more than a blind cat in a barn* (1732, WDP), *there are more ways of killing the cat than choking it with cream* (1855, WDP).

ФЕ *curiosity killed the cat* (1598, ODP) и *care killed the cat* (1598, ODP) раскрывают образную модель «излишнее любопытство / осторожность свойственны кошкам, что не доводит до добра». Образная модель в свою очередь отражает базовую модель «излишнее любопытство / осторожность не доводят человека до добра». В ней кошка предстает в качестве объекта фразеоситуации.

ФЕ *as the cat loves mustard* (1639, WDP) представляет базовую модель «некоторые вещи несовместимы», которая объективируется образной моделью «кошки не любят горчицу». В данной фразеоситуации эмоциональная оценка приставлена образом кошки, являющейся субъектом ситуации.

Известная ФЕ в «ночью все кошки серы» восходит к ФЕ *all cats are grey in the dark* (1546, WDP). В ней базовая модель «некоторые вещи могут быть непонятны в ситуации отсутствия достаточной информации» преобразуется в образную модель «животных трудно различать в темноте».

Отметим динамику использования оценочных моделей в НА. Наблюдается смена типа моделей. Для положительной оценки наблюдается разнонаправленность в описании моделей, для отрицательной оценки характерно преимущество моделей ситуативного типа.

2.1.2. Концепт «СОБАКА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Данный зоонимический концепт используется для реализации различного рода оценочных признаков и моделей.

Положительные оценочные признаки концепта в СА

Мелиоративными признаками фразеосфера СА с концептуальным компонентом «собака» являются «снисходительность», «старость / опытность», «хитрость».

ФЕ *when the whelp plays the old dog grins* (1500, WDP) объективирует базовую модель «опытные люди снисходительны к неискушенным», которая отражается в образной модели «собаки выражают заботу о своем потомстве».

Во фразеосистеме СА собака концептуализирует опыт как воплощение старости, который служит примером молодым. ФЕ *as the old dog barks, so does the young* (1470, WDP) раскрывает базовую модель «старые учатся у молодых», которая отражена в образной модели «животные подражают друг другу». В предлагаемой единице собака предстает как агент ситуации.

Ситуация: «ради выгоды человек способен делать многие вещи» в ФЕ *as courteous as a dog in the kitchen* (1377, WDP) представляет базовую модель, которая воплощается в образной модели «собака хорошо ведет себя на кухне». Рассматриваемая ситуация представляет собаку как активного носителя признака «хитрость».

Отрицательные оценочные признаки концепта CA

В СА концепт собака как элемент содержания ФЕ концептуализирует такие признаки, как «агрессивность», «суеверность», «жадность».

Агрессивность собаки отражается в ряде единиц СА, где образная модель «собака кусается» отражает базовую модель «человек может проявлять агрессию подобно собаке»: *a still dog bites sore* (1270, WDP), так возникает образ молчаливой собаки. ФЕ *a barking dog never bites* (1350, WDP) повествует о демонстративном поведении, о желании напугать, но не атаковать. Данная ситуация представляет собаку как субъект воздействий.

Признак «агрессивность» встречается и в образной модели: «собака рассматривает себя львом в безопасности», которая воплощает базовую модель «человек проявляет показную храбрость» в ФЕ *to beat the dog before the lion* (1386, WDP) (данная единица восходит к трудам Чосера) и *every dog contents himself a lion at home* (1666, WDP). В первой единице зооним «собака» выступает как объект, во втором – как субъект фразеоситуации.

Базовая модель «суеверный человек похож на собаку» отражается в образной модели «собака суевица». Описываемые ФЕ имеют локализатор, это может быть сумка: *to behave as dogs in a bag* (1380, WDP) (автором ФЕ считается Джон Уиклиф), ясли *like a dog in the manger* (1390, WDP) (авторство приписывается античному философу Тимону), ярмарка *like a dog in a fair* (1520, WDP). Непрямая

субъектность собаки для фразеоситуаций данных ФЕ в данных примерах подчеркивается локализатором.

ФЕ *when the dog gnaws a bone he loves no company* (1210, WDP) объективирует образную модель «собака может быть жадной» как производную базовой модели «человек может проявлять жадность подобно собаке». Гедонистическая оценка представлена здесь собакой в качестве субъекта фразеоситуации.

В СА ФЕ с концептом «собака» действуют все три типа описываемых моделей. В СА есть оценочные модели агентивного типа, как для ФЕ с положительной, так и для ФЕ с отрицательной оценкой. Отрицательная оценка в ФЕ выражается также многочисленными ситуативными моделями. Количество пациентивных моделей незначительно.

Положительные оценочные признаки концепта НА.

НА сохраняет такой признак, как «старость / опытность». В качестве образной модели действует ситуация «старая собака не лает понапрасну». Ее базовая модель выглядит следующим образом: «старый, опытный человек не делает напрасных или неверных действий». Идею о том, что к мнению зрелых людей стоит прислушаться, реализуют ФЕ *an old dog barks not in vain* (1578, WDP); *when the old dog barks he gives a counsel* (1640, WDP). Оценочную схему «опытный человек редко ошибается» реализуют ФЕ: *it is hard to make an old dog loop* (1523, WDP); *it is hard to make an old dog stoop* (1640, WDP). Область цели метафорического переноса по сравнению с СА неизменна. В области источника появляются новые глагольные элементы. Образ собаки здесь предстает как активный элемент фразеоситуации.

Негативная оценка излишней опытности как показателя старости, утраты жизненных сил и умений имеет место во ФЕ *an old dog will learn no new tricks* (1605, WDP).

В этот период возникают представления о собаке, связанные с взаимопомощью, удачливостью, работоспособностью. Собака предстает и как образ, вызывающий жалость – концепт «собака» может быть использован в рамках базовой модели «человек оказывается в ситуации, когда его вид или незавидное положение вызывают жалость». Его производной является образная модель «собака выглядит несчастной, потому, что она подвергается наказаниям / лишениям» в ФЕ *like a beaten dog* (1654, WDP); *he went as willingly as a dog to a*

whip (1654, WDP); *he looks like a dog under a door* (1678, WDP). Наиболее широкий смысл имеет компаративная ФЕ *to treat smb. like a dog* (1732, WDP). Жалость в связи с болезнью объективируется в ФЕ *as sick as a dog* (WDP). Образ собаки, вызывающий жалость, возникает во фразеоситуации, когда она выступает в роли объекта негативных воздействий.

Образная модель «собака не ест собаку» транслирует базовую модель «человек – представитель некоторой социальной группы не причиняет вреда собрату». Целевая ситуация реализует аспект культурного кода, запрет на зло в ФЕ *dog does not eat dog* (1651, WDP). Позднее появляется ФЕ: *it is a hard winter when dogs eat dogs* (1732, WDP). Стадный инстинкт, присущий собакам, лежит в основе образа в ФЕ *if one bark, all bark* (1639, WDP). Новое время использует концепт собаки для импликации оценочного признака взаимовыручки: *let the dog worry the dog* (1659, WDP). В данных единицах образ собаки реализован в качестве субъекта фразеоситуации.

Базовая модель «работоспособный человек может выполнять поставленные задачи» раскрывается в образной модели «собака способна выполнять команды и приносить пользу людям». ФЕ *a good dog deserves a good bone* (1611, WDP) выражает нравственную максиму «профессионализм должен быть достойно вознагражден». Положительная оценка активности отражается в ФЕ *the foremost dog catches the hare* (1670, WDP); *the dog that catches will carry* (1830, WDP). В двух последних высказываниях зооним «собака» является субъектом фраеоситуации.

Базовая модель «любой человек, даже не самый лучший, может иногда рассчитывать на милость судьбы» предстает в образной модели «каждая собака, даже плохая, может получить хорошую добычу» в ФЕ *every dog has his day* (1546, WDP); *the hindmost dog may catch the hare* (1580, WDP); *in a mouth of a bad dog often falls a good bone* (1639, WDP). Они говорят о том, что удача может прийти к любому.

Отрицательные оценочные признаки концепта НА

НА заимствует из СА такие признаки, как «агрессивность», «жадность».

Во многих ФЕ концепт «собака» используется для негативной оценки агрессии человека. Проявлением агрессии для собаки становится ее способность кусаться, что и легло в основу образной модели «собака проявляет агрессию – она кусается», которая является проводником базовой модели «человек проявляет агрессию в определенных обстоятельствах»: *let a sleeping dog lie* (1580, WDP).

Выражение *dogs bark before they bite* (1546, WDP) указывает на демонстративное поведение собаки перед актом агрессии и описывает событие, когда перед агрессией физической имеет место агрессия вербальная. В ФЕ *at every dog's bark seem not to awake* (1594, WDP) находим совет не обращать внимания на вербальную агрессию. ФЕ *a man may provoke his own dog to bite him* (1546, WDP) указывает, что причиной агрессии собаки является человек. Человек может сам быть причиной агрессивного поведения других. В ФЕ фигурируют образы сумасшедшей собаки, которые выражают немотивированную ярость и жестокость: *the mad dog bites his master* (1732, WDP); *I will never keep a dog to bite me* (1732, WDP).

Агрессия собаки в ФЕ *better to have a dog fawn upon you than bite you* (1639, WDP); *dogs bark as they are bread and fawn as they are fed* (1732, WDP) порождается голодом. Различные фразеситуации, описывающие агрессию, объективируют концепт «собака» как субъект ситуации.

Базовая модель «человек стремится туда, где выгодно» реализуется в образной модели «собака идет за кормом, а не за человеком, который дает его» в ФЕ *dogs wag their tales not so much in love to you than to your bread* (1611, WDP); *dogs gnaw bones because they cannot swallow them* (1670, WDP); *it would make a dog forget his dinner* (1630, WDP). Ряд ФЕ отражают ситуацию поиска выгоды: *if you wish a dog to follow you, feed him* (1855, WDP); *dogs will run away with the meat but not with the work* (1864, WDP). ФЕ, указанные выше, реализуют образ собаки как в качестве субъекта, так и в качестве объекта фразеситуации.

Концепт «собака» характеризуется значительным ростом негативных признаков в НА. Такие признаки, как «бессмысленность, суетливость, невозможность, порочность, трусость, смерть, неудача, приспособленчество» дополняют представление о собаке в английской лингвокультуре как носительнице пейоративных смыслов.

Образная модель «собаке наносят вред (убивают ее) при помощи еды» используется в ФЕ для объективации базовой модели «человек совершает бессмысленные действия, когда цели не соответствуют средствам». В ФЕ концепт «собака» задействуется в ситуации описания умерщвления в сочетании с тематикой еды или питья для создания иронического эффекта: *when a dog is drowning everyone offers him a drink* (1611, WDP); *a dog will not cry if you beat him with a bone* (1659, WDP), когда в рамках одной единицы сопоставляются идеи наказания и поощрения, еды и побоев. Концепт «собака» описывает идею

бессмысленности: *why keep a dog and bark yourself* (1583, WDP). В ряде ФЕ описывается идея вариативности: *there are more ways of killing a dog than choking it with butter* (1845, WDP); *you may choke a dog with pudding* (1875, WDP). ФЕ отличает объект воздействия, в первом случае это масло, во втором – пудинг. Данный признак негативной оценки использует зооним «собака» для описания ситуаций, в которых он задействуется в качестве объекта.

Так же, как и в СА, в НА появляется образ суеверной собаки. Образная модель при этом меняется: «собака проявляет беспокойство в определенном месте». Базовая модель остается неизменной: «беспокойный человек подобен собаке» и предстаёт в ФЕ *like a dog in a wheel* (1653, WDP); *to sleep a dog's sleep* (1732, WDP); *dogs that put up many hares kill none* (1732, WDP); *as busy as a dog in dough* (1879, WDP). Эмоциональная оценка данных ФЕ объективирована образом собаки, как субъекта ситуации.

Базовая модель «даже самый никчемный человек может принести пользу» реализована в образной модели «плоха та собака, которая не заслуживает поощрения» в рамках ФЕ с утилитарной оценкой: *it is a poor dog that is not worth whistling for* (1546, WDP); *it is an ill dog that deserves not a crust* (1639, WDP). Они выражают идею невозможности найти предмет, абсолютно не имеющий ценности, так же, как и идеальный предмет, описываемый в виде максимально эффективной собаки – *it is a good dog that can catch anything* (1678, WDP). В данных контекстах образ собаки задействуется в качестве субъекта фразеоситуации.

Образ грязной или блохастой собаки представлен в базовой модели «дурной человек, приверженный своим порокам, не способен от них отказаться, но способен развратить других людей». Ее отражением является образная модель «собака обладает рядом негативных черт, которые вызывают неприятие у окружающих», которая представлена в ФЕ *a dirty dog* (1578, WDP); *he who lies with dogs will rise with fleas* (1578, WDP) (используется для описания людей, которые, попав в дурную компанию, перенимают у них негативные привычки). ФЕ *the dog returns to his vomit* (1732, WDP), восходящая к библейским текстам, употребляется в функции порицания порочного человека, который не желает встать на путь исправления и опять возвращается к привычному образу поведения, которое вызывает у окружающих неприятие. Объект фразеоситуации – собака является в данных ФЕ экспрессивным носителем оценочных смыслов.

Ряд ФЕ использует концепт «собака» для языковой экспликации идеи смерти. Базовая модель «человека убивают из-за денег или по причине личной неприязни» репрезентирует образную модель «собаку предают смерти по определенной причине» в ФЕ *many a dog is hanged for his skin, and many a man is killed for his purse* (1639, WDP); *there are more ways to kill a dog than hanging* (1678, WDP); *give a dog a bad name and hang him* (1706, WDP). События в последней единице разворачиваются следующим образом: сначала создается негативное мнение о человеке, который выводится в данной единице в образе собаки, а затем расправляются с жертвой, не беспокоясь об общественном мнении. Зооним «собака» в данных фразеситуациях выполняет пассивную роль.

Образная модель: «плохая собака боится нападать / явлений природы». Она отражает базовую модель «трусливый человек боится идти навстречу опасности» в ФЕ *the scalded dog fears cold water* (1561, WDP); *a bad dog never sees the wolf* (1611, WDP); *dogs that run at a distance never bite* (1605, WDP).

Базовая модель «ради выгоды человек способен делать несвойственные ему вещи» представляет основу для образной модели «хорошая собака ходит в церковь» отражена в ФЕ *for fashion's sake a dog goes to church* (1732, WDP). Ее синоним *he is a good dog that goes to church* (1826, WDP). Первая единица имеет более узкое значение, она описывает причины поведения – желания соответствовать моде. Утилитарная оценка в данных ФЕ объективируется при помощи зоонима «собака», выступающего в качестве субъекта фразеситуации.

ФЕ *to go to the dogs* строится на основании образной модели «достаться псым». Она отражает базовую модель «пропасть, потерпеть неудачу». Эмоциональная оценка данной ФЕ воплощается в речи при помощи животного образа собаки как объекта фразеситуации.

НА отмечен присутствием в ФЕ с концептом «собака» всех типов моделей для двух видов оценки. Для ФЕ с положительной оценкой наибольшая представленность присуща ситуативным и агентивным моделям. Эти типы оценочных моделей наблюдаются и при анализе ФЕ с отрицательной оценкой. Пациентивные модели представляют собой меньшинство как для ФЕ с положительной, так и отрицательной оценкой.

2.1.3. Концепт «ЛОШАДЬ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Концепт «лошадь» в ФЕ амбивалентен, это животное ассоциируется с силой, выносливостью и с упрямством, усталостью и стремлением сохранить *status quo*. Он олицетворяет физическую силу и волю [Керлот 1994: 256; Иванова 2000: 134].

Положительные оценочные признаки концепта CA

Средневековые представления о лошади приводят к вербализации таких мелиоративных признаков, как «относительность» и «хитрость».

Относительность, нерелевантность внешних и внутренних параметров реализует ФЕ *a short horse is soon curried* (1350, ODP). «Хороший человек не всегда имеет превосходные внешние данные» – эта базовая модель служит основой для образной модели: «хорошая лошадь не всегда имеет превосходные внешние данные» в ФЕ с лошадью в качестве объекта фразеоситуации.

Хитрость, готовность расстаться с тем, что не принадлежит – этот признак встречаем в единице *he is ready to lend the horse who has never had one* (1320, WDP). В данной ФЕ предстает объектный характер лошади, она выражает пейоративную оценку тех людей, которые не держат слово. Исследуемая единица воплощает образную модель «человек с легкостью расстается с чужой лошадью», которая является проводником базовой модели «человек готов расстаться с тем, чего пока не имеет».

Отрицательные оценочные признаки концепта CA

К числу отрицательных признаков, концептуализируемых концептом «лошадь» в рамках ФЕ, относятся «непредусмотрительность», «упрямство», «опасность», «недосмотр».

«Поздно беспокоиться, когда произошла неприятность» – данная базовая модель объективирует признак «непредусмотрительность» и находит отражение в образной модели «поздно беспокоиться о пропавшей лошади» в ФЕ *it is too late to shut a stable door after the horse has bolted* (1350, ODP); *it is too late to shut a stable door after the horse is stolen* (1350, ODP). ФЕ отличаются способом представления события: в первой ФЕ лошадь как объект действий пропадает по причине недосмотра хозяина, во второй – хозяин лошади становится жертвой кражи.

Лошадь как объект в ФЕ *while the grass grows the steed starves* (1350, ODP), встречающейся в произведениях Шекспира, отражает базовую модель «человек страдает в отсутствие самого необходимого». Данная базовая модель воплощается

в образной модели: «лошадь без корма голодает». Данная единица объективирует признак «голод».

Образная модель «лошадь упрямая» представлена в базовой модели «человек может проявлять упрямство подобно лошади» в содержании ФЕ *you can take (lead) a horse to the water, but you can't make him drink* (1175, ODP), которая реализует представление о невозможности заставить человека трудиться без его желания. Неуправляемых людей сравнивают с необъезженной лошадью: *wild horses would not drag (pull away)* (ERPD), которая не хочет работать. Эмоциональная оценка данных единиц представляет лошадь в виде объекта фразеоситуаций.

Базовая модель «человек может быть опасен» отражается в образной модели «животные представляют опасность» в ФЕ *three things are not to be trusted: a cow's horn, a dog's tooth and a horse's hoof* (1383, ODP), которая представляет лошадь в качестве субъекта ситуации: она может представлять опасность.

Базовая модель «халатность может повлечь неприятности» представлена в рамках образной модели «человек может погибнуть из-за плохой упряжи». Известная ФЕ, порицающая недосмотр *for want of a shoe a horse was lost, for want of a horse a man was lost* (1390, ODP), в русском варианте популяризированная Маршаком, относится к периоду конца войн Алой и Белой розы и выполняет дидактическую функцию в английской культуре – учит воинов внимательно относиться к собственной экипировке. Исследователи относят ее возникновение к окончанию войны, к моменту гибели короля Ричарда III [Кунин 1998].

Лошадь концептуализируется в ряде ФЕ СА и представлена в агентивных, пациентивных и ситуативных оценочных моделях, реализующих как положительные, так и отрицательные оценочные признаки. Все типы моделей имеют почти равную дистрибуцию.

Положительные оценочные признаки концепта НА

В СА сохраняется признак, оценивающий относительность, нерелевантность внешних и внутренних параметров. «Хороший человек не всегда имеет превосходные внешние данные» – данная базовая модель воплощается в виде образной модели: «хорошая лошадь не всегда имеет превосходные внешние данные». Относительный характер оценки описывают ФЕ, в которых в качестве субъекта фразеоситуации выступает лошадь: *a good horse cannot be of bad colour* (1628, ODP); *a horse is neither better nor worse for his trapping* (1732, WDP); *the biggest horses are not the best travelers* (1732, WDP), которые эксплицируют

представление о том, что нельзя придавать чрезмерно большое значение внешнему виду и судить по нему о внутренних качествах человека.

Базовая модель «все относительно» реализует образная модель «взрослая лошадь – это не жеребенок» в ФЕ *an inch of horse is worth a span of a colt* (1732, WDP), когда присутствует образное сопоставление юности и зрелости.

Относительный характер вещей отражает и образная модель «человек и лошадь не идентичны» в ФЕ *a man is born in a stable that does not make him a horse* (1826, ODP). В ней эксплицирована идея о том, что качества человека не определяются его происхождением. ФЕ *there is nothing so good for the inside of a man as the outside of a horse* (1901, ODP) является критикой человеческой натуры.

Образ «темная лошадка» – *a dark horse* (1831, ERPD) был создан Б. Дизраэли, британским политиком середины XIX века.

Новое время порождает ряд положительных признаков для ФЕ, концептуализирующих лошадь: «подчинение, безотказность, сила, умеренность».

Лошадь воплощает не только, силу, но и непокорность, что отражает образная модель «хорошей лошади нужны хорошие узда и шпоры», воплощающая базовую модель «чтобы воспитать хорошего человека, его нужно научить подчиняться и держать его в строгости» в ФЕ, описывающих признак «подчинение»: *a boisterous horse must have a rough bridle* (1633, WDP); *a good horse needs a good spur* (1639, WDP); *a resty horse must have a sharp spur* (1639, WDP). За непослушанием должно последовать наказание, которое описывается в ФЕ *a horse that will not carry a saddle must have no oats* (1732, WDP); *it is a bridle and spur that makes a good horse* (1732, WDP). Педагогические взгляды англичан объективирует ФЕ *a colt you may break, an old horse you never can* (1654, ODP). В давние времена воспитание строилось на идеях жесткого подчинения, людей воспитывали в строгости, наказания превалировали. Эмоциональная оценка данных ФЕ реализуется посредством образа лошади как субъекта фразеоситуаций.

Описание безотказности, готовности выполнять работу встречаем в ФЕ *all lay the load to a willing horse* (1546, WDP), она отражает базовую модель «человек, который не может отстоять свои права, вынужден работать за других». Ее образная модель: «трудолюбивая лошадь работает больше других». Ситуация данной ФЕ представляет лошадь как объект воздействия, объективируя утилитарную оценку.

Образная модель «сильная лошадь делает работу быстро» воплощает базовую модель «человек может быть сильным как лошадь» в ФЕ *as strong as a*

horse (1703, WDP); *good horses make short miles* (1640, WDP), которые представляют лошадь в качестве субъекта фразеоситуации.

Базовая модель «нужно уметь довольствоваться малым» как репрезентант образной модели «лучше плохая лошадь, чем без лошади» представлена в ряде ФЕ с семантикой предпочтительности объективирующей умеренность: *better a lean jade than an empty halter* (1678, ODEP); *better be the horse than a cart* (1732, ODEP).

Отрицательные оценочные признаки концепта HA

В новое время появляются ФЕ, смещающие акценты в сфере пейоративной признаковой составляющей значений ФЕ с концептом «лошадь». Концепт «лошадь» становится ретранслятором наибольшего количества пейоративных признаков. В этот период возникают и получают фиксацию представления о лошади, связанные с голодом, бессмыслицей, небрежностью, невозможностью, усталостью, враждой, поспешностью, глупостью, завистью, несправедливостью, неблагодарностью, слабостью.

Образная модель, выражающая гедонистическую оценку «голодная лошадь много, ест», является воплощением базовой модели «голодный человек много ест». ФЕ *a hungry horse makes a clean manger* (1659, WDP); *a horse will not void oats* (1745, WDP); *eat like a horse* (WDP) используются для характеристики голодных людей. В ФЕ *he is so hungry that could eat a horse behind the saddle* (1678, ODP) лошадь является субъектом метафоризированной ситуации, в которой описывается голодный человек.

Образная модель «не нужно причинять боль (мертвой) лошади» отображает базовую модель «не нужно выполнять бессмысленных действий». Лошадь-объект реализуется в ФЕ, порицающей бессмыслицу: *don't beat a dead horse* (1732, ERPD); *never (don't) spur a willing horse* (1732, EPSRE). ФЕ призывает не уподобляться человеку, избивающему покорную или мертвую лошадь. ФЕ *hobby-horse* (ERPD) описывает бессмысленную затею.

Образная модель «чужая лошадь хуже всего присмотрена» используется в ряде ФЕ как проводник базовой модели: «человек не жалеет, не ценит чужое имущество». В данном случае используется утилитарная оценка, связанная с образом лошади, выполняющей объектную функцию в ФЕ, порицающей небрежность: *a hired horse is never tired* (1683, WDP); *the common horse is worst shod* (1546, WDP); *a pair of good spurs to a borrowed horse is better than oats* (1683, WDP).

Невозможность описывает базовая модель «нельзя достичь невозможного», она отражается в ряде ФЕ с уникальными образными моделями, в которых лошадь является объектом воздействия: «желания – это не лошади, на них на проедешь» и воплощается в ФЕ *if wishes were horses, beggars would ride* (1628, ODP) и в ФЕ *you can't ride two horses at once, you should not be in the circus* (1935, ODP). ФЕ выполняет дидактическую функцию в культуре: учит политиков балансировать между интересами крупных игроков на политической арене так же ловко, как это делает жокей. Образная модель «слепая лошадь не различает жестов» реализуется в ФЕ *a nod is as good as a wink for a blind horse* (1794, ODP); модель «нельзя заставить старую лошадь нести непосильный груз» – в ФЕ *put no more on an old horse than he can bear* (1775, WDP).

Образная модель «усталая лошадь спотыкается» необходима для того, чтобы выразить негативную оценку усталости, которая присутствует в базовой модели «даже самый выносливый человек устает». Право на ошибку представлено в ФЕ, в которых лошадь как субъект фразеоситуации репрезентирует человека: *every horse thinks her own pack heaviest* 1732 (WDP); *it is a good horse that never stumbles* (1530, WDP); *a horse stumbles that has four legs* (1640, WDP). Как элемент расширения компонентного состава, вторая ФЕ акцентирует отдельные признаки облика лошади.

ФЕ *they cannot set their horses together* (1639, ODP); *if two ride on a horse one must ride behind* (1598, ODP) концептуализируют базовую модель «враги не могут и / или не хотят прийти к соглашению», которая, в свою очередь, предстает в образной модели «враждующие люди не могут поделить лошадь / место для нее». В жизни человек далеко не всегда может быть первым, зачастую приходится уступать. Взаимоотношения людей описываются здесь при помощи лошади как объекта фразеоситуации.

Образная модель «лошадью нужно правильно управлять» в ряде ФЕ отражает базовую модель, порицающую поспешность: «не нужно делать необдуманных, поспешных непоследовательных действий»: *do not put a cart before a horse* (1520, ODP); *do not change horses in midstream* (1864, ODP); *it is not best to swap horses when crossing streams* (ODP). Хронотопическая ситуация в данных ФЕ представлена образами лошади как объекта воздействия: в упряжке, лошади, пересекающий водные преграды.

«Усердие без знаний остается невежеством» – данная базовая модель отражается в ФЕ в образе сбежавшей лошади, которая является достоянием хозяина, но воспользоваться ею нельзя: *zeal without knowledge is a runaway horse* (1611, WDP). Лошадь здесь представлена как субъект ситуации.

ФЕ *he that has a white horse and a fair wife is never without trouble* (1586, WDP), где лошадь представлена как объект, эксплуатирует образную модель «добрая лошадь, так же, как и красивая жена, может быть предметом зависти окружающих», которая, в свою очередь, отражается в базовой модели «исключительные ценности всегда становятся предметом зависти».

Базовая модель «одним можно все, другим – ничего» реализуется в образной модели «одни могут нарушать правила, другие – нет». Данные модели порицают несправедливость. Лошадь как объект представлена во ФЕ: *one man may steal a horse while another may not look over a hedge* (1546, ODP), где описывается ситуация, когда одним воспрещаются даже малейшие нарушения, когда другим все сходит с рук.

Базовая модель «человек не должен критиковать подарки» реализуется в образной модели «человек не должен оценивать подаренную лошадь» в ФЕ, в котором лошадь является объектом воздействия: *never look a gift horse into the mouth* (1510, ODP) является цитатой из латинских религиозных источников начала пятого века. Она учит уважительно относиться как к подарку, лошади, так и дарителю, и воздержаться от критических замечаний в адрес подарка. В данном контексте порицается неблагодарность.

Базовая модель «слабые духом люди стремятся выместить свои обиды на невинных» предстает во ФЕ *he that cannot beat the horse, beat the saddle* (1573, ODP). В ней лошадь предстает в качестве объекта.

НА отмечен ростом использования ситуативных и пациентивных моделей, которые являются носителями и положительных, и отрицательных оценочных признаков. Субъектные модели уступают двум другим по числу использования в ФЕ НА. Налицо общая количественная динамика ФЕ.

2.1.4. Концепты «БЫК» и «КОРОВА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Зоонимические концепты «бык» и «корова» универсальны. Они рассматриваются в работе в виде бинарной связки антонимического характера. В

СА они характеризуются наличием одного положительного и одного отрицательного признака.

Положительный оценочный признак концепта СА

Базовая модель «человек бывает быстрым» служит основой построения образной модели «корова бывает проворной» отражена в компаративной ФЕ *as nimble as a cow in a cage* (1399, WDP), которая носит нормативно-оценочный характер, реализует исследуемый образ как объект фразеоситуации.

Отрицательный оценочный признак концепта СА

Базовая модель «человек часто бывает лицемерным: кричит и плачет, не испытывая подлинных чувств», отражающаяся в виде образной модели «корова может мычать в ФЕ *seldom dies the ox that weeps for the cock* (1500, WDP); *a bellowing cow soon forgets her calf* (1330, ODP). Образ мычащей коровы как образ опечаленной женщины задействован в ФЕ для репрезентации представления о притворной печали. Данный признак реализует образ коровы как в субъектном, так и в объектном режиме.

ФЕ СА с зонимическим концептами «корова» и «бык» отмечены наличием положительной оценки, которая имеет разнонаправленный характер.

Положительные оценочные признаки концепта НА

В НА нет мелиоративных ФЕ с мелиоративным признаком предыдущего периода. При этом появляются новые ФЕ, смещающие акцент на объективацию таких признаковых смыслов, как «относительность», «опытность», «решительность», «обусловленность», «сила».

Базовая модель «в мире все относительно: хорошее может порождать плохое» отражается в образной модели «корова – не идеальна, она производит как плохое, так и хорошее». Наиболее ранней ФЕ из единиц, описывающих признак «относительность», является ФЕ *it is not all butter that comes from the cow* (1546, WDP). ФЕ *many a good cow has an evil calf* (1546, WDP) отражает ценностно маркированную ситуацию, когда у хороших родителей могут быть плохие дети. ФЕ *the largest calves are not the sweetest veal* (1605, WDP) репрезентирует представление о том, что физиологические размеры не всегда отражают положительные свойства организма. ФЕ *the cow gives good milk but kicks over the pail* (1599, WDP) отражает представление о необходимости быть внимательным и соблюдать осторожность. Идея о равноправном сосуществовании добра и зла представлена в ФЕ *all cows come to town, some good, some bad* (1639, WDP). ФЕ *a*

red cow gives good milk (1917, WDP) отражает идею о том, что деловые качества как ценность важнее внешних данных. ФЕ *better a good cow than a cow of a good kind* (1922, ODP) репрезентирует представление о том, что подлинную ценность имеют личные качества человека, а не его родословная. Фразеоситуации, объективирующие относительный характер явлений, задействуют данный образ, преимущественно, в субъектном режиме.

Базовая модель «опытный человек найдет выход из сложной ситуации» отображается в образной модели «старый бык не совершает неверных поступков». Старость как знак жизненной опытности концептуализирована в нескольких ФЕ, задействующих концепт «бык»: *an old ox makes a straight furrow* (1659, WDP) бык концептуализирует труженика, знающего свое дело. ФЕ *an old ox will find shelter to himself* (1725, WDP) дает представление об умении найти правильное решение в сложной ситуации.

Базовая модель «чтобы справиться с критической ситуацией, нужно предпринимать решительные действия» отражена в образной модели «чтобы справится с быком, нужно взять его за рога» в ФЕ *to take the bull by the horns* (1816, WDP). В данном контексте бык выступает объектом ситуации, описывающей решительность.

Образная модель «бык силен» трансформируется в базовую модель «человек может быть сильным подобно быку», что отражается в ФЕ *as strong as an ox* (1723, ERPD). Выносливый и сильный бык – помощник в труде, используется для маркировки силы. Компаративные ситуации задействуют зоонимические образы в качестве субъекта, такова функция образа «бык».

Базовая модель «человек должен учитывать причинно-следственные связи» отражает образную модель «покупая / продавая корову человек покупает / продает все, что связано с ней (то, что она имеет/производит)». В подобных ФЕ используется ситуация купли-продажи: *if you sell the cow you sell her milk too* (1732, WDP); *why buy a cow if the milk is cheap?* (1659, WDP). ФЕ *if you buy the cow, take the tail into a bargain* (1732, WDP), где концептуализируется схема «часть / целое». В ФЕ *who buys the cow must keep the calf* (1659, WDP) отражено отношение «мать – детеныш». Ситуация, которая раскрывает условный характер взаимоотношений элементов, ставит данный образ в положение объекта.

Отрицательные оценочные признаки концепта НА

Как и в случае с мелиоративными признаками, пейоративные признаки НА отмечены значительным ростом номенклатуры. Они не повторяют признаки СА. К их числу принадлежат «жадность», «бессмысленность», «невероятность», «агрессивность», «глупость», «слабость», «болтливость», «опасность», «мрачность», «неуклюжесть», «неудача», «поспешность».

Образная модель «быки и коровы – ценное достояние, предмет вожделения алчных людей» объективирует базовую модель «жадный человек не остановится, он будет удовлетворять растущие потребности даже в ущерб себе». Так, в ФЕ *you cannot flay the same ox twice* (1548, САМ) концептуализировано негативно-оценочное представление об алчности. Ироническое отношение к жадности, склонности к воровству представлено в ФЕ *let him take the bull that stole the calf* (1548, WDP), которая отражает следующую аксиогенную ситуацию «позарившись на малое, человек неизбежно возжелает большего». Почти двести лет спустя фиксируется ФЕ со сходным значением *he who will steal a calf will steal a cow* (1736, WDP). В них в образах теленка и быка раскрывается ситуация все возрастающих потребностей алчного человека. Первая фраза строится на основании уступительной конструкции, вторая использует модальность желательности.

В английской лингвокультуре также представлена и универсальная для многих культур идея о дойной корове, которая репрезентируется в ФЕ *a milking (milch) cow* (1732, ERPD). Она реализует базовую модель «человек может быть источником благосостояния других», ее образная модель звучит как «корова – это источник молока / блага».

Базовая модель «глупо совершать бессмысленные и необдуманные поступки» опирается на образную модель «молоко дёшево» в ФЕ, построенной как риторический вопрос: *why buy a cow when the milk is cheap?* (1659, ODP).

В ФЕ *to swallow an ox and be choked with a tail* (1659, WDP) иронически дискредитируется жадность, которая ассоциируется у носителей английского языка с аксиогенной ситуацией поедания, проглатывания. Ирония заключается в том, что, получив большее, алчный человек терпит фиаско, стремясь получить меньшее. У указанной ФЕ есть синоним *it is idle to bellow the cow and choke with the tail* (1732, ODP), где акцентируется пейоративная семантика посредством предикатива. При сохранении базовой модели их образная модель имеет вид «жадный человек не остановится, он будет удовлетворять растущие потребности, даже в ущерб себе».

Рассмотренные ФЕ с негативной оценкой утилитарного характера используют рассматриваемые образы как объекты фразеоситуаций.

Базовая модель «невероятные события вызывают сомнения» отражается в образной модели «корова хорошо известна человеку, с ней не случается ничего необыкновенного». В ФЕ *a cow may catch a hare* (1611, WDP) используется для того, чтобы в ироничной манере концептуализировать представление о возможности достижения желаемого. Единица: *butter is in a cow's horn once a year* (1670, WDP) представляет нереальную ситуацию, когда раз в год у коровы появляется масло в ее роге. ФЕ *as much use as had the cow for side pockets* (1917, WDP) задействует модель абсурдной ситуации: понятия коровы и боковых карманов в принципе не сочетаются. ФЕ *no further than you can throw bull by the tail* (1869, WDP) использует пространственные реалии для репрезентации идеи о невозможности выполнения намеченного.

Концепт «бык» задействован в образной модели «бык может быть агрессивен, его трудно остановить», которая отражает базовую модель «агрессивных людей стоит опасаться». Так, ФЕ *curst cows have short horns* (1509, WDP) отражает порицание немотивированной агрессии. ФЕ *as lawless as a town bull* (1678, WDP) используется для описания сильных, но безнравственных людей. В ФЕ *a mad bull is not to be tied up with a packthread* (1732, WDP) образ сумасшедшего быка выступает как символ необузданной агрессии и силы, которую почти невозможно остановить. Агрессивность предусматривает использование образа быка в субъектном режиме.

В ряде английских ФЕ с интеллектуальной оценкой базовая модель «глупый человек совершает недальновидные поступки» воплощается в виде образной модели «корова не очень сообразительна, она совершает непрактичные действия». Так, ФЕ *the cow knows not what her tail is worth till she has lost it* (1640, WDP) концептуализирует представление о неумении предвидеть последствия своих поступков по причине невежества или житейской неопытности. Неудачливость по причине собственной глупости, когда человек является причиной собственных несчастий, объективирует ФЕ *as good luck as had a cow that struck herself with her own horn* (1732, ERPD). В ФЕ *he knows no more what to do with it than a cow does with a holiday* (1882, WDP) представлено ироническое описание невежества, образная основа которого базируется на том, что животные не знают календаря,

созданного человеком, для них нет разницы между будними днями и праздниками. При описании глупости корова задействуется как объект фразеоситуации.

Базовая модель «слабый человек не может много работать» отражается в образной модели «бык / корова может быть слабой» в некоторых ФЕ *he bellows as a bull but as weak as a bulrush* (1639, WDP); *the cow little gives that hardly lives* (1732, WDP).

Образы коровьего языка и рогов находим в образной модели «у коров и быков длинные языки / рога», суть которой отражает базовая модель «человек бывает болтливым» в ФЕ *an ox is taken by the horns and a man by the tongue* (1611, WDP); *to have a cow's tongue* (1750, WDP). Данная фразеоситуация задействует исследуемый зоонимический образ в объектном режиме.

Модель «бык опасен, он может забодать» реализует базовую модель «человек должен быть осторожен в опасных ситуациях» в ФЕ *take heed of an ox before, of a horse behind and of a monk at all sides* (1640, WDP) – опасность, исходящая от животных, сопоставляется с опасностью, которую представляют люди, причем сопоставление осуществляется между животными и человеком, монахом, монах оказывается более опасным, чем животные. Дидактическую культурную функцию предупреждения реализует ФЕ *you may play with a bull till you get his horn in your eye* (1869, WDP). Бык является существом спокойным, даже флегматичным, но его миролюбие обманчиво. Данный признак ассоциируется с субъектным характером образного компонента ФЕ.

Образная модель «бык может выглядеть мрачно» является реализацией базовой модели: «человек может выглядеть мрачно подобно быку». В начале XX в. бык используется для презентации мрачного нрава: *as sulky as a bull* (1678, WDP), которая содержит образную модель «корова может долго выносить лишения, но все же погибает от голода».

Концепт «бык» задействован в образной модели «бык силен, но неуклюж, он может разрушить хрупкие вещи». Данная модель является реализацией базовой модели «человек может быть неуклюжим подобно быку» и представлена в ФЕ *like a bull in a china-shop* (1816, WDP) концептуализирует такое качество, как «неловкость». Данная компаративная фразеоситуация репрезентирует признак «сила».

Поспешность в английских ФЕ отражается в образной модели «невозможно съесть не рожденного теленка». Она является проводником базовой модели

«невозможно получить то, чего еще нет». Так, в ФЕ *to eat the calf in the cow's belly* (1642, WDP) реализована модель абсурдной ситуации, что служит средством негативной оценки, иронического характера неоправданной поспешности. В данной ФЕ ситуация представляет исследуемый образ как объект негативных воздействий.

Для исследуемых ФЕ НА «корова» и «бык» характерна положительная оценка, которая выражена моделями объектного (пациентивного) и ситуативного типа. Отрицательная оценка, выражаемая в данных ФЕ, концептуализирует концепты «корова» и «бык» в ситуативных и объектных моделях.

2.1.5. Концепт «ЛЕВ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Лев концептуализирует в ФЕ различные оценочные признаки помимо приписываемых ему в первую очередь признаков силы и смелости.

Положительные оценочные признаки концепта в СА

В фразеосистеме СА концепт «лев» концептуализируется такими мелиоративными признаками, как «жизнь» и «помощь». Базовая модель «жизнь лучше смерти» отражается в образной модели «живой мелкий хищник лучше мертвого гиганта» в ФЕ *a living dog is better than a dead lion* (1390, ODP). Данная единица представляет собой цитату из Священного писания (Экклезиаст). Рассматриваемая единица имеет вариант *better be a living dog than a dead lion* (1382, WDP), который упоминается в трудах Уиклифа. Рассматриваемые компаративы объективируют физиологическую оценку.

Базовая модель «слабые могут помочь сильным» транслируется в образную модель «слабые животные могут помочь сильным» в ФЕ *a mouse may help a lion* (1484, ODP). Данная ФЕ восходит к Эзопу. В английском языке он был популяризирован Кэктоном. Примечательно, что в данной единице присутствует антитеза концептов: лев как символ могущества и силы получает помощь от мыши, животного слабого. Лев в данной ситуации предстает объектом воздействий.

Отрицательный оценочный признак концепта «лев» СА

В СА он представлен единственным пейоративным признаком в ФЕ, это признак «трусость». Механизм языковой объективации этого признака основывается на базовой модели «трусливый человек стремится выглядеть храбрым в безопасной ситуации» в отражении образной модели «охотник среди

жертв и жертва среди охотников» в ФЕ *a lamb in the house is a lion in the field* (1387, WDP); *to beat the dog before the lion* (1386, WDP). Двуличие и трусость используют образ льва для выражения негативной оценки.

Лев концептуализируется в ФЕ СА в мелиоративных моделях всех типов.

Положительные оценочные признаки концепта НА

В НА есть ФЕ, выражающие мелиоративный признак, появившийся в СА – «помощь». Появляются новые ФЕ, дополняющие представления о льве в рамках английской лингвокультуры. К их числу принадлежат признаки «умеренность» и «смелость».

Взаимоотношение контрапротивных концептов «сила» и «слабость» встречается в базовой модели «слабые могут помочь сильным». Данная модель получает отражение в образной модели «слабые животные могут помочь сильным» в ФЕ *a lion may be friends to a mouse* (1639, WDP). Одним из наиболее поздних заимствований является ФЕ *when spider webs unite they can tie up a lion* (1987, ODP). Заимствованная из Эфиопии, данная единица говорит о том, что победу над серьезным противником можно одержать лишь объединившись, пусть даже союзниками будут лица весьма незначительные. Лев привлекается в данных ФЕ для выражения утилитарной оценки.

Образная модель «лучше быть важной частью маленького животного, чем незначительной частью большого животного» раскрывает содержание базовой модели «лучше быть первым среди последних, чем последним среди первых» в рамках ФЕ, построенных по принципу реверсивной оценочной шкалы: *better be the head of a dog than a tail of a lion* (1611, WDP); *better be the head of a lizard than a tail of a lion* (1640, WDP). Во втором примере концепт «собака» заменен концептом «ящерица». Львиная шкура представляет образ вечной ценности в ФЕ *a lion's skin is never cheap* (1611, WDP). Фразеоситуации указанных выше единиц задействуют образ льва в пассивном режиме. Они объективируют утилитарную оценку и описывают признак «умеренность».

Образная модель «лев смел» трансформируется в базовую модель «идеально смелый человек» в компаративной ФЕ *as brave as a lion* (WDP). Данный компаратив реализует образ льва в качестве субъекта фразеоситуации.

Отрицательные оценочные признаки концепта НА

НА характеризуется абсолютно новым взглядом на пейоративную сторону исследуемого концепта. Новые признаки, объективирующие концепт «лев» на базе

английских ФЕ: «опасность», «мстительность», «невозможность».

Образная модель «лев опасен» трансформируется в базовую модель «нужно опасаться серьезных противников, не провоцировать их» и в ряде ФЕ нового времени: *wake not a sleeping lion* (1580, WDP). Лев является олицетворением силы, он потенциально опасен для человека. ФЕ *destroy the lion while he is yet but a whelp* (1869, WDP) содержит представление о том, что нужно предотвращать разрастание опасной ситуации, бороться с ней и победить ее пока опасность не стала фатальной.

Базовая модель «нет непобедимых противников» отражена в рамках образной модели «сила льва не абсолютна» в ряде ФЕ. ФЕ *the lion is not so fierce as he is painted* (1633, WDP) – синоним другой, более известной единицы: *the devil is not so black as he is painted* (1633, WDP). Лев – наиболее опасный хищник реального мира, дьявол – враг человечества, он трансцендентален. Первый покушается на тело, второй алчет души. ФЕ *even a lion must defend himself against flies* (1924, WDP) представляет достаточно позднее высказывание. Данная единица относится к заимствованиям из английских колоний. В данной единице в образе мух выводятся враги не опасные, но весьма досаждающие. Объект различных воздействий – лев – является пассивным элементом рассмотренных фразеоситуаций.

Среди ФЕ есть ряд единиц, которые задействуют образ мертвого льва. Он является элементом образной модели «мелкие животные терзают мертвого льва», являясь транслятором базовой модели «поверженного противника может уязвить даже слабый человек, жаждущий мести». В образе мелких завистников могут выступать различные животные, терзающие мертвого льва. Это и птицы: *little birds may pick a dead lion* (1580, WDP), и мухи: *flies will tickle lions being dead* (1610, WDP). Существует и популяризированная Шекспиром фраза *it is a base thing to tear a dead lion's beard off* (1596, WDP). Данная ФЕ конкретизирует объект воздействия, в ней речь идет о гриве льва, а не о его туше. Сходное значение имеет ФЕ *hares may pull dead lions by the beard* (1586, WDP). В ней в роли субъекта воздействия фигурирует образ зайца, а образ мертвого льва как объект фразеоситуаций.

В английском языке встречается ряд ФЕ, в которых концепт «лев» представлен иронически как символ трусости, в противовес ожидаемой интерпретации льва как образца свирепости и силы. Данная мысль присутствует в базовой модели «трусливый человек стремится выглядеть храбрым в безопасной

ситуации», которая отражается в образной модели «охотник среди жертв и жертва среди охотников»: *a lion among sheep and a sheep among lions* (1589, WDP); *every dog considers himself a lion at home* (1666, WDP); *he is a lion in a good cause* (1732, WDP). Данные единицы реализуют ситуаций, в которых выражена эмоциональная оценка. Трусость порицается в ФЕ *it is better to have a lion in the heart of an army of sheep, than a sheep at the head of an army of lions* (1732, WDP). В ней реализуется образная модель «сильное животное во главе слабых лучше, чем слабое во главе сильных». Она отражает базовую модель «сильный человек во главе слабых людей лучше, чем слабый человек во главе сильных людей».

Трусость отражена и в базовой модели «не пытайся совместить несовместимое», которая реализуется в образной модели «не пытайся сделать шкуру из частей разных животных». Идея невозможности раскрывается и в ФЕ *to patch a fox's tail to a lion's skin* (1605, WDP), она отсылает к басне Лафонтена о вороне в павлиньих перьях. Тщетные попытки добиться желаемого реализуют эстетическую оценку в данной ФЕ при использовании образа льва как объекта воздействия.

НА характеризуется реализацией объектных и ситуативных моделей ФЕ, выражающих как пейоративные, так и мелиоративные оценочные признаки.

2.1.6. Концепт «СВИНЬЯ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Свинье традиционно приписывается целый ряд пейоративных смыслов, однако в ФЕ данный концепт амбивалентен.

Отрицательный оценочный признак концепта СА

СА зафиксировал единственный признак английских ФЕ – ничтожество. В СА свинья предстает в образной модели «свинья не ценит драгоценностей». Ее базовая модель реализует представление о том, что «не нужно оказывать милостей недостойным людям». Библейская фраза «не мечите бисер перед свиньями» имеет в английском языке дословный эквивалент *don't cast your pearls before swine* (EPSRE) и вариант *do not throw pearls to swine* (1340, ODP). В данной ФЕ свинья является объектом воздействий.

СА отмечен наличием ФЕ с данным образом, концептуализирующими пейоративные модели ситуативного типа.

Положительные оценочные признаки концепта НА

В СА не отмечено ФЕ, объективирующих мелиоративные признаки исследуемого концепта. Новое время меняет акценты, к числу появившихся мелиоративных признаков концепта «свинья» относятся умеренность, относительность и опытность.

Образная модель «мы не едим свинину каждый день» отражает базовую модель «нужно экономить и быть умеренным», что отражено в единице *we don't kill a pig every day* (1732, ODP). Ситуативная составляющая данной ФЕ однозначно действует данный образ в режиме объекта.

Модель «лучше меньше, да лучше» как базовая модель отражает образную модель «лучше иметь плохое животное, чем вообще ничего не иметь». Компаративная единица *better my hog dirty home than no hog at all* (1670, WDP) направлена на положительную оценку умения ценить то, что имеешь.

Базовую модель «и неудачникам может повезти» реализует образная модель «худшие животные могут получить хороший корм». Так, ФЕ *the worst pig often gets the best pear* (1855, WDP), описывающее признак «относительность», используя превосходную степень сравнения оценочных имен прилагательных, создает экспрессивный эффект. Обретение блага позволяет рассматривать образ «свинья» как субъект ситуации.

Идея о том, что старые и опытные являются предметом подражания для молодых, часто в национальной культуре реализуется на основе использования зоонимических концептов, например, в ФЕ, объективирующей опытность: *the young pig grunts like the old sow* (1678, WDP). В ней задействованы контрапарные понятия «молодой» и «старый». Образная модель имеет вид: «животные подражают друг другу», базовая модель: «старые учатся у молодых». Ситуация педагогических воздействий предполагает объектный характер взаимоотношений, описываемый в рамках данной фразеоситуации.

Отрицательные оценочные признаки концепта НА

Единственным признаком, который отражается в двух рассматриваемых периодах развития английского языка в рамках ФЕ, является признак «ничтожество». Образная модель: «свинья – грязное, нечистоплотное животное» как отражение базовой модели «ничтожный, порочный человек не отказывается от своих дурных пристрастий» представлена в ФЕ *it is hard to break the hog from an ill custom* (1678, WDP). В ней свинья – объект фразеоситуации.

Единицы *what can you expect from a pig but a grunt?* (1731, ODP); *to eat like a hog* (1731, ERPD), *like a pig he will do no good alive till he dies* (1589, WDP) используются в случае, если человек не совершил в своей жизни ничего доброго, кроме того, как своей смертью избавил мир от своего присутствия. Свойства свиньи используются в рассмотренных ФЕ для создания фразеоситуаций, в которых свинья является субъектом, для выражения негативного модуса эстетической оценки.

В Новое время появляются ряд ФЕ, отражающих представления о свинье, характерные для данного периода. Они объективируют такие признаки, как «глупость, невозможность, обман, неосмотрительность, невежество».

Базовая модель «глупый человек радуется даже когда попадает в неприятную ситуацию» отражает образную модель «свинья радуется грязи». Компаративная оценка присутствует в ФЕ с интеллектуальной оценкой: *as happy as a pig in muck* (1828, WDP). В ней с иронией описывается состояние веселья, которое испытывает человек, но окружающие не разделяют его веселья, в силу абсурдности ситуации, в которой оказывается человек. Данная компаративная ФЕ представляет образ свиньи как субъекта фразеоситуации.

Модальность невозможности отражает образная модель «свиньи не могут летать», ее базовая модель звучит как «нельзя получить невозможное» и объективируется в ФЕ. Отрицательная оценка завышенных требований отражена в ФЕ *a pig may fly* (1732, WDP). Даная единица является сокращенным вариантом ФЕ *pigs might fly though they are unlikely birds* (1732, WDP). Эмоциональная оценка данных ФЕ описывается в рамках ситуации, когда данный зооним предстает субъектом действия.

Базовая модель «на рынке могут обмануть, если не проверять продавца» представлена в виде образной модели «не покупай животных в мешках», при этом ФЕ имеет следующий вид: *never buy a pig in a poke* (1546, WDP). Использование в этой ФЕ именно концепта «свинья» отражает отчетливую национально-культурную специфику. Ситуация обмана предполагает воздействие на человека, свинья в данном случае используется в объективной функции для реализации утилитарной оценки.

«Неосмотрительность» представляет образная модель «свиньи разбегаются, их тяжело удерживать в стаде» используется для отражения базовой модели «не нужно рисковать». Они отражены в ФЕ *it is ill to drive black hogs in the dark* (1678,

WDP), которая перекликается с китайской фразой, говорящей о том, что трудно искать в темной комнате черную кошку, особенно если ее там нет. Как и в знаменитой китайской фразе, в английской единице задействован образ тьмы, но образная составляющая тематики фауны различна. Объектом данной ситуации является исследуемый образ.

Осуждение неграмотных людей посредством свиньи в ФЕ *he knows not a pig from a dog* (1737, WDP) является результатом обыгрывания базовой модели «невежественный человек не знает простейших вещей». Свинья в данной ситуации олицетворяет «объект познания» для реализации интеллектуальной оценки. Новое время реализует как пейоративные, так и мелиоративные признаки в составе моделей всех трех типов, представленных в равной мере.

2.1.7. Концепт «ВОЛК» и «ОВЦА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Концепты «волк» и «овца» отличаются в ФЕ значительной культурной разработанностью, что связано с их ролью в культурной среде носителей английского языка. В нашей работе эти концепты рассматриваются в виде бинарной культурной связки антиномического характера, так как в большинстве ФЕ они реализованы совместно.

Отрицательные оценочные признаки концептов СА

СА раскрывает в содержании ФЕ такие признаковые элементы, как «голод», «двуличие», «невозможность». ФЕ *hunger drives the wolf out of wood* (1483, ODP) отражает то внимание, которое люди уделяли нужде и голоду, отмечая при этом, что голод заставляет изменить своим привычкам даже такого хищника, как волк. Данная ФЕ реализует базовую модель «необходимость вынуждает людей совершать отчаянные поступки», которая предстает в виде образной модели «голод заставляет волков быть агрессивными». Физиологическая оценка, выражаемая данной ФЕ, использует данный зооним как объект фразеситуации.

Восходящая к образам античной литературы ФЕ *a wolf in sheep's clothing* (1460, WDP) содержит порицание двуличия людей. Базовая модель «люди могут быть двуличными» раскрывается в виде образной модели «волк – хитрое животное».

Относительный характер человеческих отношений представлен в ФЕ *it is hard to have wolf full and whether whole* (1374, WDP), в которой отражена идея

невозможности примирения враждующих сторон. Базовая модель «трудно угодить всем людям сразу» предстает в данной ФЕ в виде образной модели «трудно одновременно обеспечить безопасность овец и корм волков».

Положительный оценочный признак концептов НА

Единственным положительным признаком данных контрапротивных концептов является признак «солидарность». Базовая модель «человек как представитель некоторой социальной группы не причиняет вреда собрату» трансформируется в ФЕ в образную модель «волки не охотятся на собратьев»: *wolves never prey upon wolves* (1576, ODP). ФЕ *it is a hard winter when one wolf eats another* (1579, ODP) демонстрирует расширение соответствующей ФЕ среднеанглийского периода, имплицируя представление о том, что зима для человека средневековья – это не только испытание холдом, но и голодом. Объект данной фразеситуации, он же объект запрета на охоту – волк является весьма экспрессивным образом.

Другие ФЕ реализуют данный оценочный признак посредством иных когнитивных моделей. Базовая модель «человек – представитель некоторой социальной группы понимает собрата, представителя этой же социальной группы» репрезентирует образную модель «у животных одной породы сходные повадки» в ФЕ *who keeps the company with the wolf will learn to howl* (1591, ODP); *the wolf knows what ill beast thinks* (1640, WDP). Данные ФЕ репрезентируют субъектность исследуемого образа.

Отрицательные оценочные признаки концептов НА

Пейоративные признаки как элементы содержания ФЕ с контрапротивными компонентами «волк» и «овца», встречающимися как в единицах СА, так и в единицах НА, являются «голод» и «невозможность».

Невозможность реализуется многими способами. «Трудно угодить всем людям сразу» – данная сентенция выступает в роли базовой модели, отражением ее выступает образная модель «трудно одновременно обеспечить безопасность овец и корм волков». ФЕ *the death of the wolf is the health of the sheep* (1578, (WDP) развивает идею, выраженную в среднеанглийском высказывании *it is hard to have wolf full and whether whole* (1374, WDP). Но если в первой единице речь идет о жизни, то вторая ФЕ затрагивает тематику смерти. Однако если говорить о смерти, в ФЕ *the death of a young wolf never comes too soon* (1651, ODP) отражено представление о том, что смерть несильно настигает молодых хищников.

Базовая модель «молодые люди испытывают голод» выражает идею, отражаемую в образной модели «голодный человек подобен волку». ФЕ *a growing youth has a wolf in his belly* (1611, WDP) эксплуатирует образную ситуацию, в которой голод предстает в виде волка, поедающего все, что есть в желудке человека. Данная единица выражает физиологическую оценку.

Уникальными признаками НА для ФЕ, объективирующими рассматриваемые концепты, являются «агрессивность», «жадность», «безынициативность», «порочность».

Базовая модель «не нужно давать агрессивному и злому человеку власть над людьми слабыми и беспомощными» задействована во ФЕ и воплощается в образной модели «нельзя давать хищнику контроль над его потенциальными жертвами». Древнеримский автор Теренций создал высказывание «не давай волку сторожить овец», перевод на английский язык этой ФЕ звучит как *give never the wolf the whether to keep* (1533, WDP). Данная единица имеет вариант *do not set the wolf to keep the sheep* (1639, WDP). Прагматическая функция запрета связана с воззрениями на это животное как на коварное, вероломное существо, могущее злоупотребить доверием: *keep the wolf from the door* (1546, ODP). ФЕ *the wolf eats often the sheep that had been warned* (1651, WDP) отражает предостережение беспечным людям, потенциальным жертвам агрессии, даже если их предупреждали об этом. В ФЕ *do not call wolf to help you against dogs* (1975, ODP) дано образное противопоставление двух хищных животных – волка и собаки.

Образная модель «с возрастом привычки волка остаются неизменными» реализует базовую модель «порочный человек не может изменить своим привычкам». ФЕ описывают неизменность человеческой натуры, данная мысль также верна, как и то, что волк всегда умирает в своей шкуре: *the wolf must die in his own skin* (1611, ODP). Старый волк может потерять силу и зубы, но не свою память: *the wolf may lose his teeth but never his nature (memory)* (1633, ODP).

Агрессивность, описываемая различными зоонимическим образом, и в первую очередь образом волка неизменно реализуется во фразеостуациях, в которых зооним предстает как субъект этих ситуаций.

Образная модель «волк поедает овец» отражает базовую модель «жадный человек стремится к удовлетворению своих потребностей» в ФЕ *the wolf eats counted sheep* (1611, WDP), которая является заимствованием из Вергилия. ФЕ, зафиксированные несколько позднее *the least choice the wolf left a sheep* (1623,

WDP); *by little and little the wolf eats a sheep* (1633, WDP), являются более «мягкими» вариантами предшествующей единицы. В них реализована идея о том, что люди весьма редко отказываются от своих пагубных пристрастий, так же редко, как волк отказывается от своей добычи.

Библеизм *like a sheep without a shepherd* (1550, WDP) раскрывает образную модель «овцы без пастыря никуда не пойдут», которая является отражением базовой модели: «безынициативные люди без приказа ничего не предпринимают». Также оценочный потенциал концепта «овца» как безынициативного животного отражен в ФЕ *like a sheep led to the slaughter* (1550, WDP). Социальные возможности описываются в данной фразеоситуации при помощи объекта – овцы.

Библеизм «в каждом стаде есть своя паршивая овца» имеет в ФЕ почти дословный эквивалент *there is a black sheep in every flock* (1550, ERPD). В английском варианте речь идет не о «паршивой», а о «черной» овце. Черный цвет в наивной картине мира имеет отрицательную оценку. В данной ФЕ объективируется базовая модель «в каждом обществе есть люди, порочащие его» в качестве области цели метафорического переноса. Образная модель «в каждой популяции животных есть особи с морфологическими отклонениями» выступает как источник метафоризации. Оценка морального состояния человека и общества осуществляется в данной ФЕ сквозь призму фразеоситуации, которая задействует зооним «овца» в качестве объекта.

Рассматриваемые ФЕ с контрастными концептами «волк» и «овца» реализуют фразеоситуации, в которых задействован преимущественно ситуативный тип оценки с незначительным присутствием оценки агентивного типа.

2.1.8. Концепты «МЫШЬ» и «КРЫСА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Концепты «мышь» и «крыса» характеризуются преимущественно пейоративным оценочным потенциалом. Они ассоциируются со смертью, изворотливостью [Маковский 1996: 226]. Реализация этих концептов в ФЕ часто отличается их взаимозаменяемостью, что позволяет говорить об их «квазисинонимичности» [Апресян 1995].

Отрицательные оценочные признаки концептов СА

Фразеосистема АЯ изначально генерирует такие пейоративные признаки, как «неэффективность, глупость» и «избавление от угрозы».

Базовая модель «при неэффективном использовании ресурсов они тратятся впустую» находит отражение в образной модели «мышь – символ ничтожества, гора – символ величия» в ФЕ *the mountain has brought forth a mouse* (1390, WDP). Данная ФЕ восходит к цитате из Горация, дословный перевод которой звучит как *mountains will go into labor, and a silly mouse will be born* (1385, ODP).

Базовая модель «глупый и недальновидный человек, у которого нет запасных планов, скорее всего потерпит поражение» трансформируется в образную модель: «мышь, у которой плохая нора, легко становится жертвой». Это отражено в ФЕ с интеллектуальной оценкой *a mouse that has but one hole is quickly taken* (1386, WDP).

Положительный оценочный признак концептов СА

Базовая модель «избавление от угрозы приносит радость» реализуется в образной модели «мыши счастливы, когда уходит кошка» в ФЕ *when the cat is away mice will play* (1470, ODP). Эмоциональная оценка выражается в данной единице посредством зоонима «мышь» в качестве субъекта фразеоситуации.

Концепты «мышь» и «крыса», реализующие образную основу исследуемых ФЕ СА, представлены как в объектных, так и ситуативных оценочных моделях.

Положительные оценочные признаки концептов НА

В СА для исследуемых концептов, являющихся составной частью содержания ФЕ, мелиоративных признаков не было зафиксировано. Новое время характеризуется сдвигом аксиологических акцентов, в содержании ФЕ отмечается наличие таких признаков, как «тихий нрав, избавление от угрозы, умеренность».

Образная модель «мыши характеризуются бесшумными повадками» отражает нормативную оценку ситуации, которая представлена в базовой модели «человек бывает очень тихим» в ряде английских ФЕ, описывающих тихий нрав *as quiet as a mouse* (1656, WDP); *as silent as a mouse* (1656, ERPD); *as still as a mouse* (ERPD), которые связаны с заявлением синонимии английских адъективных лексем с семантикой «тихий, спокойный». Рассматриваемые компаративы предстают в данных фразеоситуациях в качестве агенса.

Базовая модель «избавление от угрозы приносит радость» реализуется в образной модели «крысы счастливы, когда уходит кошка» в ФЕ *rats may safely play when the cat is away* (1611, ODP). Данная единица синонимична ФЕ, выраженной в СА: *when the cat is away mice will play*. При общей для двух ФЕ ситуативной

составляющей очевидно расхождение в образном компоненте, описывающем объекты воздействия хищницы-кошки. Это крысы в НА и мыши – в СА.

Частотная для английских ФЕ базовая модель «лучше меньше да лучше» отражается в образной модели «лучше иметь в горшке хоть какое-то мясо, чем не иметь его вовсе», в которой задействована ситуация приготовления пищи. Прагматика предпочтительности может быть реализована в компаративной модели ФЕ, описывающей признак «умеренность»: *better have a mouse in the pot than no flesh at all* (1611, ODP). Утилитарная оценка выражается в данной ФЕ, задействуя крысу как объект фразеоситуации.

Отрицательные оценочные признаки концептов НА

Единственным константным пейоративным признаком, который прослеживается и в СА, и в НА, является признак «глупость». Образная модель «от мышей не избавиться при помощи пожара» реализует базовую модель «неэффективное расходование ресурсов не приведет к достижению поставленных задач» для порицания глупости в ФЕ *burn not your house to get rid of the mouse* (1732, WDP). Она имеет прагматическое значение запрета и выступает в роли дидактической формулы в культуре – содержит рекомендацию не проявлять усердие выше разума. Таким образом выражается интеллектуальная оценка. Необходимо отметить, что в данной ФЕ глупость приписывается адресату, и данный признак имплицирует вся образная модель, а не непосредственно зоонимический концепт. ФЕ *the best laid schemes of mice and men* (ERPD) также используется для импликации глупости. В ней в качестве сопоставляемых членов выступает человек, прямая номинация, и мышь, образный элемент, олицетворяющий нечто незначительное. Так создается иронический контекст описания сущности человеческих стремлений.

Новое время характеризуется значительным ростом негативных признаков. Новыми пейоративными признаками исследуемых концептов, представленными в ФЕ, являются «трусость», «смерть», «бедность», «отчаяние», «презрение», «пьянство».

Базовая модель «трусливые люди бросают других в беде» отражается при помощи образной модели, в которой задействуется ситуация бегущих крыс: «крысы трусливы, они покидают опасные места». Концепт «крыса» используется для порицания трусости. Например, в ФЕ *rats desert a sinking ship* (1611, ODP); *rats leave a sinking ship* (1611, ODP); *rats fly from the falling house* (1625, ODP).

Рассматриваемые ФЕ объединяет общая аксиогенная ситуация несчастья, в которой описывается, как рушится дом или тонет корабль, в результате чего непрошенные соседи – крысы покидают это место. Данные единицы активно используют образ грызуна в качестве объекта фразеоситуаций.

Имеется еще одна базовая модель: «трусливого человека может обидеть всякий», реализуемая посредством образной модели «мыши – потенциальные жертвы кошек». Так, ФЕ *don't make yourself a mouse or the cat will eat you* (1875, WDP) реализует иллокутивную силу запрета, посредством которой формируется дидактическая культурная формула – необходимо избавиться от робости и нерешительности.

Образная модель «грызуны часто умирают в норах» объективирует базовую модель «умереть недостойной смертью» в ФЕ *to die like a rat in a hole* (1676, ERPD); *like a drowned rat* (ERPD). Смерть есть и в образной модели, в которой присутствует концепт «мышь»: «мертвые животные не чувствуют холода». Она репрезентирует базовую модель «мертвые не страдают». ФЕ *dead mice feel no cold* (1678, ODP) в ироничной форме репрезентирует смерть, являясь аллюзией на ФЕ *dead men feel no cold* (1678, ODP). Негативный модус эстетической оценки выражен в рассматриваемых фразеоситуациях посредством исследуемого зоонима, который выступает в качестве объекта.

Базовая модель «человек может быть беден» объективируется при помощи образной модели «мыши не имеют имущества» в компаративных ФЕ *as poor as a mouse* (1659, WDP) и *as poor as a rat* (1703, ODP). Здесь негативно оценочный признак «бедность» выражен с крайней степенью интенсивности и поэтому отличается экспрессией. Данные компаративы реализуют оценку материального состояния человека.

Образная модель «мыши попадают в западню», отражающая базовую модель «человек находится в безвыходном положении» во ФЕ *like a rat in a trap* (1611, WDP). Крыса является объектом фразеоситуации, описывающей признак «отчаяние».

Базовая модель «человек вызывает презрение подобно крысе» объективируется моделью «крысы плохо пахнут». Так, ФЕ *to smell a rat* (1533, ODP) концептуализирует нечто, вызывающее сильное отвращение.

ФЕ *as drunk as a rat* (1542, ODP), она выражает физиологическую оценку (пьянство). Эта ФЕ отражает базовую модель «пьяный человек вызывает

отвращение» и ее образную модель «крыса вызывает отвращение. Концепты «мышь» и «крыса», представленные в ФЕ НА, реализуют все типы оценочных моделей (агентивные, ситуативные, пациентивные) со значительным превосходством ФЕ с моделями ситуативного типа.

2.1.9. Концепт «ПТИЦА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Различные представители птиц являются богатым источником оценочных метафор и сравнений, строящихся по модели «человек – птица» [Резанова 2003: 50]. Способность летать, петь, наличие перьевого покрова – необычные для антропоцентрического мировоззрения свойства – являются причиной сакрализации этих представителей животного мира. Птица в английской картине мира является амбивалентным концептом с преобладанием мелиоративного значения.

Положительные оценочные признаки концепта СА

Отличительной особенностью фразеосистемы АЯ является отсутствие ФЕ, имеющих пейоративные признаки, выраженные с помощью концепта «птица». Положительными признаками СА являются «осторожность», «умеренность».

ФЕ *old birds are not caught with chaff* (1481, WDP) отражает базовую модель «старый, опытный человека не поддается на простые уловки». ФЕ описывает признак «осторожность». Она является основой метафорического переноса, целью которого служит объективация образной модели «не всякую птицу можно поймать на наживку». В рамках данного высказывания используется ситуация, в которой речь идет о попытке обмана, образ «птица» является объектом манипуляций.

Семантика предпочтений с орнитологической образностью конца среднеанглийского периода отражается в образной модели «пойманная дичь лучше той, которая на свободе». Англичане используют ее для того, чтобы отразить базовую модель «лучше меньше, да лучше». Эти модели представлены во ФЕ *a bird in the hand is worth two in the bush* (1450, WDP), заимствованной в виде французской кальки в XIII века. В случае с зоонимами, описывающими признак «умеренность», положительная оценка умеренности осуществляется в рамках ситуации, в которых зооним предстает в функции объекта.

Немногочисленные ФЕ с концептом «птица» в течение СА отмечены наличием ситуативных и пациентивных моделей с положительной оценкой.

Положительные оценочные признаки концепта НА

«Осторожность» – этот положительным признак проявляется и в СА, и в НА. Образная модель «не всякую птицу можно поймать на наживку» реализует базовую модель «старый, опытный человек не поддается на простые уловки». Так, в ФЕ *in vain the net is spread in sight of a bird* (1581, WDP) эксплуатируется пропозиция «птиц не поймаешь при помощи простых уловок». Эту базовую модель встречаем в ФЕ *he builds cages for oxen to keep birds in* (1678, WDP), где реализуется базовая модель «излишняя осторожность вредна», она отражает образную модель «для разных животных нужно использовать разные клетки». Данные фразеоситуации задействуют птицу как объект воздействий.

ФЕ *a bird told me* (1546, WDP), которая концептуализирует образную модель «птицы могут говорить» в случае, если человек не хочет называть источник информации. Зооним выступает в данной фразеоситуации субъектом действия.

Признак «умеренность» встречается как в СА, так и в НА. Семантика предпочтений отражается в образной модели «ценится только пойманная дичь / трофей, а не та, которая на свободе», которая является отражением базовой модели «лучше меньше, да лучше» в ФЕ *better an egg today than a hen tomorrow* (1611, WDP). Как и для СА, контексты НА рассматривают ФЕ, участвующие в описании умеренности, как объект фразеоситуации.

Встречается и ряд ФЕ с новыми оценочными признаками. В НА появляются многочисленные ФЕ, дополняющие представление о концепте «птица», которые реализуют такие признаки, как «предпочтительность, трудолюбие, любовь к родному дому, солидарность, умеренность».

Предпочтительность выражают и орнитонимы. Базовая модель «человек сам выбирает желаемые цели» объективирует образную модель «человек сам выбирает себе объект для охоты». В ФЕ *of all birds give me mutton* (1732, WDP) реализована семантика предпочтительности. В ФЕ *that is the bird that I would catch* (1732, WDP) представлена ситуация выбора спутника жизни в образе птицы, которую нужно поймать.

В ряде ФЕ используется образная модель «птицы с раннего утра добывают себе корм», выступающая транслятором базовой модели «трудолюбие всегда будет вознаграждено». Трудолюбие связано с умением правильно организовать свое время, которое включает в себя и умение рано вставать. Это отражено в ФЕ *the early bird catches the worm* (1605, WDP). Пища предстает в роли червяка,

трудолюбивый человек – в образе ранней пташки. В ФЕ *the early bird gets the late one's breakfast* (1882, WDP) также присутствует образ ранней пташки, которая противопоставляется пташке поздней. Конец XIX века, эпоха развития капитализма и конкуренции, приводит к образному расширению (экстенсии) исходной ФЕ, которая отражает ситуацию, когда во главу угла теперь ставится не просто трудолюбие, но и предприимчивость, стремление победить конкурентов. Птица в данных контекстах – активный элемент фразеоситуации.

Прагматика оценочных предпочтений воплощается в ФЕ *every bird likes its own nest best* (1611, WDP). Дом человека олицетворяет в английском языке гнездо. Данная ФЕ описывает признак «любовь к родному дому» и использует образную модель «птицы привязаны к своим гнездам», чтобы выразить базовую модель «люди любят свой родной дом». Эмоциональная оценка предполагает использование птицы как активный элемент фразеоситуации.

Высказывание, автором которой является Гомер *birds of a feather flock together* (1545, WDP), появляется в английском языке уже в начале новоанглийского периода. Данная ФЕ концептуализирует признак «солидарность», который в свою очередь отмечает особенности человека как социального существа, его стремление к обществу равных себе и строится на основании образной модели «птицы одного вида сбиваются в стаи», которая является реализацией базовой модели «люди схожих взглядов стремятся к общению». В данной ФЕ птица – субъект ситуации.

Отрицательные оценочные признаки концепта НА

Новое время, в отличие от предыдущего периода, согласно исследуемым ФЕ, дает амбивалентную трактовку исследуемого концепта. Появляются единицы, объективирующие такие пейоративные признаки, как «обусловленность», «глупость», «лень», «невозможность», «самовлюбленность».

Во многих английских ФЕ эксплуатируется ценностно маркированное представление о всеобщем детерминизме явлений. Концепт «птица» реализует признак «обусловленность» и присутствует в образной модели, «какова птица, таковы и ее свойства». Она отражается в сознании человека в виде базовой модели «действия являются причиной последствий». ФЕ *as the bird is such is the nest* (1611, WDP) в ценностном плане амбивалентна, поскольку дом человека может характеризовать его как с плохой, так и с хорошей стороны. В ФЕ *the bird is known by his song, a man by his words* (1659, ODP) эксплуатируется образный параллелизм

между атрибутами человека и атрибутами птицы. Ключевые характеристики человека – это его поступки, которые говорят о нем так же очевидно, как и песня – о птице. Данная единица имеет амбивалентный характер и может быть использована для ценностной концептуализации как достоинств, так и недостатков.

В ФЕ *ill bird lays an ill egg* (1586, WDP) представлено негативно-оцениваемое представление о том, что дурные родители могут породить дурных потомков.

Проявление черт характера человека, его поступков описывает единица *fine feathers make fine birds* (1592, WDP). Образная модель «свойства птиц определяют по ее внешнему виду» репрезентирует базовую модель «человека судят по его внешнему виду». Она указывает на ту важную роль в жизни человека, которую играют внешние признаки: если для человека это может быть, в том числе, одежда, внешний образ, то для птицы, с которой сравнивается человек это – красивые перья. Птица фигурирует в данных ФЕ как активный элемент фразеоситуаций.

В сознании человека формируется образная модель «человек не может поймать птицу, если испугает ее» как отражение базовой модели «человек может совершать неэффективные, непоследовательные действия». ФЕ с признаком «глупость» *to fright a bird is not the way to catch her* (1633, WDP) предостерегает от необдуманных действий. ФЕ *he has brought up a bird to pick out his own eyes* (1639, WDP) концептуализирует ситуацию, когда человек является причиной тех бед, которые ему приходится испытать. Негативный модус интеллектуальной оценки в данных ФЕ выражается путем использования, рассматриваемого орнитонима в качестве объекта фразеоситуации.

Образная модель «птицы не знают забот» используется для объективации базовой модели «ленивый человек не хочет трудиться». В компаративной ФЕ *as good to be an addled egg as an idle bird* (1581, WDP) концептуализируется негативно оцениваемая ситуация, когда не предвидится положительного исхода, когда любое из принятых решений представляется неудовлетворительным. В ФЕ *the bird that can sing and won't sing must be made to sing* (1678, WDP) репрезентировано порицание лени. Негативная оценка данных ФЕ реализуется путем задействования орнитонима как в субъектном, так и в объектном режиме.

Модальность невозможности предстает в базовой модели «прошлое нельзя вернуть», ее образная модель репрезентирована в сентенции «птицы не возвращаются в старые гнезда». Прагматическая идея о невозможности возврата к прошлому концептуализирована в ФЕ *there are no birds in last year's nest* (1620, EP).

ФЕ *a bird never flew on one wing* (1670, EP), которая выражает представление о невозможности жить по-прежнему, лишившись чего-либо. Она отражает базовую модель «не стоит ожидать невозможного». Ее образная модель «птицы не могут летать с одним крылом». Субъектный характер орнитонима задействуется для выражения негативной оценки в рамках данных фразеоситуаций.

Образная модель «птицы любят петь и слушать свое пение» является предметом воплощения базовой модели «человек больше всего любит собственные речи». Желание доминировать в общении с людьми порицается в ФЕ *each bird loves to hear himself sing* (1659, WDP). Она объективирует признак «самовлюбленность». Эмоциональная оценка этой ФЕ представлена в ситуации, в которой птица выступает как активный компонент.

В период НА фразеосистема характеризуется наличием мелиоративных агентивных и ситуативных моделей. Пациентивные модели представляют меньшинство. Сфера пейоративных моделей отмечена наличием моделей всех трех типов без явного преимущества какой-либо из них.

2.1.10. Концепты «ПЕТУХ» и «КУРИЦА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Зоонимические концепты «петух» и «курица» универсальны. Они рассматриваются в работе в виде бинарной антонимической связки.

Отрицательные оценочные признаки концептов СА

В СА концептуализируются такие пейоративные признаки, объективируемые исследуемыми концептами, как «агрессивность», «относительность», «хвастовство».

Базовую модель «зло, причиненное другим, возвращается к его творцу» отражает образная модель «проклятья подобны цыплятам, они возвращаются домой» в зафиксированной в текстах Чосера ФЕ *curses like chicken come home to roost* (1390, ODP). В ней в образной форме эксплицирована философская максима: «не делай другому того, чего не хочешь сам». Агрессивность во всех ФЕ описывается посредством зоонима, выступающего в качестве субъекта фразеоситуации.

Базовая модель «причинно-следственные связи очевидны» отражается в образной модели «курица-несушка отмечена характерным поведением» в ФЕ *if the hen does not prate she will not lay* (1266, ODP) посредством акцентирования

особенностей поведения курицы репрезентируется неоднозначность поведения человека. Таким образом объективируется психологическая оценка в виде признака «относительность».

В ФЕ, восходящей к Сенеке *every cock is brave on his own dunghill* (1225, WDP), концепт «петух» используется для порицания хвастовства. Данное свойство относится к психологическому типу оценки. Оно выражается во фразеоситуации, в которой образ петуха выступает в качестве субъекта. В ФЕ отражена образная модель «петухам, если им ничего не угрожает, свойственно агрессивное поведение», транслирующая базовую модель «человеку свойственно хвастовство».

Концепты «курица» и «петух» в СА воплощаются в ФЕ с агентивными моделями. Пациентивные и ситуативные модели в рассмотренных ФЕ не представлены.

Положительные оценочные признаки концептов НА

Следует отметить, что только эпоха нового времени порождает положительные признаки фразеологизмов, представленные концептами «петух» и «курица». В СА их нет. К их числу относятся «умеренность, забота о детях, относительность, опыт, тихий нрав».

Умеренность описывает семантика предпочтительности в моделях компаративных ФЕ, отражающая базовую модель «лучше получить мало, но сейчас, чем много, но потом» («лучше меньше, да лучше»); она реализована в ФЕ *it is better to have an egg today than a hen tomorrow* (1611, ODP). В данном случае решающую роль в механизме оценки играет временной фактор. Более ценным является то, что можно обрести раньше. Данная оценочная единица характеризуется наличием антонима *it is better to have a hen tomorrow than an egg today* (ODP). В качестве синонима ФЕ *it is better to have an egg today than a hen tomorrow* (1659, ODP) выступает ФЕ *a bird in the hand is worth two in the bush* (1540, ERPD). Модель компаративной оценки, встроенная в концептуальное содержание ФЕ *better be a hen for a day than a hen for a year* (1659, WDP), формирует гедонистический тип оценки, отражает неприятие потребительского отношения к жизни. Идея желания обладать предметом воплощается во фразеоситуации, в которых исследуемые образы выступают в качестве объекта.

Образная модель «курица тщательно заботится о своих цыплятах» выступает в качестве производной базовой модели «матери заботятся о детях» в ФЕ. Так, заботливость и суеверность родителей по отношению к детям представлена в

единицах: *as busy as a hen with one chick* (1632, ODP); *it is a poor hen that cannot scratch for one chick* (1882, ODP), где структуры отрицания и сравнения служат целям усиления выразительности. В ФЕ *children and chicken must be always picking* (1573, ODP) усилительный эффект достигается использованием созвучия. В этих случаях можно видеть отражение культурной специфики периода нового времени, когда вопросы воспитания детей сводились прежде всего к решению проблем их питания. Образ цыпленка как объекта педагогических воздействий используется для выражения положительной оценки.

Представление об относительности добра и зла отражает базовая модель «хороший человек может делать зло, а плохой – добро», которая выступает в качестве основы для построения образной модели «плохая курица может снести хорошее яйцо, из плохого яйца может получиться хороший цыпленок» в ФЕ *a black hen will lay a white egg* (1633, ODP); *a good cock may come of a bad egg* (1883, WDP). В качестве добавочного компонента для объективации оценки используется символика цвета. Белое и черное – цвета противоположных оценочных полюсов, добра и зла. В данных ФЕ присутствует представление о том, что понятия добра и зла имеют относительный характер. ФЕ *though the fox run, chicken has wings* (1640, ODP) задействует образную модель «у каждого животного есть свои способы защиты». Утилитарная оценка данных ФЕ уравновешивает положительные и отрицательные свойства описываемых орнитологических образов.

Базовая модель «молодые учатся у старых» встречается в ситуациях, реализующих образную модель «животные подражают друг другу» в ФЕ *as the old cock crows so does the young* (1509, ODP). Данная единица представляет опыт как социальную ценность, которую нужно передавать молодым.

Так, образная модель «цыплята характеризуются бесшумными повадками» отражает нормативную оценку ситуации, которая представлена в базовой модели «человек бывает очень тихим» в ФЕ *as shy as a chicken* (1882, ODP). Данный компаратив выражает психологическую оценку.

Отрицательные оценочные признаки концептов НА

Единственным признаком ФЕ, встречающимся в единицах как средне-, так и новоанглийского периода, является признак «хвастовство».

Базовая модель «люди хвастаются» отражается в образной модели «когда курицы откладывают яйца, они кудахчут» в ФЕ *it is not that hen that cackles most which lays most eggs* (1865, ODP), которая репрезентирует оценочное представление

о том, кто мало делает, но много говорит. Эмоциональная оценка данной ФЕ выражается в рамках фразеоситуации, когда исследуемый орнитоним предстает в качестве субъекта.

К числу оригинальных пейоративных признаков ФЕ с концептами «петух» и «курица» относятся такие признаковые элементы, как «вздорный характер», «неопытность», «непристойное поведение», «несправедливость», «поспешность».

Образная модель «агрессивен подобно петуху» отражает базовую модель «люди могут проявлять агрессивность», их реализуют английские ФЕ *like a fighting cock* (ODP); *like a cock at a groset* (ODP). Эмоциональная оценка данных компаративов реализована при помощи субъекта фразеоситуации – петуха.

Образная модель «плохо, когда курица не слушает петуха» представляет ситуацию, в которой действуются образы петуха и курицы, символизирующие, соответственно, супруга и супругу. Данная модель отражает базовую модель «в семье, где руководит женщина, напряженные отношения» в ФЕ *it is a sad house where the hen crows louder than the cock* (1578, ODP); *the cock crows but the hen goes* (1659, WDP), они репрезентируют возможность принятия женщиной самостоятельных решений в семейной жизни. Субъект-объектные отношения образов петуха и курицы в данных ФЕ указывают на социальную оценку, указывая на приоритет женщины в ряде ситуаций.

Англичане как нация деловых людей внимательно относятся к вопросам обмена и продажи. В связи с этим возникает базовая модель «нужно быть умелым продавцом, чтобы получить прибыль», которая является основой для образной модели «можно невыгодно продать курицу». Иллокутивная сила запрета выражена в ФЕ *never offer your hen for sale on a rainy day* (1776, ODP); *he has swopped his hen for a hooter* (1917, ODP). Объектный характер орнитонимов ФЕ опосредован самой фразеситуацией, которая раскрывает идею торговли, порицая неопытность.

Образная модель «некоторые курицы неправильно себя ведут» является отражением базовой модели «некоторые аспекты женского поведения могут быть подвержены критике», они используются для негативной оценки чрезмерной болтливости женщин в ФЕ *women and hen by too much gadding are lost* (1611, ODP); а непостоянство женской натуры отражает ФЕ *it is no good if a hen cackles in your house and lays in another's* (1732, ODP). Негативная оценка в данных единицах объективирована в рамках фразеоситуации, в которой образ курицы выступает в качестве субъекта.

В ФЕ *the chicken are the country's but the city eats them* (1640, ODP) представлена базовая модель «жизнь часто несправедлива», ее образная модель имеет вид «одни люди работают, а другие пользуются плодами чужих трудов». Социальная оценка данной ФЕ реализуется путем противопоставления города и деревни.

ФЕ *do not count reckon chicken before they are hatched* (1570, ODP), являющаяся переводом высказывания древнегреческого философа Филемона, отражает базовую модель «не спеши принимать поспешных решений» и отражается в образной модели «не спеши подсчитывать приплод раньше времени». Курица является здесь элементом, который характеризуется как объект фразеоситуации.

В НА концепты «курица» и «петух» концептуализируют положительные модели, которые строятся по агентивному и ситуативному типу. Концептуализация пейоративных моделей строится на основании использования моделей всех трех типов без явного превосходства какой-либо из них.

2.1.11. Концепт «РЫБА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

В мировой культуре с концептом «рыба» связаны важнейшие представления: в соответствии с языческим мировосприятием рыбы – символ вселенной; в христианской традиции рыба – символ божественной мудрости [Маковский 1996]. Однако во многих культурах она отражает не только положительные, но и пейоративные коннотации.

Положительные оценочные признаки концепта СА

СА период отличают ФЕ, транслирующие такие оценочные признаки мелиоративного характера, как «относительность», «умение хранить тайну».

Относительный характер вещей отражает ФЕ *little fish are sweet* (1434, ODP), в которой задействуется образ маленькой рыбы. Здесь реализована образная модель: «хоть рыба и маленькая, она вкусная», отражающая базовую модель «небольшие размеры не являются препятствием для развития положительных качеств». Данная нормативная ФЕ реализует физиологическую оценку.

Релевантные признаки рыбы – это отсутствие способности производить звуки, низкая температура тела и способность поглощать относительно большое количество воды [Маковский 1996]. Эта особенность легла в основу образной

модели: «рыбы не умеют производить звуки» для того, чтобы отразить базовую модель «человек, который умеет хранить тайну, подобен рыбе». В сравнительно-оценочной ФЕ *as mute as a fish* (1450, ODP), восходящей к творчеству древнегреческих авторов, концептуализируется положительное представление об умении хранить секреты. Данное свойство человека относится к психологическому типу оценки.

Отрицательные оценочные признаки концепта СА

Негативные признаки в данных контекстах немногочисленны и представлены такими номинациями, как «агрессивность» и «упущенные возможности».

Признак «агрессивность» реализует ФЕ *big fish eat little fish* (1200, ODP), восходящая к библейским текстам, задействует ситуацию из мира животных, где представлены образы маленькой и большой рыбы. Их взаимоотношения описывает образная модель «большие хищные рыбы поедают более мелких рыб» и базовая модель «сильные притесняют слабых». В данном случае рыба выступает и как объект, и как субъект фразеситуации.

Концепт «рыба» используется для описания межличностных отношений, реализуя признак «упущенные возможности». В этом случае используется образная модель «всю рыбу выловить невозможно» как проводник базовой модели «если человек расстался с любимым / любимой не нужно отчаяваться, в мире много достойных людей» в ФЕ *there is as many good fish in the sea as ever came out of it* (1380, ODP). Данная ФЕ объективирует социальную оценку.

ФЕ СА выражающие как положительную, так и отрицательную оценку, строятся, преимущественно, на базе моделей ситуативного характера.

Положительные оценочные признаки концепта НА

Мелиоративные признаки концепта «рыба» во ФЕ встречаются как в СА, так и в НА. Однако для каждого периода характерны уникальные признаки. Для позднейшего периода характерно наличие таких признаков, как «умеренность» и «уникальность».

Образная модель: «маленькая рыба – тоже улов» представляет собой один из вариантов объективации базовой модели: «лучше иметь немного, чем совсем ничего» в компаративной ФЕ *better a small fish than an empty dish* (1678, ODP). Умение довольствоваться малым также представлено в ФЕ *all is fish that comes to the net* (1520, ODP), в ней не без иронии предлагается считать «рыбой» все, что

попало в сеть. Она учит нас радоваться любым, даже незначительным успехам. Ситуативная составляющая данной ФЕ задействует ихтиологический образ, являющийся объектом воздействий.

Базовая модель «у каждого человека своя судьба» воплощается в образной модели: «у каждого животного своя судьба» в ФЕ *every herring must hang by its own gill* (1609, ODP).

Отрицательные оценочные признаки концепта НА

НА характеризуется резким ростом числа отрицательных признаков, реализуемыми ФЕ с ихтиологической образностью. Это такие признаки, как «невыразительность», «непрактичность», «порочность», «бесчувственность», « злоупотребление гостеприимством», «ненужность», «непорядочность», «опьянение», «смерть», «худоба», «изменчивость судьбы». Нужно отметить, что данные признаки детализируют абсолютно новые представления носителей языка о возможности данного концепта объективировать оценочные значения.

Базовая модель «невыразительный человек не может быть причислен ни к одной из категорий» отражена в образной модели: «сопоставление рыбы и мяса (разных видов рыб) невозможно» в ФЕ *neither fish nor flesh* (1528, ERPD), *neither fish nor red herring* (1528, ODP) концептуализируется ценностно маркированное представление об отсутствии качественного признака, не позволяющего причислить предмет к какому-либо положительно оцениваемому классу объектов. Эмоциональная оценка данной ФЕ зиждется на логическом механизме сравнения с эталонными образами.

Базовая модель «невозможно достичь цели недостаточными или неподходящими средствами» получает воплощение в образной модели «невозможно поймать рыбу на неправильную наживку». В ФЕ *to throw a sprat to catch a mackerel* (1827, WDP); *to throw a sprat to catch a whale* (1827, WDP) репрезентируется аксиогенная ситуация, когда человек рискует чем-либо, а в результате не получает ничего. В данной ФЕ выражена утилитарная оценка. Рыба в ней является объектом воздействия.

Базовая модель, описывающая социальные и нравственные недостатки в обществе «человеческое общество подвержено нравственному разложению, когда пороку подвержены высшие слои общества», воплощается в виде образной модели: «рыба подвержена гниению, которое распространяется с головы». Так, ФЕ *fish begins to stink at the head* (1581, ODP); *the fish always stinks from the head downwards*

(1581, ODP) раскрывают представление о том, что порочность власть имущих является причиной нравственного разложения в обществе. В ФЕ действует образ рыбы как объект фразеоситуации. Данное высказывание восходит к древнегреческой мудрости.

Бесчувственность описывается в рамках базовой модели: «некоторые люди сдержаны и неэмоциональны, напоминая холодную рыбу», данная базовая модель находит отражение в образной модели «рыба холодная на ощупь». Так, в компаративной ФЕ *as cold as a fish* (1612, ERPD) посредством образного представления о низкой температуре тела концептуализируются психологические свойства личности, как правило, оцениваемые негативно – бесчувственность, бесстрастность, интровертность.

Всегда гость для хозяина является однозначной ценностью. Однако альтруизм имеет свои границы. Гостя нужно уважать, но не в ущерб собственным интересам. Подобного рода ситуация легла в основу базовой модели «гости со временем надоедают», которая отражается в образной модели «рыба со временем протухает». Плавт сравнивает чрезмерно докучливого гостя с протухшей рыбой. В английском языке высказывание Плавта *fish and guests smell after three days* (1580, ODP) отражается в словарных источниках второй половины XVI века. Испорченная рыба метафоризирует ситуацию испорченных взаимоотношений выступая объектом фразеоситуации, выражает социальную оценку.

Базовая модель: «некоторым женщинам не нужно мужское общество, они находят бессмыслицами подобные отношения» воплощается в образной модели: «рыбам не нужны велосипеды, женщинам – мужчины» в ФЕ *a woman without a man is like a fish without a bicycle* (1979, ODP).

Базовая модель «извлекать выгоду из ситуации неопределенности и хаоса» реализуется в ФЕ *to fish in troubled waters* (1569, WDP). Данная единица универсальна, в русском варианте звучит как «ловить рыбку в мутной воде». Она представляет ситуацию, в которой выражена социальная оценка и порицается непорядочность.

Образная модель «рыбы живут в воде, во множестве пропуская ее через себя» объективирует базовую модель: «склонные к выпивке люди пьют так же много алкоголя, как рыбы – воду». Образ рыбы послужил толчком для образного переноса в ФЕ, построенном на основе сравнительной структуры *to drink like a fish* (1646, ERPD). Рыба выступает здесь субъектом фразеоситуации.

Сельдь как продукт питания хорошо знакома англичанам, и она становится образным элементом модели «сельдь бывает мертвой». Она объективирует базовую модель «человек смертен подобно рыбе» в компаративно-оценочной ФЕ *as dead as a herring* (1600, WDP). Эта ФЕ выражает физиологическую оценку.

В ФЕ *when we lose in hake we shall have in herring* (1602, WDP) воплощена образная модель «упустив одну рыбу, человек может поймать другую», которая метафорически описывает базовую модель: «потеряв одно, человек со временем может приобрести другое». Образы рыб выполняют объектную функцию в данной ФЕ. Данная единица выражает ценностную установку – необходимо смириться с потерей, верить в то, что, потеряв что-либо, мы можем приобрести другое.

Образная модель «сельдь после нереста худеет», появление которой основано на наблюдениях англичан за миром природы, воплощается в базовой модели «человек может быть худым из-за болезни» в ФЕ *to look like a shotten herring* (1659, WDP). Она выражает физиологическую оценку.

Период НА характеризуется преимущественным использованием ситуативных моделей для мелиоративных ФЕ с концептом «рыба». Количество пейоративных ФЕ с заявленным концептом для данной эпохи значительно превышает количество мелиоративных ФЕ. Нужно отметить, что оценочные модели негативных ФЕ НА с ихтиологическими концептами принадлежат как к пациентивным, так и к ситуативным моделям, при этом субъектные модели не столь многочисленны.

2.1.12. Концепты растительного мира: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Практически во всех когнитивных моделях английских ФЕ, репрезентирующих сферу природы, реализован принцип мифологического анимизма, когда природные объекты «антропоморфизируются», становятся воплощением человеческих качеств и отношений [Мелетинский 2000: 125]. ФЕ на базе фитонимических концептов также отражают указанный способ концептуализации мира, который содержит значительный оценочный потенциал. Причем прототипические фитонимические концепты участвуют в презентации как мелиоративных, так и пейоративных оценочных признаков. Растительные образы выступают в качестве объекта воздействия во фразеситуациях.

Положительные оценочные признаки концептов СА

К числу положительных признаков, концептуализируемых в рамках средневековых ФЕ, относятся «терпение» и «умеренность».

Базовая модель «большие дела быстро не делаются» трансформируется в виде образной модели с фитонимической символикой «нелегко повалить дерево». Так, в ФЕ *the tree falls not at first blow* (1500, WDP) представлены в образной форме позитивно-оценочные признаки «терпение» и «настойчивость» посредством образа дерева, которое не ломается от первого дуновения ветра.

Базовая модель «лучше иметь немного, чем совсем ничего» может быть выражена в виде образной модели «лучше плохой кров, чем совсем ничего». Так, в компаративной модели общей оценки для ФЕ *a bad bush is better than no shelter* (1300, WDP) представление об умеренности концептуализировано посредством образа куста как средства, с помощью которого можно укрыться от непогоды. Так, данная ФЕ выражает утилитарную оценку.

Отрицательные оценочные признаки растительных концептов СА

Отрицательными признаками средневековых ФЕ с фитонимической образностью являются «несовершенство» и «порочность».

Базовая модель «даже самая лучшая вещь имеет недостатки» получает отражение в сознании человека в виде образной модели «не бывает идеальных растений / садов» в ФЕ *there is no rose without a thorn* (1430, ODP); *there is no garden without its weeds* (1450, ODP). Образ недостатков в первой аксиогенной ситуации задан таким компонентом, как шипы розы, а во второй – сорняки в саду. Данные единицы выражают эстетическую оценку.

Базовая модель «человек хочет нарушать запреты» отражается в образной модели «запретные плоды имеют особую притягательность». Библеизм «запретный плод сладок» имеет английский вариант *forbidden fruit is the sweetest* (1386, WDP), отражая идею притягательности зла. Данная ФЕ реализует психологический тип оценки.

Фитологическая тематика ФЕ весьма разнообразна. ФЕ СА, выражающие как положительную, так и отрицательную оценку, задействуют ситуативные модели. Агентивные и пациентивные модели в описываемых ФЕ не использовались.

Положительные оценочные признаки концептов НА

Новоанглийский период представлен ФЕ, которые концептуализируют такие мелиоративные признаки, как «согласие в семье», «решительность», «польза», «трудолюбие», «осторожность», «здравье», «осмотрительность».

Базовая модель, отражающая педагогические взгляды англичан «характер человека можно формировать», воплощается в образной модели «растения можно формировать». Взаимосвязь юности и зрелости, отдельных членов семьи и всей семьи, представлена в виде отношений дерева и его ветвей в ФЕ *as the twig is bent, so the tree is inclined* (1530, ODP), в которой концептуализировано представление о том, что те качества, которые зародились у человека в детском возрасте или в юности, будут иметь несомненное значение в дальнейшем, влияя на развитие личности в течение всей его жизни. В ФЕ *best to bend while it is twig* (1560, WDP) посредством обращения к образу гнувшейся ветви концептуализируется представление о послушании.

В ФЕ *a woman, a dog and a walnut tree, the more you beat them, the better they be* (1581, ODP) отражено отношение англичан к женщинам; данная ФЕ помещает женщин в одну плоскость с собаками и с ореховыми деревьями, что снижает их статус, в ФЕ концептуализируется правомерность физического насилия над женщиной. В ФЕ *set trees poor and they will grow rich, set them rich and they will grow poor* (1678, WDP) посредством ситуации выращивания деревьев представлен ценностно маркированный принцип воспитания детей, основанный на недопустимости необоснованного поощрения. Компаративная ФЕ *better a dinner of herbs than a stalled ox, where hate is* (1817, ODP) выстраивает систему предпочтений, в которой приоритет отдается скромной трапезе в ситуации всеобщего мира и согласия в сравнении с обильным застольем, которое сопровождается ненавистью.

Различные фразеоситуации, направленные на отображение вопросов семьи и брака, отражают социальный характер оценки.

Образная модель «деревья приносят пользу», которая, в свою очередь, является отражением базовой модели «пользу можно извлечь из всего», объективируется в ФЕ *there is no tree but bears but some fruit* (1616, WDP) посредством ценностно маркированного представления о том, что не бывает бесполезных деревьев, каждое из них приносит плоды. Утилитарная оценка проявляется в ФЕ с флористической образностью. ФЕ *large trees give more shade*

than fruit (1586, WDP) концептуализирует представление о том, что внешние свойства не всегда означают полезность. Применительно к человеку данная ФЕ репрезентирует утилитарно-оценочную пропозицию: сила и рост не всегда являются обязательным условием эффективности работы человека.

Базовая модель «решительность способствует успеху» отражается в образной модели «чтобы избежать ожога, нужно крепко сжать крапиву». Так, в императивных ФЕ *grasp the nettle hard and it won't sting you* (1872, ODP); *nip the nettle hard and it won't sting you* (1872, ODP) объективируется идея о предпочтительности решительных действий. Рассматриваемая базовая модель реализуется также в ФЕ *he would not let grass grow under his feet* (ES), которая объективирует образную модель «трава не растет там, где ходят (работают) люди». Апеллятивная функция данных ФЕ говорит об эмоциональном характере оценки.

Базовая модель «здоровый образ жизни ведет к долголетию» объективирована в образной модели «правильная пища предотвращает болезни», что отражено в ФЕ *an apple a day keeps the doctor away* (1866, ODP), экспрессивность которой усиливается посредством рифмованных созвучий.

Образная модель «растения могут ранить» является основой для реализации базовой модели «недовольство вышестоящих наносят более существенный ущерб человеку, чем враждебность со стороны равных», что отражено в ФЕ *better be stung by a nettle than pricked by a rose* (1670, WDP), где роза символизирует позицию вышестоящих, крапива – равных. В данном контексте имеет место редкий для растительных образов случай использования образа как субъекта фразеситуации.

Базовая модель « тот, кто хочет добиться успеха, должен трудиться» раскрывается в рамках образной модели « тот, кто хочет есть плоды, должен забираться за ними на деревья». Так, в ФЕ *he that would eat the fruit, must climb the tree* (1577, ODP) модальность необходимости сочетается с позитивной оценочностью посредством аксиогенной прототипической ситуации: нужно взобраться на дерево, чтобы сорвать плод. Фразеситуация данной единицы направлена на отображение утилитарной оценки.

Один из краеугольных камней этики, сформулированный древними в виде постулата «не делай другим людям того, чего не желаешь себе» был возведен И. Кантом в разряд категорического императива [Кант 1994: 234]. Данная базовая модель реализуется в образной модели «осмотрительные люди не сажают сорняков, осознавая последствия». Так, в ФЕ *he that goes barefoot must not plant*

thorns (1611, ODP) реализована модальность запрета на основе сентенциальной пропозиции: нельзя разбрасывать колючки, если хочешь ходить босиком. Сходную образную модель имеет ФЕ *he who plants thorns should not expect to gather roses* (1883, ODP), где эта идея выражена более подробно за счет усложнения синтаксической структуры. Описываемые ФЕ характеризуются интеллектуальной оценкой.

Отрицательные оценочные признаки концептов НА

Фитонимические ФЕ новоанглийского периода характеризуются возможностью выражать различные пейоративные признаки. Они разнообразны и многочисленны. Отметим также, что они отражают и признаки СА (напомним, это признаки «порочность» и «несовершенство»). Новообразованиями для фразеосферы НА являются признаки: «стремление извлечь выгоду», «старость», «глупость», «алчность», «изменчивость судьбы», «разочарование», «неблагодарность».

Образная модель «порочный человек подобен сорной траве» отражает базовую модель «порок активно распространяется». Так, в ФЕ *ill weeds grow apace* (1732, WDP), *ill weeds want now sowing* (1732, WDP) посредством образа сорняка концептуализируется представление о том, что дурные наклонности, как и сорняки, легко укореняются и быстро развиваются в человеке, и они так же вредны, как сорняки. в ФЕ *a man of words and not of deeds is like a garden full of weeds* (1659, WDP), где добавочным средством оценочной экспрессии выступает рифмованные созвучия, также использован образный потенциал концепта «сорняк» – человек, много говорящий, но мало делающий, уподобляется саду, заросшему сорняками. Указанные ФЕ эксплицируют эмоциональную оценку.

Базовая модель «люди корыстны» отражается в образной модели «легко обращаться с поваленным деревом». Стремление извлечь пользу, даже если человек не заслужил права пользоваться плодами успеха, концептуализировано в ФЕ *when a tree is fallen, all go with their hatchet* (1586, WDP). В данном случае представлена утилитарная оценка.

Ряд английских ФЕ прибегают к использованию образной модели «старые деревья не переносят серьезных воздействий», которая отражает базовую модель «старики с трудом привыкают к новому». Негативная оценка косности мышления пожилых людей отражает высказывание, приписываемое пророку Экклезиасту, *as the tree falls, so shall it lie* (1549, ODP). Старик выводится в ней в образе

поваленного дерева, которое лежит там, где его оставил дровосек. ФЕ *you cannot shift the old tree without its dying* (1518, ODP), концептуализирует представление о том, что переезды и перемены нежелательны для старых людей так же, как и смертельно опасны попытки пересадить старые деревья.

Роза – амбивалентный концепт. Он может объективировать и невинность, и сладострастие, и молодость, и увядание. Последнее качество реализуется в ряде ФЕ в качестве образной модели «даже самый красивый цветок со временем увядает», так описывается базовая модель «человек неизбежно стареет». ФЕ *the fairest rose in time must fade* (1591, WDP); *the fairest rose in time is withered* (1612, WDP) соотносят идею о преходящем характере земных ценностей с представлением о недолговечности цветка. В данных контекстах имеет место эстетическая оценка.

Образная модель «в лесу деревья затрудняют обзор», используется для объективации базовой ментальной модели «человек может проявлять глупость, не видеть истины». Так, ФЕ *he can't see the wood for the trees* (1546, WDP) концептуализирует глупость человека, уделяющего внимание второстепенным деталям, в ущерб основным. Английская ФЕ *don't halloo till you are out of the wood* (1772, WDP), пришедшая из произведений Софокла, отражает посредством императивной сентенциальной пропозиции представление о том, что не следует радоваться прежде, чем человек закончит начатое дело. Данные единицы выражают интеллектуальную оценку.

Концепт «лес» используется как знак потенциальной опасности, в которой пребывает человек. В ФЕ *put not your hand between the bark and the tree* (1580, WDP) посредством образного отражения абсурдной ситуации репрезентирована базовая модель «не следует добиваться результата нелепыми, неподходящими средствами», которая репрезентирует образную модель «нельзя совершать необдуманных действий при рубке леса».

Базовую модель «человек не ценит свое, но заряется на чужое» реализует образная модель «чужие растения кажутся лучше», они встречаются в ФЕ, восходящей к Овидию, *the grass is always greener on the other side of the fence* (1640, WDP) в ироническом ключе посредством образной пропозиции: «у соседа за забором и трава зеленей», она концептуализирует негативно-оценочную характеристику зависти. ФЕ *don't reap where you have not sown* (1640, ERPD) отражает негативное представление о жадных людях посредством совета в виде образной модели – «не надо пожинать то, чего не сеял».

Образная модель «сидеть на высоких ветках дерева небезопасно» используется для того, чтобы описать базовую модель «пребывание на высоких постах может быть небезопасно». Так, в ФЕ *the highest branch is not the safest roost* (1855, WDP) представлено ценностно маркированное представление о переменчивости, преходящем характере успеха. Чем выше положение человека, тем больше у него проблем, тем болезненнее для него крах карьеры. В ФЕ *the highest tree has the greatest fall* (1605, WDP) описан крах карьеры посредством образа высокого дерева, падение которого сопровождается громким шумом.

Образная модель «у деревьев есть плоды» объективируется в базовой модели «причины определяют следствия, родители формируют своих детей». Эта базовая модель используется во ФЕ для концептуализации преемственности поколений, как, например, в библейзме – цитате из Матфея: *the tree is known by its fruit* (1528, ODP) и его позднейшем варианте *the apple never falls far from the tree* (1839, ODP). Выбор оценочного знака зависит от конкретной речевой ситуации использования ФЕ.

Роза задействуется в образной модели «в жизни встречаются не только розы», которая служит цели объективации базовой модели «жизнь бывает трудной». С розой как символом разочарования связана ФЕ *life is not all roses* (1732, WDP). Эта единица имеет вариант: *life is not a bed of roses* (1732, WDP). В данном случае мы имеем дело со случаем сужения компонентного состава, когда в качестве образной концептуальной основы добавляется компонент – клумба, на которой растут розы. Описываемые ФЕ выражают эмоциональную оценку в виде признака «разочарование».

Базовая модель «неблагодарные люди причиняют вред тем, кто делал им добро, причем во вред себе» отражается в образной модели, в ситуации, в которой задействован образ человека, рубящего ветку, на которой он сидит. Это видим в ФЕ *don't cut the bough you are standing on* (1528, WDP), в которой в образной форме реализована модальность запрета на действия, которые могут расцениваться как неблагодарность.

Период НА создает ФЕ с тематикой растений, основанные в основном на объектных и ситуативных моделях с небольшим присутствием агентивных моделей. Мелиоративные ФЕ, описывающие растения, строятся на базе всех типов моделей, при этом подавляющее большинство данных ФЕ действуют

ситуативные модели. Общее количество агентивных и пациентивных моделей не превышает количества ситуативных моделей.

2.2. Сопоставительный синхронно-диахронный анализ английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии, природной среды, средне- и новоанглийского периода

В данном разделе приводятся результаты сопоставительного анализа динамики оценочных признаков, объективированных в ФЕ АЯ, репрезентирующих реалии внешней, природной среды (животный и растительный мир), по данным СА и НА. Целью исследования при описании ФЕ являлась систематизация рассматриваемых единиц относительно когнитивных моделей и описание оценочных признаков, реализуемых в ФЕ. ФЕ структурируются относительно их способности отражать оценочные признаки, а также в силу того, что их содержание раскрывает значение когнитивных моделей. Проводится качественное и количественное сопоставление исследуемых ФЕ АЯ.

Качественный сопоставительный анализ дал следующие результаты.

Концепт «кошка» в ФЕ АЯ является амбивалентным как в СА, так и в НА: в СА он выражает признаки «хитрость, настойчивость», в НА он реализует оценочные признаки «живучесть», «опытность», «осторожность», «достоинство». Пейоративные признаки являются более частотными для концепта кошки. Причем в СА данный концепт используется для негативной оценки таких признаков как «избирательность», «коварство». Два упомянутых признака встречаются и в НА. К этим признакам добавляются такие признаки, как «нервозность», «вражда», «агрессивность», «неосмотрительность», «дисфункциональность», «несовместимость», неопределенность, абсурдность». Самым частотным негативным признаком концепта «кошка» в НА является «жадность».

Оценочные признаки концепта «кошка» реализуют как интеллектуальные, так и эмоциональные оценки.

Концепт «собака» в СА фиксирует положительные признаки «старость/опытность, снисходительность, хитрость». «Опытность» – единственный мелиоративный признак концепта собаки, которые отражается и в НА. Большинство мелиоративных НА являются уникальными: «взаимовыручка», «жалость», «удачливость», «работоспособность», «взаимопомощь». Наиболее частотными мелиоративными признаками являются «жалость», «опытность».

Пейоративные признаки концепта «собака» более частотны и распространены, чем мелиоративные. СА зафиксировал такие оценочные признаки, как «жадность, суетливость, агрессивность». В НА этот концепт сохранил все три вышеперечисленных признака и добавил ряд новых. К числу новых пейоративных признаков концепта «собака» относятся такие признаки, как «бессмысленность», «невозможность», «порочность», «смерть», «трусость», «приспособленчество», «неудача». Наиболее частотны как в СА, так и в НА признаки «жадность», «агрессивность», «суетливость». Концепт «собака» многогранен, ему присущи различные виды оценки: интеллектуальная, эмоциональная, социальная.

Концепт «лошадь» в английских ФЕ характеризуется оценочными мелиоративными признаками в СА: «относительность, хитрость». Для НА свойственны такие положительные оценочные признаки, как «подчинение, сила, умеренность, безотказность». Наиболее частотный положительный признак концепта в НА, переходит из СА, – «относительность».

Концепт «лошадь» характеризуется разнообразием пейоративных признаков. В СА это такие признаки, как «непредусмотрительность», «упрямство», «недосмотр», «голод», «опасность». Частотность данных признаков невелика. За исключением первых двух, которые были упомянуты дважды, они характеризуются лишь разовым использованием. НА практически полностью меняет номенклатуру пейоративных признаков концепта «лошадь», за исключением такого признака, как «голод», который вместе с признаком «невозможность» является наиболее частотным. Остальными пейоративными признаками НА для данного концепта являются такие признаки, как «бессмысленность», «небрежность», «усталость», «вражда», «поспешность», «глупость», «зависть», «несправедливость», «неблагодарность», «слабость». Концепт «лошадь» отражает интеллектуальную, физиологическую, социальную оценки.

Мелиоративными признаками концепта «лев» для СА являются такие признаки, как «жизнь», «помощь». Последний признак встречается и в последующем периоде вместе с когнитивно-оценочными признаками «умеренность», «смелость».

Такой пейоративный признак, как «трусость» встречается как в СА, так и в НА наряду с такими признаками, как «опасность» (самый частотный признак

концепта), «мстительность», «невозможность». Оценки, выражаемые концептом «лев», лежат по преимуществу в социальной сфере.

Концепт «свинья» во ФЕ АЯ не имеет положительных характеристик в СА. В НА данный концепт отражает такие оценочные признаки, как «умеренность, опытность, относительность». В СА встречаются единицы, отражающие такой негативный признак, как «ничтожество». Он встречается и в НА. Это самый распространенный признак данного концепта. К числу других оценочных признаков концепта «свинья» относятся такие признаки, как «невозможность», «невежество», «глупость», «неосмотрительность», «обман». Концепт свиньи используется для выражения как социальных, так интеллектуальных и эстетических оценок.

Концепты «петух» и «курица» не имеют мелиоративных признаков в СА. Мелиоративные признаки этих концептов в НА: «умеренность (наиболее частотный), забота о детях, относительность, опытность, тихий нрав». К числу пейоративных признаков СА относятся «хвастовство», «агрессивность», «опосредованность». Пейоративный признак «хвастовство» встречается и в НА. В этом периоде появляются также такие признаки, как «вздорный характер» (самый частотный для данных концептов), «неопытность», «непристойное поведение», «поспешность». Очевиден и эмоциональный, и социальный характер оценок ФЕ на базе данных концептов.

Концепты «корова» и «бык» амбивалентны. Мелиоративные признаки этих концептов немногочисленны. В СА данный концепт отражает один мелиоративный признак – «быстрота». В НА отражаются признаки: «опытность», «сила», «обусловленность», «решительность». Наиболее распространенный мелиоративный признак концептов в НА – «относительность». Негативным признаком СА является признак «лицемерие».

НА характеризуется появлением значительного количества различных оценочных признаков пейоративного характера, представленных в рассматриваемых концептах. Наиболее частотными пейоративными признаками концептов «корова» и «бык» в НА являются такие признаки, как «жадность, невероятность, бессмысленность». Менее часто употребляемыми признаками пейоративного характера являются такие признаки, как «агрессивность», «глупость», «слабость», «болтливость», «опасность», «мрачность», «неудача»,

«неуклюжесть», «поспешность». Оценки, реализуемые ФЕ на базе этих концептов, лежат в физиологическом, интеллектуальном, эмоциональном плане.

Концепты «волк» и «овца», имеют противоположный оценочный потенциал, мы называем оппозитивными концептами. Волк – активный элемент бинарной оппозиции, выступает в описываемых единицах в качестве субъекта. Овца – пассивный элемент, она испытывает воздействие субъекта. Так в СА мелиоративных признаков нет, тогда как в НА концептуализирован единственный признак – «солидарность».

Рассматривая пейоративные оценочные признаки СА, нужно отметить, что в ФЕ, объективирующих данные концепты, концептуализируются такие признаки, как «голод», «двуличие», «относительность». НА характеризуется также наличием разнородных пейоративных оценочных признаков, из которых из СА приходит лишь «голод». Новыми негативными признаками для этих концептов являются такие признаки, как «агрессивность» (самый распространенный признак), «жадность», «невозможность», «порочность», «безынициативность». Эти концепты выражают физиологические и социальные оценки.

Концепты «рыба» амбивалентны. В СА они описывают такие мелиоративные признаки, как «относительность, умение хранить секреты». НА обретает новые мелиоративные признаки для данных концептов: «умеренность», «уникальность». Представители морской фауны используются для порицания агрессивности и упущенных возможностей. НА характеризуется номенклатурой новых пейоративной оценочных признаков, они разнообразны, но их частотность невелика: «невыразительность», «непрактичность», «порочность», «бесчувственность», «злоупотребление гостеприимством», «ненужность», «непорядочность», «опьянение», «смерть», «худоба». Одни из рассмотренных признаков выражают социальный тип оценки, другие – физиологический.

В СА для концепта «птица» присутствуют мелиоративные аксиологические признаки «умеренность», «осторожность». Пейоративные признаки для концепта «птица» в СА отсутствуют. В НА ситуация меняется кардинально. Данные концепты в ФЕ, относящихся к НА характеризуются способностью отражать как положительные, так и отрицательные признаки. Положительными признаками НА, помимо двух указанных выше признаков, являются признаки «предпочтительность», «трудолюбие», «любовь к родному дому», «солидарность».

ФЕ НА, объективирующие данный концепт, отражают такие пейоративные признаки, как «обусловленность» (самый частотный признак данного массива), «глупость», «лень», «невозможность», «самовлюбленность». Реализуемые ФЕ на базе данного концепта оценки принадлежат к социальному, интеллектуальному и эмоциональному типу.

Концепты грызунов в ФЕ представляют преимущественно пейоративные признаки. В СА единственным мелиоративным признаком является признак «избавление от угрозы». Среди немногочисленных мелиоративных признаков для концептов «мышь» и «крыса» в НА встречаются признаки «тихий нрав», «избавление от угрозы», «умеренность».

Пейоративные признаки «неэффективность» и «глупость» в рамках данных концептов концептуализируются в ФЕ СА. Разнообразные пейоративные признаки концептов «мышь» и «крыса» в НА включают в себя такие признаки, как «трусость» (является самым частотным признаком данных концептов), «смерть», «бедность», «глупость», «отчаяние», «презрение», «пьянство».

Спектр оценок, представленных в рамках этих концептов, разнообразен: социальные, эмоциональные, интеллектуальные.

Концепты «растения» в СА реализуют такие мелиоративные признаки, как «терпение, умеренность». НА развивает абсолютно новые мелиоративные признаки: «согласие в семье» (как наиболее частотный признак), «решительность», «польза», «трудолюбие», «осторожность», «осмотрительность», «здоровье».

Также концепт «растение» в ФЕ СА объективирует различного рода пейоративные признаки: «несовершенство», «порочность». Оба этих признак концептуализируются и в ФЕ НА. К числу новых пейоративных признаков НА данной группы концептов относятся такие признаки, как «старость» (самый частотный признак данного массива), «глупость», «алчность», «старость», «разочарование», «неблагодарность», «изменчивость судьбы».

ФЕ на базе данных концептов способны выражать большинство оценок: эстетические, физиологические, социальные, интеллектуальные, эмоциональные.

Количественный сопоставительный анализ показал, что объем концептов в целом и ценностных компонентов их концептуального содержания, в частности, в диахроническом аспекте изменяется в сторону увеличения. С течением времени концепты «обрастают» все большим количеством оценочных смыслов, что в нашей работе именуется экстенсией. Составными элементами, из которых слагается

ценностный компонент концепта, являются оценочные (когнитивные) признаки. Анализ количества признаков, появившихся в тот или иной период, а также динамики этих количественных изменений позволяют нам получить более точное представление о характере изменения объема исследуемых концептов в диахроническом аспекте.

Анализ экстенсии мелиоративных и пейоративных оценочных признаков с опорой на количественные данные показывает появление того или иного признака относительно СА или НА, позволяет сделать выводы об аксиологической динамике ценностного компонента английских ФЕ, репрезентирующих реалии внешней, природной среды (животный и растительный мир), по данным двух периодов (см. результаты сопоставительного анализа аксиологической динамики в таблицах, отражающих качественные и количественные аспекты изученных материалов).

В **таблице 2.1** представлена аксиологическая динамика качественного состава оценочных признаков исследованных концептов. В первой колонке приводится список исходных концептов, репрезентирующих реалии внешней, природной среды (животный и растительный мир), во второй и третьей колонках приводятся, соответственно, мелиоративные и пейоративные оценочные признаки, для каждого концепта отдельно – по СА и НА; в скобках указано количество ФЕ, репрезентирующих данный признак.

Таблица 2.1
Аксиологическая динамика качественного состава оценочных признаков английских ФЕ по данным средне- и новоанглийского периодов

<i>Прототипические концепты</i>	<i>Мелиоративные оценочные признаки</i>	<i>Пейоративные оценочные Признаки</i>
<i>среднеанглийский период</i>		
	хитрость (2) настойчивость (1)	коварство (2) избирательность (1)
<i>новоанглийский период</i>		
Кошка	осторожность (2) старость/опытность (2) живучесть (1) достоинство (1)	жадность (4) нервность (3) вражда (3) агрессивность (3) избирательность (2) дисфункциональность (2) коварство (2) неосмотрительность (2) несовместимость (1) неопределенность (1) абсурдность (1)
Сова		<i>среднеанглийский период</i>

Лошадь	старость/опытность (1) хитрость (1) снисходительность (1)	агрессивность (4) суеверие (3) жадность (1)
	<i>новоанглийский период</i>	
	жалость (6) старость/опытность (5) взаимопомощь (4) работоспособность (3) удачливость (3)	агрессивность (8) бессмыслица (5) жадность (5) суеверие (4) невозможность (3) порочность (3) смерть (3) трусость (3) приспособленчество (2) неудача (1)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	относительность (1) хитрость (1)	непредсказуемость (2) упрямство (2) голод (1) опасность (1) недосмотр (1)
	<i>новоанглийский период</i>	
	относительность (7) подчинение (6) сила (2) умеренность (2) безотказность (1)	голод (4) невозможность (4) бессмыслица (3) небрежность (3) усталость (3) вражда (2) поспешность (2) глупость (1) зависть (1) несправедливость (1) неблагодарность (1) слабость (1)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	жизнь (2) помощь (1)	трусость (2)
	<i>новоанглийский период</i>	
Лев	умеренность (3) помощь (2) смелость (1)	опасность (5) мстительность (4) трусость (4) невозможность (1)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	-----	ничтожество (2)
	<i>новоанглийский период</i>	
Свинья	умеренность (2) относительность (1) опытность (1)	ничтожество (4) невозможность (2), невежество (1), глупость (1), обман (1), неосмотрительность (1)
	<i>среднеанглийский период</i>	
В О Л К /	<i>среднеанглийский период</i>	

мышь / крыса	---	голод (1) двуличие (1) относительность (1)
		<i>новоанглийский период</i>
	солидарность (4)	агрессивность (7) жадность (3) невозможность (3) безынициативность (2) голод (1) порочность (1)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	избавление от угрозы (1)	неэффективность (2), глупость (1)
	<i>новоанглийский период</i>	
	тихий нрав (3) избавление от угрозы (1) умеренность (1)	трусость (4) смерть (3) бедность (2) глупость (2) отчаяние (1) презрение (1) пьянство (1)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	---	хвастовство (1) агрессивность (1) опосредованность (1)
	<i>новоанглийский период</i>	
петух / курица	умеренность (5) забота о детях (3) относительность (3) опытность (1) тихий нрав (1)	вздорный характер (4) неопытность (2) непристойное поведение (2) несправедливость (1) поспешность (1) хвастовство (2)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	быстрота (1)	лицемерие (2)
	<i>новоанглийский период</i>	
	относительность (7) опытность (2) решительность (1) сила (1) обусловленность (3)	жадность (3) невероятность (4) бессмысленность (4) агрессивность (3) глупость (3) слабость (2) болтливость (2) опасность (2) мрачность (1) неудача (1) неуклюжесть (1) поспешность (1)
Рыба	<i>среднеанглийский период</i>	

Птица	относительность (1)	агрессивность (1)	
	умение хранить секреты (1)	упущенные возможности (1)	
	<i>новоанглийский период</i>		
	умеренность (2)	невыразительность (2)	
	的独特性 (1)	непрактичность (2)	
		порочность (2)	
		бесчувственность (1)	
		злоупотребление гостеприимством (1)	
		ненужность (1)	
		непорядочность (1)	
Растения	<i>среднеанглийский период</i>		
	умеренность (1)	---	
	осторожность (1)		
	<i>новоанглийский период</i>		
	осторожность (3)	обусловленность (4)	
	предпочтительность (2)	глупость (2)	
	трудолюбие (2)	лень (2)	
	любовь к дому (1)	невозможность (2)	
	солидарность (1)	самовлюбленность (1)	
	умеренность (1)		
Растения	<i>среднеанглийский период</i>		
	терпение (1)	несовершенство (2)	
	умеренность (1)	порочность (1)	
	<i>новоанглийский период</i>		
	согласие в семье (5)	порочность (2)	
	польза (2)	осмотрительность (2)	
	решительность (3)	старость (4)	
	здоровье (1)	глупость (3)	
	осторожность (1)	алчность (2)	
	трудолюбие (1)	изменчивость судьбы (2)	
	стремление извлечь выгоду (1)	несовершенство (2)	
		разочарование (2)	
		неблагодарность (1)	

В данных по НА появляется дополнительная возможность датировать появление признаков, это позволяет более точно представить динамику объема ценностного компонента анализируемых концептов по отношению к разным векам.

В **Таблице 2.2** представлена аксиологическая динамика количественного роста оценочных признаков исследованных концептов, независимо от их качественного состава, по общему числу мелиоративных или пейоративных оценочных признаков по каждому веку отдельно. Это делает возможным наглядно продемонстрировать количественные аспекты экстенсии ценностных компонентов изучаемых ФЕ.

Таблица 2.2

Аксиологическая динамика количественного роста числа оценочных признаков английских ФЕ по данным средне- и новоанглийского периодов

Прототипические концепты	Мелиоративные оценочные признаки	Пейоративные оценочные Признаки
Кошка	среднеанглийский период	
	(3)	(4)
	новоанглийский период	
	16 век (5)	16 век (1)
	17 век (6)	17 век (4)
	18 век (0)	18 век (5)
	19 век (1)	19 век (7)
	20 век (0)	20 век (1)
	среднеанглийский период	
	(3)	(8)
Собака	новоанглийский период	
	16 век (4)	16 век (7)
	17 век (11)	17 век (13)
	18 век (2)	18 век (9)
	19 век (1)	19 век (6)
	20 век (0)	20 век (0)
	среднеанглийский период	
	(1)	(8)
	новоанглийский период	
	16 век (2)	16 век (7)
Лошадь	17 век (6)	17 век (8)
	18 век (8)	18 век (4)
	19 век (1)	19 век (2)
	20 век (2)	20 век (6)
	среднеанглийский период	
	(3)	(2)
	новоанглийский период	
	16 век (0)	16 век (6)
	17 век (4)	17 век (5)
	18 век (0)	18 век (1)
Лев	19 век (1)	19 век (1)
	20 век (1)	20 век (0)
	среднеанглийский период	
	(0)	(2)
	новоанглийский период	
Свинья		

	16 век (0) 17 век (3) 18 век (0) 19 век (1) 20 век (0)	16 век (1) 17 век (2) 18 век (3) 19 век (1) 20 век (1)
		<i>среднеанглийский период</i>
	(0)	(3)
		<i>новоанглийский период</i>
	16 век (2) 17 век (7) 18 век (0) 19 век (2) 20 век (0)	16 век (2) 17 век (4) 18 век (1) 19 век (1) 20 век (1)
		<i>среднеанглийский период</i>
петух / курица	(1)	(2)
		<i>новоанглийский период</i>
	16 век (3) 17 век (3) 18 век (2) 19 век (1) 20 век (2)	16 век (3) 17 век (12) 18 век (8) 19 век (4) 20 век (2)
		<i>среднеанглийский период</i>
корова / бык	(1)	(3)
		<i>новоанглийский период</i>
	16 век (3) 17 век (1) 18 век (0) 19 век (0) 20 век (0)	16 век (3) 17 век (10) 18 век (0) 19 век (2) 20 век (1)
		<i>среднеанглийский период</i>
волк / овца	(3)	(1)
		<i>новоанглийский период</i>
	16 век (1) 17 век (3) 18 век (0) 19 век (0) 20 век (0)	16 век (6) 17 век (3) 18 век (1) 19 век (3) 20 век (1)
		<i>среднеанглийский период</i>
Рыба	(3)	(0)
		<i>новоанглийский период</i>
	16 век (3) 17 век (4) 18 век (2) 19 век (1) 20 век (0)	16 век (3) 17 век (8) 18 век (0) 19 век (0) 20 век (0)
		<i>среднеанглийский период</i>
Птица	(3)	(0)
		<i>новоанглийский период</i>
	16 век (3) 17 век (4) 18 век (2) 19 век (1) 20 век (0)	16 век (3) 17 век (8) 18 век (0) 19 век (0) 20 век (0)

		<i>среднеанглийский период</i>	
		(0)	(3)
Мышь/ крыса		<i>новоанглийский период</i>	
		16 век (0)	16 век (2)
		17 век (6)	17 век (8)
		18 век (0)	18 век (2)
		19 век (0)	19 век (1)
		20 век (0)	20 век (0)
Растения		<i>среднеанглийский период</i>	
		(2)	(3)
		<i>новоанглийский период</i>	
		16 век (6)	16 век (7)
		17 век (3)	17 век (6)
		18 век (0)	18 век (4)
		19 век (4)	19 век (3)
		20 век (0)	20 век (0)

Количественный анализ аксиологической динамики ФЕ английского языка, репрезентирующих реалии природной среды, показал, что СА характеризуется наличием весьма скромного количества признаков. Общее количество выделенных нами признаков НА превышает количество признаков СА более чем в шесть раз, причем ни в одном из этапов периодизации количество положительных признаков не превышает количество отрицательных признаков. Общее число пейоративных признаков почти в два раза превышает число мелиоративных признаков. Нужно также отметить тот факт, что, начиная с пятнадцатого века, наблюдается рост количества оценочных признаков, как положительных, так и отрицательных. Пиковым периодом является семнадцатый век. Он характеризуется наибольшим количеством новых признаков. Следующее столетие характеризуется значительным спадом. В восемнадцатом веке зафиксировано почти в два с половиной раза меньше признаков. Двадцатый век отнесен значительным падением количества признаков, появившихся в указанный период.

ГЛАВА 3. Аксиологическая динамика когнитивных моделей и оценочной составляющей фразеологизмов средне- и новоанглийского периода, презентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека

3.1. Аксиологический потенциал английских фразеологизмов, презентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека

Субъективные аспекты восприятия человеком действительности входят в общую картину мира, которая создается в сознании говорящих в результате отражения реальной действительности, и выражается различными языковыми средствами [Ларина 2009: 157]. В данном разделе характеризуются когнитивные модели, представленные в английских ФЕ, которые отражают компоненты совокупной этнической языковой картины мира.

В соответствии с принятой концепцией исследования в данном разделе представлены ФЕ, презентирующие характеристики внутреннего мира человека посредством языковой объективации **абстрактных концептов**, воплощенных в номинациях абстрактных категорий ментального, эмоционального, психологического, нравственного характера, а также социальных признаков: концепты «любовь», «смерть», «вражда» – «дружба», «глупость» – «ум» «удача» – «неудача», «ложь» – «правда», «бедность» – «богатство», по языковым данным средне- и новоанглийского периода.

3.1.1. Концепт «ЛЮБОВЬ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Любовь – одна из сильнейших эмоций, действующих на человека, переживание любви, социальные, личностные, этические аспекты находят отражение в ФЕ [Томберг: 2017; Карташкова, Кольцова: 2013].

Положительные оценочные признаки концепта СА

В СА любовь концептуализируется на базе следующих мелиоративных признаков: «сила любви», «свобода», «ценность любви», «терпимость».

Базовая модель «любовь – великая сила, она преодолевает все преграды» представлена в ФЕ *love conquers all* (1390, WDP), принадлежащей перу Вергилия. В ФЕ *love will creep where it cannot may not go* (1400, WDP) задействуется семантика глаголов движения, чтобы описать те усилия, которые предпринимают влюбленные; так глагол «идти» «сменяется на глагол «ползти». В ФЕ *where the*

love is there is no lack (1400, WDP) представлена идея о том, что любовь заставляет человека забыть обо всех недостатках.

Модель «нельзя заставить любить» предстает в ФЕ *love cannot be compelled* (1390, WDP), где концептуализируется ценностно маркированное представление о том, что любить невозможно насилино вызвать в человеке.

Модель «любовь – это ценность» предстает в ФЕ *love is a true price of love* (1474, WDP), здесь задействуется прием повтора: платой за любовь может быть только любовь. Также на приеме повтора основана ФЕ *love me little, love me long* (1500, ODP), она отражает представление о том, что любовь – сама по себе ценность, вне зависимости от того, как долго она будет длиться. Любовь несводима к дружбе, в ФЕ *love and lordship like no fellowship* (1386, WDP) противопоставляются любовь и власть, с одной стороны, и дружба – с другой. Зафиксированная в текстах Чосера, она концептуализирует представление о том, что как власть не терпит фамильярности, так и влюбленный человек не может мириться с предложением дружбы вместо ответной любви.

ФЕ *love me, love my dog* (1500, ODP) объективирует базовую модель «любящий человек должен уметь мириться с недостатками любимого» и учит быть терпимыми к мелким недостаткам любимых людей, когда в образе собаки выводятся описываемые черты, с которыми приходится мириться.

Отрицательные оценочные признаки концепта СА

Амбивалентный характер концепта «любовь» фиксируется уже в СА, их пейоративные признаки: «непостоянство», «безумство любви», «корысть».

В ФЕ *love of lads and fire of chips is soon in and soon out* (1400, WDP) любовь юных существ концептуализируется посредством сравнения с пламенем щепки, она быстро загорается и так же быстро угасает. В ФЕ *out of sight, out of mind* (WDP) дается представление о том, что любовь проходит, когда любимые долго не могут быть вместе. В ФЕ *when the furze is in bloom, my love is in tune* (1225, ODP) представлена интерпретация времени зарождения любви – весны, поры цветения. Данная ФЕ имеет продолжение: *when the furze is in bloom, my love is in tune, when the gorse is out of bloom, kissing is out of fashion* (1225, ODP), в ней говорится о том, что с уходом весны любовь проходит.

Базовая модель «любовь для души то же, что и болезнь для тела» раскрывает особую грань человеческих взаимоотношений. Идея о том, что любовь слепа, не подчиняется голосу рассудка, была известна еще среди древних

греков. Воспринятая римлянами, она приходит в английский язык в конце четырнадцатого века. Такова история ФЕ *love is blind* (1390, ODP). Любовь в ФЕ *love and cough cannot be hid* (1300, WDP) концептуализируется через сопоставление с симптомом болезни – кашлем. Любовь поглощает человека целиком, ее невозможно скрыть, данная фраза встречается в английском языке в труде *Cursor Mundi*. Так же и в ФЕ *love is full of busy fear* (1374, WDP) концептуализировано представление о том, что любовь не бывает безоблачной.

Базовая модель «отношения некоторых людей основываются на материальной выгоде» в ФЕ *not for love or money* (1310, WDP) концептуализирует негативно-оценочное представление о том, что любовь (возможно, любовь продажная) может стать предметом торга. ФЕ *love lasts as long as the money endures* (1474, WDP) в негативно-оценочном ключе отражает идею о том, что любовь длится не дольше того времени, пока позволяет материальное положение.

Концепт «любовь» раскрывает как положительные, так и отрицательные значения в ФЕ. В СА репрезентируются ситуативные и агентивные модели.

Положительные оценочные признаки концепта НА

Концепт «любовь» в рамках ФЕ НА генерирует определенное количество мелиоративных константных признаков. К их числу относятся такие признаки, как «сила любви», «свобода» и «терпимость».

Базовая модель «любовь – великая сила, она преодолевает все преграды» допускает взаимодействие с культурными концептами «сила» / «власть», так же, как и в среднеанглийских ФЕ. В ФЕ *love is without law* (1581, WDP) концептуализировано представление о силе любви, которая выше закона. ФЕ *love will find a way* (1607, ODP) говорит, что для нее не существует преград. Версия этой ФЕ *love and peas porridge will make their way* (1674, WDP) характеризуется расширением компонентного состава, снижающем пафос фразеологизма-источника. ФЕ *puppy love* (WDP) дает интерпретацию ситуации бескорыстной любви домашних животных.

Пришедшая из латыни ФЕ *love begets love* (1648, ODP) концептуализирует любовь как антропоморфную сущность, через стилистический прием тавтологии реализуя идею о том, что только любовь может порождать любовь. В ФЕ *love rules his kingdom without a sword* (1640, WDP) сила любви противопоставлена силе оружия. Заемствованная из французского языка ФЕ *love makes the world go round*

(1865, ODP) дает образную интерпретацию всесилия любви, которая заставляет крутиться земной шар.

Любовь меняет человека. Ряд когнитивных моделей английских ФЕ концептуализируют разные аспекты этой идеи. Разлученные влюбленные спешат сократить расстояние, препятствующее их встрече: *he that has love in his breasts, has spurs in his sides* (1640, WDP). Любовь может каждого сделать оратором в ФЕ *love makes men orators* (1583, WDP), она глупых людей делает мудрыми в ФЕ *love makes a wit of the fool* (1774, WDP), и, как явствует из ФЕ *love makes a god eye squint* (1640, WDP), она может воздействовать даже на Бога. Механизм метафоризации с привлечением тематики родства реализован в презентации любовной тематики в ФЕ *love is the mother of love* (1732, ERPD) – только любовь порождает любовь.

Базовая ментальная модель «любовь свободна» предстает в ФЕ *love lives in cottages as long as in courts* (1590, WDP), отражающей идею о том, что любовь является общечеловеческой ценностью. В ФЕ, которая является синонимом ФЕ СА: *love cannot be forced* (1732, CAM), посредством персонификации отражена мысль о том, что насилие не может быть успешным средством для того, кто хочет добиться любви от другого человека. Данная ФЕ имеет вариант, в котором используется синоним глагола *to compel – to force*. Модель персонификации задействована также в ФЕ *love may creep where it may not go* (1732, WDP), где посредством градационной конструкции с глаголами движения *to creep* и *to go* – «ползти» и «идти» есть представление об отсутствии препятствий для любви. В ФЕ *love lives in cottages as well as in courts* (1732, WDP) модель персонификации представляет представления о том, что любовь не признает социального неравенства, она уравнивает людей, для нее нет разницы между чувствами богатых и бедных людей. Базовая модель «любовь не сводима к дружбе» отражена в ФЕ *when love puts in, friendship is gone* (1630, WDP). Дружба и любовь – не одно и то же, только любовь порождает любовь.

Новообразованиями в рамках признаковой составляющей значений мелиоративных ФЕ являются признаки «смелость» и «память».

Базовая модель «любовь подобна войне, в ней выигрывают смелые люди» используется в ФЕ *all is fair in love and war* (1578, ODP). Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют метафорическую модель «любовь – война» [Lakoff, Johnson 1980: 45], которая объективируется и в ряде ФЕ. Еще Овидий рассматривал любовь и войну как нечто подобное: *love is a kind of warfare* (1732, EPSRE). Любовь не имеет

преград, она все побеждает: *love conquers all* (1732, EPSRE). В ФЕ *there is no law in love and war* (1732, ERPD) концептуализировано стремление влюбленных завоевать свое счастье.

В ФЕ *none but the brave deserves the fair* (1732, EPSRE) раскрыта идея о том, что в любви и на войне ценится смелость. В ФЕ *faint heart never won fair lady* (1732, ERPD) посредством антонимизации концептуализировано представление о том, что слабый духом человек никогда не добьется успехов в любви.

Базовая модель «память о любви нельзя стереть» реализуется в ряде ФЕ. ФЕ *love looks for love again* (1570, WDP) описывает ситуацию: полюбив, человек не может забыть о своих чувствах и воспоминает их вновь и вновь. Концептуализация постоянства осуществляется в ФЕ *old love will not be forgotten* (ERPD) – старая любовь не будет забыта. Та же идея есть в ФЕ *old love does not rust* (ERPD) по образной схеме переноса «любовь – металл». Сердце, в наивной картине мира, является органом-вместилищем любви, что отражает ФЕ *the heart that once truly loves never forgets* (EPSRE), в которой концептуализировано представление о том, что истинная любовь не пройдет никогда.

Отрицательные оценочные признаки концепта НА

Фразеосистема НА характеризуется более значительным разнообразием пейоративных признаков ФЕ с концептом «любовь», чем фразеосистема СА. Константными являются признаки «безумство любви» и «корысть».

Ряд ФЕ, как и в СА, так и в НА, объективируют модель «любовь для души то же, что и болезнь для тела». Так, осуществляется метафорический перенос по концептуальной схеме «любовь – болезнь». Расширение значения ФЕ, появившейся в СА *love is blind* (1390, WDP), встречаем в НА *though love is blind, yet it is not for want of eyes* (1732, WDP). В первой части ФЕ мы видим метафорическое описание любви, она «слепа». Во второй части указывается, что эта «слепота» имеет место не из-за отсутствия глаз.

В ФЕ *love is a sweet torment* (1633, WDP) посредством оксюморона «сладкая мука» концептуализируется идея о том, что страдания из-за любви могут быть приятны человеку. Латинская по происхождению ФЕ *one cannot love and be wise* (1527, ODP) репрезентирует любовь как болезнь души: там, где есть любовь, нет места мудрости. Сходное значение имеет ФЕ *love and knowledge live not together* (1711, WDP), в которой любовь и знание предстают в виде антропоморфных существ, реализующих мысль об иррациональном характере любви. Любовью

«болеют» так же, как и корью в ФЕ *love is like the measles, we all have to go through it* (1732, CAM). В ФЕ *no herb will cure love* (1732, CAM) посредством сравнения с неизлечимой болезнью концептуализируется мысль о том, что от любви нет лекарства. Любовь может предстать в образе душевных болезней. В ФЕ *passion will master you if you do not master your passion* (1732, ERPD) репрезентируется ситуация, когда человек должен контролировать свои чувства, иначе страсть поглотит его целиком. Аналогично – человек, испытывающий сильную страсть, сопоставляется с больным, лишившимся рассудка, в ФЕ *one cannot love and be wise* (EPSRE).

Базовая модель: «любовные отношения некоторых людей основываются на материальной выгоде» присутствует в ФЕ *love does much but money does all* (1587, WDP), в ней сопоставляются деньги и любовь, причем перевес оказывается не на стороне любви. В ФЕ *when poverty comes in at the door, love flies out of the window* (1631, ODP) репрезентировано представление о том, что бедность является причиной утраты любви. ФЕ *everybody loves a lord* (1869, ODP) концептуализирует корысть, которая прячется за маской любви. ФЕ *praise the child and you will make love to the mother* (1829, ODP) отражает манипулятивную направленность действий тех, кто хочет добиться успеха в любви.

В эпоху НА возникают и получают фиксацию пейоративные признаки, дополняющие представление о негативных сторонах любовных отношений. Это «ревность, жалость, конфликтность, pragmatичность, несчастье в любви».

Взаимоотношение любви и ревности отражается в ФЕ *love is never without jealousy* (1732, CAM), где объективируется модель «любовь и ревность – две стороны одной медали», чувство ревности есть лишь там, где есть любовь.

Модель «любовь сродни жалости» представлена в Шекспировском высказывании *pity is akin to love* (1601, ODP), содержащим сопоставление.

Базовая модель «любовь невозможна без конфликтов» отражается в ряде ФЕ, которые описывают конфликтные ситуации, возникающие между влюбленными. Реализуется в ФЕ, восходящей к текстам поэта Теренция: *the quarrel of lovers is the renewal of love* (1520, ODP) и Шекспира: *the course of true love never did run smooth* (1595, ODP).

«Стратегию взаимоотношений в любви нужно строить на принципах pragmatики» – данная модель встречается в нескольких ФЕ. Если рассматривать любовь как наивысшую ценность, то отсутствие любви – это антиценность. Так, в компаративной ФЕ *it is better to have loved and lost than never to have loved at all*

(1700, ODP) реализована прагматика предпочтений: «лучше любить и потерять, чем не любить вообще». Сравнительная оценочная конструкция используется и в ФЕ *it is best to be off with the old love before you are on with the new one* (1801, ODP), которая концептуализирует представление о том, что не следует начинать новые отношения, не покончив со старыми.

Базовая модель «любовь подобна игре, нельзя выигрывать всегда и во всем» смыкается с концептом «удача». ФЕ *unlucky in love, lucky at play, lucky at cards, unlucky in love* (1738, ODP) репрезентирует антиномическую ситуацию: между любовью и везением в игре наблюдается обратная зависимость: успех в одном гарантирует неудачу в другом. Данная единица имеет усеченный вариант *lucky at cards, unlucky in love* (ODP), реализующий только первую часть указанной ФЕ.

В ФЕ, автором которой считается Шекспир (в пьесе «Венера и Адонис»), *love laughs at locksmiths* (1592, ODP) дается негативная оценка попыткам людей, которые хотят разлучить влюбленных и создают разнообразные преграды на их пути. В данной ФЕ посредством приема олицетворения концептуализируется ситуация, когда любовь – абстрактная сущность – обретает возможность смеяться над теми, кто препятствует ей.

Негативные значения ФЕ с концептом «любовь» в НА представлены всеми тремя типами моделей, отметим, что пациентивные и агентивные модели составляют меньшинство. Подавляющее большинство ФЕ используют ситуативные модели. Положительные значения ФЕ с концептом «любовь» концептуализированы ситуативными и в значительно меньшей мере – агентивными моделями.

3.1.2. Концепт «СМЕРТЬ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Тема смерти получила развитие в рамках религиозной доктрины, наиболее ранние ФЕ, посвященные тематике смерти, в СА представляют собой высказывания, переведенные с латыни. В рамках религиозной доктрины жизнь рассматривалась как нечто тленное и переходящее, предваряющее вечное бытие души в загробном мире. Религия снимает страх перед смертью, что привело к рассмотрению жизни как «двери, распахнутой в иной, потусторонний мир, а смерти – как пограничного состояния, лежащего на абсолютном разделе двух

миров» [Бахтин 1990: 124]. С материалистической точки зрения жизнь является неповторимой ценностью, а смерть – непоправимой и трагической ее концовкой.

Отрицательные оценочные признаки концепта СА

СА закладывает основы концептуализации концепта «смерть» в ФЕ. Пейоративными признаками данного периода для ФЕ являются «неизбежность смерти», «абсолютность смерти», «равенство людей перед смертью», «смерть как отсутствие признаков живого».

В базовой модели «смерть является неизбежным злом» концепт «смерть» выступает как одна из ключевых анти-ценностей. Неизбежность смерти концептуализирует восходящая к латинскому высказыванию ФЕ *there is a remedy for everything except death* (1430, ODP). Размышления человека о смерти в СА регламентировались религиозными доктринаами. Так, в ФЕ *there is no redemption from hell* (1468, WDP) ад рассматривается как неизбежное посмертное наказание для грешников. Базовая модель: «все люди смертны» раскрывается в библейском *all are of the dust and all turn to dust again* (ODP), в котором концептуализируется представление о том, что «все вышло из праха, и все прахом станет».

Базовая модель «смерть не вызывает сомнений» в ФЕ *as dead as a doornail* (1350, WDP) представляет описание смерти, сопоставляя ее с артефактом, сравнивая мертвого человека с гвоздем по признаку неподвижности.

Тело мертвеца олицетворяет полное отсутствие активности, и смерть для представителей наивного миросозерцания – это сущность со знаком минус. Так, в ФЕ *the dead have few friends* (1303, WDP) посредством базовой модели «у мертвых мало друзей» отражена идея о том, что смерть лишает смысла все отношения, значимые в мире живых людей, что каждый умирает в одиночку.

Концепт «смерть» представлен в ФЕ СА только единицами с отрицательной оценкой. Они строятся на основании ситуативных моделей.

Положительные оценочные признаки концепта НА

В эпоху НА появляются ФЕ, смещающие односторонний пейоративный акцент концепта «смерть» в исследуемых единицах. К числу мелиоративных признаков концепта «смерть» принадлежат такие наименования, как «смерть как благо» и «смерть как подведение итогов жизни».

Амбивалентный характер смерти раскрывает базовая модель «в некоторых ситуациях смерть является положительно оцениваемым явлением». Смерть может

стать объектом предпочтения, чтобы избежать зла. Смерть в юном возрасте рассматривалась в древности как благо: те, к кому благоволили высшие силы, умирали молодыми: *whom gods love die young* (1546, ODP), *the good die young* (1697, ODP). Восходящая к латинским текстам ФЕ *young man may die but old men must die* (1534, ODP) дает экспрессивную интерпретацию идеи о том, что для стариков смерть неизбежна, тогда как смерть молодых людей неестественна и противоречит законам природы. В двадцатом веке становится популярной фраза *when good Americans die they go to Paris* (1912, OTA).

Базовая модель «смерть подводит итог жизни человека» также активна в английской фразеологии НА. Важную роль в понимании концепта «смерть» играет ситуация, которая представлена высказываниями, описывающими смерть как универсальное явление, которое подводит итог жизни любого человека: *death ends all things* (1732, ODP). В ряде ФЕ действует идея экономической деятельности человека: *death pays all debts* (1597, ODP) – смерть оплачивает все долги. Данная ФЕ, возникшая в творчестве Шекспира, имеет вариант *death pays all debts scores* (1597, ODP). В качестве синонима единицам, приведенным выше, укажем ФЕ *death squares all accounts* (1653, ODP). Смерть является венцом судьбы человека. Так, в ФЕ *as a man lives so shall he die* (1678, WDP) отражено представление о том, что какова была жизнь человека, так он и умрет. В ФЕ *call no man happy till he dies* (1732, ODP) репрезентируется импликативная ситуация: до тех пор, пока не наступит смерть, невозможно судить о мере его счастья или несчастья.

Отрицательные оценочные признаки концепта НА

Период НА для исследуемых ФЕ – носителей концепта «смерть» характеризуется тем, что устойчивость проявляют все признаки СА.

Базовая модель «смерть не вызывает сомнений», зародившись в СА, получает дальнейшее распространение в НА. Антропологический характер метафор, описывающих смерть, проявляется в случае констатации смерти посредством упоминания некоторых известных лиц или литературных персонажей: *as dead as Julius Caesar* (1722, WDP); *as dead as Queen Anne* (1722, WDP); *as dead as Adam* (1732, WDP). Некоторые образы обитателей водной среды (сельдь и макрель) используются для концептуализации факта смерти в английских ФЕ *as dead as a herring* (1600, WDP), *as dead as a mackerel* 1600 (WDP). Также в этой функции используется «гастрономический» культурный код – например, образ говядины: *as dead as mutton* (1770, WDP). Шотландская ФЕ сравнивает мертвого человека с

орехом: *as dead as a nut* (1883, WDP). Смерть как абсолютное зло предстает в компаративе *worse than death* (ERPD). Концептуализация абсолютности смерти представлена в ФЕ *as sure as death* (ERPD), *as pale as death* (ERPD).

«В смерти нет того, что есть в жизни» – такова базовая модель рассматриваемого оценочного признака, имеющая различную образную реализацию. Так «мертвые не могут причинить ущерб» – в ФЕ *dead men do no harm* (1548, WDP); «мертвые не могут укусить» – в ФЕ *dead men don't bite* (1548, WDP), где детализировано представление, лежащее в основе предыдущей ФЕ: «мертвые не сочиняют небылиц, не рассказывают сказки» – в ФЕ *dead men tell no tales* (1664, WDP). ФЕ *dead men feel no cold* (1678, WDP) концептуализирует представление о том, что смерть для живого человека ассоциируется с отсутствием чувствительности. ФЕ *there is no work in the grave* (1733, WDP), отражающая ситуацию «в могиле нет работы», относится к жизни бедных людей, которые только в загробном мире видели свое избавление от тяжелого, изнурительного труда. В ФЕ *only the dead should do nothing* (1732, WDP) для негативной оценки лодырей имплицируется представление о том, что только мертвые ничего не должны делать. ФЕ *stone dead hath no fellow* (1633, ODP) в своей внутренней форме имеет образ мертвеца. Примечательно, что рассматриваемая единица используется для образной номинации смертной казни.

Базовая модель «смерть является неизбежным злом» отражает негативное восприятие смерти людьми нового времени. Оно заключается в осознании того, что смерть является злом, которое никак нельзя преодолеть. Многие единицы в той или иной форме выражают неизбежность смерти: *death when it comes will have no denial* (1611, WDP). Наивное сознание рассматривает смерть как одну из форм неизбежного зла, она не принимает отказа. Эпоха Просвещения учит людей относиться ко многим понятиям со скепсисом или иронией, как это представлено в ФЕ *nothing is certain but death and taxes* (1726, ODP), в которой неизбежность смерти сравнивается с другим неизбежным «злом» – налогами. В ФЕ *death keeps no calendar* (1732, WDP) смерть предстает как неумолимая сущность, для которой не существует правил.

Базовая модель «все люди смертны» встречается как в СА, так и в НА. Ряд ФЕ на эту тему взят из латыни. ФЕ *death is the great leveler* (1732, ODP); *death devours lambs as well as sheep* (1620, WDP) концептуализируют идею о том, что смерти подвержены все люди, вне зависимости от возраста и статуса.

К числу когнитивных новообразований концепта «смерть», появляющихся в исследуемых единицах НА, относятся «страх смерти», «жадность», «недоверчивость», «гордость».

Эпикур заметил, что страшна не столько сама смерть, сколько мысли живого человека о смерти, что отражает базовая ментальная модель «страх смерти является анти-ценностью»; английский вариант данного высказывания имеет следующий вид: *fear of death is worse than death itself* (1640, ODP). ФЕ *he that fears of death lives not* (1640, ODP) и представляет воззрения англичан на отношение к смерти и страху перед ней.

Ряд английских ФЕ связывают концепты смерти и трусости. Так, восходящая к Шекспиру ФЕ *all cowards die many times before their death* (1596, ODP) концептуализирует идею о том, что все трусы умирают много раз до смерти. Данная ФЕ имеет усеченный вариант *cowards die many times before their death* (1597, ODP). Ряд ученых относят эти ФЕ к числу древнегреческих максим. Более поздняя ФЕ *men fear death as children do to go in the dark* (1659, WDP) сравнивает страх перед смертью со страхом ребенка, который идет сквозь тьму. В ФЕ *no man is so old, but thinks he may yet live another year* (1577, WDP) представлена идея о том, что, как бы ни был стар человек, он все равно мечтает прожить хоть еще один год. Данная ФЕ приписывается перу древнеримского оратора Цицерона.

Базовая модель «стремление извлечь выгоду из смерти другого человека аморально» реализуется в ФЕ *it is ill waiting for a dead man's shoes* (1732, ODP), которая порицает тех людей, которые хотят поживиться за счет умерших, к примеру, получив долгожданное наследство. В ФЕ *if you wait for the dead men's shoes, you may chance to go barefoot* (1530, ODP) получают негативную оценку те люди, которые стремятся получить блага в результате смерти других людей: действительно, ожидание может затянуться, а их возможные благодетели могут пережить их самих.

Базовую модель: «некоторые люди верят только фактам» раскрывает ФЕ *you will not believe a man is dead till you see his brains out* (1678, WDP), в которой присутствует порицание недоверчивости посредством использования образной структуры «человек не верит смерти другого, пока не увидит его мозги».

Люди способны видеть и нечто положительное в факте смерти в определенных жизненных обстоятельствах. Базовая модель «позорная жизнь хуже смерти» отражена в ФЕ *better die on your feet than live on your knees* (1936, ODP),

авторство которой приписывается испанской революционерке Долорес Ибаррури. Вскоре появился ее перифразированный вариант *better die standing than live kneeling* (ODP). Рассматриваемые здесь ФЕ восходят еще к высказываниям античной мудрости, которые воплотились в ФЕ *better a glorious death than a shameful life* (ODP), концептуализирующей мысль о том, что славная смерть лучше позорной жизни.

В НА появляются единицы с положительной оценкой. Они действуют два типа оценочных моделей: ситуативные и агентивные. Негативная оценка для ФЕ с концептом «смерть» выражается на базе ситуативных моделей. Нужно отметить, что небольшое количество агентивных моделей составляет меньшинство для данных единиц.

3.1.3. Концепты «ДРУЖБА» и «ВРАЖДА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Аксиологически маркированные концепты «дружба» / «вражда» во ФЕ представляют собой бинарную оппозицию на основе антонимических отношений.

Дружба. Дружба – одно из наиболее важных аксиологических явлений.

Положительные оценочные признаки концепта СА

В СА отражены признаки «истинность дружбы» и «ценность дружбы».

Базовая модель «дружба нуждается в проверке» соответствует ФЕ *a friend in need is a friend indeed* (1035, ODP), данная идея приписывается Еврипиду. В английском языке эта ФЕ появляется в трудах аббата Эльфрика, ее можно найти в переводах с латыни Альфреда Великого. Вариант данной ФЕ имеет вид *a friend is never known till a man have need* (1303, WDP). ФЕ *prove your friend before you have need of him* (1400, WDP) представляет собой модальную прескрипцию: нельзя полагаться на непроверенных людей. В ФЕ *he is my friend that succors me* (1477, WDP) представлена утилитарно-оценочная идея о том, что другом является тот, кто готов прийти на помощь.

В базовой модели «дружба дороже денег» представлена оценочная шкала, в рамках которой сопоставляется дружба и материальные ценности, причем предпочтение отдается дружбе. ФЕ *a friend in court is better than a penny in purse* (1400, WDP) концептуализирует представление о том, что друг в суде лучше, чем пенни в кармане. ФЕ *lend your money and lose your friend* (1474, ODP) воплощает совет для друзей не вступать в отношения заемщиков и заимодавцев, что может

привести к потере друга. Данная ФЕ появилась в первых печатных пословичных сборниках, в работах Кэкстона. Она актуальна и через сто лет – ее использует Шекспир в трагедии «Гамлет». ФЕ *among friends all thing are common* (1477, WDP), утверждая, что у друзей все общее, что отражает приоритет дружбы над чувством собственности.

Отрицательные оценочные признаки концепта «дружба» СА

К пейоративным признакам СА данного концепта относятся «амбивалентность дружбы» и «потеря дружбы».

Базовая модель «друзья могут причинить больший вред, чем враги» отражена в ФЕ *God defend me from my friends and I will keep from my enemies* (1477, WDP). Данная фраза принадлежит перу поэта Овидия. В английском языке она становится известной во времена развития книгопечатания (конец XIV века).

Базовая модель «потеря дружбы представляет собой анти-ценность» отражена в ФЕ *poverty parts fellowship* (1406, WDP), также в антропоморфной модели метафоризации репрезентировано представление о том, что бедность может разрушить дружбу, т.е. стать причиной разрыва дружеских отношений.

Вражда. Образ врага в дискурсе очень древний [Томберг: 2018], он используется для эвфемистического описания дьявола: *the enemy of mankind* (New Testament), *the great (Last) enemy* (New Testament Corinthians XV, 26). В случае описания ситуации неминуемой опасности, используется ФЕ *the enemy at the gate* (Psalms CXXVII, 5), получившая популярность в XX веке.

Положительный оценочный признак концепта «вражды» СА

В базовой модели «нельзя проявлять чувства перед лицом врагов» встречаем дидактическую формулу культуры – совет по поводу того, как себя вести перед лицом врагов. В данном контексте концепт «враг» описывает положительный оценочный признак. В ФЕ *never tell your enemy that your foot aches* (1320, WDP) выражено представление о том, что нельзя выдавать врагу свои слабые места. ФЕ *don't boast until you see your enemy dead* (1477, WDP) концептуализирует предостережение от того, чтобы заранее праздновать победу над врагом.

Отрицательные оценочные признаки концепта «вражды» СА

Базовая модель «враги – люди, представляющие опасность» предстает в ФЕ эпохи Дж. Чосера *there is no little enemy* (1386, WDP) и предупреждает о том, что не следует недооценивать врагов, даже если они кажутся неопасными. ФЕ *an enemy's*

mouth seldom says well (1481, WDP) посредством приема синекдохи («уста врага» вместо «враг») воплощает представление о том, что враги редко говорят правду.

Базовая модель «друзья становятся врагами вследствие предательства» зафиксирована в текстах Чосера. ФЕ *friends through fortune become enemies through mishap* (1386, WDP) имплицирует ценностно маркированное понятие о людях, которые лицемерно клянутся в верности, когда человек богат и влиятелен, и становятся врагами, когда человек вступает в период неудач.

СА характеризуется наличием ФЕ, выражающей оценку при помощи концептуализированных в них концептов «дружба» и «вражда». Оценка представлена в них при помощи объектных и ситуативных моделей. Оценки монополярны: дружба получает только положительную оценку, вражда – отрицательную.

Дружба. Эпоха нового времени характеризуется интересом к человеку, как к его внешнему образу, так и его внутреннему миру. Понятие дружбы отражается во многих ФЕ, представленных в английском языке.

Положительные оценочные признаки концепта «дружба» НА

Признаки «истинность дружбы» и «ценность дружбы» присутствуют и в НА.

Утилитарно-оценочный характер дружбы, представляющий идею о том, что истинной дружба может считаться, если она проверена на деле, выражен в базовой модели «дружба нуждается в проверке» в ФЕ *a true friend is known in a doubtful matter* (1591, WDP), репрезентирующей ценностно маркированное представление о том, что друг должен проверяться не просто в сложном, но в «сомнительном» деле. В ФЕ *he is a friend who speaks well on us behind our backs* (1678, WDP) представлена идея о том, что истинный друг – тот, кто никогда не будет злословить за нашей спиной. В ФЕ *one friend watches for another* (1611, WDP) отражена пропозиция: друзья сторожат друг друга. В ФЕ *if you have one true friend, you have more than one share* (1732, WDP) посредством образа из экономической сферы подчеркивается истинная ценность дружбы. Компаративная единица *choose your friends like your books few but choice* (1659, WDP) имплицирует равноценность друзей и книг, друзей и знаний.

Базовая модель «истинный друг помогает в беде» встречается в ряде ФЕ *when a friend asks there is no tomorrow* (1640, WDP); *it is good to have friends but bad to need them* (1669, WDP).

Базовая модель «дружба дороже денег», появившись в эпоху СА, реализуется в ФЕ и в эпоху нового времени *a friend in the market is better than money in the chest* (1732, WDP); *friendship is not to be bought at a fair* (1619, WDP).

«Дружба должна строиться на равноправной основе» – данная базовая модель отражена в ФЕ *make not your friend too cheap to you, nor too dear to him* (1659, WDP); *who has too many friends eats too much salt* (1659, WDP). Синтаксика повтора усиливает экспрессивность ФЕ.

Базовая модель «другом является тот, кто оказывает ценные услуги» отражает утилитарное аксиологическое содержание ФЕ *short reckoning makes long friends* (1530, ODP): для сохранения дружбы нужно свести к минимуму денежные расчеты. ФЕ, появившаяся в среднеанглийском периоде *he is my friend that succors me* (1477, WDP), была переосмыслена в новоанглийском периоде в ФЕ *he is my friend that grinds at my mill* (1633, WDP), которая, сохранив свою структуру, изменила концептуальное содержание посредством образа из сельскохозяйственной тематики.

Аутентичными положительными признаками НА являются «дружба и соседство», «друзья и родственники», «радость от встречи друга», «старые и новые друзья», «человек – друг себе самому».

Модель «соседство неизбежно, нужно рассматривать добрососедские отношения как ценность» отражают ФЕ *we can live without our friends but not without our neighbors* (1732, WDP); *no one is rich enough to do without his neighbor* (1732, WDP). Состоятельность человека не означает его свободы от общества, от потребности в общении с другими людьми. Категория оценки в рассматриваемых ФЕ наславивается на семантику модальности невозможности.

Неравноценность дружбы и знакомства отражает модель «существует много знакомых, но мало друзей» посредством количественных показателей в ФЕ *have but few friends though much acquaintance* (1659, WDP); *many humble servants but not one true friends* (1732, WDP).

В базовой модели «дружба имеет не меньшую ценность, чем родство» соотносятся два типа межличностных отношений, имеющие для человека большое значение. В ФЕ *many kinsfolk and few friends* (1546, WDP) описывается ситуация, когда дружеские контакты являются более предпочтительными, в особенности, если бедных родственников много, а друзей, которые могут помочь, мало.

Человек боится испортить отношения с друзьями и родственниками, поэтому нежелательно использовать их как подчиненных, когда тяжело привлечь их к ответственности за проступки. Данная мысль отражена в ФЕ *if you want to have a good servant, take neither kinsman, nor friend* (1659, WDP).

Базовая модель «встреча друзей приносит радость» представлена в ФЕ *it is merry when friends meet* (1639, WDP); *friends may meet but mountains never* (1530, WDP).

Базовая модель «старые друзья, так же, как и новые, представляют ценность» отражена в ФЕ *an old friend and old wine are best* (1589, WDP), интерпретирующей ценность старой дружбы через высокие качества старого вина. ФЕ *a new friend makes the old forgotten* (1611, WDP) представляет градацию друзей относительно временной составляющей.

Базовая модель «человек должен помогать себе сам» отражает национальную и культурную специфику английской системы ценностей, связанных с идеями протестантской этики – ценностями индивидуализма, личной ответственности за свои действия, например, в ФЕ *be a friend to yourself and others will be too* (1732, WDP). Идея о том, что человек сам себе лучший друг или худший враг, отражена в ФЕ *no man has a worse friend than he brings with him from home* (1605, WDP).

Отрицательные оценочные признаки концепта «дружба» НА

Новое время воспроизводит признак «потеря дружбы». Базовая модель «потеря дружбы представляет собой анти-ценность» отражена в ФЕ *friends must part* (1620, WDP), концептуализирующей представление о том, что, какой бы ни была крепкой дружба, друзья должны расстаться.

Тематическая область музыкальных инструментов задействуется в ФЕ *friends are like fiddle-strings, they should not be screwed too tight* (1855, WDP). Дружеские взаимоотношения можно сравнить с натянутыми струнами скрипки, их нельзя натягивать слишком сильно, иначе они могут порваться. В ФЕ *broken friendship may be soldered but it will never be sound* (1732, WDP) отражается идея о том, что после крупной ссоры разорванные узы дружбы можно скрепить вновь, но они никогда не будут крепкими.

ФЕ *it's better to lose a jest than a friend* (1598, WDP) отражает необходимость быть сдержаным на языке в отношении друзей. ФЕ *a good friend never offends* (1659, WDP) отражает идею о том, что истинный друг никогда не нанесет

оскорблений своему другу. Ценность дружбы может быть выражена в опасении потерять ее. То, чего трудно добиться, представляет очевидную ценность, что отражено в ФЕ *a friend is not so soon gotten as lost* (1567, WDP).

ФЕ *friendship that flames goes out in a flash* (1732, WDP) концептуализирует представление о том, что дружба должна быть осознанной, для того чтобы люди оставались друзьями, поэтому быстро вспыхнувшие дружеские чувства могут охладеть.

Базовая модель «дружба и вражда» представляют собой относительные понятия» позволяет сопоставить такие контратные концепты, как «друг» и «враг» в несколько ином ключе. По сравнению с периодом среднеанглийского языка антагонистический характер отношений контратных концептов размывается. Высказывание Аристотеля *a friend to all is a friend to none* (1623, WDP) отражает внутренне антиномичное представление о том, что друг всем – друг никому. ФЕ *all are not friends that speak us fair* (1639, WDP) содержит предостережение от того, чтобы верить на слово всем людям.

В ФЕ контратные концепты «друг» и «враг» действуют совместно с контратными концептами «Бог» и «дьявол», так концептуализируется представление о том, что истинная дружба является Божиим даром, а враги – это посланцы дьявола: *God has few friends, the devil has many* (1610, WDP). Амбивалентный характер дружбы и вражды, размывающий грань между ними, представлен в ФЕ *God send me a friend and he will tell me of my faults, if not, send me an enemy and he will* (1678, WDP). ФЕ *save man from his friends and leave him to struggle with his enemies* (1869, WDP) концептуализирует дидактическую формулу: нужно избавится от неуместных действий друзей, чтобы иметь возможность бороться с врагами.

Отношения людей могут носить неискренний характер, данная мысль отражена в модели «в некоторых случаях приходится поддерживать видимость дружеских отношений», являющейся когнитивной основой для ФЕ *a friend as far as conscience permits* (1732, WDP), в которой имплицировано представление о том, что принципы удерживают человека от неблаговидных действий во имя дружбы. ФЕ, заимствованная в Индии: *if you have to live near the river it is best to be friends with the crocodile* (1882, ODP), включает концепт «крокодил» как символ опасного и влиятельного соседа, с которым поневоле необходимо налаживать дружеские отношения.

Базовая модель «дружеское общение иной раз сопряжено с трениями» развенчивает миф об идеальном характере дружеских отношений. ФЕ *a friend's frown is better than an enemy's smile* (1570, WDP) представляет собой пример реверсивной оценочной шкалы. Недовольство друга лучше, чем лживая улыбка врага. Эта ФЕ имеет синоним *a friend's frown is better than a fool's smiles* (1732, WDP). В ней образ врага заменяется образом глупца.

Вражда. В новое время интерес к вопросам вражды и дружбы, отраженный в английской фразеологии, только усиливается.

Положительные оценочные признаки концепта «вражды» НА

Базовая модель «в ряде случаев действия врагов могут иметь положительную оценку». В ФЕ *a wise enemy is better than a foolish friend* (1732, WDP); *an enemy may chance to give a good council* (1732, WDP) представлена реверсивная оценочная шкала (в двойной перекрестной антитезе «умный враг» – «глупый друг»), которая выражает представление о том, что умный враг лучше, чем глупый друг.

Базовая модель «к врагам нужно проявлять милосердие» в ФЕ *a foe vanquished is a foe no more* (1732, WDP) воплощает нравственную ценность. ФЕ, приписываемая Аристиду: *it is good to make a bridge of gold to a flying enemy* (1576, ODP), вводит образ золотого моста для отступающих врагов.

Отрицательные оценочные признаки концепта «вражды» НА

Указанные выше признаки СА объективируются на базе новых единиц в НА.

Базовая модель «предательство заслуживает осуждения» реализуется в ряде ФЕ английского языка. Предательство друга однозначно делает его врагом, что отражено в ФЕ *the friend that faints is foe* (1611, WDP). Корыстная мотивация неискренней дружбы (друг, только пока его кормят) представлена в ФЕ *while the pot boils friendship blooms* (1875, WDP). В ФЕ *a fair-weather friend* (ERPD) использован иной образ – «друг только в хорошую погоду, или до первого шторма».

Идея о том, что явный враг лучше неверного друга, отражена посредством двойной перекрестной антитезы («открытый враг» – «обманчивый друг») в ФЕ *it is better to have an open foe than a dissembling friend* (1548, WDP). Данная ФЕ имеет вариант *a foe is better than a dissembling friend* (1548, WDP); *false friends are worse than bitter enemies* (1732, WDP). Идея о дружбе и вражде реализуется в рамках ФЕ *friend or foe* (ODP). В ФЕ: *afraid of one's friends when none is near* (1699, WDP)

репрезентируется представление о том, что и друзья могут быть причиной неприятностей.

Базовая модель «нужно опасаться враждебных действий неприятелей» отражена в ряде ФЕ. ФЕ *man's life is filed by his foe* (1659, WDP) представляет мысль, что враги пристально следят за нашими действиями, ожидая удобного случая нанести удар.

Пример использования реверсивной оценочной шкалы отражен в ФЕ *one enemy can do more hurt than ten friends can do good* (1640, WDP); *one enemy is too much for a man in a great post, one hundred friends is too little* (1877, WDP), концептуализирующих представление о том, что один враг может сделать больше зла, чем много друзей – добра.

В ФЕ *a man has many enemies when his back is to the wall* (1639, WDP), отражающей аллюзию на ФЕ *to have one's back against the wall*, концептуализировано представление о том, что человек имеет множество врагов, когда он находится в беде.

ФЕ, приписываемая В. Скотту: *a foe worthy of smb.'s steel* (1800, WDP), посредством метонимического образа «сталь» в значении «оружие» воплощает представление о достойном враге, который заслуживает поединка.

ФЕ *speak well of your friend, of your enemy say nothing* (1875, WDP) выступает как дидактическая формула культуры, поведенческая инструкция – не следует что-то говорить о врагах, тогда как о друзьях надо говорить хорошо. ФЕ, восходящая к Ч. Диккенсу: *how goes the enemy?* (1856, ODP), в качестве образа врага моделирует время: оно безвозвратно и неумолимо приближает старость и смерть человека.

Возникают и новые признаки: «неразборчивость в выборе друзей» и «глупость». Базовая модель «неразборчивость в дружбе получает негативную оценку» ориентирует быть внимательными в выборе друзей. Так, в ФЕ *trust not a new friend nor an old enemy* (1569, WDP); *a rash friend is worse than a foe* (1732, WDP); *tell nothing to thy friend that thine enemy may not know* (1533, WDP) реализована реверсивная оценочная шкала, в которой фигура врага является более предпочтительной, чем образ безрассудного и поспешного в решениях друга. Одной из наиболее поздних единиц, посвященных сопоставлению контрапротивных понятий «друг» и «враг», является ФЕ *the enemy of my enemy is my friend* (1985, ODP), появившаяся в США в конце XX в. Экспрессивный эффект создается наличием двух видов повтора: синонимического и антонимического.

Базовая модель «некоторые действия человека причиняют ему самому больший урон, чем действия врагов» отличается тем, что в ней субъект – человек – одновременно является и объектом, поскольку направляет действия на самого себя. При этом эти действия несут отрицательную оценку. Она представлена в восходящей к латинским текстам ФЕ *every man is his own worst enemy* (1533, WDP). Ее поздний вариант имеет вид: *he is no one's enemy but his own* (1600, WDP).

НА характеризуется амбивалентностью представлений о дружбе и вражде. Для данных ФЕ, как в случае реализации положительной, так и отрицательной оценки, наблюдается идентичная ситуация: отмечается резкий рост случаев использования ситуативных моделей, при менее заметном количестве использований моделей агентивного и пациентивного характера.

3.1.4. Концепты «ГЛУПОСТЬ» и «УМ»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Шутам и дуракам присуще свойство быть чужими в этом мире, они не солидаризируются ни с одним из существующих в жизни положений [Бахтин 1986: 88]. Английские ФЕ отражают различные признаки и черты поведения глупого человека [Карташкова 2009].

Положительные оценочные признаки концептов СА

«Искренность» и «амбивалентность глупости» – признаки, характеризующие интеллектуальную оценку мелиоративного типа в исследуемых концептах в ФЕСА.

Базовая модель «в некоторых ситуациях поведение глупца имеет положительную оценку» проявляется в ФЕ *a fool may give a wise man a council* (1350, ODP); *a fool may sometimes give a wise man a council* (1350, ODP), в которых стирается грань между глупостью и мудростью. Вторая единица характеризуется расширением плана содержания (tempоральный оператор «иногда»).

Базовая модель «глупцы говорят только правду» соотносит концепты «глупость» и «ложь» *children and fools tell the truth* (1425, ODP).

Отрицательные оценочные признаки концептов СА

СА закладывает основу представлений англичан о глупости и уме, что отражают такие признаки ФЕ, как «болтливость», «недальновидность», «непрактичность», «неумение держать себя», «упрямство».

Признаком глупости является вербальное поведение, что отражает базовая модель «словоохотливость отличает глупцов», ср. ФЕ *a fool is known by his speech*

(1303, ODP); *fools will be meddling* (1380, ODP). Первая ФЕ имеет более поздний вариант *fools are known by their babbling* (1477, ODP). При сохранении исходной модели в ФЕ меняется номинация, указывающая на признак «глупости» – вместо *speech* («речь») используется более экспрессивное, стилистически окрашенное *babbling* («лепет, бормотание»).

В ФЕ *a fool's bolt is soon shot* (1270, ODP) задействуется военная тематика: посредством образа наскоро выпущено арбалетной стрелы объективируется идея необдуманных речей и поступков. ФЕ *a fool's bell is soon talk* (1400, ODP) содержит аллюзию на атрибуты шута и концептуализирует болтливость.

В ФЕ *answer a fool according to his folly* (1484, ODP) концептуализировано представление о том, что не следует тратить силы на разъяснения глупцу очевидных истин: глупый человек не заслуживает учитывого и достойного к себе отношения.

Базовая модель «глупый человек не способен предвидеть негативные последствия своих поступков» отражается в восходящей к текстам Чосера ФЕ *fools' thoughts often fail* (1374, ODP). ФЕ *a fool loses his estate before he finds his folly* (1489, ODP) репрезентирует идею о том, что только глупец готов потерять все ради удовлетворения своих желаний.

Базовая модель «глупый человек не способен насладиться своими трудами, это удел умных людей» представлена в ФЕ *fools lade the water and wise men catch fish* (1400, ODP), которая является одной из первых единиц, построенных на противопоставлении глупца и умного человека в функциональном плане. Идея о том, что «подобное стремится к подобному», реализует базовую модель «глупцы общаются с себе подобными», отраженная в ФЕ *he is a fool that deals with fools* (1350, ODP).

Контейнером базовой модели «глупый, неопытный человек ведет себя неадекватно» является ФЕ *he is a fool that forgets himself* (1270, ODP).

Базовая модель «глупого человека характеризует немотивированное упрямство» отражена в ФЕ *a fool will not part with his bauble for the Tower of London* (1480, ODP) на основе иронически сниженного в оценочном плане, абсурдного сближения несопоставимых компонентов: погремушки как атрибута шута и Тауэра как символа безграничной власти империи.

Контрарные концепты «глупость» и «ум» концептуализируют положительную оценку в ФЕ СА при помощи агентивных моделей. Негативная

оценка предстает в ФЕ при помощи все трех моделей с незначительным преимуществом ситуативных моделей.

Положительные оценочные признаки концепта НА

Новое время полностью сохраняет признаковую составляющую исследуемого концепта на новом материале.

Базовая модель «глупцы говорят только правду» предстает не только в СА, но и в НА: *fools and madmen speak the truth* (1621, WDP); *fool love all that is good* (1738, WDP).

Базовая модель «в некоторых ситуациях поведение глупца имеет положительную оценку» отражает мнение, что глупость, в том числе ее позитивные проявления, могут иметь ситуативный характер *a fool knows more in his own house than a wise man in another's* (1620, WDP); *no one is a fool always, every one sometimes* (1640, WDP).

В английском языке есть ряд высказываний, которые с иронией относятся к глупцу, причем его поступки сопоставляются с женской моделью поведения: действительно, для данных эпох характерно гендерное неравноправие, и глупый человек, неспособный выполнять задачи, возложенные на мужские плечи, занимается женскими обязанностями, что отражено в ФЕ *fools are wise men in the affairs of women* (1732, WDP); *fools and little dogs are ladies' playfellows* (1583, WDP).

ФЕ *better foolish with all than wise by yourself* (1732, WDP) реализует реверсивную оценочную шкалу. В ней фигурируют контрастные характеристики «глупость» и «ум», а также «одиночество» и «признание». Данная ФЕ дает более высокую оценку общественной поддержке глупца, а не одиночеству мудреца.

Отрицательные оценочные признаки концептов НА

Новое время характеризуется ростом числа употреблений пейоративных признаков, которые характеризуют концепт «глупость», при сохранении в НА всех признаков СА. Это относится и к константным признакам, пришедшим из предыдущей эпохи. Базовая модель «глупый человек не способен предвидеть негативные последствия своих поступков» отражена в ФЕ *fools never know when they are well* (1519, WDP); *fools refuse favours* (1659, WDP). Глупым является тот, кто не умеет извлечь выгоду из благоприятной ситуации. ФЕ *more people know Tom Fool than Tom Fool Knows* (1656, ODP) реализует представление о том, что репутация глупца распространяется быстрее, чем растет объем его знаний о мире.

Базовая модель «глупый человек не способен разумно спланировать свои действия», выражающая оценку действий, их последовательности относительно фактора времени, концептуализирована в ФЕ *a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end* (1535, WDP); *that which a fool does at last a wise man does at first* (1666, WDP); *fool's haste is no speed* (1732, WDP). Недальновидность глупцов приводит к крушению их планов.

Новое время продолжает среднеанглийские традиции в оценке глупца, что отражает модель «глупый человек ведет себя нерационально / неадекватно». Причем неадекватность проявляется в определенных ситуациях, отражающих константы картины мира, к числу которых относится кораблекрушение: *a fool may laugh when he is drowning* (1577, WDP); путешествие: *a fool lacks his clothes on a rainy day* (1732, WDP), *a fool on a bridge sounds like a drum* (1611, WDP); работа по дереву: *he is a fool that makes a wedge of his fist* (1611, WDP).

Особым образом описывается веселье глупцов, которое может быть неуместным: *play with the fool at home and he will play with you at the market* (1640, WDP) – налицо пример перекрестного параллельного обыгрывания двух ситуаций – дома и на рынке; или же немотивированным: *a fool can dance without a fiddle* (1732, WDP); *fools are pleased by their own blunders* (1732, WDP); *fools laugh at their own disport* (1855, WDP).

Образы потустороннего мира присутствуют в ФЕ *fools rush where angels fear to tread* (1711, WDP); *a fool always rushes to the fore* (1711, WDP), концептуализирующих ценностно маркированное представление о том, что глупцы своими действиями стремятся в ад, иными словами, могут натворить много плохого. В ФЕ *fools' parades are wise men's purgatories* (1763, WDP) посредством антиномического перекрестного противопоставления ада и рая, с одной стороны, глупцов и мудрецов, с другой («рай для дураков – это чистилище для мудрецов») репрезентируется мысль, что то, что может показаться плохим умному человеку, покажется хорошим глупцу.

«Болтливость» как пейоративный признак, присущий как средне-, так и новоанглийскому периоду, отражает базовая модель «словоохотливость отличает глупцов». ФЕ *a fool's heart is in his tongue* (1566, WDP) использует соматические концепты «сердце» и «язык», в нём метафорически репрезентируется идея о том, что суть глупого человека в его словах, а не в делах, мыслях или чувствах. В ФЕ *a fool may ask more questions than the wisest can answer* (1666, WDP) мудрость как

контрарный концепт глупости представлен в умении отвечать на вопросы, задавать вопросы – удел глупцов. В ФЕ *a fool's speech is a bubble of air* (1732, WDP) посредством образного уподобления слов глупца пустому шевелению воздуха концептуализирована идея о том, что слова глупого человека ничего не значат. Представление об излишнем многословии за обеденным столом реализовано в ФЕ *only fools and fiddlers sing at meals* (1813, WDP) посредством образной пропозиции «только дураки и скрипачи поют за едой». Опасной для собственной жизни может стать многоречивость глупого человека, что представлено в ФЕ *a fool's speech is long enough to cut his own throat* (1777, WDP).

Противопоставление умного и глупца в функциональном плане находит развитие и в новоанглийском периоде в базовой модели «глупый человек не способен насладиться своими трудами, это удел умных людей», где представлен утилитарный тип оценки. ФЕ *fools build houses and wise men live in them* (1670, ODP); *fools build and wise men buy* (1997, ODP) задействуют ситуацию постройки дома. Ситуация более широкая, связанная с зарабатыванием денег, предстает в ФЕ *a fool may make money but it needs a wise man to spend it* (1869, WDP). Вопросы интеллектуальной собственности затрагивает единица: *fool may invent fashions that wise men will wear* (1732, WDP).

Базовая модель «глупого человека» характеризует немотивированное упрямство» отражена в ФЕ *as the fool thinks, so the bell clinks* (1607, WDP). Данная ФЕ отсылает к шутовскому наряду, непременным атрибутом которого являются колокольчики. ФЕ *a fool believes the thing he would have so* (1681, WDP) использует прием прямой номинации для концептуализации неодобрения упрямых глупцов.

Появляющиеся в этот период ФЕ развиваются представления англичан об этом концепте, дают возможность рассмотреть различные аспекты интеллектуальной оценки. К числу ее константных признаков добавляется и ряд аутентичных признаков нового времени: «легковерность», «лень», «самонадеянность», «вредоносность», «неизменность», «старость», «абсолютность глупости», «многочисленность».

Глупцы не могут критически оценивать слова других людей, что представлено в ФЕ *a fool believes everything* (1625, WDP). В ФЕ *a fool and his money are soon parted* (1573, WDP) посредством метафоры расставания дурака и его денег концептуализируется утилитарная оценка: глупцы, не искушенные в суровых законах деловой среды, могут легко потерять собственные деньги. В ФЕ *fool me*

once, shame on you, fool me twice, shame on me (1611, ODP) посредством инвертированной императивной конструкции концептуализируется представление о том, что умного человека нельзя обмануть несколько раз, потому что он способен раскрыть обман.

В ФЕ концепт «глупость» может быть сопряжен с концептом «лень»: *six hours of sleep for a man, seven for a woman and eight for a fool* (1623, ODP), где представлена утилитарная оценка. Нетрудно заметить в этой ФЕ отчетливую национально-культурную специфику: чем больше спиши, тем меньше будешь трудиться.

Базовая модель «глупца» характеризует необоснованная оценка своих умственных возможностей» отражена, например, в ФЕ *a fool thinks himself wise* (1557, WDP); *he is a fool that thinks not that another thinks* (1640, WDP). ФЕ *young folks think old folk to be fools, but old folks know young folks to be fools* (1577, ODP) в параллельной конструкции негативно оценивает убежденность молодых людей в том, что их интеллектуальные способности выше представителей старшего поколения, тогда как в действительности дело обстоит иначе. В ФЕ *a wise man changes his mind, a fool never will* (1732, WDP) концептуализируется представление о том, что неспособность признавать свою неправоту, упрямство характеризуют неумных людей.

Базовая модель «глупца» характеризует умение выражать нелицеприятные суждения» отражена в таких ФЕ, как *fools ask questions that wise men cannot answer* (1666, ODP); *it is the property of fools to be always judging* (1732, WDP); *every fool can find faults that a great many wise men cannot remedy* (1732, WDP). Культурно-специфичное концептуальное содержание представлено в ФЕ *he is a fool that is wiser abroad than at home* (1732, WDP), которая посредством сентенции «глупец тот, кто мудрее за границей, чем дома» имплицирует оценочное представление о приоритетной значимости родины на фоне снижения ценности всего заграничного.

Стремление глупца делать преждевременные и необоснованные выводы отражено в ФЕ *fools should not see half-done work* (1818, WDP). Идентичное концептуальное содержание представлено в более ранней ФЕ *fools and bairns should never see half-done work* (1721, ODP), образная основа которой расширяется за счет включения еще одного компонента – не должны видеть незаконченную работу не только глупцы, но и дети.

Базовая модель «глупец способен причинить вред» указывает на то, что дураки не всегда безобидны: действия глупцов могут иметь плачевые

последствия, которые долго придется исправлять умным людям. Данная сентенция реализуется в ряде ситуаций, задействующих такие элементы, как мебель: *fools set stools for wise men to stumble* (1605, WDP); приготовление пищи *set a fool to roast egg and a wise men to catch them* (1678, WDP); элементы дома и быта: *a fool may throw a stone into the well which a hundred wise men cannot pull out* (1640, WDP); *fools tie knots and wise men loose them* (1639, WDP); *give a fool a candle to light and he will light it at the end* (1883, WDP). Национальной и культурной спецификой для английских ФЕ является метафорическое использование юридической терминологии. ФЕ *a man who is his own lawyer has a fool to his client* (1809, ODP) основан на комическом парадоксе «человек, который является собственным адвокатом, дурачит своего клиента (т.е. обманывает самого себя)».

Базовая модель «глупость неизлечима» описывает глупость как константу: *send a fool to the market and a fool he will return* (1586, WDP). Глупость может получать метафорическое переосмысление и предстать в образе заразной болезни: *one fool makes many* (1640, WDP); *who is born to be fool will never be cured* 1732 (WDP). Идея о том, что «подобное стремится к подобному», отражается в ФЕ *set a fool to catch a fool* (1654, WDP).

ФЕ действуют как биологические *fools grow without watering* (1732, WDP), так и пространственные реалии *fools are of all sizes* (1901, WDP) (между умственными и физическими качествами человека нет взаимосвязи) для описания глупцов.

Базовая модель «с возрастом истинный глупец не станет умнее» рассматривает концепт «глупость» как постоянное явление в ФЕ *fools will be fools* (1650, WDP). С возрастом человек должен приобретать опыт, совершенствовать свои знания, но если с возрастом он не становится умнее, это качество является отягчающим фактором в негативной оценке человека: *there is no fool like an old fool* (1546, ODP). В ФЕ *a fool at forty is a fool indeed* (1557, WDP).

Модель «человек может быть абсолютно глупым» демонстрируют единицы: *April fool* (1732, WDP) и *like a fool* (1732, ERPD). Номинация с семантикой «апрельский» связана с 1 апреля, традиционным Днем дурака (Днем смеха).

Базовая модель «если бы у глупости были наглядные признаки, ими обладали бы многие люди» встречается в ФЕ *if all fools had baubles we should want fuel* (1611, WDP); *if all fools wore white caps we should see a flock of geese* (1640, WDP) и указывает на то, что под категорию глупца могут попасть многие. В НА

количественная динамика в сторону увеличения числа ФЕ не приводит к изменению качественных показателей: в ФЕ НА используются все три типа моделей. Ситуативные модели наиболее частотны.

3.1.5. Концепты «УДАЧА» и «НЕУДАЧА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Удача и неудача рассматриваются в ФЕ двояко: как проявление судьбы, а также как реакция на собственную активность человека.

Положительный оценочный признак концепта СА

Единственным положительно маркируемым признаком ФЕ с концептом «удача» является признак «ценность удачи». Отношение средневекового человека к удаче описывает базовая ментальная модель «удача представляет собой одну из основополагающих ценностей». ФЕ *opportunity makes a thief* (1220, WDP) имплицирует представление о том, что только от обстоятельств зависит судьба человека, его достойные и недостойные поступки. Восходящая к трудам латинского автора Энния ФЕ *fortune favours the brave* (1385, WDP), впервые возникшая в текстах Дж. Чосера, интерпретирует удачу через антропоморфный образ: удача «любит» смелых. В заимствованной из французского ФЕ *opportunity never knocks twice at any man's door* (1500, WDP) образная основа также строится на основании приема антропоморфизации: счастье само стучит в дверь того, кто может быть обласкан судьбой, но не следует испытывать ее благорасположение.

Положительные оценочные признаки концептов НА

Константным признаком, проявляющимся в единицах как СА, так и НА, является признак «ценность удачи». Удача представлена и в новоанглийских ФЕ, отражающих базовую модель «удача представляет собой одну из основополагающих ценностей». ФЕ *luck is a lord* (1564, WDP) построена на основании сопоставления удачи с лордом, символом власти и могущества. Оценка сочетается с темпоральной семантикой в ФЕ *good luck never comes too late* (1610, WDP), концептуализирующей представление о том, что к человеку рано или поздно придет удача.

В компаративной модели ФЕ *better be born lucky than rich* (1639, ODP); *good luck reaches further than long arms* (1732, WDP) выстраивается аксиологическая шкала, где концепт «удача» занимает более предпочтительное положение, чем

концепт «богатство». Во второй единице сила и власть зашифрованы в виде образа «длинные руки».

Концепт «удача» в ФЕ НА реализует появившиеся в ту эпоху признаки: «амбивалентность удачи», «диалектичность удачи», «суеверие», «трудолюбие».

В НА появляется модель «неудача может впоследствии принести удачу и наоборот», что отражено в ряде ФЕ *ill luck is good for something* (1605, WDP); *bad luck often brings good luck* (1732, WDP), где концептуализируется ценностно маркированное представление о диалектичности удачи / неудачи. Бурная стихия иронически обыгрывается в ФЕ *give a man luck and throw him in the sea* (1576, WDP), где моделируется ситуация, которая заключается в том, что человека бросают в море, чтобы проверить его удачу.

Для когнитивного моделирования ситуации удачи / неудачи используются концепты домашних животных. Так, для описания сомнительной удачи, ощущения невезучести используется ФЕ *as good luck as had the cow that struck herself with her own horn* (1678, WDP), в которой, в целях иронического снижения, задействована нарочито алогичная, абсурдная образная ситуация, в которой корова бодает саму себя. А в ФЕ *as good luck as the lousy calf, that lived in winter and died in the summer* (1678, WDP) для когнитивного моделирования субъективного ощущения невезучести в ироническом ключе использована образная ситуация, когда больной (паршивый) теленок, пережив зиму – самое суровое для домашних животных время, вдруг умирает летом.

Новое время представляет нам новое мировидение, отношение человека к себе и к окружающим, что отражает базовая модель «удача в одном оборачивается неудачей в другом» в ФЕ *lucky at cards, unlucky in love* (1738, ODP); *good luck in card bad luck in marriage* (1755, WDP). Первая единица реализует идею о том, что удача в любви означает отсутствие везения в азартных играх и наоборот. Во второй ФЕ концепт счастья конкретизируется в образе удачной женитьбы.

Находясь под влиянием церкви, носители английского языка в НА продолжают мыслить теологическими образами, рассматривая все несчастья человека и судьбу человека в целом как промысел Божий, что отражено в ФЕ *man's extremity is God's opportunity* (1629, WDP), имплицирующей идею о том, что жизнь и смерть человека в руках Божьих. Сходная ситуация отражена в ФЕ *England's difficulty is Ireland's opportunity* (1856, WDP), концептуальное содержание которой включает ценностно маркированный компонент, связанный с историей Англии.

Ирландия веками боролась за независимость от Англии. Беды Англии, ведущие к ее ослаблению, всегда были шансом для Ирландии обрести независимость или, по крайней мере, уменьшить английское влияние.

Свободное времяпрепровождение, праздность в средневековье рассматривается как порок. Однако отношение к свободному времяпрепровождению изменяется к началу эпохи нового времени, что отражено в ФЕ *there is luck in leisure* (1683, ODP), в которой возможность наслаждаться свободным временем рассматривается как счастье.

Представления об удаче неотделимы от суеверий, что отражает базовая модель «удача основана на том, что сбываются приметы». Это связано с «магией чисел», что отражено в цитате из Вергилия, употребленной в пьесах Уильяма Шекспира: *there is luck in odd numbers* (1598, ODP) посредством образной сентенции «удачу приносят нечетные числа». Идея о том, что счастливыми являются именно нечетные числа, восходит к гадательным обрядам римлян. Представление о том, что третий раз – счастливый, отражено в ФЕ *third time is lucky* (1840, ODP). ФЕ, основанная на рифмослоговом повторе: *do not trouble trouble unless trouble troubles you* (ODP), концептуализирует представление о том, что нужно избегать ненужных неприятностей.

Английская культура, основанная на протестантской этике, возводит в куль труд. В этой связи в рамках базовой модели «лишь трудолюбивым людям сопутствует удача» концепт «удача» детерминируется посредством концепта «трудолюбие». ФЕ, восходящая к Аппию Клавдию Цезию: *every man is an architect of his own fortune* (1533, WDP), использует строительную концептуальную метафору для интерпретации удачи. Для человека эпохи капитала счастье состоит в богатстве, а чтобы добиться богатства, необходимо много трудиться: *diligence is the mother of good luck* (1840, ODP). ФЕ *lucky men need no council* (1855, WDP) концептуализирует представление о том, что люди, которым покровительствует удача, самодостаточны, им не нужны советы окружающих людей.

Отрицательные оценочные признаки концептов НА

Пейоративные признаки для исследуемого концепта в эпоху СА нехарактерны. В последующий период исследуемые ФЕ концептуализируют такие пейоративные признаки концепта, как «неудачливость» и «глупость».

Базовая модель «неудача является одной из основополагающих антиценностей» предстает в ряде ФЕ нового времени. В новоанглийском периоде

имеется ряд ФЕ, в плане концептуального содержания которых задействован образ удачи-судьбы, как, например, в ФЕ, построенной по модели риторического вопроса: *What is worse than ill luck?* (1639, WDP). В компаративной ФЕ *ill luck is worse than lost money* (1670, WDP) имплицируется ценностно маркированное представление о том, что неудача страшнее потери денег.

Антропоморфный образ неудачи предстает в ФЕ *when ill luck falls asleep, let nobody wake her* (1659, WDP); *do not trouble trouble till trouble troubles you* (1884, ERPD), где ей приписывается свойство живых существ: возможность спать, реагировать на раздражитель.

Ценностное представление о том, что неудачная женитьба – это залог новых неудач, отражено в ФЕ *an ill marriage is a spring of ill fortune* (1633, WDP). Ирония прослеживается в ФЕ *the devil's children have the devil's luck* (1732, ODP), где обыгрывается идея о том, что необыкновенная удача идет не от Бога, а от дьявола.

Модель «дуракам везет» является заимствованием из латыни, она связывает концепты удачи и глупости. Идея о том, что счастье покровительствует глупцам, принадлежит древним римлянам. ФЕ *fools have fortune* (1568, WDP) (ее варианты: *fortune favours fools* (1568, ODP), *fools for luck* (1834, ODP)); *a fool's bolt may sometimes hit white* (1732, WDP) отражает идею о незаслуженном счастье. Расширение компонентного состава наблюдаем в высказывании *luck for the fools and chance for the ugly* (1754, WDP), которое имплицирует представление об удаче как о своего рода компенсации за недостатки, в частности – глупость и уродство. В ФЕ отражены представления о том, что дураки могут приносить удачу и другим людям: *a fool's handsel is lucky* (1614, WDP).

Динамика ФЕ, описывающих удачу и неудачу, с положительной оценкой характеризуется переходом от агентивных моделей в СА к моделям нескольких типов: агентивных и ситуативных в НА. ФЕ НА, выражающие негативную оценку, используют все три типа оценочных моделей. Доминирующим типом моделей для ФЕ с рассматриваемыми концептами является ситуативный тип моделей.

3.1.6. Концепты «ЛОЖЬ» и «ПРАВДА»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Положительный оценочный признак концепта СА

Базовая модель «истина должна восторжествовать» отражается в ФЕ среднеанглийского периода *truth will out* (1439, ODP), которая вносит информацию

о том, что правда всегда найдет свой путь. Калька из французского языка *children and fools tell the truth* (1425, ODP) имплицирует представление о невинности как недостатке знаний и опыта, в состоянии которой люди еще не научились лгать.

Немногочисленные примеры ФЕ СА используют все типы моделей для выражения положительной оценки. ФЕ с отрицательной оценкой в СА нет.

Положительные оценочные признаки концепта НА

Рассмотренный выше признак СА «сила правды» проявляется и в НА.

Базовая модель «правда сильнее лжи» воплощается в высказывании *truth is stranger than fiction* (1562, ODP), принадлежащем древнегреческому оратору Демокриту. Данная модель реализуется в ФЕ посредством антропоморфных образов *a lie stands on one leg, the truth on two* (1592, WDP); *a lie has no legs* (1666, WDP). Если первая единица указывает на скорость распространения лжи, то вторая отмечает, что ложь разносят люди, она не способна распространяться самостоятельно. ФЕ *bitter truth* использует вкусовую символику и объективирует базовую модель «правда может быть неприятной». Других признаков не было выявлено.

Отрицательные оценочные признаки концептов НА

Фразеосистема НА характеризуется появлением ряда пейоративных признаков, отсутствующих в предыдущем периоде: «сила лжи», «хитрость», «абсолютность лжи», «простодушие», «первоисточник лжи».

Ложь может рассматриваться как антропоморфная или же зооморфная сущность. Персонификация как вариант «овеществления абстракции» по модели концептуальной метафоры выступает типичным способом языковой концептуализации мира в «наивной» картине мира этноса [Радбиль 2017]. Базовая модель данного признака «ложь помогает добиваться успехов лучше, чем правда» реализует ряд ФЕ. Так, ФЕ *a lie is halfway around the world before the truth has got its boots* (1598, ODP) восходит к римскому поэту I в. до н.э. Вергилию, зафиксирована в произведениях Шекспира на основе антропоморфного представления лжи и правды. Антропоморфизм представлен и в ФЕ *lies have short wings* (1578, WDP); *lies have short legs* (1578, WDP), где соматические компоненты (ноги и крылья) вносят информацию о том, что ложь получает быстрое распространение. Антропоморфный характер лжи прослеживается и в ФЕ *a lie begets lie* (1732, WDP) посредством образного представления о том, что ложь порождает ложь. Уклончивый ответ, полуправда не отличается от лжи, что отражено в ФЕ *half the*

truth is often the whole lie (1758, ODP), уравнивающей полуправду и ложь. Трудность обнаружения истины отражена в ФЕ *truth lies at the bottom of the well* (1758, ODP) через образное представление о том, что истину так же трудно найти, как добраться до дна колодца. В приписываемой Роберту Бернсу ФЕ *the greater the truth the greater the libel* (1787, ODP) посредством компаративной модели с повтором сравнительной степени прилагательного вносится информация о том, что чем вернее истина, тем больше клеветы вокруг нее.

Одна из наиболее поздних ФЕ *truth is the first casualty of war* (1928, ODP) появилась как реакция на неоднозначные причины и результаты Первой Мировой войны, на основе образного представления о том, что истина является первой жертвой войны.

В английской культуре дьявол – амбивалентный образ. Возведя зло к универсальному принципу, культура соединяет объективно несовместимое: силу и бессилие, неукротимую энергию и внутреннюю ничтожность. Таким и получился дьявол. Его нельзя было изображать слишком могущественным, ибо тогда он стал бы равным Богу и привлекал бы на свою сторону тех, кто поклонялся силе. Но нельзя было и преувеличивать его слабость, ибо тогда никто не стал бы воспринимать его всерьез [Скрипник 1992: 114]. ФЕ *tell the truth and shame the devil* (1548, ODP); *truth makes the devil blush* (1944, ODP) реализуют дидактическую функцию в культуре, отражая нравственную прескрипцию – скажи правду и посрами дьявола.

Базовая модель «человеку свойственно умело лгать» активно используется в ряде ФЕ. Для новоанглийских ФЕ характерно широкое использование метафорических моделей, что отражено, например, в ФЕ *a false tongue will hardly speak the truth* (1633, WDP). Для описания искусственных лжецов задействуются зооморфные образы в компаративных ФЕ: это может быть собака *to lie as fast as a dog* (1530, WDP), *to lie as fast as a dog can lick a dish* (1546, WDP) или лошадь *to lie as fast as horse will trot* (1530, WDP).

Необразные ФЕ дают ряд релевантных характеристик лжецам. Это хорошая память *liars should have good memories* (1542, WDP) (чтобы помнить, кому и как они солгали), а также умение распознать чужую ложь *he will not let anybody lie by him* (1678, WDP) (чтобы не пасть жертвой обмана).

Для ФЕ характерна тенденция описывать крайнее проявление оценочности на основе сравнения, например, в базовой модели «крайнее проявление лжи»

получает негативную оценку. Для эталонных образов, воплощающих ложь, выявлены антропонимические *as false as Scot* (1670, WDP); *to lie like a trooper* (1870, ODP), зоонимические *as false as fox* (1886, WDP) и предметные элементы *to lie like a bulletin* (ODP). ФЕ *a lie made out of the whole stuff* (1830, WDP) описывает ситуацию, когда ложь тотальна.

Ложь – это осмысленная стратегия речевого поведения человека, что отражает базовая модель «у человека есть разные причины лгать». Человек лжет, когда необходимо скрыть правду: *ask no questions and you shall hear no lies* (1640, ODP); ложь может быть частью стратегии, целю которой является выяснение истины: *tell a lie and find out the truth* (1678, WDP). Так, ФЕ *tell a man a lie and give him a reason for it* (1678, WDP) репрезентирует представление о том, что человеку всегда свойственно искать оправдания своих поступков, даже весьма неблаговидных, и если человек солгал, он будет пытаться пойти на сделку со своей совестью. ФЕ *a white lie* использует цветовую символику для концептуализации так называемой «лжи во благо», т.е. оправданной лжи.

Неопытный лжец описывается в базовой модели «неопытный лжец выдает себя». В ФЕ отмечают психосоматические особенности поведения людей, которые говорят неправду: *if a lie could have choked him, it would have done it* (1678, WDP); *you licked not your lips when you lied last* (1732, WDP). Откровенная ложь описывается при помощи аудиоэпитета: *that is a lie and a loud one* (1678, WDP), или фитоморфного эпитета в ФЕ *his lies are latticed lies, and you may see through them* (1830, WDP).

В ряде компаративно-оценочных ФЕ в соответствии с христианскими представлениями в качестве первоисточника лжи фигурирует трансцендентальный образ в базовой модели «дьявол – первоисточник лжи»: *as false as Devil* (1546, WDP); *as false as Hell* (1680, WDP). В свою очередь, в ФЕ *as false as God is true* (1546, WDP) задействуется полярный метафизический концепт «Бог».

Динамика употребления ФЕ с концептами «ложь» и «правда» позволяет говорить о том, что новое время свидетельствуют о преимущественном наличии агентивных оценочных моделей для ФЕ с положительной оценкой. Отрицательно оценочные ФЕ НА представлены в значительной мере единицами с ситуативными моделями, затем отмечается наличие агентивных моделей. Меньше всего было отмечено объектных моделей.

3.1.7. Концепты «БЕДНОСТЬ» и «БОГАТСТВО»: развитие когнитивных моделей и оценочных признаков в английских фразеологизмах

Культурные концепты «бедность» и «богатство», раскрывающие социальную сторону жизни человека, имеют значительный оценочный потенциал. В английской языковой картине мира представления о бедности и богатстве отражают и существенную национально-культурную специфику, что объективировано и в английской фразеологии. Богатство и бедность выступают как ценностно амбивалентные понятия, отражая как мелиоративные, так и пейоративные оценочные когнитивные признаки.

Положительные оценочные признаки концептов СА

В этот период возникают и получают фиксацию следующие представления о материальном состоянии человека: «власть богатства», «здоровье», «относительная ценность богатства», «амбивалентность бедности», «умеренность».

Базовая модель «богатство имеет большую власть над человеком» отражена во ФЕ с акциональным компонентом, подчеркивающим власть богатства. В ФЕ присутствует анималистический *money makes the mare go* (1500, ODP) или антропоморфный *money makes the merchant* (1468, WDP); *money makes a man* (1500, ODP) элементы.

Базовая модель «здравье необходимо для обретения богатства и возможность им воспользоваться» характеризует взаимодействие концептов «богатство» и «здравье»: *early to bed, early to rise makes us all healthy, wealthy and wise* (1496, ODP). С другой стороны, богатство и здоровье – не детерминирующие сущности. Конфликт богатства и здоровья отражен в ФЕ *wealth is an enemy to health* (1390, WDP), концептуализирующей представление о том, что богатство не способствует здоровому образу жизни, основанному на умеренности и отсутствии стрессов.

Богатство часто является предметом осуждения. В этой связи возникает базовая ментальная модель «для человека существуют более ценные вещи, чем богатство». Так, в ряде ФЕ выстраивается оценочная шкала, согласно которой доброе имя человека более ценно, чем богатство: *a good name is worth gold* (1460, WDP); *a good name is better than reaches* (1477, WDP). Во второй ФЕ образ золота меняется на обобщенно-отвлеченную номинацию богатства.

В средневековье бедность рассматривалась как одна из амбивалентных сущностей. Подобное отношение к бедности отражает базовая модель «бедность в

определенных обстоятельствах характеризуется как положительное явление». В ФЕ *poverty is the mother of health* (1377, WDP), где бедность антропоморфна, называется «матерью» здоровья.

Базовая модель «умеренность имеет положительную оценку» связывает концепты «богатство» и «умеренность / скромность». Со временем Дж. Чосера известна единица: *he is rich enough that wants nothing* (1387, WDP), основанная на сентенции «богат тот, кто ничего не жаждет». Данная ФЕ постулирует идею об относительности богатства; это понятие зависит от ощущения субъекта – важно принимать в расчет не богатство, а потребности.

Отрицательные оценочные признаки концептов СА

К немногочисленным пейоративным признакам ФЕ данного периода принадлежат «вред богатства» и «абсолютность бедности».

Базовая модель «богатство может приносить вред» отражает представление о богатстве как об амбивалентной сущности. Богатство в средние века чаще всего является предметом осуждения, в том числе и с точки зрения религиозной. Это отражается в ФЕ, объективирующих недостатки человека, его проблемы, которые появляются вследствие приобретения состояния. Одна из ФЕ, появившихся еще в древнеанглийском языке: *money is the root of all evil* (1000, ODP), представляющая собой перевод фразы из Библии, сделанный аббатом Эльфриком, прямо указывает на то, что богатство есть корень всех зол.

В СА тенденция к осуждению богатства продолжилась, например, в компаративных ФЕ *the more you get, the more you want* (1340, ODP); *much would have more* (1350, ODP), где концептуализировано ценностно маркированное представление о том, что чем больше человек имеет, тем больше он хочет заполучить.

Бедность репрезентирована в базовой модели «крайнее проявление бедности получает негативную оценку», как это отражено в ФЕ *as poor as Job* (1300, WDP), где бедняк сравнивается с библейским персонажем – Иовом, которого Бог лишил всего имущества. Национально-культурная специфика отражена в компаративной модели ФЕ *as rich as a new shorn sheep* (1440, WDP), где в иронически сниженном плане задействован образ остиженной овцы.

В СА положительная и отрицательная оценка в ФЕ, концептуализирующих материальную оценку сквозь призму оппозиций «богатство» и «бедность»,

реализуется в рамках ситуативных и агентивных моделей. Пациентивные модели не представлены.

Новое время привносит значительный пересмотр отношения человека к себе и к окружающему миру. Это касается и отношения к материальной сфере.

Положительные оценочные признаки концептов НА

Фразеосистема АЯ сохраняет следующие мелиоративные признаки, связанные с богатством и бедностью: власть богатства и здоровье. При этом появляются новые ФЕ, смещающие акцент на такие признаки, как «власть богатства», «здоровье», «неподсудность бедности», «относительный характер бедности», «относительная ценность богатства», «дружба», «удачливость», «удовлетворенность», «умеренность», «амбивалентность бедности», «изобретательность», «предприимчивость».

«Богатство – это власть» – данная модель встречается в таких нормативных ФЕ, как *all things are obedient to money* (1539, WDP); *money makes mastery* (1602, WDP); *money is power* (1741, ODP); *money governs the world* (1754, ODP). Прием метафоризированного описания встречается в ФЕ *money is an ace of trumps* (1732, WDP), где карточный термин – «козырной туз», самая ценная карта в игре – используется для метафорического описания роли богатства. ФЕ, известная как «богат как Крез», восходит к античным мифам. В английском языке она фиксируется еще в конце XVI века в форме: *as rich as Croesus* (1577, WDP). Приписываемая древнеримскому императору Веспасиану ФЕ *money has no smell* (1914, ODP) («деньги не пахнут») концептуализирует представление о людях, которые не брезгуют любыми способами зарабатывания денег, даже нечистоплотными с точки зрения закона и морали.

Идея великой силы богатства отражается в базовой модели «богатство дает хозяину большую власть над другими людьми». В ФЕ *money paid and arms broken* (1620, WDP) представлено указание на то, что деньги позволяют человеку многое, вплоть до физического насилия. Цена денег познается в их отсутствие, для того, чтобы узнать истинную цену денег, нужно взять их взаймы, что отражено в ФЕ *if you would know the value of money try to borrow some* (1640, ODP). В ФЕ *money is often lost for want of money* (1632, WDP) концептуализировано ценностно маркированное представление о том, что человек в погоне за большими доходами может потерять оставшиеся деньги.

Наличие денег позволяет организовать быт, создать комфорт и уют в доме, что отражено в ФЕ *money will make the pot boil* (1692, WDP); *in a rich man's house the cloth is soon laid* (1712, WDP). В ФЕ *money will do more than my lord's letter* (1678, WDP) отражено ценностно маркированное представление о том, что с помощью денег можно решить проблему в обход правил.

Нормативно-оценочная ФЕ *rich men may have what they will* (1630, WDP) указывает на то, что богатые люди могут иметь все, что они хотят, поскольку могут позволить себе осуществить большинство своих желаний. Истинно богатые люди смогут позволить себе никому не льстить и ни у кого не одолживаться, что отражено в ФЕ *he is rich enough that needs neither to flatter nor to borrow* (1690, WDP).

В английском языке в ряде ФЕ получает выражение культурноспецифическая модель «деньги являются эрзацем интеллекта и красоты». Причем эстетический элемент в явном меньшинстве *money in purse will always be in fashion* (1633, WDP). Интеракция концептов «ум» и «богатство» присутствует в ФЕ *rich man have no faults* (1732, WDP); *money talks* (1666, ODP); *money answers all things* (1667, ODP); *money is wise, it knows its way* (1678, WDP); *he that has money in his purse cannot want a head for his shoulders* (1659, WDP). Данные ФЕ говорят о том, что помощью денег можно решить любую проблему, даже если у их владельца недостаёт интеллекта сделать это самому.

Признак «власть богатства» реализуется в рамках еще одной модели: «отказавшись от денег, человек может навлечь на себя неприятности», которая концептуализируется в ФЕ *money refused loses its brightness* (1640, WDP); *the money you refuse will never do you good* (1855, WDP).

В конце XVI века появляется базовая модель «деньги делают деньги» *money makes money* (1572, ODP) (в стилистически нейтральной версии с глаголом «делать» – *to make*) и *money begets money* (1587, ODP) (в книжно-возвышенной версии с глаголом «порождать» – *to beget*, который некоторые словари рассматривают как устаревший). Метафорическое сближение денег и нечистот известно и в английской фразеологии нового времени, например, в ФЕ *money, like manure, does no good till it is spread* (1625, ODP) посредством образной структуры, отсылающей к сфере сельскохозяйственных работ – применения навоза как удобрения представлена идея о том, что деньги должны делать деньги, а не лежать мертвым грузом.

Оценочный признак «здоровье» в соотношении с деньгами / богатством присутствует в ряде базовых моделей, отражающих противоположное концептуальное содержание. Первая базовая модель утверждает обратную зависимость между богатством и здоровьем: «чем больше богатеет человек, тем хуже становится его здоровье», что отражено, например, в ФЕ *when riches increase, the body decrease* (1670, WDP).

Вторая базовая модель, напротив, выражает прямую связь между богатством и здоровьем человека: «здоровье – одно из важных условий для обретения богатства и возможность им воспользоваться». ФЕ *health without money is half an ague* (1640, WDP); *health is better than wealth* (1678, WDP); *wealth is nothing without health* (1732, WDP) концептуализируют представление о бессмыслиности богатства без здоровья – главной ценности для человека. Модель «здоровье и богатство имеют синергетический эффект» отражена в ФЕ *health and money go far* (1640, WDP); *health and wealth create beauty* (1855, WDP). Человек может как заняться карьерой, так и самосовершенствованием.

Данную мысль отражает базовая когнитивная модель «бедность не является социально порицаемым явлением». Это отражается в целом ряде ФЕ, построенных по модели негативной пропозиции: *poverty is not a crime* (1591, WDP) – бедность не является преступлением; *poverty is no sin* (1591, WDP) – бедность не является грехом. В ФЕ *poverty is no vice but an inconvenience* (1591, WDP) – бедность не является грехом, но является большим неудобством. По той же модели строятся ФЕ *poverty is not a shame but being ashamed of it is* (1732, WDP); *he bears poverty very ill who is ashamed of it* (1811, WDP). В них лишь меняется предикат: «бедность» на «постыдность».

Базовая модель «бедность в ряде случаев избавляет человека от ряда проблем, которые есть у людей состоятельных» описывает бедность как многоаспектное явление.

В высказывании современника У. Шекспира К. Марло *you cannot lose what you never had* (1593, WDP) концептуализируется представление о том, что человек не может потерять то, чего не имеет. Схожую идею отражает ФЕ *a beggar can never be bankrupt* (1680, WDP) посредством сентенциальной пропозиции «бедняк не может стать банкротом». В ФЕ *a beggar may sing before the thief* (1546, WDP) представлена мысль о том, что бедняку нечего бояться быть обворованным,

посредством включения в модель метафорического представления концепта пения, которое символизирует беззаботную и легкую жизнь.

В компаративно-оценочной ФЕ *it is better to be a beggar than a fool* (1813, WDP) выстраивается ценностная шкала, согласно которой бедность является более предпочтительной, чем глупость.

Базовая модель «для человека существуют более ценные вещи, чем богатство» указывает на то, что богатство не является абсолютной и единственной ценностью. Более высокое положение на шкале ценностей может занимать любовь: *money without love is like salt without pilchards* (1880, WDP) (для описания данных сущностей задействуются элементы гастрономической тематики); удовлетворенность жизнью *wealth and content are not always bedfellows* (1659, WDP). ФЕ *of money, wit and virtue believe one forth of what you hear* (1855, WDP) призывает скептически относиться к концептам «богатство», «ум» и «добродетель».

Состоятельность, как и бедность, не означает свободы человека от общества, от необходимости жить с другими людьми, что отражено в ФЕ *no one is rich enough to do without his neighbor* (1813, CAM), которая объективирует ситуацию «нет человека богатого настолько, чтобы обойтись без соседей».

Одной из наиболее поздних ФЕ, концептуализирующей идею относительности ценности богатства, является ФЕ *money is not everything* (1922, ODP).

Базовая модель «дружба дороже богатства» устанавливает связь между концептами «богатство» и «дружба». Богатый человек лишается истинного понимания чувств и отношений: *the rich knows not who his friend is* (1812, ODP). ФЕ *they are rich who have true friends* (1730, WDP) говорит о том, что поддержка истинных друзей есть истинное богатство.

Базовая модель «лучше быть счастливым, чем богатым» выстраивает оценочную шкалу, в которой сопоставляются концепты «богатство» и «удача» в ФЕ *riches are but the baggage of fortune* (1580, WDP); *better be born lucky than rich* (1639, ODP). Богатство можно потерять, но, имея удачу, можно восместить потери.

Ментальная модель «богат тот, кто умеет наслаждаться своим имуществом» отражена в ФЕ *rolling in wealth* (WDP); *wealth is not his, who has it, but his, who enjoys it* (1659, WDP) посредством ценностно маркированного представления о том, что богатство принадлежит не тому, кто им обладает, а тому, кто им умеет

наслаждаться. Синтаксический прием повтора во второй ФЕ способствует реализации ее оценочного потенциала.

В английской фразеологии существует ряд единиц, в которых присутствуют аксиологически оппозитивные концепты «богатство» и «бедность». Подобного рода ФЕ объективируют базовую модель «лучше всего переносит бедность тот, кто умеет минимизировать свои потребности»: *he is not poor that has little, but he that desires much* (1556, WDP); *he is rich that has few wants* (1723, WDP).

В ФЕ *the poor man's shilling is but a penny* (1732, WDP) посредством ввода в состав образной модели обозначения культурно-специфических реалий для описания денежных единиц репрезентирует мысль о том, что бедность – понятие относительное: более мелкая монета – пенни является для бедного человека не менее ценной, чем шиллинг, монета более крупного достоинства, для человека среднего достатка.

Базовая модель «бедность не является наибольшей антиценностью» отражается в компаративно-оценочной ФЕ *a poor spirit is poorer than a poor purse* (1732, WDP). В соответствии с христианским вероучением главными нищими считаются нищие духом. ФЕ *they are poor whom god hates* (1633, WDP) имплицирует представление о том, что истинной бедностью считает недостаток благоволения Божьего.

Базовая модель «бедность в определенных обстоятельствах может быть причиной развития положительных свойств человека» отражена в ФЕ *poverty is the mother of all arts and trades* (1666, WDP).

Модель «предприимчивый человек всегда и везде сумеет сделать себе состояние» рассматривает предприимчивость как угодное Богу свойство человека. Это отражает ФЕ *he would get money in a desert* (1813, WDP).

Отрицательные оценочные признаки концептов НА

«Вред богатства» – единственный признак, отмеченный в ФЕ как СА, так и НА. В НА концептуализация богатства и бедности задействует новые линии развития. В ФЕ НА реализованы такие признаки, как «тяжесть бедности», «социальная неполноценность», «социальный антагонизм бедных и богатых», «опасность», «абсолютность бедности», «маргинализация личности», «жадность», «мотовство», «сккупость».

Различного рода отрицательные характеристики бедняков реализует когнитивная модель «бедные люди поражены в правах». Базовая модель «бедные

люди социально ущербны» имплицирует понимание безысходности социального положения бедняка в ФЕ *beggars can't be choosers* (1546, WDP); *poor man's tale cannot be heard* (1732, CAM). Вариантом последней единицы является ФЕ *poor men's reasons are not heard* (1633, WDP). Она характеризуется заменой синонимичного элемента (*tale* на *reasons*). В данных единицах модальность невозможности усиливает их аксиологический потенциал. В компаративной единице: *a poor man's wisdom is as useless as a palace in a wilderness* (1732, CAM) реализуется утилитарная оценка, бесполезность описывается в ней в виде образа «и дворец в глуши».

Представление о крайней степени бедности представлено в ФЕ *poor men have no souls* (1562, WDP), в которой образно-экспрессивное утверждение об отсутствии у бедняков души имплицирует мысль о том, что бедных людей нельзя считать людьми в полном смысле слова.

Базовая модель «бедняки сродни глупцам» отражает идею социальной неполноценности посредством указания на умственную неполноценность в ФЕ *every poor man is a fool* (1659, WDP); *he is poor indeed that can promise nothing* (1670, WDP); *set a beggar on horseback and he will ride his horse to death* (1594, WDP).

Базовая модель «у бедняков проблемы с деньгами» реализуют ФЕ *he that wants money wants all things* (1542, WDP); *the poor man must pay for all* (1639, WDP) (бедный человек не имеет возможности задействовать различного рода дружеские связи); *a poor man's debt makes great noise* (1732, WDP) (в Англии было много несчастных людей, страдающих в заключении за долги и много семей, разлученных из-за этого).

Признак «бедности» – отсутствие денег – символизирует образ кошелька в ФЕ *he that has no money needs no purse* (1633, WDP). В ФЕ *a beggar's purse is bottomless* (1563, WDP) посредством образной пропозиции «кошелек попрошайки бездонный» имплицируется и характеристика образа жизни попрошаек, и негативная оценка этой жизни в социуме.

К атрибутам бедности относятся скромная трапеза: *a poor man's table is soon spread* (1633, WDP) и даже отсутствие основных продуктов питания: *he is so poor that has no salt to his porridge* (1732, WDP); а также невозможность следовать основным правилам социальной жизни *a poor wedding is a prologue to misery* (1732, WDP).

Базовая модель «бедные люди не имеют друзей» реализуют единицы *an empty purse frights away friends* (1732, WDP); *a poor man has no friends* (1732, WDP). Аксиологический потенциал данных ФЕ усиливает отрицание.

Амбивалентность богатства отражает базовая модель «нечестно нажитое богатство приносит вред самому хозяину». В случае если деньги в жизни некоторых людей становятся выше общечеловеческих ценностей, их ожидает ссора *money makes friends enemies* (1616, WDP) или даже насильтственная смерть *he that will be rich before night may be hanged before noon* (1692, WDP).

«Для порочных людей деньги – это возможность удовлетворения своих низменных потребностей» – данная модель предстает в ФЕ *the abundance of money ruins youth* (1670, WDP); *he will find money for mischief, when he can find none for corn* (1732, WDP).

Наиболее частотной моделью данного признака является пропозиция «богатство приносит вред тому, кто не знает, как им пользоваться». Причиной вреда может стать страх *he is not fit for riches who is afraid to use them* (1732, WDP) или отсутствие знаний и опыта *riches abuse them who know not how to use them* (1732, WDP). Богатство – сильная сущность, в умелых руках оно приносит пользу, в неумелых – вред *money is a good servant but a bad master* (1855, WDP); *riches serve the wise man but command the fool* (1732, WDP).

Ряд ФЕ отражают базовую модель «ценностные приоритеты богатых и бедных антагонистичны». Отметим гастрономическую оставляющую ряда ФЕ (наличие или отсутствие еды для маркировки, соответственно, богатства и бедности): *the rich feast the poor fast, the dogs dine, the poor pine* (1630, WDP); *poor men seek meat for their stomach, rich men stomachs for their meat* (1594, WDP); *the rich man has his ice in summer and the poor man gets his in the winter* (1921, ODP). В данных ФЕ использованы различные приемы повтора (хиазма) в целях усиления экспрессии.

Базовая модель «для богатых и бедных существуют разные стандарты» реализуют ФЕ *one law for the rich, another for the poor* (1830, ODP); *a poor man wants some things, a covetous man all things* (1732, WDP), которые концептуализируют идею неравноправия англичан разных социальных сословий, что отражает особенности социокультурной ситуации 18-19 вв., характеризующейся всплеском борьбы среднего класса за свои права

Базовая модель «труд бедных становится достоянием богатых» отражена в ФЕ, как необразных: *the poor man's labour is the rich man's wealth* (1846, WDP), так и обладающих гастрономической образностью: *the poor man turns his cake and another comes and eats it* (1732, WDP).

Базовая модель «богатство может принести много горя» представляет богатство в том смысле, что оно может быть причиной несчастий, и в этом случае можно смоделировать ряд ситуаций, в которых богатство фигурирует как антиценность. Ряд ФЕ действуют метафорические модели для негативного маркирования богатства, в которых используются фитонимические *a great dowry is a bed full of brambles* (1640, WDP), зоонимические *riches have wings* (1855, WDP) и социальные *a great fortune is a great slavery* (1732, WDP) элементы.

В необразных ФЕ *riches are gotten with pain, kept with care and lost with grief* (1550, WDP); *riches bring oft harm, and ever fear* (1546, WDP) концептуализировано ценностно маркированное представление о том, что приносит богатство с момента обретения до его потери: вред, страх и горе.

Компаративно-оценочная ФЕ *better go to heaven in rags than to hell in embroidery* (1732, ODP) имплицирует ценностно маркированное представление о праведности бедных и греховности богатых, в соответствии с христианскими заповедями.

В ФЕ, реализующем базовую модель «крайнее проявление бедности получает негативную оценку» *better to die a beggar than to live a beggar* (1670, WDP) посредством эпифоры концептуализировано представление о том, что смерть для нищего предпочтительнее жизни. В ряде компаративных ФЕ использованы зооморфные образы – мыши, крысы и совы *as poor as a church mouse* (1659, WDP); *as poor as a rat* (1703, WDP); *as poor as owls* (1862, WDP). Возникает ФЕ *as poor as dirt* (1723, WDP), которая объективирует оценочный концепт «грязь».

Базовая модель «бедность может негативно воздействовать на личность человека» представлена в ряде ФЕ. Представление о том, что бедность ведет к деградации личности, к утрате ее положительных свойств, отражено, например, в ФЕ *there is no virtue poverty does not destroy* (1578, WDP), эстетический вопрос отражен в единице: *poverty is an enemy to good manners* (1585, WDP). А в ФЕ *when poverty comes at the door, love flies out of the window* (1631, WDP); *poverty breeds strife* (1678, WDP) представлена идея о том, что бедность – причина всех раздоров.

Национально-культурный компонент отражен в концептуальном содержании ФЕ *poverty makes strange bedfellows* (1849, WDP), в котором задействовано представление об особенности ночлега в дешевых гостиницах и ночлежных домах: в одной постели за низкую плату могли спать два человека.

Модель «жажды денег есть отражение неумеренных потребностей» отражается в ФЕ *he that wants money wants all things* (1542, WDP), которая посредством гиперболизированной сентенциальной пропозиции концептуализирует ценностно маркированное представление о том, тот, кто хочет деньги, хочет все на свете.

В ФЕ *his money burns in his pocket* (1530, ODP) мотовство получает однозначно негативную оценку в базовой модели «неумение экономно расходовать деньги вызывает негативную оценку».

Базовая модель «скучость вызывает порицание» отражается в ФЕ *his money comes from him like drops of blood* (1678, ODP) посредством метафорической пропозиции, где денежные знаки сравниваются с каплями крови, которые так дороги для человека и с которыми он так неохотно расстается.

НА концептуализирует концепты «богатство» и «бедность» в ФЕ с использованием трех типов оценочных моделей как для положительной, так и для отрицательной оценки. Большинство ФЕ использует ситуативные модели.

3.2. Сопоставительный синхронно-диахронный анализ английских фразеологизмов, репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека, средне- и новоанглийского периода

В данном разделе приводятся обобщенные результаты сопоставительного анализа аксиологической динамики оценочных признаков исследуемых в работе концептов, которые объективированы в ФЕ АЯ. Концепты, выражающие абстрактные понятия, характеризуют поведение человека, отражают культурные доминанты сознания человека и представляют аксиологические константы наивной картины мира.

Создавая подобного рода ФЕ, человеческое сознание опирается на когнитивный конструкт, когнитивную модель, которая представляет собой пропозитивную структуру определенной ситуации, отражающую дословное значение ФЕ. Данная модель имеет базовый, глубинный характер, поскольку она описывает максимальные абстрактные представления, и имеет аксиологический

потенциал. В соответствии с целями и задачами нашего исследования в содержании концептов, воплощенных в ФЕ, выделяются когнитивные модели как единицы более высокого порядка и оценочные (когнитивные) признаки как единицы более низкого порядка (последние составляют совокупный ценностный компонент концептуального содержания, объективированного в ФЕ).

Ряд концептов образует оппозитивные пары, которые объединены в концептуальные связи (оппозиции): в английских ФЕ объективированы культурные концепты «любовь», «смерть» и концептуальные пары «дружба» / «вражда», «глупость» / «ум», «ложь» / «правда», «удача» / «неудача», «бедность» / «богатство».

Аксиологическая динамика оценочных признаков, объективированных в ФЕ, рассматривается во временном диапазоне от СА к НА. Проводится, соответственно, качественное и количественное сопоставление исследуемых ФЕ.

Качественный сопоставительный анализ дал следующие результаты.

Концепт «любовь» в английском языке имеет ярко выраженный амбивалентный характер и отражает как многочисленные пейоративные, так и мелиоративные признаки. Мелиоративными признаками рассматриваемого концепта в СА являются «терпимость», «сила любви», «ценность любви», «свобода»; пейоративные признаки: «безумство любви», «корысть», «непостоянство». Последний признак для данной группы наиболее часттен. В НА встречаются те же мелиоративные признаки, что и в СА: «терпимость, свобода, сила любви (данный признак является одними из самых распространенных)». Появляются и новые: «смелость», «память». ФЕ с концептом «любовь» в НА воспроизводят пейоративные признаки предыдущего периода: «безумство любви», «корысть», они наиболее частотны для данной группы, при отсутствии признака «непостоянство». Концептуализируются и новые пейоративные признаки: «несчастье в любви», «конфликтность», «прагматичность», «ревность», «жалость». В НА для концепта «любовь» помимо признаков эмоциональной оценки прослеживаются и признаки оценки социального характера.

Концепт «смерть» для СА характеризуется отсутствием мелиоративных признаков. СА закладывает общую канву негативного отношения к смерти. В этот период возникают различные пейоративные признаки: «неизбежность смерти», «равенство человека перед смертью», «абсолютность смерти», «смерть как отсутствие признаков живого».

НА свидетельствует о значительных изменениях в отношении к смерти. Англичане Нового времени пытаются найти в смерти некоторые если и не положительные, то амбивалентные черты, к числу которых относятся следующие: «смерть как благо», «смерть как подведение итогов жизни». Однако большинство признаков «смерти» НА продолжает оставаться пейоративными. Сохранив в полной мере все признаки, появившиеся в предыдущем периоде (самый частотный признак – «абсолютность смерти»), концепт «смерть» получает в НА новые оценочные признаки, такие, как «страх смерти», «жадность», «гордость». Смерть характеризуется как эмоциональной, так и интеллектуальной оценкой.

Концептуальная связка «дружба» / «вражда» уже в СА проявляет амбивалентный характер. Большинство признаков концепта «дружба» мелиоративные: «ценность дружбы», «истинность дружбы». Пейоративными признаками эпохи СА являются признаки «амбивалентность дружбы», «потеря дружбы».

Концепт «вражда» появляется в СА как амбивалентный концепт. Его мелиоративный признак – «сдержанность». В рамках этого концепта описывается такие пейоративные оценочные признаки, как «предательство, опасность врагов».

Эпоха нового времени для концептуальной связки «дружба» / «вражда» характеризуется значительными изменениями признаковой составляющей: нужно отметить как наличие «старых» признаков, оставшихся от СА, так и признаков, порожденных в эпоху Нового времени. К числу первых относятся «истинность дружбы», «ценность дружбы». К числу вторых относятся признаки «старые и новые друзья», «друзья и родственники», «дружба и соседство», «радость от встречи друга», «человек – друг себе самому». К пейоративным признакам концепта «дружба», реализованных в ФЕ АЯ, относятся «вынужденная дружба», «дружба и трудности», «дружба и вражда», «потеря дружбы». Последний признак приходит из СА.

В НА проявляются амбивалентные черты концепта «вражда». К числу мелиоративных признаков относятся «милосердие к врагам», «амбивалентность врагов». НА засвидетельствовал значительное изменение в номенклатуре пейоративных признаков. Кроме признаков «опасность», «предательство», унаследованных из СА, появляются новые, такие как «неразборчивость в выборе друзей, глупость». Появление данных признаков говорит о том, что дружба не

рассматривается более как абстрактная ценность, ей присущи конкретные, социальные и / или личностные, типы оценки.

Концепты «глупость» / «ум» амбивалентны. При этом подавляющее большинство признаков концепта «глупость» негативны. Признаки «амбивалентность глупости», «искренность», встречающиеся в СА и в НА, не являются пейоративными.

СА концептуализирует разные пейоративные аспекты глупости. Ряд признаков встречаются в двух эпохах: «болтливость», «недальновидность», «непрактичность», «упрямство», «неумение держать себя». Новые признаки данных концептов: «самонадеянность», «вредоносность» (наиболее часто концептуализируемые признаки), а также «неизменность», «легковерность», «старость», «абсолютность глупости», «многочисленность», «лень». Глупость как антиценность имеет как утилитарный, так и социальный характер.

Концептуальная связка «удача» / «неудача» отражает как универсальные, так и национально-специфичные оценочные признаки. В СА доминирует представление о ценности удачи. В НА, помимо указанного признака «ценность удачи», описывается ряд других положительных признаков: «трудолюбие», «суеверие», «диалектичность удачи», «амбивалентность удачи». Данные концепты имеют несколько пейоративных признаков: «глупость», «неудачливость».

Концептуальная связка «ложь» / «правда» в СА реализует мелиоративный признак «сила правды». Негативных признаков данных контарных концептов в данном периоде нет. НА описывает ложь через его контрагента – правду, реализуя мелиоративный признак, который встречается ранее – «сила правды». НА характеризуется актуализацией различных сторон концепта «ложь». Ложь объективируется в ФЕ НА посредством таких пейоративных признаков, как «сила лжи» (самый частотный элемент группы), «первоисточник лжи», «хитрость», «абсолютность лжи», «мотивированность лжи», «простодушие». Наблюдается тенденция рассматривать ложь как эффективную стратегию поведения, что говорит о социальной оценке.

Амбивалентный характер концепты «бедность» / «богатство» проявляют уже в СА. Данные бинарные концепты отражают в ФЕ СА такие пейоративные признаки как «абсолютность бедности» и «вред богатства». К числу мелиоративных признаков в СА относятся «бедность» / «богатство», « власть богатства», «относительная ценность богатства», «здоровье», «умеренность»,

«амбивалентность бедности». Положительные и отрицательные признаки рассматриваемых признаков СА репрезентирует и НА, при этом наблюдается значительный рост числа новых признаков.

НА раскрывает амбивалентный характер богатства и бедности, что наблюдалось и в СА. К числу новых мелиоративных признаков данных концептов относятся «неподсудность бедности», «относительный характер бедности», «дружба», «удачливость», «удовлетворенность», «изобретательность», «предприимчивость». НА характеризуется примерным равенством мелиоративных и пейоративных признаков концептов «богатство» и «бедность». К числу пейоративных признаков, появившихся в НА, относятся «тяжость бедности», «социальная неполноценность», «социальный антагонизм бедных и богатых», «опасность», «маргинализация личности», «жадность», «мотовство», «скучность».

Рассмотренные признаки относятся к социальной оценке.

Количественный сопоставительный анализ дал следующие результаты: объем исследованных концептов в целом и ценностных компонентов их содержания, в частности, в диахроническом аспекте изменяется в сторону увеличения, как это было и в случае с прототипическими концептами, репрезентирующими животный и растительный мир (см. выше раздел 2.2.). С течением времени и данные концепты, репрезентирующие внутренний мир человека и социальные характеристики человека, «обрастают» все большим количеством оценочных смыслов, т.е. подвергаются экстенсии. Составными элементами, из которых слагается ценностный компонент концепта, являются оценочные (когнитивные) признаки. Анализ количества признаков, появившихся в тот или иной период, а также динамики этих количественных изменений позволяют уточнить представление о характере изменения объема исследуемых концептов в диахроническом аспекте.

По аналогии с материалом раздела 2.2. отдельно рассмотрена экстенсия мелиоративных и пейоративных оценочных когнитивных признаков. Полученные результаты сопоставительного анализа аксиологической динамики ФЕ СА и НА для удобства восприятия обобщены в графическую форму – в таблицы, отражающие качественные и количественные аспекты изученных фразеологических материалов.

В **таблице 2.3** представлена аксиологическая динамика качественного состава оценочных признаков концептов ФЕ. В первой колонке приводится список

исходных культурных концептов, репрезентирующих внутренний мир человека и социальные характеристики человека, во второй и третьей колонках приводятся, соответственно, сами мелиоративные и пейоративные оценочные признаки, для каждого параметра отдельно – по СА и НА. В скобках после наименования признака указано количество английских ФЕ, репрезентирующих данный оценочный признак.

Таблица 3.1.

Аксиологическая динамика качественного состава оценочных признаков английских ФЕ по данным средне- и новоанглийского периодов

<i>Культурные концепты</i>	<i>Мелиоративные оценочные признаки</i>	<i>Пейоративные оценочные Признаки</i>
Любовь	<i>среднеанглийский период</i>	
	сила любви (3)	непостоянство (4)
	ценность любви (3)	безумство любви (3)
	свобода (1)	корысть (2)
	терпимость (1)	
	<i>новоанглийский период</i>	
	сила любви (12)	безумство любви (9)
	смелость (6)	конфликтность (2)
	память (4)	корысть (4)
	свобода (4)	несчастье в любви (3)
Смерть	<i>среднеанглийский период</i>	
	----	неизбежность смерти (2)
		абсолютность смерти (1)
		равенство человека перед смертью (1)
		смерть как отсутствие признаков живого (1)
	<i>новоанглийский период</i>	
	смерть как подведение итогов жизни (6)	абсолютность смерти (10)
	смерть как благо (4)	смерть как отсутствие признаков живого (7)
		страх смерти (6)
		гордость (3)

дружба / вражда	<i>среднеанглийский период</i>	
	истинность дружбы (4) ценность дружбы (3) сдержанность (2)	амбивалентность дружбы (1) потеря дружбы (1) опасность врагов (2) предательство (1)
<i>новоанглийский период</i>		
истинность дружбы (7) ценность дружбы (7) дружба и соседство (4) друзья и родственники (2) радость от встречи друга (2) старые и новые друзья (2) человек – друг себе самому (2) амбивалентность врагов (2) милосердие к врагам (2)		
потеря дружбы (7) дружба и вражда (5) «вынужденная» дружба (2) дружба и трудности (2) предательство (8) опасность врагов (8) неразборчивость в выборе друзей (4) глупость (2)		
глупость/ум	<i>среднеанглийский период</i>	
	амбивалентность глупости (2) искренность (1)	болтливость (6) недальновидность (2) непрактичность (2) неумение держать себя (1) упрямство (1)
<i>новоанглийский период</i>		
амбивалентность глупости (5) искренность (2)		
недальновидность (6) неумение держать себя (11), легковерность (3) самонадеянность (10) вредоносность (6) неизменность (4) болтливость (5) непрактичность (4) старость (3) абсолютность глупости (2) многочисленность (2), упрямство (2), лень (1)		
удача / неудача	<i>среднеанглийский период</i>	
	ценность удачи (3)	---
<i>новоанглийский период</i>		
амбивалентность удачи (5) диалектичность удачи (5) ценность удачи (4) суеверие (3) трудолюбие (3)		
ложь / правда	<i>среднеанглийский период</i>	
	сила правды (2)	----
	<i>новоанглийский период</i>	

	сила правды (4)	сила лжи (10) хитрость (6) абсолютность лжи (5) мотивированность лжи (4) простодушие (4) первоисточник лжи (3)
бедность / богатство	<i>среднеанглийский период</i>	
	власть богатства (3), здоровье (2) относительная ценность богатства (2), умеренность (1) амбивалентность бедности (1)	вред богатства (3) абсолютность бедности (2)
	<i>новоанглийский период</i>	
	власть богатства (26) здоровье (6) неподсудность бедности (5) относительный характер бедности (4), умеренность (3) относительная ценность богатства (5) дружба (2), удачливость (2) удовлетворенность (2) амбивалентность бедности (2) изобретательность (1) предприимчивость (1)	социальная неполноценность (8) вред богатства (8) социальный антагонизм бедных и богатых (7) опасность (6) тяжесть бедности (10) абсолютность бедности (5) маргинализация личности (5) жадность (1) мотовство (1) скупость (1)

В рамках НА появляется возможность маркировать появление признаков тем или иным веком. Это позволяет более точно представить динамику объема ценностного компонента анализируемых концептов по отношению к разным векам.

В **Таблице 3.2.** представлена аксиологическая динамика количественного роста оценочных признаков концептов, независимо от их качественного состава, по общему числу мелиоративных или пейоративных оценочных признаков по каждому веку отдельно. Это позволяет продемонстрировать количественные аспекты экстенсии ценностных компонентов изучаемых ФЕ.

Таблица 3.2.

Аксиологическая динамика количественного роста числа оценочных признаков английских ФЕ по данным средне- и новоанглийского периодов

<i>Культурные концепты</i>	<i>Мелиоративные оценочные признаки</i>	<i>Пейоративные оценочные Признаки</i>
Любовь	<i>среднеанглийский период</i>	
	(8)	(8)
	<i>новоанглийский период</i>	
	16 век (5)	16 век (5)
	17 век (7)	17 век (4)
	18 век (3)	18 век (8)
	19 век (2)	19 век (3)
	20 век (0)	20 век (0)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	(0)	(5)
Смерть	<i>новоанглийский период</i>	
	16 век (4)	16 век (6)
	17 век (3)	17 век (11)
	18 век (2)	18 век (9)
	19 век (0)	19 век (3)
	20 век (0)	20 век (5)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	(9)	(4)
	<i>новоанглийский период</i>	
	16 век (6)	16 век (8)
дружба / вражда	17 век (13)	17 век (14)
	18 век (9)	18 век (7)
	19 век (1)	19 век (8)
	20 век (0)	20 век (1)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	(3)	(12)
	<i>новоанглийский период</i>	
	16 век (3)	16 век (10)
	17 век (5)	17 век (24)
	18 век (3)	18 век (18)
глупость / ум	19 век (0)	19 век (6)
	20 век (0)	20 век (2)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	(3)	(0)
	<i>новоанглийский период</i>	
	16 век (4)	16 век (1)
	17 век (7)	17 век (5)
	18 век (4)	18 век (2)
	19 век (5)	19 век (1)
	20 век (0)	20 век (0)
удача / неудача	<i>среднеанглийский период</i>	
	(3)	(0)
	<i>новоанглийский период</i>	
	16 век (4)	16 век (1)
ложь / правда	17 век (7)	17 век (5)
	18 век (4)	18 век (2)
	19 век (5)	19 век (1)
	20 век (0)	20 век (0)
	<i>среднеанглийский период</i>	
	(2)	(0)
	<i>новоанглийский период</i>	

	16 век (4) 17 век (1) 18 век (0) 19 век (2) 20 век (0)	16 век (9) 17 век (9) 18 век (5) 19 век (3) 20 век (2)
бедность / богатство	<i>среднеанглийский период</i>	
	(10)	(5)
	<i>новоанглийский период</i>	
	16 век (10) 17 век (23) 18 век (8) 19 век (11) 20 век (2)	16 век (15) 17 век (18) 18 век (19) 19 век (5) 20 век (1)

Количественный анализ аксиологической динамики анализируемой в данном разделе группы ФЕ дал следующие результаты. Как для ФЕ, отражающих мир природы, так для ФЕ, отражающих мир человека, наблюдается резкий рост количества признаков в НА относительно СА, а также неравномерный, синусоидный характер их дистрибуции в рамках последнего периода. Общее количество выделенных нами признаков НА превышает количество признаков СА почти в семь раз.

Причем ни в одном из указанных пунктов периодизации количество положительных признаков не превышает количество отрицательных признаков. Общее число пейоративных признаков почти на треть превышает число мелиоративных признаков. Ряд концептов характеризуется амбивалентностью. Начиная с шестнадцатого века, наблюдается поступательный рост количества оценочных признаков, как положительных, так и отрицательных. Пиковым периодом является семнадцатый век. Он характеризуется наибольшим количеством новых признаков, зафиксированных в литературных и словарных источниках. Следующее столетие характеризуется небольшим спадом. Двадцатый век отнесен значительным падением количества признаков, появившихся в указанный период.

Выводы по содержанию второй и третьей глав

Данные главы посвящены сопоставительному синхронно-диахронному анализу когнитивных моделей и оценочных признаков, объективированных в английских ФЕ СА и НА в их аксиологической динамике. В соответствии с принятой концепцией исследования анализировались две группы ФЕ, выражающих

реалии животного и растительного мира, а также характеристики внутреннего мира человека и его социальные характеристики.

Комплексы когнитивных моделей и оценочных признаков исследуемых в работе групп ФЕ формируются вокруг ряда базовых концептов, которые положены в основу фразеономинации. В соответствии с целями и задачами исследования эмпирическим путем, применяя метод сплошной выборки, из основных англоязычных фразеологических словарей были отобраны наиболее репрезентативные концепты, составляющие основу ФЕ, составившие две группы. Во-первых, это ФЕ, репрезентирующие реалии внешней среды, они воплощены в именах животного и растительного мира: концепты «кошка», «собака», «лошадь», «лев», «свинья», «волк», «овца», «мышь» и «крыса», «петух» и «курица», «корова» и «бык», «рыба», «птица» и группа концептов, обозначающих растения (овощи и фрукты; травы и цветы; лес, деревья и кустарники).

Во-вторых, это ФЕ, репрезентирующие характеристики внутреннего мира человека, они воплощены в номинациях абстрактных категорий ментального, эмоционального, психологического, нравственного характера, а также социальных признаков: концепты «любовь», «смерть», «вражда» – «дружба», «глупость» – «ум» «удача» – «неудача», «ложь» – «правда», «бедность» – «богатство», – некоторые из которых составляют культурные оппозиции.

Рассматриваемые ФЕ представляют оценочные номинации различного типа, в которых отражены различные типы оценки, реализуемые через признаки.

Признаки сферы природы относительно типа оценки.

Эстетические оценки: избирательность, достоинство, непристойное поведение, невыразительность, несовершенство; **интеллектуальные оценки:** глупость, хитрость, старость/опытность, бессмысленность, болтливость, умение хранить секреты; **социальные оценки:** жадность, осторожность, вражда, неосмотрительность, взаимопомощь, подчинение, враждба, зависть, несправедливость, неблагодарность, помошь, опытность, безынициативность, опасность, обман, солидарность, свобода, бедность, забота о детях, неопытность, злоупотребление гостеприимством, осторожность, трудолюбие, лень, солидарность, согласие в семье, трудолюбие, алчность; **эмоциональные оценки:** агрессия, нервозность, неприязнь, любовь, суетливость, жалость, удача, неудача, ничтожество, недостойность, неосмотрительность, тихий нрав, отчаяние, презрение, хвастовство, вздорный характер, решительность,

мрачность, упущеные возможности, бесчувственность, разочарование; **физиологические оценки:** живучесть, работоспособность, усталость, голод, слабость, сила, опасность, жизнь, смерть, пьянство, быстрота, неуклюжесть, худоба, здоровье старость; **утилитарные оценки:** умеренность, польза, неопределенность, невозможность, относительность, небрежность, поспешность, неэффективность, невероятность, непрактичность, ненужность, любовь к дому, предпочтительность, обусловленность, невозможность; **моральные оценки:** порочность, приспособленчество, смелость, трусость, двуличие, лицемерие, непорядочность, самовлюбленность, терпение, неблагодарность, коварство.

Признаки сферы человека относительно типа оценки.

Эстетические оценки: неумение держать себя; **интеллектуальные оценки:** изобретательность, предпримчивость, хитрость, глупость, упрямство, недальновидность, самонадеянность, болтливость, недальновидность, простодушие; **социальные оценки:** тяжесть бедности, жадность, опасность, дружба, социальная неполноценность, вред богатства, социальный антагонизм бедных и богатых, опасность, тяжесть бедности, абсолютность бедности, маргинализация личности, власть богатства, неподсудность бедности, относительный характер бедности, относительная ценность богатства, трудолюбие, истинность дружбы, ценность дружбы, корысть, непостоянство; **эмоциональные оценки:** неудачливость, суеверие, искренность, недоверчивость, конфликтность, терпимость; **физиологические оценки:** здоровье; **утилитарные оценки:** корысть, скопость, мотовство, непрактичность, неразборчивость в выборе средств; **моральные оценки:** сила правды, сила лжи, вредоносность, гордость, смелость.

Концепты сферы природы реализуют социальные, эмоциональные утилитарные и интеллектуальные оценки. В меньшей степени выражены эстетические, моральные и физиологические оценки. Концепты сферы человека в большей мере объективируют оценки эмоционального, социального и интеллектуального характера.

Таблица 3.3

Дистрибуция оценочных признаков ФЕ сферы природы в СА и НА по характеру оценки

СФЕРА ПРИРОДЫ	
Мелиоративная оценка	Пейоративная оценка
<i>среднеанглийский период</i>	
Субъектная (8)	Субъектная (15)
Объектная (3)	Объектная (10)
Ситуативная (7)	Ситуативная (14)
<i>новоанглийский период</i>	
Субъектная (32)	Субъектная (49)
Объектная (34)	Объектная (64)
Ситуативная (48)	Ситуативная (112)

Для ФЕ АЯ, объективирующих концепты сферы природы, субъектный и объектный тип оценки приблизительно равны для пейоративной оценки СА и мелиоративной оценки НА. Частотность мелиоративной оценки СА незначительна. Для пейоративной оценки НА наблюдается более высокая частотность. При этом расхождение между субъектной и объектной оценкой выше при доминировании оценки объектного типа. Ситуативная оценка является частотной для всех четырех случаях употребления исследуемых ФЕ. Наиболее частотной ситуативная оценка является в НА, причем как для мелиоративной, так и пейоративной оценки. Отметим, что ФЕ с пейоративной оценкой характеризуются частотностью ситуативной оценки, которая в два раза превышает два других типа.

Анализ ФЕ СА и НА с разным характером оценки приводит к следующим результатам.

Таблица 3.4

Дистрибуция оценочных признаков ФЕ сферы человека в СА и НА по характеру оценки

СФЕРА ЧЕЛОВЕКА	
Мелиоративная оценка	Пейоративная оценка
<i>среднеанглийский период</i>	
Субъектная (13)	Субъектная (7)
Объектная (4)	Объектная (3)
Ситуативная (17)	Ситуативная (26)
<i>новоанглийский период</i>	
Субъектная (42)	Субъектная (58)
Объектная (8)	Объектная (28)
Ситуативная (107)	Ситуативная (164)

Для ФЕ АЯ, объективирующих концепты сферы человека, ситуативный тип оценки является наиболее распространенным. Ситуативная оценка превалирует в мелиоративной и пейоративной оценке как в СА, так и в НА, причем превалирование весьма значительное – более чем в два раза (за исключением ФЕ с мелиоративной оценкой СА). Субъектный тип оценки занимает второе место во всех четырех типах случаев. Наименее частотный вид оценки для ФЕ данной группы – объектная.

Ситуативная оценка в ФЕ АЯ описывает не столько субъект или объект как безотносительную ценность (или антиценность), а скорее некую типизированную аксиологически маркированную ситуацию, релевантную для англоязычной культуры.

Диахроническое сопоставление ФЕ СА и НА выявило расхождения в аксиологической динамике когнитивных моделей и оценочных признаков по двум анализируемым группам ФЕ в качественном и количественном аспектах.

Однако при расхождении самих типов исходных концептов и характере когнитивных моделей английских ФЕ двух указанных тематических групп можно выделить и общие черты в языковой реализации аксиологически маркированных моделей и заданных ими оценочных признаков.

Качественное сходство выражается в следующем.

Анализ признаковой составляющей значения концептов выявил тенденцию к повторяемости ряда оценочных признаков в рамках различных концептов, иными словами, существуют *поливалентные* признаки.

Для сферы природы положительными признаками подобного рода являются «хитрость» (концепты «кошка», «собака», «лошадь»); «осторожность» (концепты «кошка», «птица», «растение»); «опытность» (концепты «кошка», «собака», «свинья»); «относительность» (концепты «лошадь», «свинья», «волк» и «овца», «петух» и «курица», «корова» и «бык», «рыба»); «старость/опытность» (концепты «собака», «кошка», «свинья»); «сила» (концепты «лошадь», «корова» и «бык»); «умеренность» (концепты «рыба», «птица», «растение»).

Сферу природы описывают такие негативные поливалентные оценочные признаки как «агрессивность» (концепты «кошка», «собака», «волк», «петух», «бык», «рыба»); «жадность» (концепты «кошка», «собака», «волк», «корова»); «вражда» (концепты «кошка», «лошадь»); «бессмысленность» (концепты «собака»,

«лошадь»); «неосмотрительность» (концепты «кошка», «свинья»); «невозможность» (концепты «собака», «лошадь», «лев», «свинья», «птица»); «неблагодарность» (концепты «лошадь», «растение»); «трусость» (концепты «собака», «лев»).

Анализ оценочных признаков сферы человека показывает противоположный результат. Положительные признаки концептов сферы человека уникальны. Поливалентным оценочным признаком является признак «жадность» (концепты «смерть», «бедность» и «богатство»). Это может объяснить характер концептов сферы человека, описывающих уникальные признаки. Метафорический перенос, используемый при объективации концептов сферы природы, позволяет описать одни и те же признаки при использовании разных концептов.

Отметим, что существуют признаки, которые встречаются как при описании концептов сферы природы, так и для описания концептов сферы человека. Выявленные общие оценочные признаки и тенденции языковой объективации определенного концептуального содержания в сравниваемых группах английских ФЕ позволили постулировать наличие некоторых **ценностных доминант** во фразеосистеме английского языка, которые обладают особой культурной значимостью для носителей языка в рамках языковой картины мира этноса. Это ценностные представления, репрезентированные такими положительными оценочными признаками, как «умеренность» (объективируется концептами «лошадь», «лев», «свинья», «мышь» и «крыса», «петух» и «курица», «птица», «рыба», «растение» - для сферы природы и концептами «бедность» и «богатство» - для сферы человека); «удачливость» (объективируется концептом «собака» - для сферы природы и концептами «бедность» и «богатство» - для сферы человека); «смелость» (объективируется концептом «лев» - для сферы природы и концептом «любовь» для сферы человека); «здоровье» (концепт сферы природы «растение», концепты сферы человека - «богатство» и «бедность»).

Отрицательные оценочные признаки, представленные в двух сферах: «опасность» (концепты сферы природы - «лев», «корова» и «бык», концепты сферы человека - «бедность» и «богатство»); «глупость» (концепты сферы природы - «лошадь», «свинья», «мышь» и «крыса», «корова» и «бык», «птица», «растение», концепты сферы человека - «удача» и «неудача», «дружба» и «вражда»); «неудачливость» (концепты сферы природы - «корова» и «бык», концепты сферы человека - «удача» и «неудача»); «упрямство» (концепты сферы природы -

«лошадь», концепты сферы человека - «глупость» и «ум»); «непрактичность» (концепты сферы природы - «рыба», концепты сферы человека - «глупость» и «ум»); «болтливость» (концепты сферы природы - «корова» и «бык», концепты сферы человека - «глупость» и «ум»); «жадность» (концепты сферы природы - «кошка», «собака», «волк», «корова» и «бык», концепты сферы человека - «смерть», «богатство» и «бедность»). Признак «старость»: реализующие ее концепты сферы природы «кошка» и «собака» объективируют положительную оценку, тогда как концепты сферы человека «глупость» и «ум» - отрицательную.

Общее количество случаев употребления признаков по двум группам составило 850 единиц. По сфере природы наблюдается наличие 187 положительных и 299 отрицательных случаев реализаций оценочных признаков в проанализированных ФЕ. Соответственно, по сфере человека, 118 положительных и 246 отрицательных признаков. Сфера природы характеризуется наличием большего количества признаков.

Количество случаев реализации отрицательных признаков уступает количеству случаев реализации отрицательных признаков и для сферы природы, и для сферы человека. Приоритет пейоративных признаков для сферы природы составляет 112 единиц, тогда как для сферы человека - 118 единиц. Общее количество положительных признаков по двум сферам - 305, отрицательных признаков - 545. В процентном отношении отрицательные признаки составляют 36 %, положительные - 64 % от общего числа признаков.

Проведенный анализ английских ФЕ позволил выявить примечательную черту в области языковой объективации ценностей, которая, по мнению ученых, характерна для языков мира и универсальна [Радбиль 2017]. Речь идет о существенном преобладании в «ценостной картине мира», как она представлена в английской фразеологии, пейоративных оценочных признаков над мелиоративными.

Это свойство интерпретируется через особенности организации ценностной сферы в языковой картине мира, когда положительные признаки воспринимаются как норма и потому не попадают в сферу интенсивной ценностной активности языкового сознания этноса, который стремится максимально и с большой степенью расчлененности и подробности маркировать именно отрицательные признаки, чтобы очертить и зафиксировать в коллективной памяти этноса зоны значимых

отклонений от нормы, зоны потенциального риска при языковом освоении действительности.

Диахроническое сопоставление ФЕ СА и НА также выявило сходные черты и общие тенденции в аксиологической динамике когнитивных моделей и оценочных признаков по двум анализируемым группам фразеологизмов в качественном и количественном аспектах.

Качественный анализ приводит к следующим выводам. Существует ряд оценочных признаков, которые, появившись в среднеанглийском языке, проявляют себя в содержании ФЕ и в НА. Это *константные* оценочные признаки.

Для сферы природы это такие константные положительные оценочные признаки, как «старость/опытность» (концепт «собака»); «относительность» (концепт «лошадь»); «помощь» (концепт «лев»); «умеренность, осторожность» (концепт «птица»). К числу константных отрицательных оценочных признаков ФЕ сферы природы относятся: «избирательность, коварство» (концепт «кошка»); «агрессивность, суетливость, жадность» (концепт «собака»); «трусость» (концепт «лев»); «ничтожество» (концепт «свинья»); «голод» (концепты «волк» и «овца»); «глупость» (концепты «мышь» и «крыса»); «хвастовство» (концепт «петух»); «несовершенство, порочность» (концепт «растение»).

Таким образом, наблюдается значительное обновление признаковой составляющей концептов сферы природы в новоанглийском периоде.

ФЕ, описывающие концепты сферы человека, также содержат ряд константных признаков. Это константные положительные оценочные признаки: «сила любви, свобода, терпимость» (концепт «любовь»); «амбивалентность глупости, искренность» (концепты «глупость» и «ум»); «ценность удачи» (концепт «удача»); «сила правды» (концепт «правда»); « власть богатства, здоровье, относительная ценность богатства, умеренность, амбивалентность бедности» (концепты «богатство» и «бедность»). Константными отрицательными оценочными признаками являются «безумство любви, корысть» (концепт «любовь»); «неизбежность смерти, абсолютность смерти, равенство человека перед смертью, смерть как отсутствие признаков живого» (концепт «смерть»); «потеря дружбы, опасность врагов, предательство» (концепты «дружба» и «вражда»); «болтливость, недальновидность, непрактичность, неумение держать себя, упрямство» (концепты «глупость» и «ум»); «вред богатства, абсолютность бедности» (концепты «бедность» и «богатство»).

Очевидно, что количество константных оценочных признаков как для сферы человека, так и для сферы природы велико.

Количественный анализ показал, что общие тенденции в аксиологической динамике когнитивных моделей и оценочных признаков, объективированных в ФЕ СА и НА, состоят в неравномерном развитии признаковой системы, в постепенном увеличении как положительных, так и отрицательных признаков концептов. Данная тенденция идентична и для сферы человека, и для сферы природы. Пиковым периодом является 17 век, после чего наблюдается неуклонный спад.

Осуществленное в работе исследование когнитивных моделей и оценочных признаков, объективированных в ФЕ СА и НА, обнаружило ряд репрезентативных особенностей в ценностной сфере, объективированной в английской фразеологии, которые отражают национальную и культурную специфику ФЕ АЯ.

ФЕ отражают базовые ценности английской культуры, которые традиционно связывают с протестантской этикой [Вебер 1990: 44–171]. Это такие позитивно-окрашенные ценностные представления, как индивидуализм и личная ответственность за свои действия, чувство собственного достоинства и *privacy* (личного пространства), предприимчивость, уважение к собственности, коммерческая жилка и пр.

Любопытно также использование в качестве источника оценочной образности, порой достаточно абстрактной семантики, номинаций из культурной, общественно-политической, сельскохозяйственной, военной, торгово-экономической, сфер.

Ряд ФЕ отражают социокультурные реалии английского мира: верховая езда как признак состоятельности, ночлежные дома, где на одной кровати спят по двое нищие постояльцы, рекомендательные письма хозяина для слуг, суды, рынки, корабли, а также продукты питания, животные, растения, артефакты.

В ФЕ есть этнические стереотипы: негативное отношение к ирландцам, и шотландцам. Ряд социальных феноменов также находит отражение в ФЕ: презрение к бедным, критичное отношение к богатым, представителям ряда профессий, например, солдатам и морякам, при этом ценится любовь, дружба и искренность; в ФЕ проявляется негативная оценка лгунов, глупцов и неудачников, прослеживается пейоративизация смерти, отражена проблема взаимоотношений разных полов и возрастов.

ФЕ отражают национально-культурные особенности в ценностной сфере при использовании свойств животных и растений. Кошка символизирует чувство собственного достоинства, свинья выступает мерилом богатства знати. Так, значительной культурным потенциалом отличается образ агрессивного волка, беспомощной овцы, упрямой, но выносливой лошади, трусливой мыши, заботливой курицы, задорного петуха, сильного быка, осторожной птицы.

В соответствии с принятой концепцией исследования, языковые данные, полученные в результате анализа ФЕ АЯ, отраженных в словарях, необходимо уточнить посредством анализа особенностей дискурсивного варьирования английских аксиологически маркированных ФЕ СА и НА, обозначающих реалии внешней среды и внутреннего мира человека, в текстах художественного и публицистического характера, что осуществляется в четверой и пятой главах работы.

ГЛАВА 4. Аксиологическая составляющая и когнитивных модели английских фразеологизмов, реализующих реалии природной среды, в аспекте их дискурсивного варьирования

В настоящей главе рассматривается дискурсная реализация выявленных в предыдущей главе ФЕ СА и НА, репрезентирующих сферу природной среды. Задача данной главы – исследовать на текстовом материале изученные в главе 2 концепты, когнитивные модели, оценочные признаки и типы оценки, объективированные в ФЕ как отражение языковой картины мира этноса. В качестве текстового материала для анализа выбраны примеры употребления ФЕ из корпусов английского языка: Corpus of Contemporary American English (COCA) и The University of Oxford Text Archive (OTA). В разделах 4.1.1. и 4.1.2. анализируются ФЕ, репрезентирующие реалии внешней, природной среды (животный и растительный мир), и их дискурсивное варьирование на материале художественных и массмедиийных текстов соответственно. В разделе 4.2 приводятся результаты сопоставительного анализа актуализации оценочных признаков в дискурсивном варьировании ФЕ.

4.1. Ценностный компонент английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды, в художественном и массмедиийном тексте

4.1.1. Аксиологическая динамика английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды, в художественном дискурсе

Исследование показало, что в художественном дискурсе подчас по-новому актуализуется оценочный потенциал ФЕ, репрезентирующих реалии природной среды. Вводя в дискурс ФЕ как в аутентичном, так и в преобразованном виде, авторы приспосабливают ценностный компонент ФЕ к своим художественным задачам, эксплуатируя культурный потенциал ФЕ для изображения окружающей обстановки, внешнего вида и характера персонажа, для выражения своих идей и мыслей о жизни и об искусстве.

4.1.1.1. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «КОШКА» в художественных текстах

Анализ показал, что в литературе представлены ФЕ с признаками «коварство», «неосмотрительность», «нервозность / паника».

ФЕ, объективирующие концепт «кошка», в английской литературе реализуют признак «коварство» в образной модели «кошка любит играть со своей жертвой», которая реализует базовую модель «коварный человек не сразу раскрывает свои намерения». Этот оценочный признак актуализирован в ФЕ *to play cat and mouse*.

Анализ контекстов употребления фразы *to play cat and mouse* начнем с анализа отрывка из произведения Ш. Финч: “*I always win in the end*”, *Diego said. “Aye, that you do!” Drake said sourly. “But the game is to see how long a man may put off that end, is it not? You play with men's souls as a cat with a mouse*” *Diego shrugged* (COCA).

Для речевой характеристики пиратов, чтобы отразить их жестокость и вероломство, автор использует оценочный потенциал ФЕ, концептуализирующей их представление о жизни как некой игре кошки с мышкой, отражающих, соответственно, сильных и слабых. Описание жизни пиратов присутствует также в романе «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона: “*Come, come,*” *said Silver; “stow this talk. He is dead, and he do not walk, that I know; least ways he won't walk by day, and you may lay to that. Care killed the cat. Fetch ahead for the doubloons*” (OTA), где, представлена идея о том, что излишняя предосторожность и любопытство не идет на пользу человеку. Сильвер стремится пристыдить своих спутников, используя образную систему рассматриваемой ФЕ.

В ряде контекстов имеет место переосмысление ФЕ, например, *like a mouse in the clutches of a cat*, в которой отражен оценочный признак «коварство». Трансформацию образной составляющей для данной ФЕ находим в приводимом ниже отрывке: *Our first night at sea, when I was on watch and our little boat was being whacked about like a mouse in the clutches of a cat, Evan was woken up when our pressure cooker and assorted cutlery were launched across the boat and smashed into the wall beside his head. All this for surfing, something we never really got good at. Mostly danger was a story dramatized for other sailors over drinks, and then toned down for our parents during occasional calls home* (COCA).

В предложенном отрывке описывается ситуация, в которой в качестве объекта воздействия является не человек, а лодка, отданная на волю волн, которые швыряют ее из стороны в сторону, как мышку в лапах кошки. Субъектом игровой ситуации, элементом, оказывающим воздействие на объект, являются грозные силы природы: ветер и море. Данная ФЕ проявляет расширение компонентного

состава – в ее составе появляются «кошачьи когти», она переструктурируется в модель сравнения с компонентом **like**.

ФЕ *like a cat on hot bricks*, описывающая крайнюю степень нервозности и беспокойства, в рамках своей образной основы раскрывает ситуацию, в которой кошка предстает на горячих кирпичах.

ФЕ *like a cat on hot bricks* встречается в детективе А. Кристи: *Mr. Rogers was like a cat on hot bricks Scared out of his life as to what she might say* (“And Then There Were None”) (ERPD). Т. Уильямс переосмысливает рассматриваемую ФЕ: сохранив зоонимический концепт, он изменяет локацию – вводит пространственный образ. Так, кошка в названии знаменитой пьесы оказывается на горячей жестяной крыше. Автор раскрывает прагматическую ситуацию, отображенную в ФЕ: удержаться в рамках определенной ситуации как можно дольше, превозмогая боль, иными словами – выжить: – *What is a victory of a cat on a hot tin roof? – I wish I knew ... Just staying on it as long as she can. Cat on a Hot Tin Roof* (OCDQ).

Зоонимический концепт «кошка» как образный компонент ФЕ в художественных произведениях раскрывает свой оценочный потенциал. Писатели могут прибегать к различным преобразованиям, например, к расширению состава ФЕ (*play with men's souls as a cat with a mouse*), переосмыслинию (*like a mouse in the clutches of a cat*), Т. Уильямс – замене компонентов на синонимичные (*cat on a hot tin roof*) с целью создания экспрессивного эффекта.

4.1.1.2. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «СОБАКА» в художественных текстах

Анализ дискурсной реализации концепта «собака» показал, что в художественной литературе наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «неудача», «удачливость», «опытность», «старость», «жалость».

Так, в романе Р.Л. Стивенсона «Остров Сокровищ» ФЕ *like a beaten dog* объективирует оценочный признак «жалость» в образной модели «собака выглядит несчастной, потому, что она подвергается наказаниям». Базовая модель: «человек оказывается в ситуации, когда его вид или незавидное положение вызывают жалость». Ср.: “*If you do not put that knife this instant in your pocket, I promise, upon my honour, you shall hang at the next assizes.*” ... *but the captain soon knuckled under, put up his weapon, and resumed his seat, grumbling like a beaten dog* (OTA), где

воспроизводится момент ссоры доктора Ливси со старым пиратом – постояльцем гостиницы «Адмирал Бенбоу». Устрашенный обещанием скорого суда над ним, пират бормочет как побитая собака.

Отрывок из книги «Приключения Тома Сойера»: *What had he done? Nothing. He had meant the best in the world, and been treated like a dog – like a very dog. She would be sorry someday — maybe when it was too late. Ah, if he could only die TEMPORARILY!* (OTA), показывает protagonista с непривычной стороны, он погружен в несвойственную его возрасту и характеру меланхолию и начинает думать о смерти. В данном отрывке ФЕ реализует оценочный признак «жалость» в рамках моделей, указанных выше. Причина его хандры понятна из отрывка: он влюблен, он уверяет себя, что к нему относятся плохо. Для описания своих ощущений он использует ФЕ *like a dog – like a very dog*, где изменен компонентный состав ФЕ: добавлен интенсификатор.

В пьесе О. Уайльда «Идеальный муж» лорд Кавершем в беседе с сыном лордом Горингом блестяще аттестует сера Чилтерна как будущего министра: *“LORD GORING Certainly, father! And Chiltern's been wise enough to accept the seat in the Cabinet. LORD CAVERSHAM I am very glad to hear that, Chiltern . . . I congratulate you, sir. If the country doesn't go to the dogs or the Radicals, we shall have you Prime Minister, some day”* (OTA) – обычно сдержаный, он позволяет себе несвойственную ему экспрессию. Выражение *to go to the dogs* соответствует русскому выражению «псу под хвост» и актуализует признак «неудача», образная модель данной ФЕ «достаться псам» отражает базовую модель «потерпеть неудачу».

Дж. Борроу, автор XIX века, переосмысливает фразу: *every dog has his day: Youth will be served. Every dog has his day and mine has been a fine one* (WDQ), где в образе собаки предстает человек, на долю которого выпадает счастливый случай, и он хочет взять от жизни все, и ему это удается. Темпоральный элемент «день» предстает в рассматриваемой фразе как символ лучшего отрезка жизни – молодости.

К. Эмис в стихотворении «Молодые и старые» описывает идеальный мир:

*When all the world is young, lad,
And all the trees are green;
And every goose a swan, lad,
And every lass a queen;*

*Then hey for boot and horse, lad,
And round the world away:
Young blood must have its course, lad,
And every dog its day (WDQ),*

где в конце стихотворения фигурирует переосмысленный вариант ФЕ *every dog has his day*, репрезентирующий оценочный признак «удача». В последней строке опущен глагол: это делается для того, чтобы вписаться в ритмическую организацию стихотворного произведения.

В художественных текстах также активны ФЕ *old dog* ‘старый пес’ и *old seadog* – ‘старый морской пес’, т.е. старый моряк. Обе фразы содержат образ собаки, которая реализует оценочный признак «опытность / старость».

Б. Франклин использует образ старой собаки как символ опыта и верности: *There are three faithful friends: an old wife, an old dog and ready money (WDQ)*, где встречаем образ старой жены, которая не изменит.

Таким образом оценочный признак «опыт» в ФЕ *old dog* инкорпорирован в образной модели «старая собака», которая отражает базовую модель: «старый, опытный человек не совершает напрасных или неверных действий». Однако в данном отрывке автор использует прием дефразеологизации – образ ‘старый пес’ используется в прямом значении. В данном случае Франклин подвергает сомнению другую истину, которая говорит о том, что дружба не мене ценна, чем золото.

4.1.1.3. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «ЛОШАДЬ» в художественных текстах

Анализ дискурсной реализации данного концепта показал, что в художественной литературе наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «поспешность», «упрямство / неуправляемость», «непредусмотрительность», «голод». Ср. отрывок:

*We know that the tail must wag the dog,
For the horse is drawn by the cart;
But the devil whoops as he whooped of old:
It is clever, but is it Art? (WDQ)*

В данном отрывке Р.Киплинг задействует аллюзии к двум ФЕ. Во-первых, это ФЕ *do not place a cart before the horse*, концептуализирующая отрицательную оценку поспешности. Во-вторых, это ФЕ *the tail wagging the dog*,

популяризированная Р. Киплингом. В ней имплицирована негативная оценка меньшинства, которое пытается навязать свою волю большинству. Здесь использован прием переосмыслиния традиционной коммуникативной роли данных ФЕ. Киплинг реструктурирует известные ФЕ, чтобы показать, что представления большинства могут быть ошибочны, создавая абсурдную аксиологическую ситуацию, в которой хвост управляет собакой.

А. Линкольн также употреблял просторечные выражения, причем воспроизводил их не всегда точно, примером чего может быть следующая цитата: *it is not best to swap horses when crossing streams* (OCDQ). Он сохраняет общую образную основу ФЕ *do not change horses in midstream* (1864, WDP), которая также объективирует оценочный признак «поспешность». При этом автор заменяет синонимом глагол-сказуемое и употребляет дополнение во множественном числе, что, однако, не препятствует узнаванию известной фразы – напротив, замены придают его речи выразительность.

В оригинальном тексте, произнесенном по случаю его переизбрания на второй срок, Линкольн прибегает к приему ложной атрибуции, когда исконно английская ФЕ у Линкольна вкладывается в уста старого фермера-голландца [Basler 1953: 384].

Оценочный признак «упрямство» представлен в романе У.С. Моэма «Бремя страстей человеческих»: *If he is very strongly set against the work, perhaps it is better that he should take the opportunity to there and now to break his articles. I am naturally very disappointed, but as you know you can take the horse into the water but you can't make him drink it* (ERPD), где автор дословно цитирует ФЕ, негативно оценивая ленивого человека.

ФЕ *to eat like a horse* объективирует оценочный признак «голод» в произведении Дж. Джонсона “*The holiday friend*”: *I can eat like a horse, did you notice? But I can also eat like a fly if I have to* (WDP), где автор отталкивается от содержания ФЕ, создает ситуацию, при которой используется другой зоонимический образ. Муха предстает в качестве антонима лошади при описании потребности человека в еде, таким образом говорящий допускает возможность изменения оценки своих пищевых пристрастий.

Оценочный признак «непредусмотрительность», реализованный в ФЕ посредством концепта «лошадь», представлен в ряде контекстов художественного дискурса. Базовую модель данного признака отражает сентенция «поздно

беспокоиться, когда произошла неприятность», образную – «поздно беспокоиться о пропавшей лошади». Так в ФЕ *while the grass grows the steed starves* популяризированной У. Шекспиром в трагедии «Гамлет»: “*You have the voice of the King himself for your succession*” “*Ay, sir, but ‘While the grass grows’ – the proverb is sometimes musty*” (WDP) герой не цитирует ФЕ дословно, используя ее в беседе с друзьями, чтобы выразить сомнение в том, что король, захвативший власть, сдержит слово и передаст власть ему. Гамлет не доверяет своему окружению и использует ФЕ как намек, не выражая негативную оценку напрямую.

Д. Дефо в продолжении своего романа «Робинзон Крузо» использует ФЕ *it is too late to shut a stable door after the horse is stolen* для объективации признака «непредусмотрительность»: *A dead Bush was crammed in the hedge to stop them (the Spaniards) but it was only shutting the stable door after the steed was stolen* (WDP). Автор использует ФЕ как элемент причастного оборота с целью негативной оценки медлительности врагов англичан – испанцев. Автор допускает использование синонима: вместо слова ‘лошадь’ употребляется слово ‘конь’, что не мешает узнаванию ФЕ.

Культурная нагрузка ФЕ на базе концепта «лошадь» активно используется авторами для реализации оценочного потенциала ФЕ для решения художественных задач. Иногда писатели преобразуют исходную ФЕ, чтобы добиться максимального художественного эффекта и создать новый образ на базе уже закрепленного в культуре. Такие авторы, как Р. Киплинг и А. Линкольн используют переосмысление ФЕ (*the horse is drawn by the cart*) заменяют их компоненты синонимичными компонентами, при общем сохранении образной основы и аксиологического потенциала.

4.1.1.4. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «ЛЕВ» в художественных текстах

Особенности дискурсивного варьирования ФЕ на базе концепта «лев» свидетельствуют о том, что в художественных текстах отражены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «смелость», «трусость», «мстительность», «опасность».

В высказывании Д. Дефо содержится концепт «лев»: *it is better to have a lion in the heart of an army of sheep, than a sheep at the head of an army of lions* (OCDQ), где объективируется оценочный признак «трусость», причем на основе хиазма –

перекрестного повтора элементов высказывания в параллельных пропозициях. Данная ФЕ задействует реверсивную оценочную шкалу, базирующуюся на системе операциональных предпочтений [Арутюнова 1988]. Рассматриваемая ФЕ посредством антиномического сопоставления зоонимических образов льва и овцы концептуализирует аксиогенную ситуацию, когда более ценный субъект, стоящий во главе группы менее ценных, предпочтительней обратной ситуации, когда менее значимое лицо возглавляет сообщество значительных персоналий.

С. Парр в отзыве о создателе толкового словаря С. Джонсоне отмечал: *Now that the old lion is dead every ass thinks he may kick at him* (OCDQ). Парр ссылается на ФЕ *little birds may pick a dead lion, flies will tickle lions being dead* (1610, WDP). Обычно эти ФЕ используются для объективации оценочного признака «мстительность»: мертвого льва терзают мелкие животные. Здесь Парр изменяет концептуальную составляющую: вместо зайцев и мух он водит образ осла, лягущего мертвого льва. Выбор зоонимического концепта не случаен. Осел, как известно, является символом глупости и невежества. И в виде ослов Парр выводит критиков Джонсона.

В. Скотт также переосмысливает ФЕ *wake not a sleeping lion* и создает высказывание: *to rouse the lion from his lair* (OCDQ), в котором реализован оценочный признак «опасность». Лев традиционно является олицетворением потенциальной угрозы, когда он накажет тех, кто потревожил его покой.

К. Смарт приводит такие строки:

Strong is the lion: like a coal

His eyeball – like a bastion's mole

His chest against his foes... (“A Song to David”) (OCDQ), где лев предстает в образе яростного зверя. Автор использует ряд компаративных конструкций для описания льва: его глаза черны как уголь, грудь вздымается как бастион. Ср. ФЕ *as brave as a lion*, в котором описывается смелый человек.

У. С. Моэм использует компаративную модель ФЕ *as brave as a lion*: “*Let's go to that damned shelter. I am scared stiff*” “*I do not believe a word of it. You're as brave as a lion*” (“The Hour Before the Dawn”) (OTA), чтобы описать храбрость девушки.

У. Черчилль в своих мемуарах говорит о себе и своей стране: “*I have never accepted what many people have kindly said, namely that I have inspired the nation. It was the nation and the race dwelling all around the globe that had the lion heart. I had the luck to be called upon to give the roar*” (OCDQ). Здесь ФЕ *the lion heart*

используется для актуализации признака «смелость». И отсылает читателя к прозвищу короля Ричарда первого, прозванного ‘Львinoе Сердце’. Автор использует расширенную метафору: «лев» – это традиционный символ британской нации, ‘львinoе сердце’ присуще нации, покорившей почти мир.

Иногда писатели преобразуют ФЕ, такие как *little birds may pick a dead lion, flies will tickle lions being dead*, с целью максимизации экспрессии за счет апелляции к культурному фону читателей: используются известные фразеологические образы.

4.1.1.5. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «СВИНЬЯ» в художественных текстах

В художественных текстах отражены ФЕ, реализующие прежде всего такие оценочные признаки, как «ничтожество», «невозможность», «обман».

В романе «Великий Гэтсби» используется ФЕ с концептом «свинья»: автор воспроизводит слова отца героя, в них употребляется ФЕ *to eat like a hog*. Мальчику не нравилась манера отца жадно есть пищу, но когда он сказал об этом отцу, его наказали.

Л. Кэрролл в отрывке:

*“The time has come,” the walrus said,
“To talk of many things:
Of shoes – and ships – and sealing wax –
Of cabbages and kings –
And why the sea is boiling hot –*

And whether pigs have wing (“Alice in Wonderland”) (OCDQ) делает аллюзию на ФЕ: *pigs might fly though they are unlikely birds*, которая используется для актуализации оценочного признака «невозможность», а образная модель «свиньи не могут летать» претворяет в жизнь базовую модель «нельзя получить невозможное».

Ч. Диккенс в романе «Сердце Лондона» использует данную единицу для описания негативной оценки беспочвенных мечтаний бедняков: *“Maybe I will go back to Ireland”, she mused, while her needles went a fast click... “Pigs might fly,” said Mrs. Saithe, who had heard this too often before* (ERPD), причем неполное употребление данной ФЕ характерно для устной речи, которую и воспроизводит Диккенс.

Т. Тассер, поэт ранне-новоанглийского периода, в стихотворении «Пятьсот советов удачного замужества» использует ФЕ *do not buy a pig in a poke* (ERPD) переосмысливая ее, при этом концепт «свинья» отражает оценочный признак «обман»:

*In doing of either let wit bear a stroke,
For buying or selling of pig in a poke* (WDQ).

В данном контексте существует расширение компонентного состава фразы. Используя антоним, автор прибегает к приему дефразеологии в целях создания экспрессивного эффекта: при буквальном прочтении рассматриваемого высказывания речь идет не только о том, что человек может стать жертвой обмана. Автор говорит о сфере покупок, давая наставление молодым хозяйствам. Таким образом, негативная оценка концепта «свинья» в английских ФЕ смягчается, в ряде случаев имеет место индивидуально-авторская нейтрализация негативной оценки образа свиньи в культуре.

Однако этот концепт в ФЕ характеризуется скорее негативной оценкой, он обладает экспрессивным потенциалом. Авторы стремятся использовать как дословное, так и переосмыщенное цитирование ФЕ с элементом «свинья». Переосмысление *pigs have wing* и расширение компонентного состава за счет привлечения антонима *buying or selling of pig in a poke* ФЕ традиционно используется с целью обогащения образного ряда в ткани произведения, что привносит дополнительный экспрессивный эффект.

4.1.1.6. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «ВОЛК» и «ОВЦА», в художественных текстах

Концепты «волк» и «овца» часто используются как оппозитивные элементы в пределах одной ФЕ, выражая полярные оценки. Исследование их дискурсной реализации показало, что в художественной литературе активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «безынициативность», «двуличие», «невозможность».

В финальных строках произведения Г. Уэллса «Война миров»: “*The torment was over. The survivors of the people scattered over the country – leaderless, lawless, foodless, like sheep without a shepherd – the thousands who had fled by sea, would begin to return; the pulse of life, growing stronger and stronger, would beat again in the empty streets and pour across the vacant squares*” (OTA) использована ФЕ на основе

бibleйской цитаты, сравнивающей выживших после катастрофического нашествия марсиан людей с овцами без пастыря. Признак «безынициативность» концепт «овца» раскрывает в рамках образной модели «овцы без пастыря никуда не пойдут», которая является отражением базовой модели: «безынициативные люди без приказа ничего не предпринимают».

Этот же признак и те же модели отражает и другая ФЕ: *like a sheep led to the slaughter*. Дж. Голсуорси в «Саге о Форсайтах», приводит фразу *“I shall resign,” thought Soames. But what about Winifred and Imogen and some of the Rogers and Nicholases who had been putting money into this thing because he was a director? He wished they would not follow him like a lot of sheep!* (OCDQ), где происходит сокращение компонентного состава ФЕ с сохранением ключевого концепта. Сомс Форсайт узнает о том, что фирма, которой он доверил деньги, может понести убытки; осложняет ситуацию то, что его родственники последовали его примеру и также стали пайщиками. Герой досадует на себя, при этом перекладывает ответственность на других членов семьи, сравнивает их со стадом баранов.

К.С. Причард дословно цитирует ФЕ, которая в русском языке звучит как ‘волк в овечьей шкуре’: *“no matter what fascist regimes call themselves,” Bill said, “hey will always be recognized by their deeds. The wolf wears sheep’s clothing to harry the flock”* (“Winged Seeds”) (ERPD). Данная ФЕ реализует оценочный признак «двуличие».

У. Черчилль использует трансформацию ФЕ: *a wolf in a sheep’s clothing*, где заменяет образ волка в овечьей шкуре, как символа притворства, на образ овцы, порождая прием тавтологии – ‘овца в овечьей шкуре’»: *a sheep in a sheep’s clothing* (OCDQ). Тем самым порицаются люди, которые хотят казаться чем-то большим, чем они есть на самом деле.

ФЕ *it is hard to have wolf full and whether whole* получает переосмысление в произведении, написанном в 1950 г. У. Инджем: *It takes in reality only one to make a quarrel. It is useless for the sheep to pass resolutions in favour of vegetarianism while the wolf remains of a different opinion* (“Outspoken Essays”) (ERPD), где воплощен оценочный признак «невозможность».

При использовании контрастных концептов «волк» и «овца» как элементов ФЕ в текстах художественной литературы ряд авторов использует рассмотренные ФЕ без изменений, другие (Черчилль) допускают изменение знака оценки, создавая эффект обманутого ожидания.

4.1.1.7. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «МЫШЬ» и «КРЫСА» в художественных текстах

Анализ дискурсной реализации концептов показал, что в литературе представлены ФЕ с оценочными признаками «тихий нрав», «смерть», «глупость».

Так, Дж. Лондон использует ФЕ *like a drowned rat* в ряду художественных средств, служащих для деромантизации морских странствий: для Лондона море – это труд и опасность: *In the meantime Thomas Mugridge, like a drowned rat, was being dragged out from under the forecastle head where he had cravenly ensconced himself. I saw him pulled aft to the cabin and noted with a shock of surprise that the galley had disappeared. A clean space of deck showed where it had stood* (“The Sea Wolf”) (OTA). При этом данная ФЕ отражает признак «смерть», Дж. Лондон использует данную ФЕ для описания труса.

Р. Киплинг в цикле индийских рассказов для характеристики судьбы героя использует ФЕ *die like a rat in a hole*: *I thought of my wretched fellow-prisoner's unspeakable misery among all these horrors for eighteen months, and the final agony of dying like a rat in a hole, with a bullet-wound in the stomach. Gunga Dass fancied I was going to kill him and howled pitifully* (OTA), где данная единица репрезентирует оценочный признак «смерть» и формирует свою фразеологическую семантику по моделям, указанным выше. Отрывок воспроизводит речь британских колониальных солдат конца XIX века. Жестокая смерть, агония как раз и описывается при помощи фразы *dying like a rat in a hole*.

Г. Уэллс употребляет рассматриваемую ФЕ в трансформированном виде: *Strange night! Strangest in this, that so soon as dawn had come, I ... crept out of the house like a rat leaving its hiding place – a creature scarcely larger, an inferior animal, a thing that for any passing whim of our masters might be hunted and killed. Perhaps they also prayed confidently to God.* (“The War of the worlds”) (OTA). Здесь выжившие после марсианского нашествия в страхе прячутся и только в случае необходимости покидают свои жилища. Они сравниваются с крысами, образ которых выступает здесь олицетворением трусости и беспомощности, посредством авторского выражения *like a rat leaving its hiding place*, аллюзии на ФЕ: *die like a rat in a hole*, где автор горько иронизирует по поводу былого могущества землян.

Высказывание, авторство которого приписывается Р. Бернсу, говорит о возможной неудаче: *the best laid schemes of mice and men gang aft agley* (ODP) и концептуализирует ценностно маркированное представление о том, что планы

часто рушатся как у людей, так и у мышей. Примечательно, что в последнее время, согласно ряду словарей, наметилась тенденция использовать лишь первую часть данной фразы: *the best laid schemes of mice and men*, апеллируя к культурному фонду носителей языка, активизируя их культурную компетенцию.

В романе Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ» описывается как старый пират – обладатель карты сокровищ, который, вернувшись в Англию после многих лет скитаний, пытается вести тихую и уединенную жизнь. Писатель использует ФЕ *silent as a mouse*, которая отражает оценочный признак «тихий нрав»: *He was a very silent man by custom. ... When a seaman did put up at the Admiral Benbow ... he would look in at him through the curtained door before he entered the parlour; and he was always sure to be as silent as a mouse when any such was present* (OTA).

В тексте Дж. Остен встречается уже трансформированная ФЕ *as silent as a mouse* ‘тихий как мышь’, которая используется для описания оценочного признака «тихий нрав»: *“It need not frighten you: it is a nothing of apart, a mere nothing, not above half a dozen speeches altogether, and it will not much signify if nobody hears a word you say; so you may be as creep-mouse as you like”* (OTA). Автор использует прием вставки компонента *creep* ‘крадущаяся’ в структуру ФЕ и исключения из нее адъективного компонента *silent* ‘молчаливый, как’, который легко восстанавливается за счет фоновых знаний, «культурной памяти» носителей языка. В результате конкретизации исходного выражения посредством эпитета возникает новый экспрессивный образ – ‘как крадущаяся мышь’, который служит для образной характеристики героини.

Концепты «мышь» и «крыса» употребляются писателями в рамках ФЕ для реализации негативной оценки, закрепленной за этими животными в сознании англичан. В некоторых случаях допускается незначительные вариации ФЕ, которые обусловлены требованиями стиля и не влияют на характер оценки.

4.1.1.8. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «ПЕТУХ» и «КУРИЦА» в художественных текстах

Анализ дискурсной реализации данных концептов показал, что в художественной литературе наиболее активно представлены ФЕ с признаками «опыт, вздорный характер». Так, В. Скотт в романе «Пират» использует трансформированную ФЕ *as the old cock crows, so does the young: As the old cock crows, the young cock learns... the father declares against the king's customs and the*

daughter against the king's crown (ERPD), заменяя глагольный элемент *do* на *learn*, что привносит незначительные изменения в значение ФЕ и не препятствует ее узнаванию. Данная ФЕ используется для сопоставительной характеристики позиций старика отца, выступающего против королевской налоговой системы, и дочери, которая вслед за отцом выступает против королевской власти вообще. Данная единица призвана объективировать оценочный признак «опыт», который как элемент семантики базовой модели «молодые учатся у старых» выражается в рамках образной модели «животные подражают друг другу».

Петух в отрывке из произведения А. Кронина становится символом энергии и честолюбия: “*What a step up for the young fellow!*” “*He jumped at it like a cock at a groset*” (“Hatter's Castle”) (ERPD) и используется для репрезентации оценочного признака «вздорный характер». В отрывке обсуждается поведение молодого человека, который энергично принял предложение о повышении по службе.

Оценочный признак «агрессия» как элемент значения ФЕ *curses like chicken come home to roost* отражен в стихотворении Р. Саути: *Curses are like young chicken, they always come home to roost* (WDP) и расширяет компонентный состав ФЕ, добавляя эпитет ‘молодой’ и усиливая экспрессию за счет наречия ‘всегда’, расширяя сферу действия глагола.

Культурный потенциал ФЕ на базе концептов «петух» и «курица» амбивалентен, т.е. имеются модели как негативной, так и позитивной оценки. Иногда писатели преобразуют исходную ФЕ (*curses like chicken come home to roost*) для усиления оценочного эффекта ФЕ.

4.1.1.9 Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «БЫК» и «КОРОВА» в художественных текстах

В приводимых ниже контекстах авторы произведений художественной литературы задействуют ФЕ, выражающие оценочные признаки «решительность», «жадность».

Анализ дискурсной реализации данных концептов показал, что в художественной литературе наиболее активно представлены ФЕ, реализующие оценочный признак «жадность». Он встречается в базовой модели «человек может быть источником благосостояния других», ее образная модель имеет вид: «корова – это источник молока».

В романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» задействуется ФЕ, эквивалентная русскому высказыванию ‘дойная корова’: *Jos was a regular milk cow for the doctor* (ERPD). Данная ФЕ появилась много ранее XIX века, свидетельством чего является устаревшая к нашему времени форма *milch*, восходящая к древнегерманскому языку, более современной формой, зафиксированной в словарях, является *milk cow* (ERPD).

Оценочный потенциал данной ФЕ используется Теккереем для негативной характеристики стремления героя (доктора) жить за чужой счет.

К. Мейнион использует культурную маркированность данной ФЕ для изображения опыта общения с людьми, когда темой для разговора становится взаимоотношение человека и государства: *The average man that I encounter all over the country regards government as a sort of great milk cow, with its head in the clouds eating air and growing a full teat for everyone on earth* (CODQ). Здесь негативно-оценочный потенциал ФЕ задействуется для концептуализации ценностно маркированного представления о людях, которые рассматривают государство как источник благ, некую вселенскую ‘дойную корову’. Автор эксплуатирует прием расширения компонентного состава ФЕ за счет параметрического прилагательного *great* и гиперболизированного атрибута *with its head in the clouds* (‘с головою в облаках’), присоединяющего цепочку образов: корова питается воздухом и при этом кормит всех на земле. Данная ФЕ выполняет функцию иронического снижения образа людей среднего класса, которые не задумываются об источниках благосостояния государств, которое, по их мнению, должно наделять их благами.

Оценочный признак «решительность» отражает базовая модель «чтобы справиться с критической ситуацией, нужно предпринимать смелые и решительные действия», ее актуализирует образная модель «чтобы справиться с быком, нужно взять его за рога», что представлено в ФЕ *to take the bull by the horns*. Эта ФЕ реализует указанный признак в романе Т. Драйзера «Титан»: “*See here, ” he exclaimed suddenly looking sharply at the musician and deciding to take the bull by the horns. “You are in quite as delicate situation as I am, if you only stop to think*” (ERPD). Герой романа, финансист, часто попадает в затруднительные положения, с честью выйти из них ему помогала его выдержка и умение предпринимать энергичные шаги.

Концепты «бык» и «корова» несут разнообразную культурную нагрузку, их культурный и оценочный потенциал в рамках ФЕ используется авторами

художественных текстов преимущественно в рамках дословного цитирования. Они достаточно известны, экспрессивны сами по себе и не требуют авторского вмешательства в семантику и структуру устойчивой единицы для достижения художественной цели.

4.1.1.10. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «РЫБА» в художественных текстах

Концепт «рыба» обладает культурной значимостью, что показал анализ ФЕ, объективирующих его. Особенности дискурсивного варьирования ФЕ на базе данного концепта свидетельствуют о том, что английские писатели используют в своих произведениях ФЕ, реализующие, прежде всего, такие оценочные признаки, как «опьянение», «умеренность», «невыразительность», «упущенные возможности».

Так, А. Кристи использует ФЕ *all is fish that comes to her net* для описания образа жизни героини через оценочный признак «умеренность» “*She has had Emmott and Coleman dancing attendance on her as a matter of course. I do not know that she cares for one more than for the other. There are a couple of young Air Force chaps too. I fancy all is fish that comes to her net at present*” (“Murder in Mesopotamia”) (ERPD). В отрывке речь идет о даме, ставшей звездой колониального общества, для нее чрезвычайно важно внимание лиц противоположного пола, многие из них попадают в ее «сети обольщения», что и выражает негативно-оценочное использование данной ФЕ.

ФЕ на основе концепта «рыба» задействована также в романе У. С. Моэма: “*Perkins and Cooper had fallen upon evil days: Cooper drank like a fish and ... the linen drapers filed their petition in bankruptcy*” (“Of Human Bondage”) (ERPD). Здесь компаративная ФЕ *drank like a fish* отображает оценочный признак «опьянение» и использована для характеристики человека, в результате пьянства которого его фирма разоряется.

А. Кронин использует ФЕ *neither fish nor fowl*, имеющую значительный оценочный потенциал: “*Mother could not bring herself to allow me be friendly with boys... And so, feeling myself neither fish nor fowl, I mooned around ... in boredom and solitude*” (“A Song of Sixpence”) (ERPD), описывающую оценочный признак «невыразительность». Герой находится в затруднительном положении: не имея

возможности общаться с детьми, он характеризует свое двусмысленное положение при помощи ФЕ, смысл которой соответствует русской идиоме ‘ни рыба, ни мясо’.

В романе А. Кронина описывается печальная ситуация, в которой оказался человек, потерявший возлюбленную: “*He looked a broken man, and since he had lost Nancy his disintegration had progressed at a more rapid pace. At first he had told himself fiercely that there were other fish in the sea as good as, and indeed, better than she...*” (“Hatter’s Castle”) (ERPD). Исходная ФЕ *there is as many fish in the sea as comes out of it* может использоваться для объективации оценочного признака «упущенные возможности», он актуализуется посредством образной модели «всю рыбу выловить невозможно», которая репрезентирует базовую модель «если человек расстался с любимым / любимой, не нужно отчаиваться, в мире много достойных людей».

Образный смысл ФЕ отражен в ее сокращенном перифразированном варианте *there were other fish in the sea* – ‘есть в этом море и другие рыбы’. При этом в контексте добавляется эксплицитный оценочный элемент – слово *better*.

Авторы художественных произведений активно используют образный и оценочный потенциал концепта «рыба», построенный на основе компаративных и отрицательных конструкций (*neither fish nor fowl, to drink like a fish*). Они употребляются авторами в неизменном виде, тогда как многочленные элементы (*there is as many fish in the sea as comes out of it*) допускают незначительное изменение компонентного состава при воспроизведении внутренней речи героя, который в состоянии эмоционального напряжения не может припомнить точное звучание ФЕ.

4.1.1.11. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «ПТИЦА» в художественных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективирован концепт «птица», показало, что в художественной литературе представлены, единицы, реализующие оценочные признаки «умеренность», » солидарность».

Так, Т. Драйзер в романе «Финансист» использует ценностный потенциал традиционной ФЕ *a bird in the hand is worth two in the bush* в трансформированном (усеченном) виде: *But Butler was not a philanthropist He would have to be approached with a very sizable bird in hand* (ERPD). Образная модель «пойманная дичь лучше той, которая на свободе» как отражение базовой модели «лучше меньше, да

лучше» объективирует оценочный признак «умеренность». ФЕ *a bird in hand* («птица в руке...») и используется для емкой образной характеристики бизнесмена, который рассматривает только надежные деловые предложения, которые сулят ему верную прибыль. Поэтому и птица в тексте Драйзера не ‘маленькая’, а ‘значительная’ – *sizable*.

У.С. Моэм также задействует традиционную рифмованную ФЕ с концептом «птица» *birds of a feather flock together*, используя ее трансформированную усеченную версию: *After all he liked to mix with people of his own class, he was only at home in their company, and how in heaven's name could anyone say that he was snobbish? Birds of a feather* (“The Outstation”) (ERPD), используется эту ФЕ для характеристики персонажа, который чувствует себя комфортно лишь в обществе равных. Данная единица реализует оценочный признак «солидарность», он представлен в образной модели «птицы одного вида сбиваются в стаи», которая, в свою очередь, отражает базовую модель «люди схожих взглядов стремятся к взаимодействию».

В целом отметим, что использование усеченной формы известных социуму ФЕ в художественном тексте является распространенным приемом ввода в дискурс ФЕ как разновидности «прецедентных текстов»: это позволяет автору активизировать культурный фон читателей, опираясь на их культурную компетентность, что оказывает особое художественное воздействие. Писатели прибегают к сужению компонентного состава ФЕ, употребляя их в усеченном виде.

4.1.1.12. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих фитонимические концепты, в художественных текстах

Концепты, репрезентирующие растительный мир, обладают культурной значимостью, что показал анализ ФЕ, которые объективируют данные концепты, в предыдущей главе. Анализ текстового материала свидетельствуют о том, что в художественных текстах отражены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «разочарование», «несовершенство», «согласие в семье», «решительность».

А. Поуп в своем стихотворном анализе вопросов образования дословно цитирует ФЕ *as the twig bent, the tree is inclined*, которая служит основой базовой модели, отражающей образную модель «растения можно формировать». Данная единица отражает оценочный признак «согласие в семье»:

The education forms the common mind,

Just as the twig bent, the tree is inclined (WDQ).

Образ ‘куда ветка гнется, туда дерево и клонится’ в рамках британской педагогической мысли, оформившейся в XVIII веке, использован поэтом для ценностно маркированного представления о важности.

Л. МакНелли в своем стихотворении мечтал:

*On Richmond Hill there lives a lass,
More sweet than May day morn,
Whose charms all other maids surpass,*

A rose without a thorn (“*The lass of Richmond Hill*”) (WDQ),

используя переосмысление ФЕ и допуская сужение компонентного состава. Стока *a rose without a thorn* является частью фразы *there is no rose without a thorn* и описывает оценочный признак «несовершенство». МакНелли описывает свою возлюбленную как существо идеальное подобное ‘розе без шипов’.

Философ К. Г. Юнг переосмысляет традиционную ФЕ *the tree is known by its fruit*, строя развернутый образ на ее основе: *Great talents are the most lovely and the most dangerous fruits on the tree of humanity. They hang among the most slender twigs that are easily snapped off* (WDQ).

Рассматриваемая единица описывает оценочный признак «несовершенство». Юнг говорит не о конкретных родителях и детях, а о человечестве, которое он описывает в образе дерева. Человечество порождает гениев – плоды этого дерева, но с этими плодами нужно обращаться очень бережно, чтобы не погубить их.

Дж. Голсуорси использует ФЕ *let grass grow under his feet* для характеристики одного из действующих лиц, представителей английского буржуазного мира конца XIX – начала XX века: *He would, however let Timothy have a bit of his mind, and see if he would go on dropping hints and he would not let grass grow under his feet either, he would go there at once and take very good care that he would not have to go again on the same errand* (“*The Man of Property*”) (ERPD). ФЕ *he would not let grass grow under his feet* (ERPD) объективирует оценочный признак «решительность». Герой не имел привычки откладывать дело в долгий ящик и всегда быстро и правильно реагировал на изменяющуюся ситуацию.

Г. Грин в измененном виде использует ФЕ *life is not all roses*: “*Sometimes he is bad to me. Oh, I can tell you,” she urged, “it is not all roses”* (“*Brighton rock*”) (ERPD).

Автор прибегает к повтору, причем во втором случае употребления ФЕ заменен ее компонентный состав: существительное сменяет личное местоимение, и вместо компонента *life* используется местоимение *it* ('это не одни только розы').

Фитонимические концепты служат образной основой релевантных для английской языковой картины мира ФЕ, которые встречаются на страницах различных произведений художественной литературы.

4.1.2. Аксиологическая динамика английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды, в массмедиийном дискурсе

Дискурсивное варьирование ценностно маркированных ФЕ, репрезентирующих реалии животного и растительного мира, в массмедиийном дискурсе открывает новые аспекты реализации оценочного потенциала культурно нагруженных когнитивных моделей ФЕ, что связано с жанровой, коммуникативной и языковой спецификой публицистических текстов. С одной стороны, язык массмедиа, как и язык художественной литературы, обладает повышенной образностью, экспрессивностью, и в этом смысле открывает большие возможности для трансформированного использования ФЕ, для их переосмыслиения в концептуальном и ценностном плане. С другой стороны, установки массмедиийного дискурса связаны с реакцией на актуальные события в общественной, политической, экономической или культурной жизни, с выражением авторской позиции по поводу значимых проблем современности, что делает публицистику своего рода «зеркалом» речевой практики социума, состояния его языка на том или ином этапе. Вводя в дискурс указанные ФЕ как в аутентичном, так и в преобразованном виде, авторы используют ценностный компонент ФЕ для выражения своего видения проблемы, для подтверждения значимости своих идей посредством апелляции к культурному фонду ценностно значимых представлений и когнитивных моделей.

4.1.2.1. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «КОШКА» в массмедиийных текстах

Оценочный потенциал ФЕ на основе концепта «кошка» широко задействуется в массмедиийных текстах. В публицистических текстах активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «живучесть», «богатство», «коварство».

Так, ФЕ в журнале “Essence” речь идет об организации боевиков «Черные пантеры», созданной чернокожим гражданами США для защиты своих прав. Описание возрождения данной организации в 1995 г. осуществляется за счет использования образа ‘у кошки девять жизней’ *a cat has nine lives*: *FBI director J. Edgar Hoover once declared the Black Panthers Party “the single greatest threat to the internal security of the United States.” By the early 1980ies, crushed by forces from without and within, the Party was over. But like folks say, a cat has nine lives.* (“Panther mania”) (СОКА). ФЕ отражает оценочный признак «живучесть» в рамках базовой модели «человек может быть ловким и выживать в тяжелых ситуациях», образной моделью которой является сентенция «кошка живуча».

Оценочный потенциал данной ФЕ отражает пример из статьи в журнале “*Conservationist*”, описывающей особенности опоссума – зверька, живущего в южных штатах США: *Few early descriptions of the opossum are more interesting than that written by John Lawson (London, 1709) Like many early writers, Lawson was fascinated by the opossum's capacity to survive. If a cat has nine lives, this Creature surely has nineteen* (СОКА). Характеризуя необыкновенную живучесть опоссума, автор использует гиперболизированное образное сравнение с кошкой, которой традиция приписывает девять жизней: у опоссума жизней оказывается девятнадцать.

Данная ФЕ используется для передачи особенностей диалога двух американских подростков: *Archie: What is the difference between a cat and a bullfrog? Lorenzo: Beats me. Archie: The cat has nine lives, but the bullfrog croaks every night!* (“Boys Life”) (СОКА). Здесь ФЕ участвует в стилистической фигуре нарочитого алогизма, абсурда, когда в ответе на вопрос: ‘Чем отличается кошка от американской лягушки?’ сопоставляются две заведомо несопоставимые характеристики: ‘Кошка имеет девять жизней, зато американская лягушка квакает каждую ночь’, что создает юмористический эффект.

ФЕ с негативно-оценочной коннотацией *a fat cat* репрезентирует оценочный признак «богатство». Рассматриваемая единица может использоваться для отрицательной характеристики человека, как это видно из фрагмента текста интервью от 2009 года на телеканале “*Fox News*”, где критикуется позиция президента США: ... *I wonder why the president continues to take advice from fat cats – you know, the ones who have destroyed the economy. Let me see. Who do we have here? Fat cats, fat cats ... Valerie Jarrett, I don't know, she seems perfectly nice. But she is*

a fat cat. She's got – she was the chairman of the board of the Chicago Stock Exchange, so she must be like a Wall Street thief, I guess. (COCA).

В современном американском политическом дискурсе эта ФЕ развивает новую устойчивую ассоциативную семантику: ‘жирными котами’ называют представителей крупного капитала, пытающихся влиять на государственную политику. Примечательно и то, что отсутствие категории рода в английском языке позволяет безболезненно отнести характеристику *a fat cat* применительно к женщине, *Valerie Jarrett*.

В интервью от 2012 г. в рамках предвыборных дебатов кандидатов в президенты США, Б. Обамы и М. Ромни, на телеканале “Fox News”: *GUTFELD: Obama is going to try to paint Romney as a fat cat, and Romney is going to say you are destroying the country, and Romney should be joking. He should be joking about what a villain he is for earning money. And then he should ask President Obama how he became a millionaire as a community organizer because he's never heard that before* (COCA) – оценочная фразеономинация *a fat cat* используется для характеристики М. Ромни, конкурента Обамы в предвыборной гонке, которого Обама в своих выступлениях выставляет в роли богача – ‘жирного кота’.

В отрывке из статьи Дж. Квинана “The Ex-Billionaire Next Door”, 2004 г.: *Most Americans honestly believe they will one day be, if not rich, at least prosperous... As the old story goes, when an American sees a fat cat getting into a snazzy car, he dreams of the day he can own the vehicle (“Forbes”)* (COCA) фразеономинация *a fat cat* вводится в дискурс для иронического обыгрывания понятия ‘американская мечта’. Богач садится в шикарный автомобиль, а на тротуаре есть люди, наивно мечтающие о том, что и в их жизни наступит такой момент, когда и они сядут в шикарный лимузин, и называют богача ‘жирным котом’.

ФЕ *to play cat and mouse* отражает оценочный признак «коварство». В отрывке из “Associated Press” за 1990 г. используется образная составляющая ФЕ *to play cat and mouse* с другим лексическим наполнением: *Mayweather said, “Nothing's been decided yet, but I'd be all for it.” You can rock Joe Montana. You can sock Joe Montana. You can chase him like a cat chases a mouse and toss him around like a rag doll. But you don't give him the ball with any time left in a close game. The New Orleans Saints learned that lesson Monday night* (COCA). Трансформация ФЕ участвует в организации стилистического приема усиления на основе повтора ключевых элементов – *chase him like a cat chases a mouse*. Речь идет об описании игровой

ситуации в американском футболе, в котором возможны грубые приемы и хитрые уловки, причем участники игры в процессе игры могут меняться ролями, то атаковать, то защищаться, то убегать от противника, то преследовать его; для изображения чего вполне подходит потенциал ФЕ *to play cat and mouse*.

Зоонимический концепт «кошка» по праву занимает свое место среди культурно значимых концептов, оценочный потенциал которых активно эксплуатируется журналистами. Иногда публицисты преобразуют исходную ФЕ, например, *to play cat and mouse*, для достижения экспрессивного эффекта.

4.1.2.2. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «СОБАКА» в массмедийных текстах

Массмедийные тексты демонстрируют, что концепт «собака» обладает значимостью. В массмедийных текстах отражены ФЕ, реализующие прежде всего такие оценочные признаки, как «опытность / старость», «удача», «жалость». Одной из особенностей массмедийного дискурса является своеобразное сочетание экспрессии и стандарта [Костомаров 1971; Солганик 1980], которое, в частности, выражается в клишированном употреблении одних и тех же образов, когнитивных моделей и схем, в повторяемости одних и тех же ФЕ из статьи в статью, из издания в издание, что было подтверждено активным использованием ФЕ *a fat cat* в предыдущем фрагменте анализа. Отмечается частое использование ФЕ с компонентом *an old dog*.

ФЕ *don't teach an old dog new tricks* описывает оценочный признак «опытность / старость». Оценочный потенциал этой ФЕ использует М. Уолтер в датируемой 2013 г. статье в журнале “American Spectator”. Автор критикует позиции конгрессменов Л. Грэма и Дж. МакКейна, придерживающихся агрессивной внешней политики в Сирии: *Political regrets ... have never counted for very much, but it surely matters that Sessions feels like he might have something to gain - or at the very least nothing to lose - by distancing himself ... from the bellicosity of colleagues such as Lindsey Graham and John McCain, who would like to see American intervention in Syria. An old dog may not be able to learn new tricks, but a sober statesman can and should sometimes change his mind* (COCA). Образ старого пса, которого не научить новым трюкам, используется в качестве основы противопоставления позиции указанных политиков, которые, в отличие от старого

пса, иногда способны изменить свое мнение, если они являются трезвомыслящими политиками, которые следуют холодному расчету, а не догмам.

Анализируемая ФЕ проявляет амбивалентность, когда в ряде контекстов употребляется для выражения позитивной оценки по отношению к какому-либо объекту или ситуации. Так, в статье “Never too late to start a business ...” данная ФЕ подвергается частичной дефразеологизации за счет буквализации компонента *old*, когда речь идет действительно о пожилых людях, и прямой интерпретации семантики действия «учиться»: “*Tolbin says she “has no formal training in design or fashion,” ... Last fall, she opened a boutique in Manhattan, and a few weeks ago, she introduced her merchandise to buyers in Canada. “You can **teach an old dog new tricks** if they are willing to learn, and I am”, she says*” (“USA Today”) (COCA). Здесь элиминация оператора отрицания способствует выражению положительной оценки по отношению к желанию пожилых людей учиться новому.

Дж. Шроф аналогичным образом использует эту ФЕ в журнале “U.S. News & World Report”, его работа посвящена нейрофизиологическим проблемам лиц старшего возраста и возможностям предотвращения развития и профилактики заболеваний, затрагивающих работу мозга: “**You can't teach an old dog new tricks.** *Perhaps the best news from cognitive aging research is that even if you do lose it, you might be able to get it back again. An old brain retains an astonishing ability to rejuvenate itself*” (“Brain power”) (COCA). Мысль, образно выраженная в ФЕ, набранной прописными буквами, является ключевой, а весь текст посвящен полемическому отталкиванию от смысла данной пропозиции, утверждая, что ‘можно научить старого пса новым трюкам’.

При помощи данной ФЕ описывается способ лечения болезни Альцгеймера статинами: “*Your liver, like the proverbial **old dog**, can't learn new tricks. It doesn't matter how long you take a particular statin – if you stop popping it, your LDL will return to pretreatment levels in just a few days, says Dr. Gerber*” (“Men's Health”) (COCA).

Здесь осознанная апелляция к образному строю ФЕ подчеркивается употреблением прилагательного *proverbial*. А сам образ используется применительно к печени у пожилого человека, которая ‘не научится новым трюкам’.

Отметим, что в статьях, посвященных медицинской тематике, выдержан политкорректный тон. В них аксиологически пейоративный акцент смещается в

сторону модальности невозможности, чтобы не имплицировать негативное отношение к старости.

В статье, посвященной спортивной тематике, происходит семантическое обогащение образного потенциала данной ФЕ за счет фигуры антитезы *new tricks – old tricks*: “*The Minnesota Twins moved away from their usual pecuniary position and signed Molitor and Rick Aguilera, but the Aguilera move will be one of the most closely watched of the spring. After pitching in relief for five years, the 34-year-old Aguilera is becoming a starter again. It’s not teaching an old dog new tricks, but it is trying to train an old dog to do an old trick*” (“The New York Times”) (COCA). Здесь описывается игра ветеранов бейсбола. Посредством переосмыслиния ФЕ автор выражает идею о том, что нужно натренировать бейсболиста – ‘старого пса’ – хорошо выполнять старые трюки, а не учить его новым.

В следующей статье на тему спорта данная ФЕ подвергается и структурной грамматической трансформации, где субъект и объект меняются местами (используется образная пропозиция ‘собака сама пытается учиться новым трюкам’): “*Veteran Payne calls himself “an old dog trying to learn new tricks.”*” (“The Houston Chronicle”) (COCA). Игрок с уважением говорит о своем тренере, признавая свой возрастной статус, что мешает ему играть, называет себя ‘старой собакой, которая пытается изучить новые трюки’. Здесь посредством употребления трансформированной ФЕ имплицируется сожаление говорящего о невозможности улучшить свою игру.

Еще одной частотной ФЕ на страницах англоязычной прессы является единица *every dog has had its day*, которая концептуализирует представление об успехе. Он может быть и непостоянным, преходящим.

Традиционная интерпретация концептуализации оценочного потенциала данной ФЕ отражена в статье Л. Итон, который подводит итог ситуации на Нью-Йоркской бирже в 1995 году: *Finally, some investment gurus favor commodities simply because they have been beaten down for so long – and Wall Street firmly believes that every dog, eventually, has its day. True, some commodity prices are not as low as they were just a year or two ago* (“The New York Times”) (COCA). Здесь метонимически-собирательное использование лексемы *Wall Street* выступает как носитель характеристики ‘каждый когда-то имел свой шанс’.

Существенный оценочный потенциал обнаруживает эта ФЕ в контексте дефразеологизации. Так, в датируемой 2007 годом статье К. Уайтсайд описывается

вечеринка, главными действующими лицами которой являются собаки, питомцы влиятельных особ из деловых кругов США: *Cherubino, the Mardi Gras dachshund king, plops his head down on his regal gold pillow. His brilliant purple cape is draped across his body. A paw rests on his shiny scepter. His tiny crown slumps to one side. By the end of the party, every dog has had its day* (“USA Today”) (COCA). В данном отрывке представлено буквальное понимание ФЕ, когда в конце праздника у каждой собаки был свой счастливый день.

Еще один пример дефразеологизации данной ФЕ на фоне ее трансформации встречается в отрывке из следующей статьи: “... *every dog has his fifteen minutes of fame. Pinot Noir was our last dog. They were all great dogs, but Pinot was the best. And the brightest*” (COCA). Автор, иронически описывая ситуацию, меняет компонент *day* на компонент *fifteen minutes*. Вместо ‘счастливого дня’ собака получила свои пятнадцать минут славы.

Экспрессивная ФЕ *as a dog* приложимая к разным предикативным единицам, амбивалентна. Колумнист журнала “Rolling Stone” в 1992 г. использует данную ФЕ применительно к предикату *sick*, создавая негативный оценочно-эмоциональный фон: *By the time we were to leave Egypt, I was as sick as a dog and more than ready to go* (COCA). Данная единица актуализует оценочный признак «жалость», ее образную модель выражает сентенция «собака выглядит несчастной, потому, что она подвергается наказаниям / лишениям», ее базовую модель – «человек оказывается в ситуации, когда его незавидное положение вызывает жалость». В данном контексте ФЕ используется для негативно оценочного изображения степени крайней усталости говорящего.

ФЕ на базе концепта «собака» активно используются авторами публицистических текстов для решения задачи оценочно-экспрессивного изображения героя публикации или описания общественно значимой ситуации. Иногда публицисты преобразуют исходную ФЕ, чтобы добиться максимальной выразительности и создать новый образ на базе уже закрепленного в культуре или чтобы осуществить полемическое отталкивание от образно-оценочного фона традиционной ФЕ. Изменение актуального образа путем использования антонима для усиления экспрессивности фразы встречаем для ФЕ *an old dog to do an old trick*, расширение компонентного состава вместе с употреблением более мелкой темпоральной единицы имеется в ФЕ *every dog has his fifteen minutes of fame*.

4.1.2.3. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «ЛОШАДЬ» в массмедиийных текстах

В массмедиийных текстах также используется оценочный потенциал ФЕ на основе концепта «лошадь». Анализ дискурсной реализации данного концепта показал, что в публицистических текстах наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «сила», «относительность», «неблагодарность».

Одной из самых частотных ФЕ, зафиксированных в корпусе COCA (304 цитирования), является ФЕ *the dark horse* ('темная лошадка').

Так, в одной из статей 2009 г. используется традиционный концептуальный и оценочный потенциал, стоящий за данной ФЕ: "*I felt powerful, mysterious, like the dark horse,*" *Wasson says of the look*" ("Harper's Bazaar") (COCA). В статье описывается выбор одежды, которой позволяет женщине получить новые представления о себе, создать новый имидж, поднять свою самооценку: составными компонентами новой привлекательности являются атрибуты 'сильный' и 'загадочный', которые усиливаются за счет употребления в составе сравнительной конструкции ФЕ *the dark horse*.

Рассматриваемая ФЕ часто появляется на страницах статей, посвященных предвыборной компании. Например, в статье "Rush of entries gives 2008 race early intensity": *John Weaver, a senior adviser to Senator John McCain's presidential effort, said ... "It makes it nearly impossible for a darkhorse candidate to break out of the pack and challenge the front-runner and thus isn't healthy for the process..."* ("The New York Times") (COCA)

Даная ФЕ служит для иронического оценочного снижения изображаемого: речь идет об американском сенаторе-республиканце Дж. Маккейне, в 2007 году заявившем о своих президентских амбициях; его сподвижники, анализируя ситуацию, сомневаются в возможности появления новых фигур, «темных лошадок» на избирательном поле.

Оценочный потенциал этой ФЕ использован для описания политической ситуации за пределами США. Например, в статье 2007 г. анализируется предвыборная ситуация во Франции: "*Francois Bayrou of the center-right Union for French Democracy party has risen slightly as a dark horse*" ("Christian Science Monitor") (COCA) и репрезентируется важная для авторов идея о том, что политическая система Франции и ее предвыборное законодательство допускает

появление новых игроков, «темных лошадок», которые, однако, не всегда могут кардинально повлиять на ситуацию, но при этом привлекают внимание прессы.

Примечательно, что данная ФЕ вообще становится гиперзначимым элементом «языка популярной культуры», о чем свидетельствует ее использование в качестве имени собственного – названия одной из канадских поп-групп: *You'd be hard-pressed to find a more divisive band than Canadian rock act Nickelback. On one hand, the band is reviled for lunk-headed lyrics and for ripping off a style of music (grunge) that's 15 years past its prime. On the other, they sell millions and millions and millions of records. Who's right? It really doesn't matter. The release of **Dark Horse** last fall proved the band is critic-proof* (COCA).

Лошадь ассоциируется носителями английского языка с силой и выносливостью. Данный оценочный признак реализован в ФЕ *as strong as a horse*. Например, в статье “*Stalking the stalker*”: “*The day of her murder, Pace left her job as a grad school assistant at noon to change for a wedding. When she failed to show up that evening, her mother called police. ... “He must have been strong,” says Pace’s mother, Ann, 57, “because, my goodness, that child was **strong as a horse**”* (“*People*”) (COCA). Традиционно заложенная в данной ФЕ положительная оценка в контексте меняет свой знак, так как ее употребление репрезентирует характеристику убийцы молодой девушки, спортсменки, сильной и выносливой. Чтобы расправиться с ней, убийца также должен быть очень сильным человеком, что и отражено в ФЕ.

В статье 2005 г. из журнала “*Good Housekeeping*”: *Mrs. Bailey would like it very much. She thanked Mrs. Eager, wished her good fortune, and took the tray home, where her husband, a chronic invalid – why should he work when his Bessie was as strong as a horse? – remarked that it looked like another dust catcher* (COCA) – ФЕ *as strong as a horse* используется в ситуации, когда супруг-инвалид характеризует жену как достаточно сильную и выносливую, чтобы работать.

В ФЕ *do not look into the mouth of a gifted horse* отражен оценочный признак «неблагодарность». Так, в статье “*The Salvation Army’s Mixed McBlessing*” за 2004 г. используется образ из этой ФЕ, в трансформированном варианте: “*...McDonald’s heiress Joan Kroc, ... left it a record-setting \$1.5 billion bequest... Why look a McMegabucks **gift horse in the mouth**? The money comes as a mixed blessing because Kroc earmarked the donation to build ... dozens of community centers across the country*” (“*The Time*”) (COCA). Уже в названии статьи задействовано обыгрывание слова *blessing* (‘благословление, дар’) – использование его как личного имени

собственного посредством прибавления к нему типичного шотландского антропонимического префикса *Mc* (вариант – *Mac*), что порождает метафору. Этот прием используется неоднократно, например, *McMegabucks*. Речь идет о наследнице знаменитой сети ресторанов быстрого питания *McDonald's*, Джоан Крок. Таким образом, элемент *Mc* – отсылает нас еще и к фамилии владельца империи фастфуда, тем самым создается образная емкость окказиональной собственной номинации. В результате ‘дареная лошадь’, содержащая аллюзию к упомянутой ФЕ, интерпретируется как пожертвование от Дж. Крока обществу «Армия спасения», от которого не следует отказываться, не следует ‘смотреть в зубы’.

Еще одно направление контекстного смыслового преобразования упомянутой ФЕ в массмедиийных текстах – это ее антонимическая трансформация, как, например, в статье “Before you take a gift horse home, look in its mouth” 1991 г., где звучит призыв ‘посмотреть в зубы дареной лошади’: *Some people are not meant to have a horse around the house. The author is one of them, but his wife is not: we had been offered a gift horse* (“The Smithsonian”) (COCA). В данном случае антонимическая трансформация сопрягается с дефразеологизацией: речь идет о реальном животном – коне, который был подарен жене автора цитируемых строк.

Трансформация данной ФЕ с изменением компонентного состава содержится в статье Д. Брауна “Their secret: Work out hard, and eat like a cave man” от 2010 г.: “*The CrossFitters have banded together, and the de-facto diet they have chosen is the paleo diet,*” ... “*You can't kick a gift horse in the mouth*” (“The Denver Post”) (COCA). Речь идет о диете, которая основывается на представлениях современных врачей-диетологов о том, как питались пещерные люди. В ФЕ происходит замена глагольного компонента – нейтрального *look*, на экспрессивный *kick* (‘ударять ногой, пинать’). Получившийся экспрессивный негативно-оценочный образ «пинать дареную лошадь в зубы» отражает желание авторов разрекламировать свою диету.

Ср. еще один пример подобного преобразования компонента *look* на *kick* в ФЕ в целях повышения экспрессии имеется в отрывке: *What about giving the bond away to avoid taxes? ... I will still owe taxes on what it has earned, because it's deferred income, not a capital gain. Talk about kicking a gift horse in the mouth!*” (“The Money”) (COCA). В данном контексте говорится о том, что при определенных трансакциях можно ‘пнуть даренного коня в зубы’, т.е. нанести себе значительный ущерб.

Концепт «лошадь» наряду с другими зоонимическими концептами задействуется на страницах прессы для выражения как положительной, так и отрицательной оценки. Рассмотренные ФЕ компактны, узнаваемы, они часто употребляются авторами в неизменном виде.

4.1.2.4. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «ЛЕВ» в массмедиаийных текстах

Современный публицистический дискурс отмечает способность ФЕ на основе концепта «лев» выражать такие оценочные признаки, как «смелость», «жизнь».

Исследуемый материал отмечает возможную амбивалентность для признака «смелость», например, в ФЕ. Это касается ФЕ: *as bold as a lion*. Так, в программе на канале CNN в 2012 г. прозвучало: *Well, you know what I tell my juries, Nancy, is the wicked man flees when no one pursues, but the righteous stands as bold as a lion. So if he wasn't guilty of anything, why didn't he stand there? Why didn't he answer questions?* (СОСА). Для описания поведения обвиняемого в суде – уверенного в своей правоте человека используется ФЕ *as bold as a lion*. Прилагательное *bold* означает не только ‘храбрый’, но и ‘самоуверенный, наглый’. Последнее значение и реализовано в данном контексте, придавая ФЕ негативно-оценочное звучание.

ФЕ на основе зоонимического концепта «лев» *a living dog is better than a dead lion* задействуется для оценки ситуации, когда описывается величие и падение, жизнь и смерть. Базовая модель «жизнь лучше смерти» производит образную зоонимическую модель «живой мелкий хищник лучше мертвого гиганта».

В журнале “The Academic Questions” от 1996 г. данная ФЕ приводится в трансформированном виде: “*It is better to be a live jackal than a dead lion,*” – for jackals, not men, this social democrat and agnostic wrote to William F. Buckley. “*Men who have the moral courage to fight intelligently for freedom have the best prospect of avoiding the fate of live jackals and dead lions*” (“A look at the life of Sidney Hook”) (СОСА). Здесь собака в аутентичном варианте меняется на образ шакала, что связано с африканским происхождением героя очерка. Переосмысление ценностно маркированного представления об обязательности безальтернативного выбора заключается в том, что взвешенная и разумная борьба за свободу позволяет, по

мнению главного героя – С. Хука, избежать обязательного выбора между живым шакалом и мертвым львом.

В следующем примере из статьи 2007 г. компонент “собака” меняется в ФЕ на ‘леопард’, что также свидетельствует об африканских мотивах: “*The two lions with red light bulbs in their mouths in front of the railing are simply considered to be guardians of the shrine, ...although two other lions by Atta on the nearby Abeadzi Dominase Asafo No. 1 Company shrine prompted the saying, “A dead lion is greater than a living leopard” a typical as a fore statement of one-upsmanship*” (“The African Arts”) (COCA).

В данной трансформированной ФЕ по аксиологической бинарной шкале «живой – мертвый» сопоставляются два тотемных африканских животных – лев и леопард, при этом осуществляется дефразеологизация (речь идет именно об африканских животных) и антиномическое переосмысление *a dead lion is greater than a living leopard* – ‘мертвый лев лучше, чем живой леопард’, где отражено характерное для коренных жителей Африки представление об опасности при помощи образа «лев».

Концепт «лев» в английских ФЕ на страницах прессы характеризуется оценочным потенциалом. Часто данные ФЕ употребляются в неизменном виде (*as bold as a lion*). Публицисты допускают преобразование ряда ФЕ, изменение образной системы (*it is better to be a live jackal than a dead lion*), иногда сопровождающееся изменением оценки образа (*a dead lion is greater than a living leopard*).

4.1.2.5. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «СВИНЬЯ» в массмедийных текстах

В ряде массмедийных текстов реализуется оценочный потенциал ФЕ, построенных на основе концепта «свинья». В публицистических текстах наиболее активно представлены ФЕ, реализующие негативные оценочный признак «обман».

Одной из распространенных ФЕ на основе зооморфного концепта «свинья» на страницах англоязычной прессы является единица *do not buy a pig in a poke*, отражающая оценочный признак «обман». В статье У. Сэфая за 1996 г. данная ФЕ используется для негативной оценки событий, связанных с объединением Германии: *From Berlin comes Volker Ruhe, the Christian Democrat who brought Kohl to Newcastle – that is, who wrested party leadership from Helmut Kohl in 1993, after it*

*became apparent that Mikhail Gorbachev, in giving up East Germany, had handed West Germany a ravenous **pig in a poke**. Mr. Kohl's lust for unification shifted a capital-gulping burden from the Soviets to the Germans, generating Hirschflation, stagnancy accompanied by rising prices* (“The New York Times”) (СОСА). Здесь данная ФЕ изменена за счет добавления нового конкретизирующего компонента со значением «прожорливый», что иронически снижено характеризует бывшую ГДР как «прожорливую свинью в мешке», которую, по мнению автора статьи, подложил Г. Колю Советский союз. Обратим внимание на начальные строки отрывка, в которых описывается борьба за лидерство в партии христианских демократов, которую пришлось вести Г. Колю в свете вышеописанных событий. Ф. Руэ, его оппонент, по мнению автора, *brought Kohl to Newcastle*. В этой характеристике имеется аллюзия на другую известную ФЕ *do not carry coal to Newcastle* ('не вези уголь в Ньюкасл', где отражена социокультурная реалия: Ньюкасл – столица угледобывающей промышленности Великобритании), порицая бессмысленность. При этом автор в целях языковой игры осуществляет замену компонентного состава ФЕ: существительное *coal* замещается наозвучную ему фамилию канцлера Германии *Kohl*.

В статье “*Donald the disrupter*” образ *a pig in a poke* используется в развернутом описании сюжета политической борьбы Б. Обамы и Д. Трампа: “*You can have a charming newcomer like Barack Obama, ascending like a political Pegasus, who loses altitude because it turns out he disdains politics. It's always a pig in a poke. So why not a pig who pokes?*” (“The Pittsburgh Post-Gazette”) (СОСА). Здесь в ФЕ использована языковая игра, основанная на многозначности фразеологического и номинативного значений. Используемая в первый раз, данная единица реализует фразеологического значение. Внутренняя форма рассматриваемой ФЕ предостерегает от того, чтобы покупать ‘свинью в мешке’ – эквивалента русского ‘кота в мешке’. Автор статьи “*Donald the disrupter*”, название которой можно перевести как «Скандалист Дональд Трамп», говорит о том, что в США выбор президента подобен ситуации, которая представлена в рассматриваемой ФЕ. Выбор не только не всегда очевиден. Не всегда можно предугадать, как поведет себя тот или иной американский, политик после выборов, когда он становится президентом.

Во второй раз слово *poke* задействуется в предикативном употреблении. Автор задается вопросом, почему бы не выбрать ‘свинью, которая толкается’? Таким образом, создается каламбур, основанный на амфиболии – контекстной

нейтрализации разных значений одного слова. При этом двойственность в семантике имплицирует и двойственность в оценки. С одной стороны, Трампа критикуют за его резкие высказывания, у многих его личность вызывает отрицательную оценку. Отсюда и выбор зоонимического концепта для его описания. С другой стороны, это активная личность, она, следуя образному описанию автора, «толкается», он способен сокрушить своих конкурентов и стать единственным кандидатом от партии республиканцев.

В рекламной статье о ветчине данная ФЕ использована в контексте дефразеологизации: *...you want to make sure you are getting the right kind of ham – aptly called “country” or “city.” ... Our winners will help you avoid buying a pig in a poke.* (“The Good Housekeeping”) (СОКА). В статье речь идет о продаже товара. Рекламируемая ветчина сделана из известных ингредиентов, поэтому данный товар – это не ‘свинья в мешке’.

Также в контексте дефразеологизации рассматривается ФЕ в статье, где речь идет о том, как семейная пара купила поросенка, который любил смотреть по ТВ одни каналы и не любил смотреть другие, наставая на своем выборе визгом: *“You might call it buying a pig in a poke. Fifteen months ago, Ronald and Mary Kalish of Arizona adopted Sir Francis Bacon (Frank, for short) as a pet, and their life has never been quite the same”* (“The Time”) (СОКА). В употреблении данной ФЕ обыгрывается прямое значение словосочетания – покупка поросенка – и фразеологическое значение – представление о невозможности знать заранее, как поведет себя питомец и как его приобретение скажется на жизни семьи.

Концепт «свинья» характеризуется способностью выражать негативную оценку в ФЕ. Для публицистов свойственно обрывать цитирование ФЕ (*a pig in a poke*) в ситуации намека в контекстах нейтрального стиля.

4.1.2.6. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «ВОЛК» и «ОВЦА», в массмедиийных текстах

Анализ дискурсной реализации ФЕ, в которых объективированы концепты «волк» и «овца», показал, что в массмедиийных текстах наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «порочность», «безынициативность», «агрессия».

Наиболее распространенной ФЕ с концептом «овца» в англоязычной прессе является ФЕ *a black sheep*, которая является усеченной версией ФЕ *there is a black sheep in every flock*, объективирующей оценочный признак «порочность».

Данная ФЕ носит ярко выраженный оценочный характер, усиливаемый употреблением прилагательного *black*, которое в наивной картине мира часто имеет негативную оценку. Образ черной овцы часто употребляется в отношении родственника, позорящего семью, что можно видеть, например, в статье из журнала, которая посвящена деятельности священника, призывающего к объединению семей, в том числе и не с самыми достойными ее членами: “*Pinckney had preached a sermon entitled “A Crazy Family Reunion,” in which he spoke of embracing the “black sheep” in families*” (“People”) (COCA).

В статье «Как Буш разрушил республиканскую партию» ФЕ *black sheep* использована для негативной характеристики Буша-младшего: *The black sheep of the family, Bush also, at the age of 40, took Jesus Christ as his personal savior. That conversion, he said, freed him from a well-documented addiction to drink* (“The Rolling Stone”) (COCA). Представитель семейства, давшего Соединенным Штатам двух президентов, именуется «паршивой овцой», причем как в семейном, так и в политическом отношении.

В статье Н. Бурлей данная ФЕ используется в преобразованном виде для описания человека, который не находит своего места в той или иной среде: “*Ch. Darwin being the literary black sheep at the end of a long line of famed scientists*” (“The Newsweek Global”) (COCA). Речь идет о характеристике Ч. Дарвина: в компонентный состав ФЕ был добавлен конкретизатор – ‘литературная’, для уточнения научной сферы, в которой Дарвин казался аутсайдером.

В статье, вышедшей в 2014 г., употребление этой ФЕ имплицирует негативную оценку наркоманов: “*Whereas now, if you use drugs you are kind of the black sheep, it seems like. Who knows how many guys are using something?*” (“The USA Today”) (COCA).

Изгоями в каком-либо отношении могут быть представители некоторых культурных движений. Ср. цитату: *By bringing an Arena Football League team to an area devoid of the NFL since 1995 after the Raiders and Rams split to Oakland and St. Louis, respectively, Kiss saw a chance to cash in. “We are the black sheep of rock’n’roll,” Stanley said. “And we are going to be the black sheep of arena football. And arena football is already the black sheep of football*” (COCA), интервьюируемый

артист использует параллельные конструкции, включающие ФЕ *black sheep* для того, чтобы выразить представление о том, что он и его друзья не вписываются в ряд социальных и / или культурных групп, выделяются из этого ряда, потому что нарушают нормы, принятые в культуре.

Статья 1996 г. использует уже другую, весьма редкую компаративную ФЕ, в которой задействован концепт «овца»: “*Back home in Scotland, Ballard greeted the nays of his wife’s death with resignation. “I can hear her repeating her favorite saying,” he says. “One day as a tiger is better than a thousand as a sheep. That sums up Alison perfectly*” (“The People”) (СОСА). Данная ФЕ построена на противопоставлении образов тигра и овцы, когда овца получает менее высокую оценку относительно тигра. ФЕ имплицирует представление о качестве и продолжительности жизни и ее приоритетах посредством пропозиции «лучше один день прожить тигром, чем тысячу дней – овцой».

ФЕ *a sheep among wolves* – переосмысление ФЕ *do not set the wolf to keep the sheep*) отражает такой оценочный признак как «агрессия». Данная ФЕ использована в статье С. Дериксона, посвященной фильму о Христе: “*Jesus himself was very clever about how and when he spoke about God, and we should be similarly mindful. The Christian filmmaker, a sheep among wolves, must be shrewd as a serpent and as innocent as a dove*” (“The Christian Century”) (СОСА). Христианин оказывается в недоброжелательном окружении, ‘как овца среди волков’. Для объективации этой идеи автор использует ФЕ ‘нужно быть мудрым как змея и невинным, как голубь’.

В статье Э. Либоу “*Patrick Dougherty*” (2005 г.) под заголовком используется ФЕ *keep the wolf from the door*, которая реализует оценочный признак «агрессия»: “*A fact, said Dougherty, that drives her a bit nuts is his reluctance to say ‘no’ may be due as much to his desire to keep the wolf from the door as it is to his need to keep the public in his art*” (“The American Craft”) (СОСА). В отрывке описывается художник Дауерти, который сомневается, стоит ли ему экспонировать свои работы, он боится провала и избегает решительных шагов, стремится уйти от решения.

Образная модель «овцы без пастыря никуда не пойдут» объективирует базовую модель «безынициативные люди без приказа ничего не предпринимают» во ФЕ *like a sheep without a shepherd*, которая отражает признак «безынициативность». Во фрагменте беседы на канале CNN используется ФЕ *like a sheep led to the slaughter*: “*He said, I knew what I had said to the president, and I knew what he said to me. But when I saw all those memoranda circulating in the background, I*

felt like a sheep led to the slaughter” (COCA). Здесь один из участников беседы использует данную ФЕ для описания ситуации крайней беспомощности перед лицом смертельной опасности.

Таким обозом, концепты «волк» и «овца» в ФЕ выражают оценочные суждения. Некоторые единицы, такие как ФЕ *do not set the wolf to keep the sheep*, используются в переосмыщенном виде с незначительным варьированием компонентного состава.

4.1.2.7. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «МЫШЬ» и «КРЫСА», в массмедиийных текстах

ФЕ на основе концепта «мышь» с оценочными признаками «бедность», «тихий нрав», «трусость» представлены в англоязычной публицистике.

Оценочный признак «бедность» реализует ФЕ *as poor as a church mouse* в примере из статьи в журнале “Ms.” за 1996 г.: “*They both know she is as poor as a church mouse now that she has left him, but there is a supposed share in some family fortune that will come to her in the future if all the right people die off*” (COCA), где она характеризует ситуацию, в которой у героини нет средств к существованию, кроме надежд получить наследство в отдаленной перспективе.

Та же ФЕ встречается в программе “NBC Today” (2006 г.): “*And, you know, can I tell you what's so great about it, you can be as as poor as a church mouse, you can be 11 years old ... everybody gets cancer. So I think that people donating, you can do this, anybody can do this*” (COCA), где говорится о том, что рак может поразить каждого, будь он стар или молод, богат как Крез или беден как церковная мышь.

В масс-медиа встречается ФЕ *as quiet as a mouse* – ‘тихий как мышь’. Она используется, например, для описания техники удара по мячу: “*The swing itself is simple: Just swing your arms back and through. The secret? Keep your lower body as quiet as a mouse. As Gary Player used to do, I kick my right knee toward my left at address in sort of a mock impact position. If you preset your lower body for contact, you merely have to swing your arms*” (“The Golf Magazine”) (COCA). В отрывке метафорически описывается положение тела спортсмена, нижняя часть туловища гольфиста должна быть расслаблена, ‘тихая как мышь’. Здесь используется синестетический образный перенос, когда неподвижное положение интерпретируется через звуковой признак «тихий».

Данная ФЕ привлекается для описания Рождества: “*It’s the dawn of Christmas Day, and all through the house, little creatures are stirring, quiet as a mouse. Unless the littlest one, no doubt still half-asleep, should miss a step and start the celebration off with a bang.*” (“The Saturday Evening Post”) (СОКА). Она задействована в образном описании маленьких детей, которые в предвкушении волшебства, которое приходит с рождеством, ведут себя тихо как мыши.

Известная ФЕ *rats leave a sinking ship* о крысах, бегущих с тонущего корабля, дает негативную оценку трусости и предательству. Она употребляется публицистом У. Мидом в статье “Rule 1: Don’t panic. Rule 2: Panic first” (1998 г.): *European companies are, generally speaking, at a much earlier stage in this process. If financial markets turn sour in the U.S., look for the rats-pardon me; our trusty NATO allies-to desert the sinking ship. A European flight from our stock market would accelerate the market’s decline. This would also lead to a dollar crisis* (“The Esquire”) (СОКА). Статья описывает настроения в американском обществе в разгар экономического кризиса, и автор использует данную единицу для негативной оценки европейских союзников, которые покинули американский рынок так же быстро, как и упомянутые во ФЕ крысы свой тонущий корабль. У. Мид прибегает к синтаксической трансформации, используя ФЕ в форме инфинитивной конструкции, он использует аллюзию на синонимичную ФЕ *rats fly from the falling house*, употребляя в контексте глагол *fly*.

Культурная нагрузка концепта «мышь» переопределила его участие в построении ФЕ, причем пейоративного характера. Они используются публицистами для оценочного описания различных ситуаций.

4.1.2.8. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «ПЕТУХ» и «КУРИЦА» в массмедиаийных текстах

Анализ дискурсной реализации ФЕ, в которых объективированы концепты «петух» и «курица», показал, что в публицистике представлены ФЕ, реализующие оценочные признаки: «тихий нрав», «забота о детях», «вздорный характер», «поспешность».

Так, ФЕ *as shy as a chicken* объективируют оценочный признак «тихий нрав». Она используется для порицания терроризма в статье из газеты за 2015 г.: “*She acted perfectly normal,” said her mother, who described her daughter as “just a quiet girl, as shy as a chicken.” Then the 19-year-old university student went to Checkpoint*

300 in Bethlehem ... There, according to Israeli authorities, Musa removed a curved dagger from her bag and then stabbed and wounded a female Israeli military police officer in the neck” (“The Washington Post”) (COCA). В данном фрагменте контрастно звучат слова матери террористки, которая говорит о дочери ‘скромной как цыпленок’.

Образ курицы используется во ФЕ *as busy as a hen with her chicken* для объективации оценочного признака «забота о детях». В статье за 1995 г. Она использована в повествовании о преподавателе: “*Doc helped construct the school, helped shape it, and Teddy finds himself good at his job. He worries like a hen about his students ...*” (“The Houston Chronicle”) (COCA). ФЕ *as busy as a hen with her chicken* употребляется здесь в измененной форме: использован глагол ‘беспокоиться’ вместо ‘хлопотать’, часть ФЕ эллиптирована. Таким образом, дается экспрессивная характеристика ответственности молодого преподавателя в отношении своих подопечных.

Та же ФЕ использована в статье “The Judge Who Ruled Baseball”: “*Despite his lordly status, Landis always addressed players formally as gentlemen ... and watched over them like a hen watches over her chicks. When players had personal problems, Landis helped them. He once sent an aide to take the great pitcher Grover Cleveland Alexander ... home to his family*” (COCA), где для характеристики спортивного деятеля, который относился к игрокам по-отечески, используется традиционная оценочная нагрузка, существующая у данной ФЕ.

Концепт «петух» представлен в английских ФЕ на страницах современной англоязычной прессы как символ энергии, задора, переходящей, объективирующий признак «вздорный характер». Этому способствует употребление компаративной ФЕ *like a fighting cock*. Она объективирует образную модель «агрессивен, подобно петуху», которая репрезентирует базовую модель «люди могут проявлять агрессивность». Так, в 2006 году выходит статья “*New faces of 1946*”, которая рассказывает о политических коллизиях в США после смерти президента Ф. Рузвельта: *Instead of being the harbinger of longtime Democratic decline, the 1946 midterm election had the unexpected consequence of breathing new life into the Democratic Party. In 1948, Truman campaigned like a fighting cock against the “do-nothing, good-for-nothing 80th Congress,” while largely ignoring the Republican nominee, Governor Dewey*” (COCA). Здесь данная ФЕ характеризует напор, с

которым провел свою избирательную кампанию Г. Трумэн, бывший вице-президент, в стремлении добиться президентского кресла.

В статье Р. Ларсона в рассказе об индейском восстании 1872 г. и ответных операциях американских войск используется трансформированная ФЕ за счет расширения компонентного состава: “*A writer for the Sioux City Daily Journal on October 19, 1872, wrote that ... the soldiers recognized a worthy opponent, dubbing him “The Fighting Cock of the Sioux.” The remainder of the army's 1872 Yellowstone expedition was consumed by Colonel Stanley's return to Fort Rice*” (“The Military History”) (COCA). Добавленный компонент конкретизирует образ вождя племени сиу, которого солдаты называли ‘бойцовским петухом Сиу’, чтобы подчеркнуть его мужество и настойчивость.

Оценочный признак «поспешность» концептуализируется в массмедиийном дискурсе в ФЕ *don't count your chickens before they're hatched*. Так, в статье К. Шаус “*All I Need to Know About Investing I Learned on the Farm*,” посредством употребления данной ФЕ негативно оценивается стремление людей получать быструю выгоду, не заботясь о последствиях: “***Don't count your chickens before they hatch. Many stocks made significant returns in the years prior to the market's decline. Investors thought of those increases as permanent money in their pockets. However, the return on an investment can and will go up and down, until the money is withdrawn. Keep in mind that shopping on sale or buying low works in the stock market as well as at grocery and department stores***” (“The Saturday Evening Post”) (COCA). В отрывке цитируется ФЕ *don't count your chickens before they hatch* в измененной форме, в придаточном предложении сказуемое употребляется в действительном залоге вместо залога страдательного, что не мешает восприятию данной единицы. Ситуативная составляющая ФЕ, в которой задействованы сельскохозяйственные реалии, коррелирует с названием статьи, в котором упоминается ферма.

Рассматриваемая ФЕ в усеченной форме употребляется в интервью 1996 г. с избирателем: “*In the 50 odd years that I have been voting, I have never been “polled” by the media nor do I know of anyone who has been. To use an overworked euphemism: “Don't count your chickens” based on a poll unless you are sure it isn't rigged to get a predetermined result*” (“The Denver Post”) (COCA). Узнаваемый фрагмент ФЕ приводится в речи героя интервью, который скептически относится к опросам, проводимым после выборов до объявления результатов. ‘Цыплят по осени считают’ – заявляет он.

Также данная ФЕ встречается в интервью на телеканале “Fox” в 2006 г.: HANNITY: “*All right ... Appreciate it, Maryanne, don't count your chickens before they hatch on those Senate seats. Hang in there. It's not going to happen. I promise you. All right*” (COCA), в котором аналитик, используя слегка видоизмененную ФЕ, просит журналистов воздержаться от слишком поспешных и неоправданных прогнозов в отношении сенатского голосования.

Концепты «петух» и «курица» используются авторами публицистических текстов в составе ряда ФЕ. Ряд авторов допускают неполное цитирование ФЕ как для описания материнской заботы (*as busy as a hen with her chicken*) так и для порицания поспешности (*don't count your chickens before they're hatched*). Данные ФЕ распознаются адресатом и в редуцированном виде.

4.1.2.9. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «БЫК» и «КОРОВА», в массмедиийных текстах

Анализ дискурсной реализации ФЕ с концептами «бык» и «корова» показал, что в массмедиийных текстах активно представлены ФЕ, реализующие оценочные признаки «сила», «решительность», «неуклюжесть», «обусловленность».

Зоонимический концепт «бык», воплощаясь в ряде ФЕ в англоязычной публицистике, является символом силы и моци. Образная модель «бык силен» трансформируется в базовую модель «человек может быть сильным подобно быку», что объективируется в рамках компаративных ФЕ *as strong as a bull, as strong as an ox*. В фрагменте статьи М. Столлак и Л. Александра за 1998 г. используется данная ФЕ “*Research reveals that parents and teachers begin using similes (for example, “slow as a turtle,” “clever as a fox,” and “as strong as an ox”)* early in their children's preschool development. During this period, there is also a tendency toward teaching via highly imaginative metaphors, such as those in Aesop's fables and the Grimm Brothers' fairy tales – literature often used to teach lessons in morality” (“The Music Educators Journal”) (COCA).

Компаративные ФЕ по модели «as X as a Y», в том числе упомянутая ФЕ *as strong as an ox*, используются в детской педагогике для оценки деятельности учеников. Данная модель ФЕ с другим смысловым наполнением *as strong as a bull moose* используется в статье Дж. Грин菲尔да «Теория здорового президента» за 2004 г., которая описывает избирательную компанию президента Т. Рузельта: “*Theodore Roosevelt proclaimed, during his 1912 attempt to retake the White House, “I*

am as strong as a bull moose!" (COCA). Сначала данная ФЕ используется для передачи речевой самохарактеристики самого Рузвельта, который называл себя 'сильным как лось': на президентских выборах 1912 г. Рузвельт ставил себе в заслугу свое отменное здоровье и героическое прошлое. Затем, развивая этот образ, группа поддержки Т. Рузвельта, организованная в 1911 г., назвала себя *Bull Moose Party* – партия 'сохатого'. Американская ФЕ несколько меняет свою образность при сохранении своего оценочного модуса. Таким образом, мы имеем дело с расширением компонентного состава ФЕ, популяризированной президентом.

ФЕ *bull in a china shop* концептуализирует оценочный признак «неуклюжесть». Его образная модель «бык силен, но неуклюж, он может разрушить хрупкие вещи» реализует базовую модель «человек может быть неуклюжим подобно быку».

В рецензии на кинофильм «Детсадовский полицейский» с помощью данной ФЕ характеризуется герой Шварценеггера, который чувствует себя неловко в непривычном ему окружении “*Arnold Schwarzenegger flexing his bulging biceps in a kindergarten classroom easily conjures up the image of the proverbial bull in a china shop. Schwarzenegger, however, will not be making a shambles of the five-year-olds' schoolroom; rather, the five-year-olds will be making a shambles of him*proverbial – ‘общезвестный, вошедший в пословицу’.

Оценочный потенциал данной ФЕ эксплуатируется и в следующем отрывке из статьи ‘*Green Guerilla*’: “*We've played an ecological role of a bull in a china shop ... human beings play the role of a disease right now. We are very damaging*” (“The Washington Post”) (COCA). Рассматриваемая ФЕ используется здесь как символ неловкости в обобщающем смысле, применительно к экологическим проблемам человечества в целом. Имеется в виду, что человек уничтожает собственный дом, бездумно и безответственно сокрушая все вокруг подобно разъяренному быку.

Данная ФЕ может употребляться с целью характеристики некомпетентности. Так, статья 2010 г. обращает внимание читателей на непростое положение в Афганистане: “*Other critics have called for replacing Richard Holbrooke, White House envoy to Afghanistan and Pakistan, variously referred to as “a bull in a china shop” or a “blowtorch”*” (“The Christian Science Monitor”) (COCA), критикуя некомпетентного

дипломата, который не смог выполнить задачу, называя его быком в посудной лавке и «паяльной лампой».

Другая ФЕ *to take the bull by the horns* репрезентирует оценочный признак «решительность». В статье К. Эйси “The excitable ways of the A’s” за 2000 г. даная ФЕ употребляется в полемическом контексте: “*It is finding a way to survive until September,” Angels right fielder Tim Salmon says. “Everyone in the division wishes they could be the team to take the bull by the horns and run with it, but it never seems to happen that way*” (“The Sporting News”) (СОСА). Знатоки американского футбола понимают, что не всегда напор приносит успех, что отражено в образном отталкивании от ФЕ ‘не всегда можно взять быка за рога’, ‘не всегда команда знает, как взять быка за рога’.

Данная ФЕ в трансформированном виде употребляется и в деловом контексте: “*TRW will sell businesses worth \$400 million to \$500 million; cut capital spending by more than \$100 million next year (about 16 percent) and lay off 2,500 employees. The company will take a \$250 million after-tax charge in the current quarter. “It’s grabbing the bull by the horns*” (СОСА). Здесь вместо глагола *to take* – ‘брать’ используется его экспрессивный эквивалент *to grab* – ‘схватить, ухватиться’. Данная трансформированная ФЕ имплицирует, что в мире бизнеса нельзя без риска.

Также в массмедиийном дискурсе используется ФЕ на основе концепта «корова». Например, ФЕ *milch cow*. Данная ФЕ отражает базовую модель «человек может быть источником благосостояния других» через модель образную «корова – это источник молока/блага» модели. Так, в середине XX века на страницах англоязычных просоветских газет можно было увидеть такие строки: “*Mighty capitalist monopolies are sure that the State will always be useful to them for the repression of the workers and as a milch cow*” (ЕРД). В этом отрывке использование данной ФЕ имплицирует негативное ценностно маркированное представление о том, что ряд монополий пытались использовать в своих интересах не только рабочих, но и государство.

ФЕ *why buy a cow if the milk is cheap?* 1659 (WDP), объективирует оценочный признак «обусловленность», она употребляется в следующем публицистическом контексте: “*Sha said she thought people who wanted to live together ‘ought to get married’ ... Trudy said ‘I want it to go on and on... why buy a cow if the milk is cheap?’*” (ODP). В данном контексте дается негативная оценка предложению

браха. Девушка хочет сохранить свою свободу, поскольку брак для нее – не только формальность, но и бремя.

Когнитивно связанные концепты «корова» и «бык» представлены в ряде статей как элементы ФЕ. Данные концепты предстают на страницах прессы как амбивалентные сущности. Они объективируют указанные выше оценочные признаки. Рассмотренные авторы либо цитируют ФЕ с исследуемыми концептами дословно, либо прибегают к незначительным изменениям, чаще всего грамматического характера, что связано с логикой построения фразы, а не с желанием трансформировать ФЕ.

4.1.2.10. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «РЫБА» в массмедиийных текстах

Особенности дискурсивного варьирования ФЕ на базе прототипического концепта «рыба» свидетельствуют о том, что в массмедиийных текстах отражены ФЕ, реализующие прежде всего такие оценочные признаки, как «беспомощность», «невыразительность», «агрессия», «бесчувственность», «порочность», «непорядочность».

Наиболее частотным в массмедиийных текстах является ФЕ *like a fish out of water*, которая используется для негативной оценки человека или людей, попавших в ситуацию, в которой они проявляют беспомощность. Так, в колонке главного редактора издания “The San Francisco Chronicle” выходит статья, в которой дается оценка политического деятеля: “*Bush is at it again like a fish out of water, flip-flop, flip-flop. He loves to be the man at the top, leading the world (God only knows where?) in foreign affairs and believing his own press (a dangerous egocentric pastime)*” (COCA). Данная статья критикует президента США Дж. Буша младшего, одной из слабых сторон которого было поверхностное знание международной политики. Буш в ней беспомощен, он ‘как рыба без воды’.

В статье “*Star athletes like fish out of water on Tahoe golf course*” за 2007 г. данная ФЕ обыгрывается и в заголовке, и в самом тексте: “*But like Marcus Allen, John Elway and Charles Barkley, he understands when some of the best athletes ever try to explain what it's like to be a fish out of water on the 7,445-yard, Par 72 golf course with a national television audience watching*” (“The Associated Press”) (COCA). В данном отрывке указывается на проблемы, которые испытывают спортсмены-гольфисты, играя перед камерой. Они сопоставляются с рыбой, без воды.

В статье “*Circles of sisterhood*” за 1994 г. рассматриваемая ФЕ используется для описания ситуации социального характера, когда человек ощущает себя беспомощным: “*I’m a single Black female, and I’m all alone here,” says Yolanda Harris, 25, who is in graduate school at the University of Montana, one of 44 Black students out of a total student body of more than 10,000.*” *You feel isolated, like a fish out of water*” (“The Essence”) (COCA). Здесь данная ФЕ используется для характеристики состояния афроамериканской девушки, которая чувствует себя одинокой в маленьком городке.

В массмедийных текстах часто используется еще одна ФЕ *neither fish nor fowl*, ее признак – «невыразительность». Интересно отметить контекст, зафиксированный в рамках телешоу на канале ABC в 1992 году: *The changes that have developed in the last few years- not just this year, but other candidates, using David Frost, for example – a kind of strange program, neither fish nor fowl, neither journalism nor entertainment, I guess – these changes this year and in recent campaigns are nothing like the radical changes that occurred* (COCA).

В данном случае мы видим инкорпорирование ФЕ в предложении, построенном на основании параллелизма грамматической структуры *neither ... nor*. Участник программы обвиняет коллег по цеху в запуске неудачного шоу, которое не принадлежат ни к сфере журналистики, ни к сфере развлечений.

Данная ФЕ используется и в статье “*Post-president for life*” за 2003 г. для политической характеристики: “*On the subject of Iraq, Clinton said, he was “neither fish nor fowl,” by which he meant that he was more alarmed about Saddam Hussein’s menace than most doves but more concerned about the side effects of unilateral action than most hawks*” (“The Atlantic Monthly”) (COCA). В ней Б. Клинтон дает интервью, в котором занимает промежуточную позицию в отношении С. Хусейна: он не поддерживает ни сторонников войны, ‘ястребов’, ни сторонников мира, ‘голубей’. Такая нерешительная позиция экс-президента обусловила его негативно-оценочную характеристику посредством использования данной ФЕ (русская ФЕ – ‘ни рыба, ни мясо’) со стороны журналиста.

В статье «Эпитафия на Бриджстоун» используется другая ФЕ: *big fish eat little fish*. Она концептуализирует признак «агрессивность» и используется при описании конкуренции в бизнесе: *There are still a lot of small bike companies, of course, but I’m not sure how much velodiversity there will be in the future. Big fish eat little fish.* (“Riding a bicycle”) (COCA). Здесь ФЕ используется как средство

концептуализации ценностно маркированного отношения к победителям в жестокой конкурентной борьбе – для их оправдания.

Интересно отметить контекст, в котором ФЕ используется в буквальном смысле, при описании морских экосистем в статье “A Fish Story”: “*Marine mammals eat big fish, big fish eat little fish, little fish filter particles like zooplankton and phytoplankton out of the water and convert plankton into a usable form of energy for big fish so they'll be able to swim around and find little fish to eat*” (“The Washington Monthly”) (COCA). В данном контексте используется прием деметафоризации, узнаваемая единица описывает не людей, а рыб.

В статье о Сараево от 1992 г. используется ФЕ *fish in troubled waters*. Ее оценочный признак – «непорядочность», он представлен в базовой модели: «извлекать выгоду из ситуации неопределенности и хаоса»: “*Among those who may fish in troubled waters in the years ahead will be former communist party members. About a quarter of the region's present adult population belonged to a communist party at some time since 1945*” (“The Foreign Affairs”) (COCA). ФЕ *fish in troubled waters* используется для выражения негативно-оценочного отношения авторов к экс-коммунистам, которые пытаются «ловить рыбу в мутной воде», т.е. извлечь выгоду из ситуации, сложившейся на территории бывшей соцстраны.

Отрицательная оценка по отношению к безэмоциональным, закрытым людям выражается при помощи ФЕ *cold fish*. Ее оценочный признак – «бесчувственность». В статье 2013 г. данная ФЕ употребляется для негативно-оценочной характеристики необщительного человека: *Jon Holmes, a contemporary at Leeds University who is now a sports agent, recalls him as “a cold fish”*; *he never, ever, seemed to go out in a group for a drink or a meal or anything* (“The New Statesman”) (COCA). В англосаксонской культуре паб – это не только место, где потребляются спиртные напитки, но и место для общения, своего рода клуб. Посещать паб и не общаться – такая линия поведения вызывает у автора статьи явное неодобрение. Для придания экспрессивности оценке автор прибегает к расширению компонентного состава ФЕ за счет дополнительного элемента, наречия *very*.

В журнале “Redbook” дается совет, как пациенту вести себя перед операцией, как оценивать действия врачей: “*Forget the doctor who is “a cold fish”, but a good surgeon. If she is brusque with you, she is probably brusque with her colleagues. Her inability to communicate well could lead to serious medical errors*

(COCA). Автор дает отрицательную оценку хирургу, который ведет себя отстраненно, не интересуется пациентом, «холоден как рыба».

Восходящая к античности ФЕ *the fish always stinks from the head downwards* встречается на страницах прессы, где актуализирует оценочный признак «порочность».

Англичане посредством данной ФЕ критикуют политиков: “*The fish*”, as the saying goes, “*always stinks from the head downwards*”. Last Sunday we deplored Mr. Michael Foot’s liking for the street politics of marches and demos. Since then a hundred Labour MPs ... have followed their leader’s example” (ODP). Так в статье из газеты “The Sunday Telegraph” за 1981 г. критикуются действия лейбористов.

Нужно отметить, что данную ФЕ используют для описания ряда ситуаций и за рубежом: “*Cardinal Law has to go. The Vatican has to speak up. This fish, as they say, rots from the head*” (ODP). Газета “*Washington Times*” в 2002 г. подвергает резкой критике Ватикан. Автор использует анафору для усиления экспрессивного эффекта. Сама единица приведена неточно: допущено изменение компонентного состава, заменен глагол, что, однако, не меняет по сути описываемую ситуацию.

Культурный потенциал ФЕ, построенных с привлечением концепта «рыба», активно используется авторами публицистических текстов для объективации отрицательных смыслов. Большинство рассмотренных ФЕ цитируются дословно. Они достаточно экспрессивны, чтобы вызвать у читателей нужный автору эффект без дополнительных трансформаций. Единица *the fish always stinks from the head downwards* допускает незначительные колебания состава, основанные на использовании стилистически маркированных синонимов.

4.1.2.11. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «ПТИЦА» в массмедиийных текстах

Анализ дискурсной реализации ФЕ, в которых объективирован концепт «птица», показал, что в массмедиийных текстах наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «умеренность», «солидарность», «трудолюбие».

Одной из наиболее распространенных ФЕ на основе концепта «птица» является компаративно-оценочная ФЕ *a bird in the hand is worth two in the bush*. Признак «умеренность» отражает образную модель «пойманная дичь лучше той, которая на свободе», ее базовым эквивалентом служит модель «лучше меньше, да

лучше». Так, в статье “Growth economics vs. Macroeconomics” за 1991 г. данная ФЕ используется для характеристики проблем в сфере бизнеса: “*A bird in the hand is worth two in the bush,*” *expresses the distinction between dividends and capital gains that eludes the mathematical models*” (“The Public Interest”) (COCA). Финансисты ценят умеренность, надежный доход, они не склонны идти на неоправданные риски. Подобная политика оценивается посредством задействования данной ФЕ. Так, в отрывке из статьи “Happy in love?” данная ФЕ используется в усеченном виде: “*Love and marriage may be one of the few life situations in which the “bird in the hand” maxim only tenuously applies*” (“The Essence”) (COCA). Усечение ФЕ помогает задействовать ее культурный потенциал и усилить экспрессию. ФЕ используется для характеристики типовых бытовых ситуаций в сфере любви и брака, концептуализируя представление о том, что нужно стремиться быть умеренным и ценить то, что имеешь.

В статье У. Кэрригана “Anatomy of promise” посредством ввода в дискурс ФЕ *the bird in the hand* иллюстрируется проблема человеческих взаимоотношений: “*Proverbial wisdom tells us that the present, the bird in the hand, is what really counts. Some of the proverbs about promising current in Shakespeare’s day included “One acre of possession is worth a whole land of promise,” “All is not paid that is promised,” “Great promise, small performance,” “He promises like a merchant and pays like a man of war,” “He that promises too much means nothing”, “He promises mountains and performs molehills” ...*” (“The Raritan”) (COCA). Автор указывает, что общество всегда ценило верность долгу, умение и желание сдержать данное слово, свидетельством чего может служить множество пословиц. Так, англичане говорят о том, что ‘акр того, что имеешь, стоит поместья обещаний’, ‘не все то выплачивается, что обещается’, ‘много слов, мало дел’, ‘он обещает, как купец, а платит как солдат’, ‘ тот, кто много обещает, не собирается выполнять свои обещания’, ‘обещает горы, а делает кротовины’. Последняя единица восходит к высказыванию *do not make a mountain out of a molehill*, которое концептуализирует представление о том, что надо реально оценивать ситуацию и не преувеличивать отрицательные тенденции.

ФЕ *a bird in the hand* используется в качестве имени собственного – названия издания, в примере, приводимом ниже, – названия кулинарной книги: “*From “A Bird in the Hand: Chicken recipes for every day and every mood” by Diana Henry*” (COCA).

Еще одной известной ФЕ, которая часто встречается на страницах американской прессы, является ФЕ *birds of a feather flock together*, она отражает оценочный признак «солидарность». Так, в статье Д. Вурмзера 1994 года “Charting a course between realpolitik and ideology” данная ФЕ используется для выражения оценки автором политических проблем: “*Baathists share values but kill each other. Sometimes, birds of a feather don't flock together, but murder each other. So the ideas informing other regimes have some effect on determining whether U.S. policy toward it will be conflictual*” (“The Perspectives on Political Science”) (COCA). Автор озвучивает отрицательное отношение к деятелям партии БААС, которые, как ‘птицы, которые имеют схожее оперение, сбиваются в одну стаю’, но при этом убивают друг друга. Отрицание меняет значение ФЕ. Автор использует принцип «хорошо то, что эффективно», который не соответствует этическому принципу верховенства моральных ценностей.

В статье Дж. Хэррис “*Why children turn out the way they do*” посредством рассматриваемой ФЕ дается ответ на вопрос, вынесенный в заголовок: “*People generally live in places where they share a lifestyle and a set of values with their neighbors; this is due both to mutual influence and, especially in cities, to birds of a feather flocking together. Children grow up with other children who are the offspring of their parents' friends and neighbors*” (“The Rich Saturday Evening Post”) (COCA). Образ исконной ФЕ *birds of a feather flocking together* имплицирует представление о важности влияния на растущего человека фактора социальной среды, своей ‘стай’.

ФЕ *an early bird catches the worm* концептуализирует оценочный признак «трудолюбие», она используется в массмедиийном дискурсе, чаще всего в усеченном виде – *an early bird*. К. Кьюсак в статье по вопросу здоровья пишет: *Cut the frustration and wasted time with these insider's secrets: Be an early bird. Book your appointments for first thing in the morning or right after lunch to ensure that you are not stuck in the waiting room while previous patients' appointments run long* (“The Redbook”) (COCA). Родителям, которые хотят добиться приема у врача, нужно вставать пораньше – быть ‘ранней пташкой’.

В педагогическом журнале за 2002 г. предлагается статья Д. Салливан, в которой даются советы родителям, как лучше всего подготовить ребенка к школе: “*Other ways to make the transition to school go more smoothly. Be an Early Bird. ... So until your child feels comfortable, get there a few minutes early if you can*” (COCA). ФЕ *an early bird catches the worm* (ERPD) иллюстрирует мысль о том, что детям

следует приходить в школу пораньше. Императивная модель усеченной ФЕ *Be an Early Bird* в афористической форме являются советом, который автор дает родителям.

Президент США Ф. Рузвельт в юмористических целях использует аллюзию на традиционную ФЕ *an early bird catches the worm* и задействует оценочный признак «трудолюбие»: *“I think we consider too much of good luck of the early bird, and not enough the bad luck of the early worm”* (WDQ). Здесь задействуется оценочный потенциал ФЕ, которая содержит положительно-оценочное представление о том, что хорошо иметь привычку рано вставать и трудиться, как ранняя птица, что добывает червя. Рузвельт переосмысливает ФЕ, перенося логический акцент с субъекта фразы на объект, с удачи одного на неудачу другого с помощью парадоксального образа «раннего червя», который становится жертвой ‘ранней птички’. Усиление оценочно-экспрессивного эффекта достигается за счет приема хиазма.

Концепт «птица» употребляется в различных ФЕ, встречающихся в публицистическом дискурсе. Публицисты употребляют описываемые ФЕ не только в готовом, но и переосмыщенном виде, для решения задачи экспрессивно-оценочного изображения людей и ситуаций. Так, для ФЕ *an early bird catches the worm* авторы применяют переосмысление, включение в фигуру речи; для ФЕ *birds of a feather flock together* – смену оценки путем использования отрицания.

4.1.2.12. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих фитонимические концепты, в массмедийных текстах

Концепты, репрезентирующие растительный мир, в английской лингвокультуре обладают повышенной культурной значимостью. Анализ дискурсной реализации ФЕ, в которых объективированы фитонимические концепты, показал, что в массмедийных текстах наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «алчность», «разочарование», «несовершенство», «согласие в семье».

Так, ФЕ *the grass is always greener on the other side of the fence* концептуализирует оценочный признак «алчность», что отражено в массмедийных текстах. Так, в отрывке из статьи из газеты за 2001 г. обыгрывается ложная этимология данной фразы: *“They push their heads through fences and get stuck (*the grass on the other side really is greener: sheep invented the axiom*)”* (“The Spectator”)

(ODP) – когда повествование организуется с точки зрения овечек. Образная система отрывка воспроизводит фабулу ФЕ: овечка считает, что трава зеленее на участке соседа, и, пытаясь пробраться туда, застревает в заборе. Автор иронично заявляет, что данную ФЕ придумали овцы. Для представленной автором версии ФЕ характерно наличие усилительного элемента, свойственного устной речи – наречие *really*, значение которого приближается к значению междометных элементов, а также синтаксическая перестройка предложения, причем изменение порядка слов направлено на достижение желаемого экспрессивного эффекта.

В ряде публицистических контекстов наблюдается усечение данной ФЕ. Редукции подвержен последний элемент *the fence* вместе с предлогом, выполняющим функции падежного управления. Так, в 2000 г. выходит статья, в которой иранцы сравнивают свою жизнь дома и в США: “*There are a lot of misconceptions among Iranians in the US,*” *he says.* ... *Every engineer in our office is waiting in those visa lines, because the grass is always greener on the other side*” (“The Christian Science Monitor”) (COCA). Позиция иранцев, которые едут в Америку за лучшей жизнью, выражена усеченной ФЕ *because the grass is always greener on the other side.*

Еще один пример видоизменения указанной ФЕ видим в статье А. Утчелл “*Before and after: a Deli lives on*”, вышедшей в 1999 г.: “*Mr. Lebewohl chimed in. They are all jealous, actually,*” *he said.* “*Many lawyers think the grass is always greener somewhere else. But I still have a hand in. I have an office upstairs*” (“The New York Times”) (COCA). Повествование осуществляется от лица адвоката, который посредством ФЕ указывает на отличительную черту своих коллег – жадность, стремление найти лучшие условия работы. Использование вместо конкретного *the fence* обобщающего местоименного показателя *somewhere else* (‘где-нибудь еще’) указывает на генерализованный характер данной ситуации.

В статье “*The politics of bolting*” видим пример изменения компонентного состава ФЕ *the grass is always greener on the other side of the fence*: “*There are few bolts out of the blue... It is not coincidental that the Senate’s leading filibusterers – Strom Thurmond, Wayne Morse, and Robert La Follette – broke with their party. Some bolters are perennial quitters of associations or believers that the grass is always greener elsewhere*” (“The USA Today”) (COCA). Декомпозиция данной ФЕ здесь связана с тем, что образный элемент заменяется обобщающим наречием. Заголовок статьи указывает на непростую ситуацию внутри ведущих американских партий, это

борьба за выживание. Заметные деятели партии называются «флибустьерами». Они преследуют лишь свои интересы. Данная ФЕ дает негативно-оценочную характеристику этой политике, используя трансформированную ФЕ, репрезентирующую образное представление «везде трава зеленее».

Данная ФЕ может использоваться в контексте дефразеологизации, как например, в статье, где описываются вопросы загрязнения окружающей среды, связанные с современной практикой выращивания и ухода за газонной травой: *“Think the grass is always greener on the other side? Well, it just may be.... All that watering and mowing can lead to pollution and excess use of fossil fuels, not to mention the chemicals involved with fertilizing”* (“The People”) (COCA). В таких случаях обыгрывается сопряжение фразеологического значения и буквального смысла.

ФЕ *life is not all roses* отражает оценочный признак «разочарование». Она используется, например, в интервью актрисы: *“I’ve suffered, everybody has suffered. I believe that life is not all roses and chocolates and sunsets. Part of life is death...”* (“The USA Today”) (COCA). Актриса рассуждает о своих переживаниях на сцене и в жизни, признает несовершенство мира, невозможность прожить без печалей, используя ФЕ: *life is not all roses*. При этом допускается расширение компонентного состава данной единицы и добавление однородных членов в ряд отрицания. В качестве символов веселой и беззаботной жизни выбирается шоколад как образ гастрономического кода и закаты как образ природы (‘жизнь еще и не шоколад, и не закаты’).

ФЕ *as the twig bent, so, so grows the tree* призвана описать оценочный признак «согласие в семье». В английской культурной традиции эта ФЕ часто используется для иллюстрации педагогических идей, как это имеет место в статье за 1996 г.: *“Older, bigger children defend their privileges, while younger kids try to subvert the status quo, as the twig bent, so grows the tree”* (“The National Review”) (ODP). Данная ФЕ характеризует влияние педагогических факторов на развитие личности. Идея роста деревьев и развития личности создают метафорическую связь.

ФЕ *the apple never falls far from the tree* отражает оценочный признак «несовершенство». Она также используется в массмедиийном дискурсе. Так, например, издание “Women’s Journal” за 1981 г. приводит разговор двух подруг: *“He is a Fool, Muffie, as his father was. The apple never falls far from the tree”* (ODP). В данном отрывке с сожалением констатируется низкий уровень когнитивных

способностей ребенка, что объясняется наследственностью. Эта причинно-следственная связь описывает ФЕ *apple never falls far from the tree*.

Та же ФЕ использована в статье из газеты “Washington Post” за 2001 г.: “*the social worker has summed up the child’s future. Do not expect to do miracles. An apple can’t fall too far from the tree*” (ODP). Посредством использования данной ФЕ социальный работник констатирует воздействие наследственности на развитие одного ребенка.

Английская картина мира находит место фитологическим концептам как важным элементам ФЕ. Их потенциал активно задействуется в публицистическом дискурсе для решения задачи оценочного изображения лиц и ситуаций. Незначительной структурной перестройке при употреблении ФЕ подвержены такие единицы, как *the apple never falls far from the tree, as the twig bent, so, grows the tree*.

4.2. Сопоставительный анализ английских фразеологизмов, репрезентирующих реалии природной среды, в художественном и в массмедиийном дискурсе

В данном разделе приводятся результаты сопоставительного анализа дискурсивного варьирования ФЕ, репрезентирующих реалии природной среды (животный и растительный мир), в художественных и публицистических текстах в аспекте реализации оценочных признаков данных ФЕ, выявленных на предыдущем этапе анализа. Исследование показало релевантность зафиксированных ранее оценочных признаков для функционирования ФЕ данной тематической группы в речи, а также позволило обнаружить ряд новых явлений, обусловленных спецификой функционирования единиц фразеологии в пространстве дискурса художественного или публицистического типа.

Анализ ФЕ, репрезентирующих реалии природной среды (животный и растительный мир), на материале текстов англоязычной художественной литературы показал, что, вводя в дискурс ФЕ как в аутентичном, так и в преобразованном виде, авторы приспособливают ценностный компонент ФЕ к своим художественным задачам, эксплуатируя культурную нагрузку ФЕ в сознании носителей языка для изображения окружающей обстановки, внешнего вида и характера персонажа, для выражения своих идей о жизни и об искусстве.

На уровне концептуального содержания обнаружены такие тенденции дискурсной реализации ФЕ в художественном тексте, как переосмысление исходной ФЕ в соответствии с художественными задачами, обогащение ее содержания новыми, актуальными для авторов смыслами, полемическое

отталкивание от стандартных принципов ее восприятия в культуре и изменение знака оценочности в рамках взаимопереходов от мелиоративной к пейоративной оценке, нейтрализации негативного и / или позитивного оценочного потенциала.

На уровне образной структуры и компонентного состава значимыми являются такие тенденции, как дефразеологизация и деметафоризация образа, положенного в основу фразеономинации, использование ложной этимологии, контаминация ФЕ, усечение компонента ФЕ, замена компонента, добавление компонента, преобразование грамматической структуры ФЕ (изменение типа синтаксической конструкции, морфологических свойств компонентов, номинализация предикативной единицы и т.д.).

Когнитивно-дискурсивный анализ особенностей речевой реализации ФЕ на основе прототипических концептов, репрезентирующих реалии животного и растительного мира, показал, что в художественной литературе активно представлены ФЕ, реализующие следующие оценочные признаки.

Концепт «кошка». В дискурсной реализации ФЕ, объективирующих прототипический концепт «кошка» в художественных текстах, наиболее активно представлены такие пейоративные оценочные признаки, как «коварство»: *to play cat and mouse*, «неосмотрительность»: *curiosity killed the cat* и «нервозность»: *like a cat on hot bricks*. Отмечены следующие новые явления в языковой объективации этих признаков в дискурсной реализации английских ФЕ в художественных текстах, в сравнении с их функционированием в фразеосистеме английского языка по данным словарей. Расширение компонентного состава (*play with men's souls as a cat with a mouse*), переосмысление (*like a mouse in the clutches of a cat*), замена компонентов на синонимичные (*cat on a hot tin roof*) с целью создания экспрессивного эффекта.

Для ФЕ, объективирующих прототипический концепт «собака» в художественных текстах, отметим активность таких мелиоративных оценочных признаков, как «опыт»: *an old dog* и удача: *every dog has his day*. Оценочный признак «жалость» объективирован в ФЕ в художественном дискурсе в трансформированной форме: *like a beaten dog*. В текстах художественной литературы отмечено усечение ФЕ *every dog has his day, like a beaten dog*; а также расширение компонентного состава единицы до *old seadog*, что связано с тематикой исследуемого произведения.

Концепт «лошадь» как представитель зоонимической сферы прототипических концептов реализует в произведениях англоязычной художественной литературы посредством ФЕ, в которых он задействован, только пейоративные оценочные признаки. Это «упрямство»: *you can take the horse into the water but you can't make him drink it*, голод: *eat like a horse*, «поспешность»: *do not place a cart before the horse, it is not best to swap horses when crossing streams*, «медлительность»: *it is too late to shut a stable door after the horse is stolen, while the grass grows the steed starves*.

Примечательно, что ряд признаков репрезентируется несколькими ФЕ, что доказывает их релевантный характер для англоязычной картины мира.

В ряде случаев наблюдается изменение стандартного контекста употребления ФЕ *the horse is drawn by the cart, it is not best to swap horses when crossing streams*. В первом случае это вызвано необходимостью следования правилам стихосложения, во втором – оригинальным авторским подходом, идиостилем автора.

Концепт «лев». Лев как представитель прототипических концептов в содержании ряда английских ФЕ в текстах художественной литературы отмечен подавляющим превосходством употреблений пейоративных оценочных признаков. «Смелость» представлена в ФЕ *as brave as a lion*. К числу признаков, выражаемых данным концептом, которые представлены в содержании ФЕ, относятся «трусость» (отражен в нескольких ФЕ): *it is better to have a lion in the heart of an army of sheep, than a sheep at the head of an army of lions*, «мстительность»: *hares may pull dad lions by the beard*, «опасность»: *wake not a sleeping lion*. Замена компонентного состава ФЕ *little birds may pick a dead lion, flies will tickle lions being dead* вызвана стремлением авторов к усилиению экспрессивного воздействия.

Концепт «свинья». Данный прототипический концепт представляет базу для объективации ряда пейоративных оценочных признаков, являющихся частью значения ряда ФЕ. Подобного рода признаками являются «недостойность»: *to eat like a hog*, «невозможность»: *pigs might fly though they are unlikely birds*, «обман» *do not buy a pig in a poke*. При употреблении рассматриваемых единиц отмечаются случаи переосмыслиния (*pigs have wing*) и изменения стандартного контекста употребления путем привлечения антонима (*buying or selling of pig in a poke*).

Концепты «волк» и «овца». Англоязычный дискурс художественной литературы при объективации данных контрапарных концептов характеризуется

использованием ряда ФЕ, отражающих такие пейоративные оценочные признаки, как «безынициативность»: *like sheep without a shepherd*; «двуличие»: *a wolf in a sheep's clothing*, «агрессия»: *it is hard to have wolf full and whether whole*. Встречается довольно редкий случай изменения оценочного знака при замене контрапрототипного концепта *a sheep in a sheep's clothing*.

Концепты «мыши» и «крысы» представляют в художественных текстах как положительные: «тихий нрав» (*as quiet as a mouse*), так и отрицательные: «смерть» (*to die a rat in a hole, like a drowned rat*), «глупость» (*the best laid schemes of mice and men*) оценочные признаки. При реализации задачи по увеличению экспрессивного потенциала высказывания наблюдаются случаи изменения стандартного контекста употребления ФЕ *be as creep-mouse, like a rat leaving its hiding place*.

Концепт «петух». Для данного концепта характерно выражение таких негативных оценочных признаков, как «вздорный характер» (*like a cock at a groset*) и «агрессия» (*curses like chicken come home to roost*). Положительным признаком данного концепта на страницах литературы является признак «опыт»: *as the old cock crows, so does the young*. Расширение компонентного состава наблюдается для ФЕ: *curses are like young chicken, they always come home to roost*. Это сделано с целью соблюдения стихотворного размера.

Концепты «корова» и «бык» из сферы животных, реализуются в ряде ФЕ и объективируют ряд оценочных признаков. Положительный – «решительность» (*to take the bull by the horns*) и отрицательный – «жадность» (*milk cow*).

Концепт «рыба» характеризуется значительной культурологической нагрузкой в английском языке и имеет ярко выраженный прототипический характер. При его реализации на страницах произведений художественной литературы в составе ФЕ находим как положительные, так и отрицательные оценочные признаки. К числу первых принадлежат «умеренность / неразборчивость» (*all is fish that comes to her net*), «упущенные возможности» (*there is as many fish in the sea as comes out of it*); ко вторым – «опьянение» (*drank like a fish*), «невыразительность» (*neither fish nor fowl*). Выражение *there were other fish in the sea* служит примером того, как авторы переосмысливают ФЕ, допуская изменение контекста употребления ФЕ.

Концепт «птица». Данный орнитоним как прототипический концепт для художественной литературы представляет интерес в плане того, что, в составе английских ФЕ он объективирует ряд оценочных признаков. Данный концепт как

элемент ФЕ в тексте выражает в литературе только положительные признаки: «умеренность» (*bird in hand*), «солидарность» (*birds of a feather*). *Birds of a feather, bird in hand*.

Концепт «растение». Прототипический концепт «растение», имеющий гиперонимический характер, объективирует различные оценочные признаки в случае, когда он вплетается в ткань произведений художественной литературы в составе различных английских ФЕ. Положительный признак данного концепта в отражении ФЕ, присутствующих в литературе – «согласие в семье» (*as the twig bent, the tree is inclined*). Отрицательные признаки: «несовершенство» (*the tree is known by its fruit*), (*there is no a rose without a thorn*), «разочарование» (*life is not all roses*).

Полученные результаты обобщены нами в **таблицу 4.1**. В первом столбце приводится список прототипических концептов, репрезентирующих реалии внешней, природной среды, во втором и третьем столбцах приводятся примеры ФЕ, объективирующих, соответственно, мелиоративные и пейоративные оценочные признаки (в скобках указывается признак).

Таблица 4.1.

Качественный состав оценочных признаков ФЕ в художественном дискурсе

Кон- Цепты	ФЕ, объективирующие мелиоративные оценочные признаки	ФЕ, объективирующие пейоративные оценочные признаки
Кошка		to play cat and mouse (коварство) like a cat chases a mouse (коварство) curiosity killed the cat (неосмотрительность) like a cat on hot bricks (нервозность)
Собака	old dog (опыт) like a beaten dog (жалость) every dog has his day (удача)	

	Лошадь		<p>you can take the horse into the water but you can't make him drink it <i>(упрямство)</i></p> <p>eat like a horse (голод) <i>(поспешность)</i></p> <p>do not place a cart before the horse <i>(поспешность)</i></p> <p>it is not best to swap horses when crossing streams <i>(поспешность)</i></p> <p>it is too late to shut a stable door after the horse is stolen (медлительность)</p> <p>while the grass grows the steed starves (медлительность)</p>
	Лев	Свинья	<p>as brave as a lion <i>(смелость)</i></p> <p>it is better to have a lion in the heart of an army of sheep, than a sheep at the head of an army of lions <i>(трусливость)</i></p> <p>hares may pull dad lions by the beard <i>(мстительность)</i></p> <p>wake not a sleeping lion <i>(опасность)</i></p>
	Волк и овца	Свинья	<p>to eat like a hog <i>(недостойность)</i></p> <p>pigs might fly though they are unlikely birds <i>(невозможность)</i></p> <p>do not buy a pig in a poke <i>(обман)</i></p>
	Волк и овца		<p>like sheep without a shepherd <i>(безынициативность)</i></p> <p>a wolf in a sheep's clothing <i>(двойничество)</i></p> <p>it is hard to have wolf full and whether whole <i>(агрессия)</i></p>
	Мышь и крыса	as quiet as a mouse	<p>like a drowned rat <i>(смерть)</i></p> <p>to die a rat in a hole <i>(смерть)</i></p> <p>the best laid schemes of mice and men <i>(глупость)</i></p>
	Петух и курица	as the old cock crows, so does the young	<p>like a cock at a groset <i>(вздорный характер)</i></p> <p>curses like chicken come home to roost <i>(агрессия)</i></p>
Коров а и бык		to take the bull by the horns	<p>milk cow <i>(жадность)</i></p>

Рыба		all is fish that comes to her net (умеренность/ неразборчивость) there is as many fish in the sea as comes out of it (упущенные возможности) drank like a fish (опьянение) neither fish nor fowl (невыразительность)
Птица	bird in hand (умеренность) birds of a feather (солидарность)	
Растение	as the twig bent, the tree is inclined (согласие в семье)	the tree is known by its fruit (несовершенство) there is no a rose without a thorn (совершенство) life is not all roses (разочарование)
ИТОГО:	(12) 36	(29) 87

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы об особенностях актуализации и динамике соотношения мелиоративных и пейоративных оценочных признаков в дискурсной реализации ФЕ в художественных текстах.

Количественный анализ ФЕ из текстов художественной литературы говорит о превалировании негативных оценочных признаков над позитивными.

Амбивалентными в литературе являются концепты сферы природы «лев», «мышь», «петух» и «курица», «корова» и «бык», «рыба», «птица», «растение». Только позитивные оценочные признаки в литературе выражают концепты сферы природы «собака», «птица», только негативные оценочные признаки – «кошка», «лошадь», «свинья», «волк» и «овца».

Вместе с тем следует отметить, что анализ ФЕ по словарным источникам выявил амбивалентный характер всех концептов сферы живой природы. Это говорит о стремлении авторов художественной литературы маркировать ряд зоонимических концептов. Многосторонность прецедентных феноменов реального мира отражается при помощи образов животных как наиболее близких к антропоцентрическому сознанию человека, мыслящего в рамках парадигмы наивной картины мира.

Анализ выражаемых признаков по типам оценки в данном разделе показал, что авторы художественных произведений объективируют следующие виды оценок сферы природы. **Эстетические оценки:** *невыразительность, несовершенство;* **интеллектуальные оценки:** *глупость, коварство, старость /*

опытность, бессмысленность, болтливость, умение хранить секреты; социальные оценки: жадность, обман, опасность, согласие в семье, неосмотрительность, безынициативность, солидарность, забота о детях, разочарование; эмоциональные оценки: агрессия, нервозность, жалость, удача, смелость, трусость, недостойность, тихий нрав, вздорный характер, упрямство, решительность, упущеные возможности; физиологические оценки: голод, смерть, пьянство; утилитарные оценки: умеренность, медлительность, поспешность; моральные оценки: мстительность, двуличие. Для ФЕ, репрезентирующих сферы природу в художественном дискурсе, актуальными являются **социальные, эмоциональные и интеллектуальные оценки**.

Далее, в соответствии с принятой концепцией исследования, анализировались ФЕ, репрезентирующие реалии природной среды, на материале текстов англоязычной публицистики. В целом направления прагматических, смысловых и структурных преобразований ФЕ при их вводе в массмедиийный дискурс во многом схожи с преобразованиями в дискурсе художественном. Определенные различия наблюдаются в связи со спецификой массмедиийного дискурса, со своеобразием его целей и задач. Авторы публицистических текстов откликаются на самые актуальные проблемы современности и эксплицитно выражают свою точку зрения на предмет описания.

Культурная нагрузка ФЕ, репрезентирующих реалии природной среды, активно используется авторами публицистических текстов, чтобы актуализировать оценочный потенциал ФЕ для решения задачи экспрессивного изображения героя публикации или описания значимой ситуации, или выражения своей позиции. Часто публицисты, как и авторы художественных текстов, преобразуют исходную ФЕ, чтобы добиться максимальной выразительности и создать новый образ на базе уже закрепленного в культуре. В массмедиийном дискурсе несколько иначе актуализуются общие тенденции использования оценочного потенциала указанных ФЕ, репрезентирующих реалии природной среды. С другой стороны, сами способы ввода в дискурс ФЕ, их употребления в аутентичном или преобразованном виде во многом схожи с рассмотренными выше моделями дискурсной реализации ФЕ (в том числе типами их прагматических, смысловых и структурных преобразований) в художественных текстах.

Когнитивно-дискурсивный анализ особенностей речевой реализации ФЕ на основе прототипических концептов, репрезентирующих реалии животного и

растительного мира, показал, что в массмедийном дискурсе наиболее активно представлены ФЕ, реализующие следующие оценочные признаки.

Концепт «кошка». В дискурсной реализации ФЕ, объективирующих концепт «кошка», в массмедийных текстах наиболее активно представлен такой пейоративный оценочный признак, как «живучесть» (*a cat has nine lives*), и такой мелиоративный признак, как «жадность»: (*a fat cat*). Отмечены следующие новые явления в языковой объективации этих признаков в дискурсной реализации ФЕ в массмедийных текстах, в сравнении с их функционированием в фразеосистеме английского языка по данным словарей: изменение стандартного контекста употребления ФЕ (*chase him like a cat chases a mouse*).

Концепт «собака». Для ФЕ с концептом «собака» в массмедийных текстах отметим активность таких мелиоративных оценочных признаков, как «опыт»: (*an old dog*) и «удача»: (*every dog has his day*), и такие пейоративные оценочные признаки, как «жалкость»: (*as sick as a dog*). Пейоративный оценочный признак ФЕ *an old dog will not learn new tricks* объективирован в ФЕ, которая в массмедийных текстах в ряде контекстов реализована в измененной форме. Изменение исходной модели ФЕ выразилось в переосмыслении и актуализации новых реалий, логически связанных с исходными формами, что служит цели усиления экспрессивного «заряда» ФЕ.

Концепт «лошадь». ФЕ, объективирующие данный концепт на страницах прессы, характеризуются точным, дословным употреблением.

Концепт «лев». При реализации концепта «лев» на страницах английской прессы в составе ФЕ отмечена его способность реализовывать оценочные смыслы. В ряде случаев отмечается изменение образной системы ФЕ, сопровождающееся изменением оценочного знака этого образа в контексте (*a dead lion is greater than a living leopard*).

Концепт «свинья» имеет ярко выраженный прототипический характер. Он встречается на страницах англоязычных газет и журналов в составе ФЕ, выражающих негативную оценку. Массмедийные тексты задействуют его как в случае дословного цитирования, так и в случае аллюзии (*a pig in a poke*).

Концепты «волк» и «овца» также представляет интерес в свете реализации аксиологических смыслов, в том числе, если данный концепт является частью изучаемых ФЕ. Ряд единиц (*do not set the wolf to keep the sheep*) используется в переосмыщенном виде, что не препятствует узнаванию их читателем.

Концепты «мышь» и «крыса». Негативная окраска данных зоонимических концептов ярко выражена на страницах англоязычной публицистики. Некоторые авторы допускают использование синонимичных синтаксических конструкций при сохранении исходной образности, ситуативного наполнения ФЕ и их аксиологического функционала.

Концепты «петух» и «курица» как составные части ФЕ, реализуемые в публицистике, объективируют амбивалентные оценочные смыслы. В медиатекстах зафиксирован прием неполного цитирования ряда ФЕ: *as busy as a hen with her chicken, don't count your chickens before they're hatched.*

Концепты «бык» и «корова» действуются масс-медийными авторами как элементы содержания ФЕ, причем ФЕ употребляются преимущественно в неизменном виде, изменения проявляются только в плане грамматики.

Концепт «рыба». Авторы публикаций прессы активно используют оценочный потенциал концепта в составе ряда ФЕ, причем преимущественно в неизменном виде. ФЕ *the fish always stinks from the head downwards* допускает незначительные изменения компонентного состава грамматического характера.

Концепт «птица» объективирует ряд амбивалентных оценочных признаков. Причем употребление данных ФЕ может осуществляться как путем дословного цитирования, так и различного рода трансформаций, вплоть до смены оценочного знака в ФЕ, например, в случае с ФЕ *birds of a feather flock together.*

Концепт «растение». Фитологические концепты, как предмет воплощения ФЕ в публицистике, представлены такими элементами как *grass, roses, tree*. ФЕ *the grass is always greener on, life is not all roses, as the twig bent, so, so grows the tree* устойчивы в употреблении.

Полученные результаты обобщены в **Таблицу 4.2.**

Таблица 4.2.
Качественный состав оценочных признаков ФЕ в публицистическом дискурсе

Концепты	ФЕ, объективирующие мелиоративные оценочные признаки	ФЕ, объективирующие пейоративные оценочные признаки
Копка	a cat has nine lives (живучесть)	a fat cat (жадность) as a cat plays with a mouse (коварство)

		Собака	an old dog (<i>опытность</i>) every dog has its day (<i>удача</i>)	it's not teaching an old dog new tricks (<i>опыт</i>) as sick as a dog (<i>жалость</i>)
	Лошадь		as strong as a horse (<i>сила</i>)	a dark horse (<i>относительность</i>) do not look into the mouth of a gifted horse (<i>неблагодарность</i>)
	Лев		as bold as a lion (<i>смелость</i>) a living dog is better than a dead lion (<i>жизнь</i>)	
	Свинья			do not buy a pig in a poke (<i>обман</i>)
	Волк и овца			a black sheep (<i>порочность</i>) like a sheep led to the slaughter (<i>безынициативность</i>) a sheep among wolves (<i>агрессия</i>) to keep the wolf from the door (<i>агрессия</i>)
	Мышь и крыса		as quiet as a mouse (<i>тихий нрав</i>)	as poor as a church mouse (<i>бедность</i>) rats leave a sinking ship (<i>трусость/предательство</i>)
	Петух и курица		as a chicken (<i>тихий нрав</i>) as busy as a hen with one chick (<i>забота о детях</i>)	like a fighting cock (<i>вздорный характер</i>) don't count chicken before they are hatched (<i>поспешиность</i>)
	Корова и бык		as strong as an ox (<i>сила</i>) to take the bull by the horns (<i>решительность</i>)	like a bull in a china shop (<i>неуклюжесть</i>)
Рыба				like a fish out of water (<i>беспомощность</i>) neither fish nor fowl (<i>невыразительность</i>) big fish eat little fish (<i>агрессия</i>) as cold as a fish (<i>бесчувственность</i>)
Птица			a bird in the hand (<i>умеренность</i>) birds of a feather (<i>солидарность</i>) to be an early bird (<i>трудолюбие</i>)	

Растение	as the twig bent, so, so grows the tree (согласие в семье)	the apple never falls far from the tree (несовершенство) the grass is always greener (зависть) life is not all roses (разочарование)
ИТОГО:	(15) 45	(23) 69

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов по особенностям актуализации и по динамике соотношения мелиоративных и пейоративных оценочных признаков в дискурсной реализации ФЕ в публицистических текстах. Количественный анализ указывает на значительное превосходство случаев реализации ФЕ, выражающих негативные оценочные признаки над позитивными.

Амбивалентными в публицистике являются концепты: «кошка», «собака», «лошадь», «мышь» и «крыса», «петух» и «курица», «корова» и «бык», «растение». Только позитивные оценочные признаки в публицистике выражают концепты сферы природы «лев», «птица». Только негативные оценочные признаки в публицистике выражают концепты «свинья», «рыба», «волк» и «овца».

Анализ выражаемых признаков по типам оценки в данном разделе показал, что публицисты объективируют следующие виды оценок в ФЕ, основанных на образах из сферы природы. **Эстетические оценки:** *невыразительность, несовершенство;* **интеллектуальные оценки:** *коварство / обман, старость / опытность;* **социальные оценки:** *жадность, зависть, бедность, забота о детях, солидарность, согласие в семье, трудолюбие;* **эмоциональные оценки:** *агрессия, жалость, удача, смелость, трусость, тихий нрав, вздорный характер, решительность, бесчувственность, разочарование;* **физиологические оценки:** *живучесть, сила, жизнь, неуклюжесть, беспомощность;* **утилитарные оценки:** *относительность, поспешность;* **моральные оценки:** *порочность, неблагодарность.* Таким образом, для ФЕ, репрезентирующих сферы природу в публицистике, актуальными являются **социальные, эмоциональные и физиологические оценки.**

Проведенный когнитивно-дискурсивный анализ текстовой реализации ФЕ, репрезентирующих реалии природной среды, в художественных и публицистических текстах в аспекте концептуализации оценочных признаков ФЕ, позволил верифицировать данные, полученные в ходе предыдущего этапа анализа.

Концепт «кошка»: в литературе концепт негативен, в публицистике – амбивалентен. Общий признак – «коварство». Концепт «собака»: в литературе

концепт позитивен, в публицистике данный концепт амбивалентен. Общий признак – «опыт». Концепт «лошадь»: в литературе концепт негативен, в публицистике – амбивалентен. Общих признаков не выявлено. Концепт «лев»: в литературе концепт амбивалентен, в публицистике – позитивен. Общий признак – «смелость». Концепт «свинья»: и в литературе, и в публицистике он выражает негативные оценочные признаки. Общий признак – «обман». Концепты «волк» и «овца»: данные концепты выражают негативные признаки во всех рассмотренных видах дискурса. Общие признаки – «безынициативность, агрессия». Концепты «мышь» и «крыса» амбивалентны в двух типах дискурса. Общий признак – «тихий нрав». Концепты «петух» и «курица» амбивалентны и в публицистике, и в литературе. Общий признак – «вздорный характер». Концепты «корова» и «бык» амбивалентны в двух типах дискурса. Общий признак – «решительность». Концепт «рыба»: И в литературе, и в публицистике – негативен. Общий признак – «невыразительность». Концепт «птица» мелиоративен. Общие признаки: «умеренность, солидарность». Концепт «растение» амбивалентен и в публицистике, и в литературе. Общие признаки: «согласие в семье, несовершенство, разочарование».

Как видно из таблиц (Глава 2), представляющих дистрибуцию оценочных признаков по данным словарных статей, ФЕ характеризуются большей степенью амбивалентности. Многие признаки утеряны. Анализ показал, что многие из рассмотренных концептов амбивалентны в двух типах дискурса, но при этом общих для двух типов дискурса оценочных признаков мало. Это может быть вызвано разными задачами, которые ставятся перед рассматриваемыми дискурсивными типами.

Таким образом, концепты сферы природы, объективированные в ФЕ АЯ, в рамках художественного дискурса выражают преимущественно либо амбивалентные (и положительные и отрицательные), либо только пейоративные оценочные признаки. ФЕ с исключительно мелиоративными признаками меньшинство. В публицистическом дискурсе количество амбивалентных концептов велико, причем число пейоративных признаков концептов в публицистике уменьшается. Мелиоративных концептов как для публицистики, так и для художественной литературы меньшинство. Исследование показало, что число общих для двух типов дискурса оценочных признаков, в сравнении с их совокупным количеством, сравнительно невелико. Это может быть вызвано разными задачами, которые ставятся перед данными дискурсивными жанрами.

ГЛАВА 5. Аксиологическая составляющая и когнитивных модели английских фразеологизмов, реализующих внутренний мир и социальные характеристики человека, в аспекте их дискурсивного варьирования

В главе 5 рассматривается дискурсная реализация выявленных в главе 2 ФЕ СА и НА, репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека, на материале художественных и массмедиийных текстов соответственно. В разделе 5.2 приводятся результаты сопоставительного анализа актуализации оценочных признаков в дискурсивном варьировании ФЕ.

5.1. Ценностный компонент английских фразеологизмов, репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека, в художественном и массмедиийном тексте

5.1.1. Аксиологическая динамика английских фразеологизмов, репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека, в художественном дискурсе

Англоязычная художественная литература характеризуется наличием ряда ФЕ с тематикой внутреннего мира человека для оценочного описания предметов изложения.

5.1.1.1. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «ЛЮБОВЬ» в художественных текстах

Повышенная оценочная нагрузка ФЕ, объективирующих концепт «любовь», обуславливает значительное разнообразие и частотность этих ФЕ в художественном дискурсе. В отобранных нами из корпусов английского языка текстов эти ФЕ отражают в основном такие оценочные признаки, как «безумство любви», «сила любви», «непостоянство».

Так, в трагедии У. Шекспира «Венецианский купец» ФЕ *love is blind* отражает оценочный признак «безумство любви» посредством антропоморфного представления о том, что любовь слепа, вводится в дискурс в исходном виде:

JESSICA: ...But love is blind and lovers cannot see

The pretty follies that themselves commit

Данная ФЕ употребляется для оценки ситуации, когда любовь противоречит здравому смыслу, в этом случае принято использовать образ слепой любви.

В пьесе «Два джентльмена из Вероны» ФЕ *love is blind* встречается в трансформированном виде, прослеживается аллюзия на ее концептуальное содержание: Шекспир расширяет антропоморфный образ ‘любовь слепа’:

VALENTINE: Why, lady, love hath twenty pair of eyes.

THURIO: They say that love hath not an eye at all.

VALENTINE: To see such lovers, Thurio, as yourself:

Upon a homely object love can wink.

В речи Валентина обыгрывается значение ФЕ – ‘у любви двадцать пар глаз’, тогда как его оппонент отталкивается от буквального прочтения ‘слепа, значит, не имеет глаз вообще’. В целом задействован куртуазный образ любви, представленный антропоморфной метафорой: любовь, подобно ухажеру, может подмигнуть любимому.

В комедии «Как вам это понравится» используется в трансформированном виде образ, положенный в основу ФЕ, восходящей к древнеримскому автору П. Сиру и зафиксированной еще в первой половине XVI в.: *one cannot love and be wise*. Данная ФЕ также отражает оценочный признак «безумство любви»:

*ROSALIND: Love is merely a madness, and, I tell you, deserves
as well a dark house and a whip as madmen do: and
the reason why they are not so punished and cured
is, that the lunacy is so ordinary that the whippers
are in love too. Yet I profess curing it by counsel (OTA).*

Автор усиливает заложенный в основу ФЕ образ ‘нельзя любить и быть мудрым’ посредством развернутого представления о том, что любовь – это воистину безумие, а влюбленных, подобно сумасшедшему нужно содержать взаперти и держать их в строгости. Продолжая тему описания любви как тяжелой болезни, безумия, Шекспир предлагает и рецепт спасения от такого «недуга». ФЕ *Love is merely a madness* в речи Розалинды, обращенной к Орландо, обыгрывается в тексте пьесы: “*I drove my suitor from his mad humour of love to a living humour of madness;*” посредством фигуры хиазма возникает сближение антитетических образов *mad humour of love* и *living humour of madness* (‘безумный юмор любви и жизнеутверждающий юмор безумия’).

Автор XVIII века Чемфорт эксплуатирует оценочный потенциал ФЕ *love and knowledge live not together* через признак ‘безумство любви’, не сохраняя аутентичную форму: “*in love, everything is true, everything is false; and it is the one*

subject on which one cannot express an absurdity” (ОВА). Автор обогащает исходный образ, рассматривая любовь как нечто иррациональное, стирающее грани истины и лжи.

О. Голдсмит опирается на ФЕ *love and lordship like no fellowship*. Концепт «любовь» в содержании ФЕ описывает оценочный признак «сила любви». Ее базовая модель: «любовь – великая сила, она преодолевает все преграды». Голдсмит существенно переосмысляет исходное содержание ФЕ, по аналогии с любовью он рассуждает о дружбе: “*Friendship is disinterested commerce between equals; love, an abject intercourse between tyrants and slaves*” (“The Good-Natured Man”) (ОВА), описывая дружбу в экономических терминах («незаинтересованное коммерческое партнерство»). Дружба – удел равных, тогда как любовь – это неравноправные отношения, отношения раба и господина, «тирана», основанные на принципах подчинения одного и доминирования другого.

ФЕ *out of sight, out of mind* трансформируется в произведении 1938 г. писателя Э. Боуэн как: “*the heart may think it knows better: the senses know that absence blots people out*” (“The death of the heart”) (ОВА). Автор, отталкиваясь от оценочного потенциала, заложенного в данной ФЕ, антиномически переосмысляет исходную ФЕ, меняя «минус» на «плюс»: чувства можно поддерживать, если только любящие сердца остаются вместе.

Также полемическое отталкивание от ценностно маркированного представления, отраженного в ФЕ, имеется в работе Т. Фуллера (середина XVIII века) “*absence sharpens love, presence strengthens it*” (ОВА), где строится противоположный по своим основаниям образ: любовь усиливает как отсутствие, так и присутствие любимого человека.

Концепт «любовь» обладает богатым культурным потенциалом, он раскрывает ряд важных оценочных ситуаций в рамках ряда английских ФЕ. Авторы допускают переосмысление таких ФЕ, как *love is blind, one cannot love and be wise, love and knowledge live not together, love and lordship like no fellowship, out of sight, out of mind* для достижения необходимого эффекта при описании концепта «любовь». Авторы в данном случае с одной стороны опираются на хорошо известные ФЕ, эксплуатируют их экспрессивно-эмоциональный потенциал, но при этом избегают быть тривиальными.

5.1.1.2. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «СМЕРТЬ» в художественных текстах

ФЕ, объективирующие концепт «смерть», обуславливает их значительное разнообразие и высокую частотность в художественном дискурсе. В отобранных нами из корпусов английского языка материалах эти ФЕ отражают такие оценочные признаки, как «неизбежность смерти, абсолютность смерти, смерть как отсутствие признаков живого, страх смерти, смерть как благо».

Оценочный признак «абсолютность смерти» отражается в ряде компаративных ФЕ. В романе «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенс использует образную основу ФЕ *as sure as death* для изображения жалкой внешности и повадок опустившегося актера для построения трансформированной конструкции *as certain as death itself*: “*The man of whom I speak was a low pantomime actor; and ... a habitual drunkard ... Neglect, disease and hopeless, poverty were as certain to be his portion as death itself, if he persevered in the same course; yet he did persevere, and the result may be guessed. He could obtain no engagement, and he wanted bread*”. Автор трансформирует исходную ФЕ посредством синонимической замены адъективного элемента и добавления усиительной формы *itself* для интенсификации экспрессивного эффекта в целях выражения идеи неотвратимости, неизбежности печального итога этой судьбы – нищета и смерть.

Также был зафиксирован ряд ФЕ, построенных по структуре «белый / бледный как смерть», отражающих оценочный признак «абсолютность смерти».

В отрывке романа Дж. Остен для характеристики внешности героини используется ФЕ *as white as death*: “*Such an evening! – I ran away from you all as soon as I could; but not before I had seen Marianne's sweet face as white as death. THAT was the last, last look I ever had of her; the last manner in which she appeared to me*” (ОТА). Вариант «бледный, как смерть» в аналогичной художественной функции изображения внешности встречаем в романе Ф.С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби»: *Gatsby, pale as death, with his hands plunged like weights in his coat pockets, was standing in a puddle of water glaring tragically into my eyes*.

М. Твен в «Приключениях Тома Сойера» использует еще одну трансформированную модель ФЕ по структуре «as dead as X» – *as dead as a wedge*: “*Why, you two was scuffling, and he fetched you one with the headboard and you fell flat; and then up you come, all reeling and staggering like, and snatched the knife and*

jammed it into him, just as he fetched you another awful clip – and here you've laid, as dead as a wedge till now” для характеристики персонажа, человека, употребляющего просторечные элементы.

Встречаются интересные примеры изменения знака оценки при включении в дискурс ФЕ в непреобразованной форме. Например, в пьесе О. Уайльда используется образно-ассоциативный и оценочный культурный потенциал традиционной ФЕ *the seven deadly sins*: “*MRS. ALLONBY. Just as far as the conservatory. Lord Illingworth told me this morning that there was an orchid there as beautiful as the seven deadly sins*” (OTA). Но при этом автор антиномически переосмысливает ее традиционное негативное значение посредством парадоксального переключения в мелиоративный регистр – *as beautiful as the seven deadly sins*: (орхидея) ‘прекрасна как семь смертных грехов’.

В нашем корпусе текстовых материалов отмечается и ряд примеров создания авторских ФЕ, которые опираются на традиционную образность смерти, заложенную в известных ФЕ, но напрямую не сводимые к ней: в этих ФЕ создаются неожиданные новые образы, положенные в основу созданных «прецедентных текстов», которые впоследствии, оторвавшись от своего текстового источника и авторства, стали принадлежностью речевой практики и культурного фонда современной английской культуры.

В другом отрывке из «Приключений Тома Сойера» М. Твен использует ФЕ *dead men tell no tales*. Данная ФЕ реализует оценочный признак «смерть как отсутствие признаков живого». М. Твен включает эту ФЕ в речь своих героев – при описании их игры в пираты: “*They made an imposing adventure of it, saying, “Hist!” every now and then, and suddenly halting with finger on lip; moving with hands on imaginary dagger hilts; and giving orders in dismal whispers that if “the foe” stirred, to “let him have it to the hilt,” because “dead men tell no tales”*” (OTA), где она используется как иронически сниженная апелляция к «прецедентному тексту» – расхожей фразе из романов про пиратов, которым подражают дети, придумывая себе пиратские имена, имитируя речь и повадки морских разбойников.

Амбивалентный характер смерти раскрывает оценочный признак «смерть как благо». Так, О. Уайльд является автором известного афоризма, впервые прозвучавшего в пьесе: *MRS. ALLONBY. They say, Lady Hunstanton, that when good Americans die they go to Paris* (“A woman of no importance”) (OTA). ФЕ *when good Americans die they go to Paris*, авторство которой долгое время ошибочно

приписывалось В. Вульф, в ироническом ключе отражает элемент национально-культурной специфики эпохи О. Уайльда – представление о Париже как о культурном рае, бытовавшее среди известных и богатых американцев конца XIX в. Для создания комического эффекта используются несопоставимые понятия. Оценочная многоплановость данной ФЕ углубляется и биографическими обстоятельствами ее автора, который провел последние дни Париже.

Оценочный признак «страх смерти» встречается в ФЕ: *fear of death is worse than death itself*. Данная единица подвергается переосмыслению в ряде художественных текстов. Это, например, высказывание Т. Фуллера, датированное 1732 годом: “*No man should be afraid to die, who has understood what it is to live*” (ОТА).

Американскому режиссеру В. Аллену принадлежит известное ироническое высказывание, репрезентирующее оценочный признак «неизбежность смерти»: “*It is not that I am afraid to die. I just do not want to be there when it happens*” (ОВА). Эта новая ФЕ основана на концептуальном содержании ФЕ XVII века: *death when it comes will have no denial*, в основе которой лежит представление о неизбежности смерти. Аллен иронически трансформирует возведением к абсурду идею смерти, снижая ее трагический пафос за счет того, что косвенным образом в данной ФЕ имплицируется сравнение смерти со светским мероприятием, на котором можно по уважительной причине не присутствовать.

Авторы художественных текстов используют оценочный потенциал ФЕ для решения художественной задачи оценочного описания ряда ситуаций, в которых предстает концепт «смерть». Для этого ФЕ употребляются как в традиционной форме, так и в трансформированном виде. Переосмыслению на страницах прессы подвергаются такие ФЕ, как *fear of death is worse than death itself, death when it comes will have no denial*. Описывая осознаваемой человеком страх перед неизбежностью смерти, авторы стремятся разнообразить ФЕ, описывающих данную ситуацию.

5.1.1.3. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «ДРУЖБА» и «ВРАЖДА» в художественных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «дружба» и «вражда», в художественном дискурсе выявило значительную оценочную значимость. В художественной литературе представлены ФЕ,

реализующие оценочные признаки «амбивалентность дружбы», «ценность дружбы», «дружба и соседство», «истинность дружбы», «потеря дружбы», «предательство»; причем данные ФЕ часто используются в литературе в трансформированном виде.

У. Блейк переосмысливает известную ФЕ *God defend me from my friends and I can defend myself from my enemies*, источником которых является Овидий. Данная ФЕ выражает оценочный признак «амбивалентность дружбы», ее концептуальное содержание отражено в следующих строчках, хотя дословно в контексте они не воспроизводятся:

*I was angry with my friend;
I told my wrath, my wrath did end.
I was angry with my foe:
I told it not, my wrath did grow* (OCDQ).

Художественная функция этих образов – лирическое переживание по поводу сложностей взаимоотношений поэта с друзьями и врагами. Автор посредством анафорической структуры выражает мысль о том, что между друзьями можно найти взаимопонимание, невысказанные претензии лишь усиливают чувство гнева.

Данная ФЕ задействована в поэме Дж. Каннинга:

*But of all plagues, good Heaven, thy wrath can send,
Save me, oh, save me from the candid friend* (OCDQ).

Автор, отталкиваясь от содержания рассматриваемой ФЕ, добавляет эпитет «непредвзятый» к концепту «друг». Будучи изначально положительным, данный эпитет в рамках стихотворения меняет оценочный знак. Честность и искренность могут сослужить плохую службу, ‘быть хуже чумы’, ведь именно с этим явлением сравнивает честных друзей автор – так концепт «враг» в произведении заменяется на опасную болезнь.

Бульвер-Литтон, автор начала XIX в., обыгрывает и видоизменяет традиционную ФЕ: *God defend me from my friends and I can defend myself from my enemies*: “*There is no feeling of liberty like that of escape from half-friends*” (ОВА). Автор не повторяет ФЕ дословно, а обогащает и конкретизирует ее содержание за счет включения в рассмотрение идеи чувства свободы от лицемерных, ложных друзей, называя их «полу-друзьями».

Амбивалентный характер дружбы и вражды описывает также автор Спайк, он размышляет над идеей о том, что друзей нельзя купить за деньги: “*money could*

not buy friends but you got a better class of enemies” (OCDQ). Автор отталкивается от единицы *a friend in the market is better than money in the chest*, которая объективирует оценочный признак «ценность дружбы». Деньги не детерминируют дружеских отношений, хотя и способны смягчить противоречия между людьми.

Г. Честертон преобразует ФЕ, объективирующую оценочный признак «дружба, соседство»: *we can live without our friends but not without our neighbors*, используя лишь общую образную основу этой ФЕ:” *we make our friends; we make our enemies; but God makes our next-door neighbor*” (OCDQ). На этой основе писатель создает собственное выражение, говоря о том, что окружение человека не зависит от его воли, в отличие от выбора друзей или врагов.

Оценочный признак «истинность дружбы» представлен в ФЕ *a friend in need is a friend indeed*, ее базовая модель: «дружба нуждается в проверке». Ч. Коллинз переосмысливает данную ФЕ: “*in prosperity our friends know us, in adversity we know our friends*” (OBA). Авторское высказывание строится на основании повтора, что усиливает его оценочный потенциал.

В отрывке из «Гамлета» У. Шекспира Полоний напутствует своего сына Лаэрта перед дальней дорогой, используя ФЕ с оценочным признаком «потеря дружбы»:

*Neither a borrower; nor a lender be;
For loan oft loses both itself and friend,
And borrowing dulls the age of husbandry* (WDQ).

Полоний учит сына быть очень осторожным в денежных вопросах, он должен стремиться вести себя таким образом, чтобы ни занимать, ни одолживать денег. В отрывке мы встречаем дословное цитирование ФЕ *neither a borrower; nor a lender be* (WDQ). Полоний учит сына разделять денежные и дружеские отношения, как это видно из фразы *loan oft loses both itself and friend*. Данный отрывок является несколько переиначенным вариантом ФЕ: *poverty parts fellowship* (WDP), которая объективирует оценочный признак «потеря дружбы». Шекспир допускает расширение компонентного состава ФЕ: друг, занявший денег, может и не отдать долга своему кредитору.

У. Блейк В стихотворении 1804 г. также перестраивает образную основу исходной ФЕ, оценочный признак которой – «потеря дружбы»: *broken friendship may be soldered but it will never be sound*: “*It is easier to forgive an enemy than to forgive a friend*” (“Jerusalem”) (OBA). Блейк предлагает оригинальное лирическое

высказывание на эту тему, используя идею прощения ('легче простить врага, чем простить друга'). Действительно, легче простить зло от того, от кого его ожидаешь, чем нежданное зло, вероломство, предательство от того, кому веришь.

Оценочный признак «потеря дружбы» описывает также ФЕ *a friend is not so soon gotten as lost*. Данная ФЕ говорит о том, что трудно найти друга, еще труднее – удержать его. Н. Дуглас призывает быть терпимыми к друзьям: “*to find a friend one must close one eye. To keep him – two*” (OCDQ). Усилия, направленные на поиск друга и сохранение дружбы, описываются на основании соматической образности, при этом действует еще одна ФЕ – *to close one's eyes*. Когда начинаешь дружеские отношения, можно примириться со многим, ‘закрыть один глаз’, ради сохранения дружбы друг готов приложить больше усилий, в рамках образной системы Дугласа, ‘закрыть оба глаза’.

Негативный оценочный признак «предательство» представлен в базовой модели «предательство заслуживает осуждения». Ф. Бэкон развивает концептуальное содержание и оценочный потенциал ФЕ *the friend that faints is a foe*, которая, в свою очередь, восходит к строкам из Нового завета, призывающим прощать своих врагов: “*Cosmus Duke of Florence had a desperate saying, against perfidious or neglecting friends, as if those wrongs were unpardonable. You shall read (says he) we are commanded to forgive our enemies, but you never read that we are commanded to forgive our friends* (ОВА).”

Он полемически отталкивается от этих строк, выражая мысль о том, что в Священном Писании ничего не сказано о том, что нужно прощать своих друзей. Речь идет о вероломных друзьях, которых нельзя прощать. Трансформация ФЕ из Нового Завета приводит к порождению парадокса *we are commanded to forgive our enemies, but you never read that we are commanded to forgive our friends*. Бекон признает догму о прощении врагов, но при этом он говорит о возможности карать своих друзей, хотя враждебное отношение к друзьям на первый взгляд аксиологически невозможно, хотя в принципе реально в случае, если человек задумал предать своего друга и начать против него враждебные действия под лицемерной маской дружбы.

Контрарные концепты «дружба» и «вражда» используются в ряде ФЕ для экспрессивизации повествования, их оценочный потенциал весьма значителен. Авторы используют переосмысление (замена грамматической структуры при сохранении концептуальной и ситуативной наполненности) таких ФЕ, как *God*

defend me from my friends and I can defend myself from my enemies, poverty parts fellowship, broken friendship may be soldered but it will never be sound. Смена оценочного знака наблюдается при цитации ФЕ *a friend in the market is better than money in the chest*, отталкивание использование другой образной основы при сохранении ситуативности наблюдается при употреблении ФЕ *a friend is not so soon gotten as lost, the friend that faints is a foe*.

5.1.1.4. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «ГЛУПОСТЬ» и «УМ» в художественных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «дружба» и «вражда», в художественном дискурсе выявило оценочную значимость этих концептов, особенно в такой языковой презентации, как *друг* и *враг*. В художественной литературе активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «старость», «неумение держать себя», «абсолютность глупости», «болтливость», «самонадеянность», «недальновидность», «непрактичность». Приведем ряд примеров с ФЕ, используемыми в художественном дискурсе в нетрансформированном виде.

Базовая модель «с возрастом истинный глупец не станет умнее» отражает оценочный признак «старость». Так, у поэта XVII века Эдварда Янга можно найти строки, где дословно приводится ФЕ *A fool at forty is a fool indeed*:

Be wise with speed;

A fool at forty is a fool indeed (OCDQ).

Автор использует оценочный потенциал ФЕ для поэтической иллюстрации сентенции о том, что люди, не поумневшие с возрастом, глупцы вдвойне, призывая окружающих ‘мудреть быстрее’ – *be wise with speed*.

Дж. Хэр в произведении “*Guesses at truth*” (1827) переосмысливает ФЕ: *fools will be fools* 1650 (WDP) и *answer a fool according to his folly* (ODP). Данная ФЕ описывает оценочный признак «старость»: “*He must be a thorough fool, who can learn nothing from his own folly*” (OBA). Хэр конкретизирует образ, положенный в основу исходной ФЕ – за счет эпитета *thorough* и за счет усложнения синтаксической конструкции из исходного простого до эмфатического сложноподчиненного предложения по модели « *тот ..., кто...*» для того, чтобы более ярко выразить свою мысль о не обучаемости глупцов.

В «Приключениях Тома Сойера» в монологе тетушки Полли для речевой характеристики героини используется ряд нетрансформированных ФЕ: “*but old fools is the biggest fools; can't learn an old dog new tricks; spare the rod and spoil the child: “Hang the boy, can't I never learn anything? Ain't he played me tricks enough like that for me to be looking out for him by this time? But old fools is the biggest fools there is. Can't learn an old dog new tricks, as the saying is. I ain't doing my duty by that boy, and that's the Lord's truth goodness knows. Spare the rod and spoil the child, as the Good Book says*” (OTA). Сетуя на себя за то, что не может совладать с непослушным Томом, тетушка Полли отпускает в свой адрес самоинвективы, содержащие ФЕ, на тему, что ей тяжело успевать за молодыми: *can't learn an old dog new tricks*, она ругает себя: *there is no fool like an old fool*. При этом автор дает понять, что суровость и непреклонность, с которой тетушка Полли пытается воспитывать Тома – это маска за которой скрывается ее любовь к мальчику.

Т. Фуллер цитирует ФЕ: *a fool's paradise is a wise man's hell*. Данная единица выкажет оценочный признак «неумение держать себя». Ряд словарей дают более позднюю интерпретацию данной единицы: *fools' parades are wise men's purgatories* (“The Holy State and the Profane State”) (OCDQ). В обоих случаях сохраняется и оценочная составляющая: то, что хорошо для глупца, пагубно для мудреца. Единственным отличием является аксиологическая локация: в более ранней ФЕ, встречающейся у Фуллера, дуракам отводится ад, в поздней ФЕ упоминается чистилище, что в целом не имеет существенных расхождений для образа, положенного в основу фразеономинации.

Р. Киплинг в стихотворении 1927 г. использует контаминацию двух ФЕ: *a burnt child dreads the fire* и *a fool always rushes to the fore*. Данные ФЕ также отражает оценочный признак «неумение держать себя»:

*As it will be in the future, it was at the birth of man –
There are only four things certain since Social Progress began:
That the Dog returns to his Vomit, and the Sow returns to the Mire,
And the burnt Fool's bandaged finger goes wobbling back to the fire* (OCDQ).

В результате высказывание *burnt Fool's bandaged finger goes wobbling back to the fire*, отражает пессимистичное представление о человеке. Киплинг в данном отрывке дает негативно-оценочную характеристику глупцам, обращаясь к экспрессивно заряженным образам свиньи и собаки в высказываниях *the Dog returns to his Vomit* и *the Sow returns to the Mire*. Речь идет о том, что глупцы все

время совершают одни и те же ошибки. При этом Киплинг создает оригинальную ситуацию, в которой обжегшийся однажды человек вновь протягивает к огню – символу опасности – свою обожженную руку.

Оценочный признак «абсолютность глупости»reprезентирован в ряде ФЕ в художественных текстах. Так, в романе Г. Уэллса «Человек-невидимка» ФЕ *like a fool* используется в нетрансформированной форме: “*What a fool I was,” said Kemp. “I might have known.” He handed Adye the Invisible Man’s letter. Adye read it and whistled softly. “And you?” – said Adye. “Proposed a trap – like a fool,” said Kemp, “and sent my proposal out by a maid servant. To him.” Adye followed Kemp’s profanity. “He’ll clear out,” said Adye. “Not he,” said Kemp* (OTA). Эта ФЕ используется для речевой характеристики персонажа по имени Кемп в его прямой речи, когда он казнит себя за глупость, поверив обещаниям сумасшедшего ученого, ставшего человеком-невидимкой.

Ряд ФЕ вводится в художественный дискурс в преобразованной форме.

У. Блейк создает оригинальное высказывание с использованием экспрессивного выражения *fool in his folly*, на образной основе ФЕ: *answer a fool according to his folly*, которая выражает оценочный признак «болтливость» (“*The marriage of heaven and hell*”).

Ч.К. Колтон в произведении «Лаокоон» трансформирует ФЕ *fools ask questions that wise men cannot answer*, объективирующую признак «самонадеянность»: “*Examinations are formidable even to the best prepared, for the greatest fool may ask more than the wisest man can answer*” (OCDQ). Образная основа традиционной ФЕ вписана в контекст экзамена, что расширяет семантику исходной ФЕ: вопросы, которые звучат на экзамене, задают «преподаватели-глупцы», а на долю студентов остается участь «мудрецов», которые, несмотря на то, что им кажется, что они готовы к испытанию, неспособны дать ответы на все вопросы. Иными словами, роли учителей и учеников в плане их интеллектуального потенциала парадоксально меняются. В данной цитате Ч. Колтон трижды задействует превосходную степень сравнения, что является примером грамматического повтора, а также употребляет экспрессивный эпитет – *formidable*.

А. Поуп обращается к идее глупости в следующих выражениях:

The learned is happy nature to explore,

The fool is happy that he knows no more (OCDQ).

Автор отталкивается от ФЕ *a fool thinks himself wise*, которая также описывает оценочный признак «самонадеянность». Однако исходный оценочный и концептуальный потенциал традиционной ФЕ полемически переосмысляется: согласно парадоксу поэта, мудрец счастлив благодаря возможности постигать истину, глупец счастлив потому, что не знает другой жизни, т.е. благодаря своему незнанию. Здесь присутствует отклик на библейское выражение *блајженны нищие духом, ибо их есть царство небесное*.

У. Шекспир в комедии «Как вам это понравится» приводит выражение *the dullness of the fool is the whetstone of the wits* (ОВА). Дела и речи глупцов могут послужить на пользу умным людям, которые способны воспользоваться продавившейся возможностью. Шекспир, популяризировавший многие ФЕ, в данном случае близок к ФЕ *a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end*, которая отражает оценочный признак «недальновидность».

Поэт начала XVIII в. Дж. Гей так описывает глупцов:

Who knows a fool must know his brother;

One fop will recommend the other (ОВА).

Его произведение (“Fables”) описывает щеголеватых простаков, которые ценят лишь кампанию себе подобных. Содержание данного отрывка описывает оценочный признак «непрактичность», встречающийся в ФЕ: *he is a fool that deals with fools*.

Концепты «глупость» и «ум» реализуются в различных ФЕ. Данные единицы описывают ситуации интеллектуальной оценки. ФЕ представлены как в исходной форме, так и в измененном виде. Авторы допускают контаминацию ФЕ *fools will be fools* и *answer a fool according to his folly, a burnt child dreads the fire* и *a fool always rushes to the fore*. Встречается переосмысление ФЕ *there is no fool like an old fool, fools ask questions that wise men cannot answer, a fool thinks himself wise, a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end* для освещения ситуаций, в которых происходит аксиологическое маркирование субъекта по шкале «глупый» / «умный».

5.1.1.5. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «УДАЧА» и «НЕУДАЧА» в художественных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «удача» и «неудача», в художественном дискурсе также выявило значительную

культурную значимость этих концептов. В художественной литературе наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «трудолюбие», «диалектичность удачи», «суеверие», «амбивалентность удачи».

В корпусе наших примеров ФЕ, используемые в художественном дискурсе, в основном выступают как в трансформированном виде, так и употребляются дословно.

Так, сатирик С. Ликок использует концептуальную основу ФЕ *diligence is the mother of good luck* (1840 г.), отражающую оценочный признак «трудолюбие». Но в его версии нет дословного повторения компонентного состава данной ФЕ: “*I am a great believer in luck. I find the harder I work, the more I have it*” (WDQ). Автор разворачивает исходную простую синтаксическую конструкцию в компаративную модель сложного предложения. Тем самым мысль о том, что удача есть следствие собственной активности личности, труда, упорства и трудолюбия, получает экспрессивное усиление.

Дж. Рей пессимистичен в своей оценке удачи: “*The honestest the man, the worst luck*” (WDQ). В высказывании, построенном на основании антитезы концептов «удача» и «честность», соотношение которых представляет собой обратную зависимость, автор отталкивается от известной ФЕ *lucky at cards, unlucky in love*. Данная единица объективирует оценочный признак «диалектичность удачи». Автор допускает pragматическую трансформацию значения, речь идет не о картах, а о принципе жизни.

Диалектичность представления об удаче представлена также в произведении Чейни: “... *lucky at cards, unlucky in love*” *I am going to find out if the old proverb is true... What are they playng tonight?* (“Trap for Bellamy”) (ODP). В данном контексте приводится ситуация, когда речь идет не о превратности судьбы в том или ином проявлении, а непосредственно об удаче в карточной игре, переменчивости удачи.

Раннее новое время несет на себе отпечаток суеверий. Не лишены его и некоторые герои пьес Шекспира: “*Falstaff ... no more prattling; go ... I'll hold. This is the third time; I hope; good luck lies in odd numbers*” (ERPD). В данном отрывке объективируется ФЕ *there is luck in odd numbers*, которая отражает оценочный признак «суеверие». Известный шекспировский персонаж Фальстаф, игрок, дамский угодник и пьяница, в произведении «Виндзорские насмешницы» упорно стремится к выигрышу и верит представлению, отраженному в содержании рассматриваемой ФЕ о том, что ‘третий раз счастливый’. Автор допускает

незначительное изменение компонентного состава, заменяя глагол связку *to be* на близкий по значению глагол *to lie*, переводимый как ‘лежать, находиться’, что не приводит к искажению содержательной стороны ФЕ.

Т. Бульвер-Литтон использует ФЕ *as good luck as had the cow that struck herself with her own horn*, объективирующую оценочный признак «амбивалентность удачи»: “*Things ... grew worse with me, who have had “as good luck as had the cow that struck herself with her own horn”*” (“Palham”) (ERPD). ФЕ позволяет не только дать пейоративную оценку положению дел, но и заявить о том, что человек частично является причиной своих бед.

Контрарные концепты «удача» и «неудача» могут выражать как интеллектуальную, так и эмоциональную оценку. Они либо цитируются дословно, либо употребляются в переосмысленной форме. Встречаются случаи переосмысления: ФЕ *diligence is the mother of good luck*, которая описывает «секрет» удачи; и отталкивания: ФЕ *lucky at cards, unlucky in love*, которая воспроизводит дихотомию «любовь» - «игра». Данные сюжеты не потеряли интерес для авторов, которые пытаются представить их в новом свете.

5.1.1.6. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «ЛОЖЬ» и «ПРАВДА» в художественных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «ложь» и «правда», в художественном дискурсе также выявило их аксиологическую значимость. В художественной литературе наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие отрицательные оценочные признаки, как «сила лжи», «хитрость», «мотивированность лжи», и положительный признак «сила правды».

Рассмотрим вхождение в художественный дискурс ФЕ, объективирующих положительные признаки исследуемых в данном разделе концептов.

Одним из первых авторов, который использовал ФЕ *truth will out*, был У. Шекспир. Данная ФЕ отражает оценочный признак «сила правды»: “*Truth will come to light; murder cannot be hid long; a man's son may, but in the end truth will out*” (ODP). Здесь отрывок из «Венецианского купца» задействует ФЕ как элемент анафорического повтора.

У. Блейк в «Песнях невинности» (1803) художественно обогащает исходный ФЕ: *truth will out* 1439. Данная единица оценочный признак «сила правды»:

*A truth that is told with bad intent
Beats all the lies you can invent (OCDQ).*

Автор придает фразе философское звучание, подчеркивая диалектический характер оппозитивов «истина» и «ложь». Так истина, рассматриваемая безотносительно объекта, является несомненным благом, однако правду можно говорить, имея недобрые намерения, но даже эта правда, по Блейку, будет побеждать любую ложь.

Г.К. Честертон в одном из рассказов об отце Брауне устами одного из действующих лиц излагает отношение к истине и правде, опираясь на ФЕ *truth is stranger than fiction*, которая отражает оценочный признак «сила правды»: “*Do you believe that truth is stranger than fiction?*” “***Truth must of necessity be stranger than fiction,***” *said Basil placidly. “For fiction is the creation of the human mind, and therefore congenial to it”* (ODP). Истина объективна, ложь – порождение человеческого разума и имманентна ему. Здесь возможна интеракция двух значений слова *strange*: ‘странный’ и ‘чуждый’.

Рассмотрим вхождение в художественный дискурс ФЕ в непреобразованном виде, объективирующих отрицательные признаки исследуемых в данном разделе концептов.

В ФЕ *liars should have good memories* реализован оценочный признак «хитрость», встречающийся в стихотворении Уайетта 1543 г.: “*They say “he that will lie well must have a good remembrance, that he agree with all points with himself, lest he be spied”* (ODP). Автор использует синоним существительного *memories* – *remembrance*, который в данное время относится к высокому стилю. В своих рассуждениях он мотивирует содержание ФЕ, поясняя необходимость иметь хорошую память для воров, что нужно им для того, чтобы их не поймали не слове.

Оценочный признак «мотивированность лжи» отражается в ФЕ *ask no questions and you shall hear no lies*, который используется рядом авторов. Его цитирует У. Голдсмит: “*ask me no questions, and I will tell you no fibs*” (ODP), где автор использует стилистически маркированный синоним, просторечие *fib*.

Р. Киплинг также использует данную ФЕ:

*Them that ask no questions is not told a lie -
Watch the wall, my darling, while the Gentlemen go by!* (“Puck of Pook’s Hill”) (ODP). Автор сомневается в искренности представителей благородного сословия.

ФЕ *truth lies at the bottom of the well* репрезентирует признак «сила лжи». Автор 18 в. Прайор указывает на происхождение ФЕ, приписываемое Демокриту: «*You know the ancient philosophers said Truth lay at the bottom of the well*» (ODP).

Автор сороковых годов двадцатого века Дж. Корбетт в детективе «Убийство без мотива» также использует ФЕ *truth lies at the bottom of the well* для объективации оценочного признака «сила лжи»: «***Truth ... is reputed to reside at the bottom of a well. I have often conned that old saying over to myself, and ... its originators must have meant that truth is often damned hard to discern***» (ODP). Корбетт размышляет над пространственной метафорой низа в интерпретации Лакоффа-Джонсона, указывая на ее оценочный характер: он говорит о том, что истину найти «чертовски» трудно, при этом используя экспрессивную лексику для манифестации своих идей.

Автор середины XIX в. Сперджен использует ФЕ дословно: *a lie will go round the world while truth is pulling its boots on*, объективируя оценочный признак «сила лжи»: «*If you want truth to go round the world you must hire an express train to pull it; if you want a lie to go round the world, it will fly: it is as light as feather, and a breath will carry it. It is well said in the old proverb “a lie will go round the world while truth is pulling its boots on”*» (OCDQ). В контексте возникает прагматический эффект переосмысливания данной ФЕ из-за помещения ее в нестандартное языковое окружение: ФЕ окружена развернутыми антропоморфными метафорами. Истина медлительна, она тяжела как товарный вагон, который может сдвинуть лишь мощный локомотив, тогда как ложь, легкая как перышко, перемещается от легкого вздоха. Ложь распространяется со слухами. Истину нужно доказывать, а это тяжелее, чем двигать любой, даже тяжкий груз.

В ряде примеров использования ФЕ в художественных текстах фиксируются случаи разнообразной трансформации ФЕ. Так, А. Теннисон в стихотворении 1859 г. «*The grandmother*» подвергает художественному переосмысливанию ФЕ *half the truth is often the whole lie*. Ее оценочный признак «сила лжи»:

*That lie which is half a truth is ever the blackest of lies,
That a lie which is all a lie may be met and fought with outright,
But a lie which is part a truth is a harder matter to fight* (OCDQ).

Отталкиваясь от образной основы ФЕ, в которой полуправда приравнивается к полной лжи, поэт усиливает негативную оценку за счет включения в описание исходной ситуации дополнительного компонента – действия ‘бороться’. С

полуправдой тяжелее сражаться. Теннисон использует экспрессивную форму – превосходную степень сравнения аксиологически маркированного прилагательного ‘черный’ для выражения своего резко отрицательного отношения к «полуправде-полулжи».

Культурная нагрузка ФЕ на базе оппозитивных концептов «ложь» и «правда» активно используется для оценки злободневных проблем. Авторы для выражения своей позиции преобразуют ФЕ или используют переосмысление, как это происходит в случаях употребления ФЕ *truth will out, ask me no questions, and I will tell you no fibs, half the truth is often the whole lie*. Переосмысление является результатом желания авторов привлечь внимание к релевантным для англоязычного читателя событиям и фактам относительно контрапротивных концептов «истина» и «ложь», таким, например, как вера в торжество истины, неприятие «полуправды», стремление избежать неприятных вопросов.

5.1.1.7. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепты «БЕДНОСТЬ» и «БОГАТСТВО» в художественных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «бедность» и «богатство», в художественном дискурсе выявило культурную значимость этих концептов. В художественной литературе активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «абсолютность бедности», «удовлетворенность», «неосуждаемость бедности», «относительный характер бедности», «опасность», «вред богатства», «власть богатства», «удачливость».

В нетрансформированном виде ФЕ, объективирующие концепты бедности или богатства встречаются только в ряде примеров из нашего корпуса текстов.

Так, в трагедии У. Шекспира, посвященной королю Генриху IV, дословно приводится ФЕ, восходящая к библейским сюжетам: *as poor as Job: “I am as poor as Job, my lord, but not so patient”* (WDQ), которая отражает оценочный признак «абсолютность бедности». Шекспир сравнивает героя с библейским Иовом, однако герой, в отличие от Иова, не обладает его смирением. Он не ждет божьей милости и действует сам.

В «Приключениях Тома Сойера» М. Твена в дословном виде приводится традиционная ФЕ *rolling in wealth* (WDP), которая выражает оценочный признак «удовлетворенность» посредством концептуальной метафоры «кататься в богатстве»: *«By the time Ben was fagged out, Tom had traded the next chance to Billy*

*Fisher for a kite, in good repair; and when he played out, Johnny Miller bought in for a dead rat and a string to swing it with and so on, and so on, hour after hour. And when the middle of the afternoon came, from being a poor poverty stricken boy in the morning, Tom was literally **rolling in wealth***” (OTA).

В отрывке оценочный потенциал ФЕ используется для сниженной характеристики главного героя, который, набрав кучу безделушек, ощущает себя богачом. Употребление ФЕ участвует в решении еще одной художественной задачи: пародии присущей американцам предприимчивости как отражения национального характера.

Есть интересные случаи, когда дословное цитирование в художественном тексте ФЕ ведет к ее семантическому переосмыслению, так как она ставится в несвойственные ей условия употребления. Дж. К. Джером в 1889 г. антиномически переосмысливается концептуальное содержание и ценностная направленность традиционной ФЕ *poverty is no crime*. Данная ФЕ раскрывает оценочный признак «неосуждаемость бедности»: “*It is easy enough to say that poverty is no crime. No; if it were men would be ashamed of it. It is a blunder, though, and is punished as such. A poor man is despised by the whole world over*” (“Idle Thoughts of an Idle Fellow”) (ОВА). Автор, полемически отталкиваясь от процитированной ФЕ, меняет ее смысл на противоположный и заостряет на первый взгляд, антигуманное положение о том, что бедность во всем мире презираема, в целях привлечь к этой проблеме внимание читателей.

В большинстве случаев ФЕ, объективирующие концепты бедности или богатства, встречаются в художественных текстах в преобразованном виде – в плане содержания, компонентного состава или образной основы.

Так, поэт Э. Дайер, современник Шекспира, переосмысливает ФЕ *he is not poor that has little but he that desires much*:

*Some have too much yet still do crave;
I little have and seek no more.
They are but poor though much they have,
And I am rich with little store.
They poor, I rich; they beg, I give;
They lack, I live; they pine, I live* (WDQ).

Данная ФЕ репрезентирует оценочный признак «относительный характер бедности». Поэт разворачивает образ, заложенный в исходной ФЕ, конкретизирует

его посредством антитетических высказываний, организованных по способу синтаксического параллелизма с повтором ключевых слов. В результате порождается художественная мысль философской направленности: богатство приносит с собой неудовлетворенность, желание обрести все больше богатств, неудовлетворенный человек чахнет – лишь только скромный человек, умеющий ограничить свои потребности, свободен от зависти и жадности, именно он живет полной жизнью.

В рассказе «Невиновность отца Брауна» Г. К. Честертона конкретизируется ФЕ *riches are gotten with pain, kept with care and lost with grief*. Автор использует ее как проводник оценочного признака «опасность»: “*to be clever enough to get all that money, one must be stupid enough to want it*” (ОВА). Честертон устами отца Брауна разворачивает содержание ФЕ в парадоксальную сентенцию на основе скрытого противопоставления.

Дж. Голбрайт обыгрывает образную основу библейской ФЕ *money is the root of all evil*, ее оценочным признаком является «вред богатства»: “*the greater the wealth the thicker will be the dirt*” (WDQ). Мысль о том, что богатство нельзя нажить честным трудом, выражена несколько иной синтаксической конструкцией, с использованием другого состава оценочных лексем – «богатство» и «грязь», в рамках конструкции анафорического повтора противопоставление часто используется для построения ФЕ.

Оценочный признак «власть богатства» используется автором Д. Лоуренсом в контексте “*money makes a man even if he was a monkey to start with*” (ODP). Лоуренс дословно цитирует ФЕ *money makes a man*, но при этом отмечает, что безотносительно денег человек может и не представлять собой ничего позитивного. Для негативной оценки используется образ обезьяны, создается дихотомия «обезьяна» – «человек».

Д. Лоуренс комментирует содержание ФЕ *better be born lucky than rich*: “*Then what is luck, mother?*” “*It is what causes you to have money. That is why it is better to be born lucky than rich. If you are rich you may lose your money. But if you are lucky, you will always get more money*” (ODP). Данная ФЕ объективирует оценочный признак «удачливость». В рамках рассматриваемого контекста мать объясняет связь между концептами «счастье» и «богатство»: первое является более ценным потому, что позволяет достичь второго и удержать его. Деньги сами по себе не приносят счастья, без удачи деньги легко потерять.

Авторы художественных текстов используют существенный оценочный потенциал ФЕ, объективирующий оппозитивные концепты «бедность» и «богатство» для решения художественных задач по экспрессивно-эмоциональному описанию ситуаций текста. При этом ФЕ представлены как в традиционной форме, так и в трансформированном виде. Иногда писатели осуществляют семантическую, структурную или прагматическую трансформацию исходных ФЕ в направлении переосмысления. Примером того служат контексты с аллюзиями на ФЕ *he is not poor that has little but he that desires much, riches are gotten with pain, kept with care and lost with grief, money is the root of all evil*. Как показывает семантика данных единиц, экспрессивному описанию подвергается идея абсолютной ценности богатства в смысле материальных накоплений.

5.1.2. Аксиологическая динамика английских фразеологизмов, репрезентирующих внутренний мир и социальные характеристики человека, в массмедиийном дискурсе

Дискурсная реализация ценностно маркированных ФЕ, репрезентирующих характеристики внутреннего мира человека и социальные характеристики человека, в публицистике весьма частотна. Ориентация авторов на выражение своей позиции активизирует использование ФЕ как в исходном, так и в преобразованном виде.

5.1.2.1. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «ЛЮБОВЬ» в массмедиийных текстах

В массмедиийных текстах используется существенный оценочный потенциал ФЕ на основе концепта «любовь». Анализ дискурсной реализации данного концепта показал, что в публицистических текстах наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «сила любви», «смелость», «безумство любви».

Многие авторы употребляют ФЕ в непреобразованном виде.

В английском языке существует ФЕ, дословный перевод которой означает ‘щенячья любовь’ – *puppy love*, она объективирует оценочный признак «сила любви» и используется для описания чувств наивного человека, не думающего о последствиях, открытого миру, поведение которого вызывает некоторое неодобрение. Эта ФЕ, используемая в контекстах масс-медиа, обнаруживает

существенный потенциал дискурсивного варьирования, употребляясь применительно к разным темам, ситуациям.

Например, в статье “Bitter disappointment” данная ФЕ используется для характеристики судьбы молодой женщины: *She's blond, pretty: pink shirt, jeans, black Reeboks and pink socks, a separated mother of two who pined for Conley after it happened, then cashed in puppy love dreams for a world of teen marriage, disappointment and hard knocks* (“The Washington Post”) (COCA), где описывается разведенная молодая женщина, мать двоих детей, ее наивная влюбленность, ранний брак и жизнь, полная разочарований.

В 1992 г. Н. Асфор и К. Бойл публикуют статью «Наша жизнь», в которой данная ФЕ используется для обобщенной оценочной характеристики воспоминаний о любви: “*‘THE JOSHUA TREE,’ U2, ISLAND ... reminds me of the summer of' 87, which I spent with my girl, the first girl I have ever really, really loved. I'm not talking about puppy love or crushes; I'm talking about love*” (“The Rolling Stone”) (COCA). Здесь молодой человек говорит о музыкальном произведении, которое напоминает ему о юношеской любви, о его первой девушке, о чувстве, которое он испытывал к ней, и описываемый саундтрек для него есть воплощение любви.

В телепередаче 20/20 на телеканале ABC ФЕ *puppy love* используется для выражения идеи о преходящем характере первых юношеских увлечений: “*puppy love starts fast, ends fast. ... Now, when you two stopped dating, you stayed friendly, though ...*” (COCA).

Популяризации ФЕ способствует их употребление в современных музыкальных произведениях, особенно если они становятся названиями того или иного произведения. П. Анка использовал рассматриваемую ФЕ для названия своей песни: “*The music he wrote soon evolved from sock-hop ballads like “Puppy Love” to big-band standards like “My Way”, created for his mentor and close pal Frank Sinatra*” (COCA). Данный отрывок взят из статьи музыкального критика, рассказывающего об истории возникновения произведения, его истоках, творческих контактах автора.

Также в непреобразованном виде в исследованном текстовом материале встречаются и другие ФЕ, объективирующие концепт любви.

В статье «Опасные связи» (2001 г.) употребляется ФЕ: *all is fair in love and war*. Данная ФЕ отражает оценочный признак «смелость»: “*if you listen to those who*

played the game and got burned, they'll tell you that all is fair in love and war, and if the relationship appears to be too hot to handle, perhaps you should think twice” (“The Ebony”) (COCA). Автор отталкивается от стандартного содержания этой ФЕ, связанного с идеей неразборчивости в средствах при попытках добиться благосклонности от объекта своего любовного чувства, и данное употребление акцентирует внимание на социальной ответственности при неразборчивых связях и предлагает задуматься о последствиях.

В передаче “Saturday” на канале “Fox” данная ФЕ вводит в рассмотрение не любовный, а военный аспект: “*If all is fair in love and war, this, by far, a minimal breach of whatever rules we are supposed to be operating by in Iraq. If one American, or Iraqi, is saved by this technique, I'll take a C in Ethics of Journalism 101 for supporting it*” (COCA), здесь говорится о столкновении двух этических принципов, всеобщего принципа ценности жизни и правилах журналистской этики на войне. Для автора есть только одна ценность – ценность человеческой жизни, как американцев, так и их врагов – иракцев.

Множество примеров в исследованном текстовом материале содержат ФЕ с концептом «любовь» в преобразованном виде. Это касается и ФЕ *love is blind*. Ее оценочный признак – «безумство любви», он отражает базовую модель «любовь для души то же, что и болезнь для тела». Так, в отрывке из статьи М. Хоуард (2002 г.) эта ФЕ, структурно не меняя своего компонентного состава, подвергается ироническому переосмыслинию: “*The gestures that say “I love you” are worth more than the words. I used to get extremely annoyed at all the husbands for not wanting to have a gabfest about every little thing. Then I figured out it's not what they do. If love is blind, why is lingerie so popular?*” (“Good Housekeeping”) (COCA). В статье ставится под сомнение содержание данной ФЕ, меняя коммуникативные условия – из утверждения она превращается в риторический вопрос, содержащий утверждение о том, что мужчина любит глазами, доказательством чего является популярность определенных предметов женского гардероба.

В статье Л. Парч ФЕ *love is blind* также, не меняя компонентного состава, меняет прагматические условия употребления: “*Nearly 68 percent rated weight as somewhat important in terms of dating. Just 4 percent have adopted a “love is blind” credo, claiming the number on your man's scale to be irrelevant*” (“The Shape”) (COCA). Данная ФЕ вписана в контекст обсуждения темы о лишнем весе. В англосаксонской культуре распространено предубеждение относительно тучных

людей. Та же проблема возникает в вопросе личных отношений. С помощью ФЕ *love is blind* автор выражает позицию 4 % людей, которых не заботит лишний вес влюбленных.

В статье С. Доминус от 2010 г. данная ФЕ применяется и для характеристики родительской любви: “*love is blind; the world not so much. We tell parents up for adopting a child of a different ethnicity that they need to think seriously about it. It's not just 'We're one happy world! We'll love this baby and forget that we're white and he's black,' or vice versa.*” (“The Redbook”) (СОКА). Образная основа и оценочный потенциал ФЕ используются для экспрессивной характеристики приемных детей. Усыновляя ребенка другой расы, семья берет на себя повышенную ответственность. Истинная любовь родителей, пусть приемных, ломает барьеры предрассудков, еще имеющих место в США, и создает для ребенка мир счастья и надежд.

Преобразованное использование данной ФЕ видим в статье “*Toni Braxton heats up charts with new album 'Secrets'*” (1996 г.): “*Love is blind. And, apparently it has become increasingly color blind as well because interracial marriages are on the rise.*” (“The Jet”) (СОКА). В данном примере наблюдается изменение компонентного состава ФЕ в сторону ее расширения. Обыгрывается посредством приема градации и дополняется концептуальное содержание и оценочный потенциал исходной ФЕ за счет добавления компонента *color blind*: любовь не просто ‘слепа’, она ‘не различает цвета кожи’. Данный элемент меняет значение ФЕ. Преобразованная ФЕ использована для позитивной оценки ситуации, когда современные люди отдаются своим чувствам и создают семьи, не различая цвет кожи.

Концепт «любовь» используется авторами публицистических текстов в рамках ФЕ для решения задачи экспрессивного описания ситуаций межличностного общения. Иногда публицисты преобразуют исходную ФЕ, чтобы добиться максимальной выразительности, как это происходит с переосмыслением ФЕ *love is blind*.

5.1.2.2. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих концепт «СМЕРТЬ» в массмедиийных текстах

В массмедиийных текстах имеет место использование ФЕ с концептом «смерть». Анализ дискурсной реализации данного концепта показал, что в публицистике активно представлены ФЕ с такими оценочными признаками, как

«абсолютность смерти», «смерть как отсутствие признаков живого», «неизбежность смерти».

Многие авторы употребляют ФЕ в исходном виде, используя их оценочный потенциал применительно уже к своим задачам.

В публицистике обыгрывается концептуальное содержание ФЕ *worse than death*. Данная ФЕ отражает оценочный признак «абсолютность смерти»: ... *a fate worse than death. Think of poor Snowden: sleeping on the benches, being continually wakened by departure announcements in Russian, eating that food. ... Some might view this as too cruel and unusual a punishment for anyone.* (“The St. Louis Post”) (СОСА). Статья описывает жизнь Э. Сноудена в московском аэропорту. Употребление ФЕ в контексте «положение хуже смерти» содержит характеристику «невыносимых» условий жизни в аэропорту на фоне возможного «комфорта» в американской тюрьме.

Оценочный признак «абсолютность смерти» реализуют и другие ФЕ. В статье о Лиге наций (1995 г.), посвященной «эфиопскому вопросу», используется ФЕ *as dead as a doornail*: *This inability to protect members against the ambitions of more powerful states meant that the League failed ... “test case” for its peacekeeping role. ... League is as dead as a doornail* (“The World Affairs”) (СОСА). Данная ФЕ используется для экспрессивного выражения мысли о том, что на период 1936-1940 гг. «Лига Наций» – порождение Версальского мира, покончившего с Первой Мировой войной, в новых условиях бессильна разрешить возникшие противоречия между державами.

Оценочный признак «смерть» как отсутствие признаков живого объективирует ФЕ *dead men tell no tales*. Так, в статье Л. Шварцбаум из журнала, посвященной фильму о Пирате Джеке Воробье, иронически обыгрывается дословно цитируемая ФЕ: “**Dead men tell no tales, the sea chantey goes... but neither will ticket buyers be fondled on the Disney notion that American character is best strengthened by exposing children to the horrors of computerized skeletal buccaneers.**” (“Entertainment Weekly”) (СОСА). Данная ФЕ участвует в создании развернутого образного параллелизма, переосмысливающего прагматические условия реализации ФЕ. По мнению автора, подлинные «мертвецы» – зрители, посмотревшие этот фильм, «не рассказывают сказки» – так как не помнят его содержание в деталях, и поэтому не могут детально описать картину.

Большинство примеров в текстовом материале содержат трансформированные ФЕ. В статье Р. Планкета (1996 г.) в преобразованном виде используется ФЕ *queen Ann is dead* и оценочный признак «абсолютность смерти»: “*By 1970, among the intelligentsia, the idea that marriage was a sacred commitment was as dead as Queen Victoria*” (“The National Review”) (COCA). Автор указывает на то, что отношение людей к браку изменилось в сторону отказа от идеи приоритета сохранения брачных отношений (для описания этой группы людей используется заимствованный из русского языка термин «интеллигенция»). Р. Планкет прибегает к замене компонентного состава исходной ФЕ *queen Ann is dead* (ERPD), который обычно используется для негативной оценки ситуации, когда делается попытка преподнести как новость всем известный факт. Выбор нового элемента, точнее, имени королевы – Виктории вместо королевы Анны – не случаен. Королева Виктория была верной и любящей женой, строго и неуклонно проповедовавшая идею ценности брака, тогда как королева Анна, жившая в конце XVII – начале XVIII века была сторонницей более свободных взглядов.

Особенно часто встречаются ФЕ с компаративной моделью *as dead as*, которая отражает оценочный признак «абсолютность смерти». Так, в отрывке из статьи Дж. Кармайкла *The Cinderella Gauge*” в журнале за 1997 г., описывающем, как охотник охотится на разную дичь, в данной ФЕ компонент *a doornail* заменяется на близкий по звучанию *a nail*: “*...I shot a hare with the right-not choked-barrel at 34 yards as dead as a nail.*” ... *The shotgun was perfect except for one thing: the gauge. It was secondhand, of course ..., but used only enough to slick the action so that it felt like oiled ice*” (“The Outdoor Life”) (COCA). Абсолютность смерти зайца несомненна: охотник использовал старое ружье, большой калибр которого не оставил сомнений в результате выстрела.

В выдержке из речей политика Де Лея данная модель ФЕ используется с заменой элемента *doornail* на *disco*: “*On federal spending: Hiking taxes to pay for big government programs is as dead as disco*” (“The USA Today”) (COCA). Таким образом, преобразованная ФЕ используется для эмоционально-экспрессивного выражения негативной оценки повышения налогов для того, чтобы пополнить бюджет. Политик называет подобный подход «мертвое дело». В ФЕ отражаются реалии современности – имеется в виду, что рассматриваемая проблема безнадежна как современное состояние стиля диско в танцевальной музыке, который, как известно, давно вышел из моды.

В отрывке из статьи о художнице Леонард (1994 г.) данная компаративная модель употребляется с заменой компонента *a doornail* на *a dodo*: “*Leonard's attitude toward skill is telling: “I never allow myself to do something just because my skill is there. I won't paint a thing just because I can do it. I paint it because I love it.”* *The display of mere skill leads to paintings “as dead as a dodo”* (“*The Christian Science Monitor*”) (СОСА). Преобразованная ФЕ с буквальным значением ‘мертвый как дронт’ (дронт – ископаемая птица, вымершая тысячелетия назад) используется для характеристики картин, в которых присутствует лишь техническое исполнение, глубокого духовного содержания они не имеют.

Базовая модель «смерть является неизбежным злом» отражает оценочный признак «неизбежность смерти», объективируемую ФЕ *nothing is certain but death and taxes*; она используется автором статьи о Б. Франклине: “*Benjamin Franklin said, ‘In this world nothing is certain but death and taxes.’ Well, there is only one way to avoid capital-gain taxes on investments - hold them until you die*” (“*The Washington post*”) (ODP). Здесь дается иронический совет по поводу способа избежать налогообложения: держать деньги при себе, не инвестировать их и ждать смерти.

Аксиологический потенциал концепта «смерть» трудно переоценить. ФЕ, основой которых является данный концепт, активно используются на страницах англоязычной прессы. С их помощью производится зачастую негативная оценка. Иногда публицисты преобразуют исходную ФЕ, например, единицу *as dead as a doornail*, в ряде случаев имеет место трансформация с заменой компонента без потери исходного содержания.

5.1.2.3. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих оппозитивные концепты «ДРУЖБА» и «ВРАЖДА» в массмедиийных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «дружба» и «вражда» (особенно в такой языковой репрезентации, как *друг* и *враг*), в массмедиийном дискурсе выявило их оценочную значимость. В текстах публицистики наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «неразборчивость в выборе друзей», «глупость», «предательство», «истинность дружбы», «амбивалентность дружбы», «дружба и вражда», «ценность дружбы». Многие авторы употребляют указанные ФЕ в непреобразованном виде.

В ФЕ *the enemy of my enemy is my friend* отражен оценочный признак «неразборчивость в выборе друзей». Она встречается в статье, посвященной

детским игрушкам: “*Or was Barbie – as conservatives insisted, taking the view that ‘the enemy of my enemy is my friend’ – simply good childhood fun?*” (“The National Review”) (ODP). В данном отрывке речь идет о сфере развлечений, но даже эта сфера подчиняется жестким законам бизнеса и конкуренции, где есть и вражда, и тонкий расчет.

Так, ФЕ *the enemy of my enemy is my friend* употребляется в сравнительно редкой для ФЕ функции номинализации, сворачивания ФЕ в одну лексическую единицу – в нашем случае адъективную, в один слитный эпитет: ‘*The enemy-of-my-enemy-is-my-friend logic ... dominates central-African politics*’ (“The New Yorker”) (ODP), который используется для описания макиавеллиевской политики некоторых деятелей Африки, что вызывает негативную реакцию автора статьи.

ФЕ *every man is his own worst enemy* часто употребляется в массмедиа для оценки политических коллизий, ее оценочный признак «глупость». Так, в отрывке из статьи “*Flying information*” данная ФЕ используется при описании военной операции США 1990 г. против Ирака, возглавляемого С. Хусейном: “*Hussein may once again prove to be his own worst enemy. ... But if Hussein restrains his storm troopers in Kuwait and the motley crew of international terrorists now roosting in Baghdad, the divergent interests of its members eventually could begin to pull the anti-Iraq coalition apart*” (“U.S. News & World Report”) (COCA). Здесь оценочный потенциал ФЕ используется для характеристики действий Хуссейна как поджигателя войны, который укрывает террористов и потому окажется виноват в возникновении военного конфликта, т.е. «врагом самому себе».

В отрывке из статьи “*The war that was not*” (2015 г.) данная ФЕ используется также в оценочно-характеризующей функции: “*In the end communism proved its own worst enemy, as military spending imploded the Soviet Union’s already failing economy. The conflict came to a comparatively peaceful close with the fall of the Berlin Wall and other anti-communist revolutions among the Warsaw Pact states in 1989, followed by the dissolution of the Soviet Union in 1991*” (“The Military History”) (COCA). В данном случае посредством ФЕ характеризуется Советский Союз времен «холодной войны», как «враг самому себе», виновный в своем распаде и в демонтаже блока стран Варшавского договора.

В статье, посвященной событиям в Сирии в 2014 г., также используется ФЕ *to be one’s own worst enemy* для характеристики деятельности террористов: “*Although ISIS can draw on the “deep rift” between Sunnis and Shiites, their track*

record in Syria “shows how they are their own worst enemy,” ... Any level of violence is acceptable because “these limited victories all accumulate to bring about the Islamic caliphate as a strategic goal” (“The Christian Science Monitor”) (COCA). Данная ФЕ негативно характеризует террористов ИГИЛ для которых не существует морали, они не стесняются в выборе средств для достижения целей, и поэтому являются «врагами самим себе».

Рассматриваемая ФЕ используется не только в политическом дискурсе. Она встречается в статье “*Nowhere man*” и употребляется для оценочной самохарактеристики героя публикации – звезды баскетбола М. Джордана: “*Jordan figures he was his own worst enemy. “I single-handedly destroyed my image,” he says with some remorse. The descending star soon had bigger problems than his image.*” (“The Chicago Sun-Times”) (COCA). Данная ФЕ употребляется в речи персонажа, когда он характеризует себя как своего худшего врага.

В статье о турецкой внешней политике в издании (2012 г.) имеется пример еще одной ФЕ *friend or foe*, которая употребляется в атрибутивной функции, являясь частью составного наименования системы вооружений: “*the Turkish air force has begun installing a new identification friend or foe (IFF) system on its F16s*” (“The Middle East Quarterly”) (COCA). Данная ФЕ используется в военном деле для обозначения системы, распознающей летательные аппараты, посредством употребления конструкции, которая по-русски звучит как «друг или враг». В русском языке используется ФЕ ‘*свой - чужой*’.

Журнальная статья (1994 г.) использует данную ФЕ в качестве оценочной характеристики деятельности президента Б. Клинтона: “*MONEY: Is Clinton a friend or foe of small business? BOWLES: He’s more committed to small business than any President in recent memory*” (“The Money”) (COCA) в отношении малого бизнеса.

К числу ФЕ, объективирующих концепты «дружба» или «вражда», относится и ФЕ *a fair-weather friend*, которая имеет негативно-оценочный потенциал, будучи по данному признаку антонимичной оценочной ФЕ: *a friend in need*, объективирует оценочный признак «предательство». Данная ФЕ использована в статье про штат Мэн для позитивной характеристики по принципу «от противного»: “*Maine is not strictly a fair-weather friend. While outdoor activities such as sailing, golf, camping and bicycling are best reserved for the late spring to early fall, October is a season unto itself*” (“The Chicago Sun-Times”) (COCA); она употреблена в отрицательной конструкции, таким образом, меняется знак оценки с минуса на плюс, и негативная

оценка исходной ФЕ становится средством контекстуального выражения мелиоративной оценки.

Р. Дрейфус использует данную ФЕ для негативной характеристики политической ситуации: “*Failure in Iraq would have a direct impact on American national security, and perpetuation of the perception among reformers in the region that America is a fair-weather friend, not to be depended on*” (“The Washington Monthly”) (COCA). Здесь пейоративный оценочный потенциал ФЕ задействован для оценки действий США, которые, выведя войска из Ирака, выступают как «неверные друзья», лишая своих союзников в этой азиатской стране должной с их точки зрения поддержки.

В передовице “*Washington Post*” (2014 г.) рассматриваемая ФЕ используется для негативной характеристики международного положения США: *The United States has proved a fair-weather friend for human rights abroad and is now far more interested in China and its own export markets in Asia and the Pacific.* (COCA). Америка предстает «неверным другом» в отношении ряда приоритетов.

В статье “*The IMF, the U.S. War on Terrorism, and Pakistan*” в издании “*Asian Affairs*” (2004 г.) с помощью данной ФЕ передано мнение пакистанских властей по поводу нестабильных отношений с США: “*The relationship between Pakistan and the United States always has depended on the geostrategic value of the region... the Pakistanis have not appreciated being America's “fair-weather friend”*” (COCA). Данная ФЕ использована для концептуализации сомнений Пакистана в том, что США – надежные друзья.

Дж. Тараното в журнале “*American Spectator*” (2010 г.) использует рассматриваемую ФЕ как средство негативной оценки редакционной политики “*The New York Times*” в области реализации принципа свободы слова: “*... the New York Times Co. had a proud tradition as a defender of expansive First Amendment rights. What a shame to see a once-great corporation become a fair-weather friend of free expression*” (COCA). Данная ФЕ употребляется автором в рамках приема эвфемизации, когда автор не хочет называть вещи своими именами: ФЕ использована в качестве намека на то, что американская пресса предает идеалы свободы.

Данная ФЕ присутствует в статье Х. Старт “*Best friend? You are joking*” для характеристики ряда аспектов взаимоотношений между детьми, в которых дружба играет важную роль: “*No one can teach you what a great friend is, what a fair-weather*

*friend is,” said Michael Thompson, a psychologist” (“The New York Times”) (COCA). В интервью детский психолог М. Томпсон, который употребляет эту единицу в качестве составного наименования типа дружбы, как синоним, наряду со свободными сочетаниями *a treacherous friend, a betraying friend*.*

В текстах публистики также широко представлена ФЕ *false friends are worse than bitter enemies*. Она служит основой репрезентации оценочного признака «предательство», как правило, употребляется в преобразованном виде, чаще всего, в усеченной форме *false friend*. Так, в отрывке из статьи о баскетболисте Коуле в газете от 2006 г. данная ФЕ служит средством речевой самохарактеристики героя публикации: “*Basketball has always been my best friend ...,” Cole said. “But at the same time, basketball has brought me many **false friends and exposed my true enemies.**”* (“Chicago Sun-Times”) (COCA). Игрок персонифицирует игру, которая для него много значит, называя ее своим другом; возникает антитеза между игрой, которая дает ему много радости, и реальными людьми, «ложными друзьями», которые встречаются Коулу и в спорте, и в жизни.

В отрывке из статьи «Церковная история» (2004 г.) данная ФЕ используется в преобразованном виде, с усложненной структурой и заменой компонента *bitter* на *open*: “*Angry, unthankful neighbors come and attack the children of Israel, just as **false friends and false brothers do. They hurt one much more than open enemies***” (COCA). Данная ФЕ участвует в формировании оценочного фона при изложении сюжета на религиозную тематику: повествовании происходит расширение компонентного состава, ФЕ представлена в «разорванном» виде посредством элементов двух независимых предложений. В контексте также наличествуют усиительные лексические элементы при сопоставлении друзей и врагов: *much more*. В качестве однородного члена, соединенного союзом *and*, к образу ‘ложных друзей’ добавлен образ ‘ложных братьев’.

В корпусе COCA встречается достаточно много случаев употребления ФЕ *a friend in need is a friend indeed*, которая реализует оценочный признак «истинность дружбы».

Так, в рубрике “*Viewpoints*” в газете “*Houston Chronicle*” (1999 г.) ФЕ *a friend in need is a friend indeed* используется для иронически сниженного описания ситуации: “*There is an old saying that a “**friend in need is a friend indeed.**” We see now that the Chinese government is not our friend at all.*” (COCA). В контексте прямо указывается, что Китай не является другом США.

Оценочный признак «амбивалентность дружбы» представлен в других ФЕ. Например, ФЕ *God defend me from my friends and I will keep from my enemies* встречается в контексте: “**Defend me from my friends, I can defend me from myself from my enemies.**” *So cried a famous French general to Louis XIV long before bridge was invented*” (“The Washington Times”) (ODP). В отрывке иронически описывается игра в бридж, при этом указывается военная этимология данной ФЕ.

П. Браун в публикации от 1990 г. использует трансформированную ФЕ *a friend to all is a friend to none*, которая, выражает оценочный признак «дружба и вражда»: “*From Goroka to Hagen he was a friend to all but enemy to none. He was our king. He had influence over the people. The kiaps, the missionaries and other white men around respected him as well*” (“The Ethnology”) (COCA). В данном контексте ФЕ употребляется для позитивно-оценочной характеристики персонажа, причем посредством замены исходного компонента ФЕ *friend* на его антоним *enemy*. Возникшая антитеза усиливается контрастом других компонентов, имеющихся в исходной ФЕ – ‘все’ и ‘никто’. Таким образом, происходит разложение исходного значения ФЕ, при этом оценочный модус меняется с минуса на плюс: в статье речь идет об уважаемом человеке, который нессорится ни с кем и дружен со всеми.

В отрывке из статьи “*Claude La Colombiere: Sanctity and Sensibility*” данная ФЕ употребляется в усеченном варианте: ... *Father La Colombiere could have replied with St. Augustine's famous sentence: “Give me one who loves and that person will understand what I am saying.” ... “Today I am a friend to all the world”* (“The America”) (COCA). Данная статья рассказывает о взглядах католического священника, он любит всех, по крайней мере, стремится к этому.

На страницах прессы встречается компаративная модель ФЕ *a friend in court is better than a penny in purse*, ее оценочный признак – «ценность дружбы».

Часто авторы массмедиийных текстов используют данную ФЕ в преобразованном, усеченном виде – *a friend in a court*, например, в статье «Не суди» (1990 г.), где усеченная ФЕ используется для характеристики персонажа: *In fact, the concern was from other quarters, from influence peddlers and string-pullers, from those who like to boast, “I've got a friend in a court”* (“The National Review”) (COCA). Власть предержащие описываются посредством исследуемой единицы, которая в данном контексте носит эвфемистический характер.

В газетной статье “*Playing It Cool*” данная усеченная ФЕ использована для характеристики взаимоотношений СМИ американской власти: “*I trust him,” said*

Timothy Russert, NBC's Washington bureau chief. "He makes an impossible job possible... I do feel we get a fair hearing and that we have a friend in a court" ("Washington Post") (СОКА). Здесь дается положительная оценка одному из служащих администрации президента США; его профессионализм и положительное отношение к работникам прессы позволяет им говорить, что он на их стороне, иными словами, у них есть «свой человек» в Белом доме, *a friend in a court*.

Приведем еще ряд нетипичных случаев ввода в массмедиийный дискурс ФЕ, объективирующих оппозитивные культурные концепты «дружба» и «вражда».

Статья в издании “*Spectator*” (2001 г.) использует ФЕ *the enemy of my enemy is my friend*, когда речь идет не о перестройке структуры или семантики ФЕ, а об изменении ее pragматических функций и условий употребления: “*The hack right-wing answer... is to quote what the quotes claim to be 'the old Arab proverb': 'the enemy of my enemy is my friend'*” (ODP). Это автонимное употребление ФЕ, когда ставится задача объяснить значение выражения, а не выразить с его помощью какой-то иной смысл. Здесь дается этимология ФЕ, указывается ее возможный арабский источник.

В силу своей культурной нагрузки и семантической емкости, а также высокого оценочного потенциала уже рассмотренная ранее ФЕ *our own worst enemy* попадает и в заголовки книг и статей, что можно рассматривать, как разновидность автонимной функции использования ФЕ. Данная ФЕ встречается в заголовке книги “*Our Own Worst Enemy*” (1968), посвящённой войне во Вьетнаме (СОКА). Заголовок обусловил роль этой ФЕ как характеристики внешней политики США, в результате которой Америка выступает своим собственным врагом.

Оценочный потенциал контрапротивных концептов «дружба» и «вражда» несомненен. Подтверждением этому является не только наличие значительного количества ФЕ с этими концептами, но и представленность этих ФЕ на страницах прессы, описывающей значимые оценочные ситуации. Ряд употреблений ФЕ характеризуется усечением: *false friend are worse than bitter enemies, a friend in court is better than a penny in purse*. В случае цитации ФЕ *a friend to all is a friend to none* наблюдается полемическое отталкивание посредством замены компонента устойчивого выражения на антоним.

5.1.2.4. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих оппозитивные концепты «ГЛУПОСТЬ» и «УМ» в массмедиийных текстах

Исследование ФЕ, в которых присутствуют оппозитивные концепты «глупость» и «ум», в массмедиийном дискурсе выявило значительный оценочный потенциал этих концептов. В публицистике активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «недальновидность», «непрактичность», «абсолютность глупости», «старость».

Ряд ФЕ, в которых объективированы концепты «глупость» и «ум», в массмедиийном дискурсе, употребляются в непреобразованном виде. Например, ФЕ *a fool and his money are soon parted* отражает оценочный признак «недальновидность».

Так, в отрывках из юмористического диалога между двумя друзьями Хербом и Джамалом (2002 г.) данная ФЕ употребляется дословно: *“Herb, you ought to know better than to get mixed up in a get-rich scheme! It is like the old saying: “a fool and his money are soon parted”* (“The Washington Times”) (ODP); она является цитатой в речи персонажа, употребившего ее с целью обобщенной негативной оценки непрактичности глупцов.

Недальновидность описывает и ФЕ *a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end*. Аллюзия на данную единицу встречается в высказывании: *“Hello, I’m Sonya Friedman. Who can explain it, who can tell you why? Fools may give you reasons. Wise men never try”* (COCA). В предложенном отрывке имеет место противопоставление между глупцами и мудрыми людьми. Автор телерепортажа порицает болтливость глупцов.

Недальновидность описывает и ФЕ *fool me once, shame on you, fool me twice, shame on me*: *“You know the old saying ‘fool me once, shame on you, fool me twice, shame on me.’ How does that apply in the aftermath of the September 11 act of war against our country?”* (“The Washington Times”) (ODP). Здесь осуждаются политики США, которых катастрофа 11 сентября ничему не научила, и ни продолжают заигрывать с террористами. Риторический вопрос придает экспрессивность ФЕ.

В публикации 1997 г. ФЕ *fools build and wise men buy* репрезентирует оценочный признак «непрактичность» и использована для негативной характеристики непрактичности глупцов: *Arthur Ransome, self-mocking, said about boating folk: ‘Fools build and wise men buy’* (“The Country Life”) (ODP). Здесь субъект речи одновременно является и объектом: человек говорит о себе, о своей

профессии лодочника. Он трудится, в то время как плодами его труда пользуются другие. В данном случае мы имеем дело с иронией, поэтому можно говорить о том, что негативная оценка, присущая данной ФЕ, смягчается в предложенном контексте.

Ряд ФЕ вводится в публицистику в преобразованном виде – либо со стороны образной составляющей, либо со стороны компонентного состава.

В нашем корпусе текстовых материалов встречается ФЕ *April fool*. Она выступает как объективатор оценочного признака «абсолютность глупости». Так, в статье Ш. Хантингтон данная ФЕ используется в контексте, в котором толкуется ее происхождение: *“April 1 used to be New Year's Day in France, but in 1564 the beginning of the new year was changed to Jan. 1. People who continued to celebrate the April 1 New Year were called “April fools”* (“The Christian Science Monitor”) (COCA). Происхождение данной ФЕ связывается с тем, что во Франции было принято решение унифицировать календарь и начать празднование Нового года 1 января, а не 1 апреля, как было раньше.

В публицистических текстах отмечаются случаи употребления ФЕ *there is no fool like an old fool*. Ее оценочный признак «старость» объективирует базовую модель «с возрастом истинный глупец не станет умнее». Как правило, она встречается в текстах в трансформированном, усеченном до компонента *an old fool* варианте.

Так, усеченный вариант данной ФЕ использован для обобщенной негативной характеристики глупости старого человека: *“But these fantasies are more proper to a young person; beyond the age of, say, 50, they become the fantasy of that fool like whom we are told there is no other, the old fool”* (“The Washington Post”) (ODP).

Интеллектуальная оценка выражается концептами «глупость» и «ум» в ряде ФЕ в публицистических контекстах. Значимость данных концептов велика, ФЕ на их концептуальной основе могут быть привлечены авторами для описания разнообразных оценочных ситуаций в которой порицаются как наивные глупцы, в том числе пожилые люди, и те, кто пытается обрести выгоду, используя наивность других людей. В анализируемом корпусе отмечен случай переосмысления ФЕ *a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end* для выражения экспрессивной оценки мудрых и порицания глупых в рамках одной сентенции.

5.1.2.5. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих оппозитивные концепты «УДАЧА» и «НЕУДАЧА» в массмедиийных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «удача» и «неудача», в массмедиийном дискурсе выявило аксиологический потенциал этих концептов. В текстах публицистики наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «ценность удачи», «трудолюбие», «суеверие», «диалектичность удачи».

Для актуализации обращения читателей к культурному фонду с целью привлечь внимание аудитории ряд исследуемых ФЕ употребляются авторами в непреобразованном виде. Так, ФЕ *fortune favours the brave* имеет интернациональный характер и выражает оценочный признак «ценность удачи»,ср., например, пример из статьи “*Then Later, His Ghost*” (2013 г.): “*He knew, even before he got to the big room at the back of the house, that he was going to find what he was looking for. Fortune favours the brave, he thought. ... There was a man sitting in a chair, a corpse*” (“The New Statesman”) (COCA). Здесь ФЕ используется для передачи внутренней речи персонажа, которая отражает впечатления человека, проникшего в старый дом и наткнувшегося на мертвеца.

Эта же ФЕ использована в статье от 2001 года: “*The luck element has aroused doubts in some quarters, but Lord Guthrie has a standard retort: ‘Fortune favours the brave. ’ He has been proved right, so far*” (“The Spectator”) (ODP) в прямой речи героя публикации для авторитетного убеждения читателяв том, что залог успеха – смелость и инициатива.

В отрывке из статьи Американо-Канадского юридического журнала 2001 г. встречается ФЕ *do not trouble trouble unless trouble troubles you*. Она объективирует оценочный признак «суеверие»: “*Senator Eugene Forsey. ... used to say, “Do not trouble trouble unless trouble troubles you.” I think there is something in that. I thought initially when we heard about boundary disputes that that was relevant*” (COCA). Рассматриваемая ФЕ использована для эмоционально-оценочной характеристики проблемы территориального межевания и отражения личной позиции автора по этому вопросу: не создавать лишних проблем, ждать благоприятных условий их разрешения.

В отрывке из газетной статьи от 1981 г. используется ФЕ: *lucky at cards, unlucky in love*, которая отражает оценочный признак «диалектичность удачи»: “*Arthur and Hilde Cover have defied the old proverb by being lucky at cards and lucky*

in love” (“The Oxford Mail”) (ODP). В данном контексте переосмысляется и опровергается закрепленное традицией значение данной ФЕ: она используется для описания ситуации, когда супруги, будучи счастливы вместе, не теряли удачу и за карточным столом.

В газетной статье 2003 г. данная ФЕ используется для описания криминального происшествия: “*You had never believed the phrase ‘lucky in cards, unlucky in love’ until the night when you were the victim of a drive-by shooting from a jealous ex-girlfriend shortly after being dealt a full house*” (“The Times”) (ODP). Здесь иронически обыгрывается буквальное значение ФЕ в описании ситуации, когда девушка застрелила бывшего ухажера сразу после того, как он выиграл в карты.

Ср. использование ФЕ *every man is an architect of his own fortune*, объективирующая оценочный признак «трудолюбие», в прессе: “*educationalists complain of the limitations of their recourses; but quantifying this in league tables proves the long-term truth of bacons dictum ... each is the maker of his own fate*” (“The Times”) (ODP). В данном контексте дается оценка собственной активности личности учащегося, которая способна преодолеть проблемы системы образования Англии. Автор использует синонимы ряда элементов ФЕ при сохранении общего ее значения.

Оценочный потенциал ФЕ на базе оппозитивных концептов «удача» и «неудача» активно используется публицистами. Данные единицы задействованы для экспрессивного изображения общественно значимых ситуаций в англоязычной среде: человек боится принести несчастье, он верит, что счастье покровительствует смелым, в ряде случаев описывается компенсаторная функция удачи, когда выявляется дилемма концептов «любовь» и «игра» на фоне удачи. ФЕ *every man is an architect of his own fortune* переосмысливается автором, употребляющим ее для описания укоренившейся в англоязычном сознании идеи индивидуализма, веры в достижимость своей мечты.

5.1.2.6. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих оппозитивные концепты «ЛОЖЬ» и «ПРАВДА» в массмедиийных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы оппозитивные концепты «ложь» и «правда», в массмедиийном дискурсе выявило оценочную значимость этих концептов. В публицистике наиболее активно представлены ФЕ, реализующие

такие оценочные признаки, как «мотивированность лжи», «абсолютность лжи», «сила лжи», «сила правды».

Интересующие нас ФЕ в массмедиийных текстах могут быть представлены в нетрансформированном виде.

Достаточно распространенной в английском публицистическом дискурсе является ФЕ *a white lie*. Она служит целям объективации оценочного признака «мотивированность лжи» и используется в ситуации, когда необходимо оправдать ложь во имя благих принципов. Так, в статье 2008 г. ФЕ *a white lie* используется для характеристики взаимоотношений родителей и детей: *“I think children are able to understand that in certain situations we might tell a white lie when we don't want to hurt someone's feelings, for example”* (“Today's Parent”) (COCA). Данная ФЕ употреблена в прямой речи персонажа, устами которого доносится мысль о том, что ложь во благо должна быть инструментом, который предотвращает детские моральные травмы.

В отрывке из статьи Д. Маккулоха в религиозном журнале ФЕ *a white lie* используется для иллюстрации сложных этических проблем: *“When it is the wrong truth, or the wrong person or the wrong time or the wrong way or the wrong reason for telling the truth, a white lie may have more integrity than a facile, insensitive “honesty”. But when does a white lie begin to turn a slight shade of gray? When does it cross over and become immoral?”* (“Christian Century”) (COCA). Здесь автор использует прием анафорического повтора для достижения эмоционального эффекта. Повторяется также слово *wrong* – «неправильный». Оценочный потенциал цитируемой ФЕ используется для передачи сложной и многоаспектной мысли: когда ситуация разворачивается неожиданным или неблагоприятным образом, становится «неправильной», можно использовать ложь во благо, причем вопрос о том, чьи интересы нужно ставить во главу угла: интересы того, кто лжет, или того, кому лгут, – остается открытым.

В отрывке из статьи “The key to the Warren report” (1995 г.) рассматриваемая ФЕ используется для характеристики нетривиальной ситуации: *“After doggedly repeating a white lie for forty-seven years, the Air Force finally admitted the truth about a mysterious 1947 crash in the New Mexico desert. The debris was ... a top-secret high-altitude balloon system for detecting the first Soviet nuclear blasts halfway across the globe”* (“The American Heritage”) (COCA). В 1947 г. в штате Нью-Мексико упал атмосферный зонд, который был выдан за космический корабль пришельцев, и эту

фантастическую историю впоследствии назвали «ложью во спасение» дабы избавиться от возможных претензий в попытках шпионажа на территории Восточной Европы.

В 2002 г. данная ФЕ употребляется для характеристики отношений в паре, которую образуют влюбленные разного происхождения, вероисповедания, жизненного опыта: *“Here are things she said he did: Kept secrets carefully. Knew who he was. Believed in God. Studied hard. Thought. Took life seriously. Laughed a lot. ... Told the truth. Thought positively. Studied people. Here are things she said he would never do: Gossip. Waver. Back-stab. Sugarcoat. Tell a white lie. Fear people. Take anything too seriously. Get mad at anyone but her”* (“The New York Times”) (COCA). ФЕ характеризует возлюбленного со стороны девушки, которая, среди его прочих положительных качеств, отмечает правдивость – невозможность следовать тактике, укладывающейся в формулу «ложь во благо».

Рассматриваемая ФЕ в статье, посвященной погившему дикс-жокею (2012 г.), также употреблена для положительно-оценочной характеристики правдивости героя со стороны его друзей: *“He was the most honest guy I have ever known,” said Clouse. “I don’t think he ever even told me a white lie. He stood for everything he did. He believed in the truth”* (“The San Francisco Chronicle”) (COCA).

В публицистике встречаются ФЕ, построенных по модели *«to lie like X»*: так, в статье Дж. Макмиллана “Baby you’re a rich man, too” (2013 г.) используется ФЕ: *to lie like a trooper: “The Sunday Times”, London, printed a profile of Klein: “a startling blend of bluff, sheer determination, and financial agility, together with an instinct for publicity and the ability to lie like a trooper”* (“The Newsweek Global”) (COCA). Данная ФЕ отражает признак «абсолютность лжи» и в этом контексте использована для негативно-оценочной характеристики нравов шоу-бизнеса в середине XX века, когда дельцы не стесняли себя никакими средствами, в том числе – откровенной ложью, для достижения прибыли.

Ряд ФЕ используется в преобразованном виде – или семантически, или прагматически, или образно и структурно.

ФЕ, заимствованная из французского языка – *to lie like a bulletin*, также отражает оценочный признак «абсолютность лжи». Она встречается в статье “The Emperor’s” в историческом журнале (1999 г.): *“The paper ... described the weather as “ideal” ... But the frigid weather was no ally... Little wonder that cynical Frenchmen, deriding the emperor’s propensity for misleading, coined the phrase ‘to lie like a*

bulletin” (“The Military History”) (COCA). Во времена наполеоновских войн победоносные, но далеко не всегда правдивые, реляции Наполеона о своих победах назывались «бюллетенями». Так возникла ФЕ, внутренняя форма которой имеет следующий вид: «лжет как бюллетень». Использование данной ФЕ в предлагаемом отрывке обосновано с дискурсивной точки зрения. Наполеон никогда не принимал в расчет погодные условия и называл их приемлемыми, что часто не соответствовало истине.

В ряде контекстов, при отсутствии дословного цитирования ФЕ, обыгрывается образная основа первоисточника.

Оценочный признак «сила лжи» предстает в ФЕ *a lie is halfway around the world before the truth has got its boots*. Так, в отрывке из статьи в британском издании (2002 г.) приводится преобразованная версия данной ФЕ, восходящая к античной мифологии: “*It is often said that a lie can get around the world quicker than the truth can get its shoes on. For Steven McPherson, it was quicker than he could get his clothes on*” (“The Times”) (ODP). Автор, цитируя ФЕ, в которой ложь и правда предстают в виде антропоморфных сущностей, осуществляет замену компонента ФЕ: в первоисточнике речь идет о другом виде обуви. В цитате используется модальный глагол вместо глагола-связки, что снижает его категоричность. Для такого человека, как Макферсон, солгать легче, чем одеться.

Американский политик Т. Джейферсон опирается образную основу ФЕ *bitter truth*. Данная ФЕ отражает оценочный признак «сила правды»: *the man who fears no truths has nothing to hear from lies* (WDQ). Автор развивает эту идею за счет разворачивания словосочетания в полноценное предложение и тем самым усиливает звучание идеи ‘горькая правда хуже всякой лжи’.

Концепты «ложь» и «правда» реализуют оценочный потенциал, когда служат основой для ряда английских ФЕ. Данные оппозитивные концепты используются для решения задачи экспрессивного изображения героев публикации. Иногда публицисты преобразуют исходную ФЕ, чтобы добиться максимальной выразительности, как это происходит с ФЕ *a lie is halfway around the world before the truth has got its boots*, используя семантически сходные компоненты, не препятствующие узнаванию ФЕ.

5.1.2.7. Дискурсная реализация английских ФЕ, объективирующих оппозитивные концепты «БЕДНОСТЬ» и «БОГАТСТВО» в массмедиийных текстах

Исследование ФЕ, в которых объективированы концепты «бедность» и «богатство», в массмедиийном дискурсе также выявило релевантный оценочный характер этих концептов. В публицистике наиболее активно представлены ФЕ, реализующие такие оценочные признаки, как «социальный антагонизм бедных и богатых, неподсудность бедности, абсолютность бедности, власть богатства».

Некоторые исследуемые ФЕ употребляются авторами в непреобразованном виде – для актуализации обращения читателей к культурному фонду с целью привлечь внимание аудитории.

Оценочный признак «социальный антагонизм бедных и богатых» присутствует в ФЕ *one law for the rich, another for the poor*. В статье 2001 г. данная ФЕ используется для описания неравенства богатых и бедных людей перед законом: “*If he gets community service and a suspended sentence the hustlers will be out in force screaming the old ‘one law for the rich, another for the poor’ chestnut*” (“The Spectator”) (ODP). Примечательно, что в этом отрывке есть аллюзия еще на одну ФЕ: *the old chestnut*, разорванная исследуемой ФЕ, восходит к единице *to pull the chestnuts out of the fire for smb*. Она используется для описания ситуации, когда кто-либо старается для других, причем бесплатно – ‘таскает для других каштаны из огня’.

В статье Л. Городотской используется ФЕ *poverty is not a shame but being ashamed of it is*, которая объективирует оценочный признак «неосуждаемость бедности». Автор дает усеченный вариант ФЕ: “*the whole Russian culture is known for its respect for poverty... Prosperity has always been a matter of shame. Hence, a belief that poverty is not a shame and complaining about it arouses sympathy and makes people closer is widespread. Russian people’s liking for complaining is notorious and often misinterpreted by Western Europeans and Americans who take it for begging*” (“The American Studies International”) (СОСА). Данная ФЕ употребляется для характеристики культурных различий в отношении к бедности в английской и русской культурах. Автор говорит о том, что отношение к бедности в рассматриваемых культурах противоположно. В англо-саксонской культуре, по крайней мере, в настоящее время, признаться в бедности постыдно. Быть бедным – значит быть неудачником, человеком, неприспособленным к жизни. В русской

культуре бедность вызывает не презрение и насмешку, но жалость и сочувствие. В этом смысле русское отношение к бедности сближается со «старыми» представлениями англичан, которое выражается в виде высказывания *poverty is not a shame, but a great inconvenience*, частично цитируемое автором статьи. Подобного рода наблюдения приводит С.Г. Тер-Минасова [Тер-Минасова 2000: 137].

В отрывке из статьи Дж. Альварес от 1998 г. ФЕ *as poor as a church mouse* репрезентируется оценочный признак «абсолютность бедности»: ФЕ характеризует персонажей, находящихся на дне жизни: “*They both know she is as poor as a church mouse now that she has left him, but there is a supposed share in some family fortune that will come to her in the future if all the right people die off*” (“Ms.”) (COCA).

В статье Р. Стюарта “*Country road may get country name*” (1994 г.) рассказывается история участника Второй мировой войны, используется ФЕ *as poor as dirt*. Данная ФЕ актуализует оценочный признак «абсолютность бедности»: “*For a while they had to live in a tent,*” *Holzapfel said.* “*A lot of people did that. They were as poor as dirt.*” *Other times, the family lived in government housing hastily built to shelter some of the thousands of defense workers in the booming town*” (“The Houston Chronicle”) (COCA). Данная ФЕ звучит в прямой речи персонажа, ее использование функционально оправдано, так как ее произносит герой в адрес таких же бедняков, как он, потерявших жилье и вынужденных искать работу.

Также широко представлены в массмедиийных текстах ФЕ, объективирующие концепт богатства. Особенно активно функционирует компаративная ФЕ *as rich as Croesus*, отражая оценочный признак «власть богатства».

В 1992 г. Б. Клинтон и его вице-президент А. Гор на канале ABC обсуждали вопросы деловой сферы. В монологе аналитика употреблена ФЕ *as rich as Croesus* как символ «американской мечты», одной из ключевых позиций американской лингвокультуры, стремление стать «богатым как Крез»: “*Clinton would almost try to put a cap on a million-dollar salary by making them not tax-deductible over that. You would like to make them at a max 20 times the lowest person's earnings. Doesn't that take away from the American Dream, that you should be as rich as Croesus if you can possibly do it?*” (COCA).

В статье П. Бруно (1999 г.), посвященной описанию французской кухни, данная ФЕ выступает основой языковой игры: *Desserts, too, are a mix of classic and contemporary. A raspberry souffle arrived high and mighty. A small hole is poked into the top center by the waiter and a warm raspberry sauce is poured into the hole. As light*

as a feather, as rich as Croesus, and quite delicious. ... An excellent dessert that worked beautifully on several levels of texture and flavor (“The Chicago Sun-Times”) (COCA). Автор переосмысливает значение компонента ФЕ – прилагательного *rich*, которое используется в значении «обогащенный (продукт)», т.е. «насыщенный, калорийный». В этом контексте добавление ‘как Крёз’ создаёт комический эффект.

Ряд ФЕ используется в преобразованном виде – или семантически, или pragmatically, или образно и структурно.

В основном перестройка касается структуры исходной ФЕ *as rich as Croesus*, когда замене подвергается компонент ФЕ, который выступает как символ богатства – Крез. Вместо имени Креза используются современные символы богатства – имена людей, которые стали нарицательными – Рокфеллер и Карнеги, Билл Гейтс и пр.

Так, в телевизионном материале, посвященном жизни американского магната 70-х–80-х гг. XIX в. С. Израэля, который вышел на канале Эн-Би-Си в 2009 г., автор использует трансформированную ФЕ “*as rich as any Rockefeller or Andrew Carnegie*” (COCA). При этом местоименный элемент *any* при имени собственном *Rockefeller* показывает, что здесь имя Рокфеллера употреблено именно в нарицательной функции.

В отрывке из статьи Л. Лэфема 2002 г. данная модель ФЕ используется в ироническом смысле для описания паники на бирже в 2002 году: ... *last week in July the Dow Jones industrial average was down 2,300 points, and what had begun ... The gathering of so large a host spoke to the increasingly forlorn hope ... in the belief that God wants every good American to become as rich as Bill and Melinda Gates...* (“The Harper’s Magazine”) (COCA).

В этом контексте фраза об американской мечте звучит с неприкрытой иронией. При этом компонент исходной ФЕ ‘Крез’ заменен на новые символы богатства – имена современных мультимиллиардеров Билла и Мелинды Гейтс. При этом выбор именно этих имен, возможно, объясняется и экстралингвистическими обстоятельствами – паника на бирже возникла именно в секторе высоких технологий, одном из флагманских предприятий, каким, как известно, является компания Гейтса «Майкрософт».

Значение концептов «бедность» и «богатство» для современной культуры велико. Эти концепты выражают оценку, они употребляются в современной публицистике в ситуациях, связанных с оценкой сферы материального состояния в

утилитарном, эмоциональном или гедонистическом плане. В ряде случаев используется дословное употребление ФЕ, но есть много случаев употребления ФЕ, объективирующих концепты «бедность» и «богатство», в преобразованном виде. Так, ФЕ *poverty is not a shame but being ashamed of it is*, которая употребляется в усеченном виде как намек на типичную ситуацию, или *as rich as Croesus*, которая претерпевает изменение компонентного состава с сохранением оценочного знака и грамматической структуры.

5.2. Сопоставительный анализ английских фразеологизмов, репрезентирующих характеристики внутреннего мира человека и социальные характеристики человека, в художественном и в массмедиаином дискурсе

В данном разделе приводятся результаты сопоставительного анализа дискурсивного варьирования ФЕ, репрезентирующих характеристики внутреннего мира человека и его социальные характеристики, в художественных и публицистических текстах, реализующих оценочные признаки ФЕ, выявленных на предыдущем этапе анализа. Исследование показало релевантность оценочных признаков для функционирования ФЕ данной тематической группы в речи, а также позволили обнаружить ряд новых явлений, обусловленных спецификой функционирования ФЕ в художественном и публицистическом дискурсе.

Концептуальное содержание исследованных в главе ФЕ принадлежит к абстрактному типу, что отличает их от концептов животного и растительного мира, имеющих образную, конкретно-чувственную основу.

Сначала анализировались ФЕ на материале текстов англоязычной художественной литературы. Авторы художественных текстов активно используют значительный оценочный потенциал ФЕ для решения художественных задач.

В дискурсивном варьировании ФЕ в художественном тексте обнаружены те же явления, что и при анализе ФЕ, объективирующих реалии животного и растительного мира. Это переосмысление исходной ФЕ в соответствии с художественными задачами, обогащение ее содержания новыми, актуальными для автора смыслами, полемическое отталкивание от стандартных принципов ее восприятия в культуре и изменение знака оценки, нейтрализации негативного и / или позитивного оценочного потенциала и пр.

На уровне образной структуры и компонентного состава значимыми являются такие явления, как дефразеологизация и деметафоризация образа,

положенного в основу фразеономинации, использование ложной этимологии, контаминация ФЕ, усечение компонента ФЕ, замена компонента, добавление компонента, преобразование грамматической структуры ФЕ (изменение типа синтаксической конструкции, морфологических свойств компонентов, номинализация предикативной единицы и т.д.).

Когнитивно-дискурсивный анализ показал, что в художественных текстах представлены ФЕ, реализующие следующие оценочные признаки.

Концепт «любовь». В дискурсной реализации ФЕ, объективирующих концепт «любовь», в художественных текстах наиболее активно представлены мелиоративные оценочные признаки: «сила любви» (*love and lordship like no fellowship*), пейоративные признаки: «безумство любви» (*love is blind, one cannot love and be wise, love and cough cannot be hid*), «непостоянство» (*out of sight, out of mind*). Авторы допускают переосмысление таких ФЕ, как *love is blind, one cannot love and be wise, love and knowledge live not together, love and lordship like no fellowship, out of sight, out of mind*, что выражается в незначительном изменении стандартного контекста употребления.

Английская художественная литература испытывает интерес к любовной тематике. Концепт «любовь», который имеет прототипический характер, встречается на страницах литературных произведений как элемент ФЕ, отражающих ряд культурологических доминант. Разные авторы употребляют ФЕ как дословно, так и переосмысливая их, оставляя неприкосновенными концептуальную основу ФЕ и их оценочный знак.

Концепт «смерть». В дискурсной реализации ФЕ, объективирующих концепт «смерть», в художественных текстах – наиболее активно представлены такие мелиоративные оценочные признаки, как «гордость» (*better die on your feet than live on your knees*), и такие пейоративные признаки, как «смерть как отсутствие признаков живого» (*dead men don't bite*), «абсолютность смерти» (*as sure as death, pale as death*), «неизбежность смерти» (*death when it comes will have no denial*). Переосмыслинию, не затрагивающему концептуальную наполненность ФЕ, подвергаются единицы *fear of death is worse than death itself, death when it comes will have no denial*.

Концепты «вражда» и «дружба». Многоаспектный характер взаимоотношений людей, описываемых в рамках данных концептов, отражен в литературе. Авторы произведений художественной литературы часто изменяют

исходные ФЕ, что проявляется как в плане изменения формы (замена грамматической структуры таких ФЕ, как *God defend me from my friends and I can defend myself from my enemies, poverty parts fellowship, broken friendship may be soldered but it will never be sound*), так и в плане содержания (смена оценочного знака ФЕ *a friend in the market is better than money in the chest*, замена образной основы при сохранении ситуативного наполнения и оценочного знака ФЕ *a friend is not so soon gotten as lost, the friend that faints is a foe*).

Концепты «глупость» и «ум». Оценка интеллектуальных способностей человека, которая имеет место на страницах художественной литературы, что не в последнюю очередь осуществляется при употреблении авторами ФЕ, в которых присутствуют данные контарные концепты. В литературных произведениях встречаются случаи контаминации ФЕ *fools will be fools u answer a fool according to his folly, a burnt child dreads the fire u a fool always rushes to the fore*; переосмысления ФЕ *there is no fool like an old fool, fools ask questions that wise men cannot answer, a fool thinks himself wise, a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end*. Авторы прибегают к этим приемам с целью экспрессивно-оценочного описания действительности.

Концепты «удача» и «неудача» в исследуемых ФЕ, встречаются в ряде произведений английской художественной литературы. Причем ФЕ на их концептуальной основе употребляются преимущественно в неизменном виде.

Концепты «ложь» и «правда». Вопросы истины и лжи, разные подходы к их пониманию отражены на страницах произведений литературы. Переосмысление как способ экспрессивного нарратива применяется в ФЕ *truth will out, ask me no questions, and I will tell you no fibs, half the truth is often the whole lie*.

Концепты «бедность» и «богатство». Эти концепты выражают оценку, отражая при этом и ряд культурно специфических явлений. Различным видам структурной перестройки и изменениям содержательной стороны подвергаются ФЕ *he is not poor that has little but he that desires much, riches are gotten with pain, kept with care and lost with grief, money is the root of all evil*. На базе данных ФЕ авторы выполняют прагматическую задачу оценочного описания богатства при общем положительном отношении к материальному благосостоянию, они негативно оценивают тех, кто возводит материальные блага в ранг абсолютных ценностей.

Полученные результаты обобщены в Таблицу 5.1. В первом столбце приводится список исходных культурных концептов, репрезентирующих характеристики внутреннего мира человека и социальные характеристики человека, во втором и третьем столбцах приводятся примеры ФЕ, объективирующих, соответственно, мелиоративные и пейоративные оценочные признаки (в скобках указывается признак).

Таблица 5.1.

Качественный состав оценочных признаков ФЕ в художественном дискурсе

Концепты	ФЕ, объективирующие мелиоративные оценочные признаки	ФЕ, объективирующие пейоративные оценочные признаки
Любовь	love and lordship like no fellowship (сила любви)	love is blind (безумство любви) one cannot love and be wise (безумство любви) love is merely a madness (безумство любви) love and knowledge live not together (безумство любви) out of sight, out of mind (непостоянство)
Смерть	when good Americans die they go to Paris (смерть как благо)	dead men don't bite (смерть как отсутствие признаков живого) as sure as death (абсолютность смерти) pale as death (абсолютность смерти) as the seven deadly sins (абсолютность смерти) death when it comes will have no denial (неизбежность смерти) fear of death is worse than death itself (страх смерти)
Дружба и вражда	we can live without our friends but not without our neighbours (дружба и соседство) a friend in need is a friend indeed (истинность дружбы) a friend in the market is better than money in the chest (значимость / ценность дружбы для человека)	God defend me from my friends and I can defend myself from my enemies (амбивалентность дружбы) broken friendship may be soldered but it will never be sound (потеря дружбы) loan oft loses both itself and friend (потеря дружбы) the friend that faints is a foe (предательство)

Ложь и правда	truth will out (сила правды) truth is stranger than fiction (сила правды)	a lie will go round the world while truth is pulling its boots on (сила лжи) half the truth is often the whole lie (сила лжи) truth lies at the bottom of the well (сила лжи) liars should have good memories (хитрость) ask no questions and you shall hear no lies (мотивированность лжи)
Глупость и ум		old fools is the biggest fool (старость) a fool at forty is a fool indeed (старость) fools will be fools (старость) fools' parades are wise men's purgatories (неумение держать себя) like a fool (глупость) answer a fool according to his folly (бессвязность речи, болтливость) fool thinks himself wise (самонадеянность) fools ask questions that wise men cannot answer (самонадеянность) a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end (недальновидность) he is a fool that deals with fools (непрактичность)
Удача и неудача	diligence is the mother of good luck (трудолюбие)	lucky at cards, unlucky in love (диалектичность удачи) there is luck in odd numbers (суеверие) as good luck as had the cow that struck herself with her own horn (амбивалентность удачи)
Ложь и правда	truth will out (сила правды) truth is stranger than fiction (сила правды)	a lie will go round the world while truth is pulling its boots on (сила лжи) half the truth is often the whole lie (сила лжи) truth lies at the bottom of the well (сила лжи) liars should have good memories (хитрость) ask no questions and you shall hear no lies (мотивированность лжи)

Бедность и богатство	rolling in wealth (удовлетворенность) poverty is no crime (неосуждаемость бедности) he is not poor that has little but he that desires much (относительный характер бедности) money makes a man (власть богатства) better be born lucky than rich (удачливость)	as poor as Job (абсолютность бедности) riches are gotten with pain, kept with care and lost with grief (опасность) money is the root of all evil (вред богатства)
ИТОГО:	(14) 32	(38) 114

Проведенный анализ позволил сделать выводы об особенностях актуализации и по динамике соотношения мелиоративных и пейоративных оценочных признаков в дискурсной реализации интересующих нас ФЕ в художественных текстах.

Количественный анализ нашего корпуса художественной литературы (часть которого присутствует в качестве иллюстративного материала в этой главе) говорит о значительном, почти трехкратном превосходстве случаев реализации ФЕ, выражающих негативные оценочные признаки по сравнению с позитивными.

Исследование выявило, что амбивалентными в литературе являются почти все исследуемые концепты сферы человека, за исключением концепта «глупость» (оппозитивный концепт «ум» не представлен). Глупость ожидаемо выражает в литературе только негативные признаки. Концептов, выражающих только позитивные оценочные признаки сферы человека в исследуемом корпусе текстов, выявлено не было.

Анализ выражаемых признаков по типам оценки в данном разделе показал, что объективируются следующие виды оценок. **Эстетические оценки:** неумение держать себя; **интеллектуальные оценки:** хитрость, глупость, самонадеянность, болтливость, недальновидность, непрактичность; **социальные оценки:** опасность, вред богатства, опасность, абсолютность бедности, власть богатства, неподсудность бедности, относительный характер бедности, трудолюбие, истинность дружбы, ценность дружбы, корысть, непостоянство дружбы и соседство, мотивированность лжи, потеря, дружбы амбивалентность дружбы; **эмоциональные оценки:** удачливость, суеверие, удовлетворенность, сила любви, диалектичность удачи, амбивалентность удачи, безумство любви, непостоянство; **физиологические оценки:** старость абсолютность смерти,

смерть как отсутствие признаков живого, неизбежность смерти, страх смерти; моральные оценки: сила правды, сила лжи, смерть как благо, предательство.

Таким образом, для ФЕ, репрезентирующих сферу человека в художественном дискурсе, наиболее актуальными являются социальные, эмоциональные, физиологические и интеллектуальные оценки.

Далее, в соответствии с принятой концепцией исследования, на материале текстов англоязычной публистики анализировались ФЕ, репрезентирующие характеристики внутреннего мира человека и социальные характеристики человека.

Публицисты часто преобразуют исходную ФЕ, чтобы добиться максимальной выразительности и создать новый образ на базе уже закрепленного в культуре. При этом сами направления в области трансформации исходных ФЕ во многом схожи с рассмотренными выше моделями дискурсной реализации ФЕ (в том числе типами их pragmatischesких, смысловых и структурных преобразований) в художественных текстах.

Когнитивно-дискурсивный анализ особенностей речевой реализации ФЕ на основе концептов, репрезентирующих характеристики внутреннего мира человека и его социальные характеристики, показал, что в масмейдийном дискурсе активно представлены ФЕ, реализующие различные концепты и оценочные признаки.

Концепт «любовь». На страницах современной прессы данный концепт, имеющий прототипический характер, отмечен высокой степенью реализации в составе различных ФЕ в масмейдийных текстах – наиболее активно представлен такой мелиоративный признак, как «сила любви» (*all is fair in love and war, puppy love*), и такой пейоративный признак, как «безумство любви» (*love is blind*). Структурно-семантической перестройке в разных масмейдийных контекстах подвергается ФЕ *love is blind* с целью придания экспрессивности интеллектуальной и/или эмоциональной оценки чувств.

Концепт «смерть». Проявления данного концепта описываются в англоязычной прессе и при помощи ряда ФЕ, выражающих оценочные суждения. Большинство из проанализированных единиц в масмейдийном поле используется дословно, особняком стоит модель *as dead as*, которая служит источником авторских новообразований и используется с целью экспрессивного отражения ситуации констатации смерти.

Концепты «вражда» и «дружба». Вражда и дружба, культурологические особенности их восприятия современным англоязычным обществом находят отражение на страницах печати сквозь призму исследуемых в работе ФЕ. Ряд анализируемых употреблений ФЕ характеризуется переосмыслением с целью достижения большего воздействия на читателя. Так в случае с единицами: *false friend are worse than bitter enemies, a friend in court is better than a penny in purse* наблюдается усечение, в ФЕ *a friend to all is a friend to none* наблюдается полемическое отталкивание посредством замены компонента устойчивого выражения на антоним.

Концепты «глупость» и «ум». Интеллектуальная оценка, которая выражается не в последнюю очередь при помощи данных концептов, находит свое отражение, в ряде ФЕ, объективированных на страницах англоязычной прессы. Интеллектуальная оценка глупости в случае употребления ФЕ *a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end* характеризуется переосмыслением.

Концепты «удача» и «неудача». Разные поджанры публицистики раскрывают оценочный потенциал контратных концептов «удача» и «неудача» при помощи ФЕ, которые помогают описать культурную специфику данных концептов в англоязычной картине мира. Они в большинстве случаев использованы в основном значении, поскольку цитируемые ФЕ отражают злободневные проблемы и находят отклик у читателей.

Концепты «ложь» и «правда». Для публицистики вопросы лжи и правды, исходя из функциональной специфики данных концептов, играют важную роль. Культурологическая нагрузка данных концептов раскрывается в рамках их употребления в составе ряда ФЕ, когда приходится констатировать силу лжи, при описании ее *FE a lie is halfway around the world before the truth has got its boots* допускает ряд незначительных переосмыслений, не затрагивающих ни оценочный функционал концептов, ни ситуативную составляющую ФЕ.

Концепты «бедность» и «богатство» на страницах англоязычной прессы являются одними из самых частотных; прототипический характер данных концептов объясняет их использование в ряде ФЕ. В некоторых единицах авторы отходят от дословного их употребления. Так ФЕ *poverty is not a shame but being ashamed of it is* употребляется в усеченном виде. Высказывания, построенные на основе компаративной модели *as rich as* (исходная фраза *as rich as Croesus*),

претерпевают изменение компонентного состава с сохранением оценочного знака и грамматической структуры.

Полученные результаты обобщены в Таблице 5.2.

Таблица 5.2.

Качественный состав оценочных признаков ФЕ в публицистическом дискурсе

Концепты	ФЕ, объективирующие мелиоративные оценочные признаки	ФЕ, объективирующие пейоративные оценочные признаки
Любовь	puppy love (сила любви) all is fair in love and war (сила любви)	love is blind (безумство любви)
Смерть		as dead as... (абсолютность смерти) dead men tell no tales (смерть как отсутствие признаков живого) nothing is certain but death and taxes (неизбежность смерти)
Дружба и вражда	a friend in need is a friend indeed (истинность дружбы) a friend in court is better than a penny in purse (значимость/ценность дружбы для человека)	the enemy of my enemy is my friend (неразборчивость) one's own worst enemy (глупость) friend or foe (предательство) a fair weather friend (предательство) false friends are worse than bitter enemies (предательство) God, defend me from my friends and I will keep from my enemies (амбивалентность дружбы) a friend to all (дружба и вражда)
Глупость и ум		a fool and his money are soon parted (недальновидность) a fool looks at the beginning, a wise man regards to the end (недальновидность) fool me once, shame on you, fool me twice, shame on me (недальновидность) April Fool (абсолютность глупости) there's no fool like an old fool (старость) fools build and wise men buy (непрактичность)

Удача и неудача	fortune favours the brave (ценность удачи) do not trouble trouble unless trouble troubles you (суеверие) every man is an architect of his own fortune (трудолюбие)	lucky in cards, unlucky in love (диалектичность удачи)
Ложь и правда	a white lie (мотивированность лжи) bitter truth (сила правды)	to lie like a trooper (абсолютность лжи) to lie like a bulletin (абсолютность лжи) a lie is halfway around the world before the truth has got its boots (сила лжи)
Бедность и богатство	poverty is not a shame (неосуждаемость неподсудности бедности) as rich as Croesus (власть богатства)	one law for the rich, another for the poor (социальный антагонизм бедных и богатых) as poor as a church mouse (абсолютность бедности) as poor as dirt (абсолютность бедности)
ИТОГО:	(11) 33	(24) 72

Проведенный анализ позволил обобщить особенности актуализации и данные по динамике соотношения мелиоративных и пейоративных оценочных признаков в дискурсной реализации ФЕ в публицистических текстах.

Количественный анализ ФЕ в публицистическом дискурсе (в него вошли и ФЕ, которые не получили освещения в данной главе) позволяет утверждать, что количество употребляемых в публицистических ФЕ, отражающих изучаемые отрицательные оценочные признаки, более чем в два раза превышает количество случаев употребления ФЕ, несущих положительные оценочные признаки.

Амбивалентны в публицистике концепты сферы человека: «любовь», «дружба» и «вражда», «удача» и «неудача», «ложь» и «правда», «бедность» и «богатство».

Только негативные оценочные признаки в публицистике выражают концепты сферы человека: «смерть», «любовь», «глупость».

Концепты сферы человека, которые могли бы выражать только позитивные оценочные признаки, в публицистике не зафиксированы.

Анализ выражаемых признаков по типам оценки в данном разделе показал, что авторы объективируют следующие виды оценок. **Интеллектуальные оценки:** глупость, недальновидность, непрактичность; абсолютность глупости; **социальные оценки:** социальный антагонизм бедных и богатых, абсолютность

бедности, власть богатства, неподсудность бедности, трудолюбие, истинность дружбы, ценность дружбы, амбивалентность дружбы, дружба и вражда; эмоциональные оценки: суеверие, ценность удачи, сила любви, безумство любви, диалектичность удачи; физиологические оценки: абсолютность смерти, неизбежность смерти, смерть как отсутствие признаков живого; моральные оценки: сила правды, сила лжи, мотивированность лжи, предательство, неразборчивость, абсолютность лжи. Таким образом, для ФЕ, репрезентирующих сферы человека в публицистическом дискурсе, наиболее актуальными являются социальные, эмоциональные и физиологические и моральные оценки.

Проведенный когнитивно-дискурсивный анализ текстовой реализации ФЕ, репрезентирующих характеристики внутреннего мира человека и его социальные характеристики, в художественных и публицистических текстах в аспекте концептуализации оценочных признаков ФЕ позволил верифицировать данные, полученные в ходе предыдущего этапа анализа английских ФЕ, объективирующих концепты мира человека, в фразеосистеме английского языка, по словарям.

Сравнение данных таблиц 3.3. и 3.4. позволяет сделать выводы по ФЕ, реализованным в произведениях художественной литературы и публицистики.

Концепт «любовь». В литературе данный концепт амбивалентен, так же, как и в публицистике. Общие признаки – «сила любви, безумство любви».

Концепт «смерть». В литературе он амбивалентен, тогда как в публицистике он выражает только пейоративные признаки. Общие признаки – «абсолютность смерти, неизбежность смерти, смерть как отсутствие признаков живого».

Концепты «дружба» и «вражда» амбивалентны в двух рассматриваемых видах дискурса. Общие признаки – «истинность дружбы, значимость/ценность дружбы для человека, предательство, амбивалентность дружбы».

Концепты «глупость» и «ум» в дискурсе представлены только негативным компонентом («глупость»). Общие признаки – «старость, недальновидность, непрактичность».

Концепты «удача» и «неудача». Данные концепты амбивалентны в двух рассматриваемых видах дискурса. Общие признаки – «трудолюбие, суеверие, диалектичность удачи».

Концепты «ложь» и «правда». Представлены как в литературе, так и на страницах прессы в виде амбивалентных концептов. Общие признаки – «сила правды, сила лжи».

Таким образом, ФЕ сферы человека, в отличие от ФЕ сферы природы, сохраняют свою амбивалентность. Однако, как и в случае с ФЕ сферы природы, авторы используют далеко не все ФЕ: концептов, отражающих только мелиоративные признаки ФЕ сферы человека, нет ни в художественной литературе, ни в публицистике. Сопоставление пейоративных и амбивалентных признаков показывает значительное превалирование последних и говорит о том, что концепты ФЕ сферы человека в обоих дискурсивных жанрах амбивалентны и способны в разных контекстах отражать и положительные, и отрицательные черты.

Выводы по содержанию четвертой и пятой глав

В данных главах осуществлен когнитивно-дискурсивный анализ особенностей дискурсивного варьирования английских ФЕ в художественных и публицистических текстах с точки зрения реализации мелиоративных и пейоративных оценочных признаков, выявленных на предыдущем этапе анализа.

Исследуемые тексты обладают образностью, экспрессивностью, и в этом смысле художественная литература и публицистика открывают возможности для трансформированного использования ФЕ, для их переосмыслиния в концептуальном и ценностном плане. С другой стороны, учитывались специфические черты этих разных видов дискурса, связанные с различием их целей, задач, характера адресованности и пр.: при введении ФЕ в художественный дискурс авторы приспосабливают ценностный компонент ФЕ к своим задачам, эксплуатируя культурную нагруженность ФЕ в сознании носителей языка для изображения окружающей обстановки, внешнего вида и характера персонажа, для выражения своих идей и мыслей о жизни и об искусстве. Массмедиийный дискурс связан с реакцией на актуальные события, с выражением авторской позиции по поводу проблем современности. Вводя в дискурс указанные ФЕ как в аутентичном, так и в преобразованном виде, авторы используют ценностный компонент ФЕ для выражения своего видения проблемы, подтверждения значимости своих идей посредством апелляции к культурному фонду ценностно значимых представлений, форматов знания и когнитивных моделей.

Когнитивно-дискурсивный анализ особенностей речевой реализации ФЕ на основе концептов, репрезентирующих реалии животного и растительного мира и мира человека, позволил сделать выводы по особенностям актуализации и по

динамике соотношения мелиоративных и пейоративных оценочных признаков в дискурсной реализации рассмотренных ФЕ. Данные сведены в таблицу.

Таблица 5.4.

Положительные и отрицательные оценочные признаки сферы человека и сферы природы в художественной литературе и публицистике.

<i>Тип дискурса и сфера образности</i>	<i>Мелиоративные оценочные признаки</i>	<i>Пейоративные оценочные признаки</i>
<i>ФЕ сферы природы в худ. лит.</i>	36	87
<i>ФЕ сферы природы в публицистике</i>	45	69
<i>ФЕ сферы человека в худ. лит.</i>	32	114
<i>ФЕ сферы природы в публицистике</i>	33	72

Количество положительных признаков не превышает количество манифестаций отрицательных. Наиболее сбалансированным компонентом (распределение значений близко к ситуации 50 / 50%) наблюдается для ФЕ в сфере природы в публицистике. Максимальный разброс показателей характерен для ФЕ сферы человека на материале художественной литературы и публицистике. Это происходит, возможно, потому, что ФЕ сферы человека характеризуются неметафорическим способом номинации, что приводит к большим цитаниям негативных признаков. Сфера природы метафорична, не столь однозначна. В ней допустимо больше положительных характеристик.

Проведенный анализ английских ФЕ в аспекте их дискурсной реализации подтвердил существенное преобладание в англоязычной «ценностной картине мира» пейоративных оценочных признаков над мелиоративными.

Амбивалентными в двух видах дискурса являются концепты мира природы «мышь» и «крыса», «петух» и «курица», «корова» и «бык». Устойчивость аксиологического знака проявляют концепты «волк» и «овца», «рыба» (негативны), а также «птица» (позитивен). Амбивалентными в двух видах дискурса являются концепты мира человека «любовь», «дружба» и «вражда», «удача» и «неудача», «ложь» и «правда».

В обоих видах дискурса наиболее частотными типами оценки являются социальная и эмоциональная оценка, третье место занимает физиологическая оценка и наименее представлена эстетическая оценка.

В соответствии со спецификой художественного и публицистического дискурсов как дискурсов активного воздействия, отражающих экспрессивные и лингвокреативные возможности языка, ряд ФЕ входит в дискурс в

трансформированном виде, что усиливает образный и оценочный потенциал их воздействия на адресата. В художественном тексте может происходить переосмысление ФЕ в соответствии с художественными задачами, обогащение ее содержания новыми смыслами, полемическое отталкивание от стандартных принципов ее восприятия в культуре и изменение знака оценки в рамках взаимопереводов от мелиоративной к пейоративной оценке, нейтрализации негативного и / или позитивного оценочного потенциала и пр.

На уровне образной структуры и компонентного состава ФЕ значимыми являются такие тенденции, как дефразеологизация и деметафоризация образа, положенного в основу фразеономинации, использование ложной этимологии, контаминация ФЕ, усечение компонента ФЕ, замена компонента, добавление компонента, преобразование грамматической структуры ФЕ (изменение типа синтаксической конструкции, морфологических свойств компонентов, номинализация предикативной единицы и т.д.).

Анализ дискурсивного варьирования ФЕ, объективирующих реалии внешней среды и внутренний мир человека показал, что в большинстве случаев авторы используют прием переосмысления ФЕ, который выражается либо в использовании синонимических конструкций на грамматическом уровне, либо замене одного из элементов ФЕ на синоним без изменения ситуативной составляющей ФЕ, с сохранением ключевого элемента, описывающего исследуемый концепт. Допускается прием аллюзии, усечения ФЕ с сохранением во фразе ключевого элемента. Редки случаи смены знака оценки, что достигается путем использования антонима вместо одного из элементов ФЕ или использования отрицания.

Выявленные общие оценочные признаки и тенденции языковой объективации определенного концептуального содержания в сравниваемых группах английских ФЕ позволили подтвердить наличие ценностных доминант, проявляющихся в дискурсной реализации ФЕ в художественных и публицистических текстах.

Это базовые ценностные представления, репрезентированные такими оценочными признаками, как «*опыт*» (положительные), «*коварство, поспешность, медлительность, агрессия, смерть, умеренность, невыразительность, глупость вздорный характер*» (отрицательные) для сферы природы художественного дискурса; «*жизнь, тихий нрав, умеренность*» (положительные), «*агрессия, коварство, вздорный характер*» (отрицательные) для сферы природы

публицистического дискурса; «*дружба, сила правды, удачливость*» (положительные), «*безумство любви, абсолютность смерти, старость, самонадеянность, сила лжи, диалектичность удачи*» (отрицательные) для сферы человека художественного дискурса; «*сила любви, истинность дружбы, трудолюбие*» (положительные), «*безумство любви, абсолютность смерти, предательство, недальновидность, диалектичность удачи, абсолютность лжи, абсолютность бедности*» (отрицательные) для сферы человека публицистического дискурса.

При сравнении признаков ФЕ, выделенных по словарным материалам, с реализуемыми в дискурсе можно говорить о значительных «потерях»: многие из них не находит реализации ни в текстах художественной литературы, ни в текстах современной прессы.

ФЕ сферы природы в литературе описывает ситуации морской тематики, криминальной сферы, политики, общественных и межличностных отношений, проблему поколений и семейных отношений, коммерции, войны, в первую очередь, второй мировой, а также войн в странах третьего мира; в публицистике эти ФЕ характеризуют внутриполитическую ситуацию в Британии и США, предвыборные стратегии, описывают политических деятелей, вопросы истории, проблемы молодежи и воспитания, деловой и социальной сферы, спорта, здравоохранения, развлечений (музыка и кино), моды и окружающей среды. Нередки аллюзии на прецедентные события, игравшие важную роль в культуре англоязычных стран.

ФЕ сферы человека в художественном дискурсе касаются проблем межличностных отношений (любовь и дружба), взаимоотношений человека и общества, отношения человека к жизни и смерти, а также к самому себе, проблем поколений, семейных отношений, развлечений, деловой и криминальной сферы.

В публицистическом дискурсе данные ФЕ затрагивают любовную, внешнеполитическую и военную тематику, деловую и социальную сферы, политические и предвыборные коллизии, сферу развлечений и искусства, спорт, проблему поколений и семейных отношений, вопросы истории.

Ряд прецедентных феноменов и ситуаций, закреплённых в ФЕ (*богат как крез, мертв как гвоздь, силен как бык, темная лошадка, слепая любовь, тихая мышь* и т.д.), являются основой для описания ситуаций как в сфере художественной литературы, так и в публицистике.

Анализ количества употреблений ФЕ сферы природы в художественном дискурсе и публицистике показывает общую тенденцию: фразеоупотребления в литературе по отдельно взятым ФЕ в основном уступают фразеоупотреблениям в публицистике, в два раза. Исключения составляют ФЕ *as strong as an ox, as quite as a mouse, do not look into the mouse of a gifted horse*.

Наиболее частотны ФЕ сферы природы по результатам анализа письменных источников: *a dark horse* – 339, *a black sheep* – 248, *a fat cat* – 139, *an old dog* – 114, *birds of feather* – 87, *to take the bull by the horns* – 71, *do not look into the mouse of a gifted horse* – 65, *a bird in the hand* – 40, *the grass is always greener* – 32 фразеоупоребления.

ФЕ сферы человека составляют: *as rich as* – 193, *April fool* – 154, *one's own worst enemy* – 148, *as dead as* – 140, *a white lie* – 127, *friend or foe* – 122, *puppy love* – 105, *as poor as* – 87, *to lie like* – 86, *nothing is certain but death and axes* – 76, *bitter truth* – 51, *the enemy of my enemy is my friend* – 47, *love is blind* – 30, *a friend in need is a friend indeed* – 27 фразеоупоребления.

Публицистический дискурс превалируют по частотности использования ФЕ, за исключением ФЕ *as dead as* (абсолютность смерти), *there is no fool like an old fool* (старость), *to lie like* (абсолютность лжи).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенной работы были подтверждены основные положения, выдвинутые на защиту, и были реализованы цель и задачи исследования

В диссертационном исследовании разработана методика когнитивного аксиологического моделирования применительно к ФЕ английского языка, что открывает новые возможности в сфере когнитивных исследований. Данная методика позволяет изучать разные стороны оценочных значений системы английских ФЕ. Была выстроена методологическая когнитивная триада «концепт» – «модель» – «признак» на фразеологическом материале. В рамках обоснованного в работе синхронно-диахронного подхода исследован аксиологический потенциал концептов, формирующих значения и особенности функционирования ФЕ СА и НА, и на этой основе выявлена зависимость динамики языкового воплощения системы ценностей в зависимости от типа ФЕ, исторического развития фразеологического фонда и характера дискурсивной деятельности.

На первом этапе анализа осуществлено системное описание динамики аксиологически маркированных моделей языковой концептуализации мира, которые воплощены в ФЕ АЯ, обозначающих реалии внешней среды и внутреннего мира человека, по материалам англоязычных словарей. Посредством применения метода сплошной выборки из словарей были отобраны репрезентативные концепты для ФЕ, отражающих реалии внешней среды: «кошка», «собака», «лошадь», «лев», «свинья», «волк», «овца», «мышь» и «крыса», «петух» и «курица», «корова» и «бык», «рыба», «птица», и группа концептов, обозначающих растения. Для ФЕ, репрезентирующих характеристики внутреннего мира человека, это концепты «любовь», «смерть», «вражда», «дружба», «глупость», «ум» «удача», «неудача», «ложь», «правда», «бедность», «богатство».

Был использован многовекторный подход к изучению оценочных признаков, «атомарных» единиц концептов, являющихся основой значений ФЕ как в синхроническом, так и диахроническом аспекте. Исследованы статистические данные динамики реализации оценочных признаков концептов в исследуемом материале в рамках СА и НА. Анализ показал, что концепты сферы природы реализуют по большей части социальные, эмоциональные утилитарные и интеллектуальные оценки. В меньшей степени выражены эстетические, моральные и физиологические оценки. Тогда как концепты сферы человека в большей мере объективируют оценки эмоционального, социального и интеллектуального

характера. Сопоставление ФЕ СА и НА также выявило расхождения в аксиологической динамике комплексов когнитивных моделей и оценочных признаков по двум анализируемым группам ФЕ в качественном и количественном аспектах.

Исследование выявило признаки, которые встречаются как при описании концептов сферы природы, так и для описания концептов сферы человека. Общие оценочные признаки в сравниваемых группах ФЕ позволили постулировать наличие ценностных доминант в фразеосистеме английского языка, которые обладают особой культурной значимостью для носителей языка в рамках языковой картины мира этноса. Это базовые ценностные представления, представленные такими положительными оценочными признаками, как «умеренность», «удачливость», «смелость», «свобода», «здравье». Отрицательными оценочными признаками, представленными в двух сферах, являются: «опасность», «глупость», «неудачливость», «упрямство», «непрактичность», «болтливость», «жадность».

Количественный анализ показал, что общее количество случаев употребления признаков по двум группам составило 850 единиц; по сфере природы наблюдается наличие 187 положительных и 299 отрицательных случаев реализаций оценочных признаков в проанализированных ФЕ; соответственно, по сфере человека 118 положительных и 246 отрицательных признаков. Проведенный анализ английских ФЕ позволил выявить преобладание пейоративных оценочных признаков над мелиоративными; причем как для сферы природы, так и для сферы человека. Общее количество положительных признаков по двум сферам – 305, отрицательных признаков – 545. В процентном отношении отрицательные признаки составляют 36 %, положительные – 64 % от общего числа признаков.

Анализ признаковой составляющей значения концептов позволил выявить тенденцию к повторяемости ряда оценочных признаков в рамках различных концептов, что позволило ввести понятие поливалентные признаки.

Осуществлена качественная интерпретация классификационных данных и выявлены оценочные признаки, которые, появившись в СА, проявляют себя в содержании ФЕ и в НА, получившие название константных оценочных признаков.

Выявление в составе ФЕ поливалентных признаков, отвечающих за «горизонтальный» синхронический охват исследовательского поля, и константных признаков, обеспечивающих необходимую аналитическую хронологическую

«вертикаль», в совокупности обусловили «фронтальность» стратегии исследовательского поиска.

Предпринятый статистический анализ фразеологического материала показал, что общие тенденции в аксиологической динамике комплексов когнитивных моделей и оценочных признаков в составе ФЕ СА и НА состоят в неравномерном развитии признаковой системы, в постепенном увеличении количества как положительных, так и отрицательных признаков концептов, причем данная тенденция идентична и для ФЕ сферы человека, и для сферы природы. «Пиковым» периодом является семнадцатый век, после чего наблюдается некоторый спад.

Анализ ФЕ по типу оценки показал, что для ФЕ АЯ, объективирующих концепты сферы природы, ситуативный тип оценки наиболее распространен. Субъектная и объектная оценки характеризуются примерным равенством показателей. Для ФЕ сферы человека ситуативная оценка является превалирующей, второе место занимает субъектная оценка, последнее – объектная. Ситуативная оценка превалирует в ФЕ обоих типов: и в мелиоративной, и пейоративной оценке, как в СА, так и в НА. Превалирование ситуативного типа оценки в ФЕ АЯ, концептуализирующих как образ сферы природы, так и образы сферы человека, отражает характер ФЕ: они описывают не столько субъект или объект как безотносительную ценность (или антиценность), а некую типизированную аксиологически маркованную ситуацию, имеющую релевантный характер для англоязычной культуры.

Следующий этап исследования, посвященный когнитивно-дискурсивному анализу ФЕ, обнаружил значительный культурный и оценочный потенциал фразеологии, который актуален для носителей языка и востребован ими на протяжении всех периодов существования языка. ФЕ являются важнейшей частью ценностно маркованного культурного фонда представителей этноса, которые постоянно обращаются к ним для языковой объективации оценочной позиции по отношению к миру, своих реакций на природную и социальную среду.

Были исследованы особенности дискурсивного варьирования ФЕ, объективирующих значимые оценочные признаки, выявленные на предыдущем этапе анализа. В качестве материалов для анализа использованы данные корпусов английского языка: СОСА, ОТА. Исследование ФЕ последовательно проводилось по данным художественного дискурса, а затем – по данным публицистического дискурса. И художественные, и публицистические тексты обладают повышенной

образностью, экспрессивностью, и в этом смысле язык художественной литературы и язык публистики равно открывают возможности для трансформированного использования ФЕ, для их концептуального и ценностного переосмыслиния. С другой стороны, учитывались специфические отличительные черты этих разных видов дискурса, связанные с различием их целей, задач, характера адресованности.

Вводя в дискурс указанные ФЕ как в аутентичном, так и в преобразованном виде, авторы используют ценностный компонент ФЕ для выражения своего видения проблемы, для подтверждения значимости своих идей посредством апелляции к культурному фонду ценностно значимых представлений, форматов знания и когнитивных моделей.

При расхождении самих типов исходных концептов и характере когнитивных моделей, объективированных в ФЕ АЯ двух указанных тематических групп, можно наметить и общие черты в языковой реализации оценки исходя из типа оценки. Общей чертой для сферы человека и сферы природы, причем как в художественной литературе, так и публистике, является то, что наиболее частотными типами являются социальная и эмоциональная оценка; менее частотна физиологическая; наименьшей частотностью характеризуется эстетическая оценка.

Сопоставительный количественный анализ двух сфер дискурса (художественная литература и публистика) показал, что количество манифестаций положительных признаков никогда не превышает количество манифестаций признаков отрицательных. Выявлено, что наиболее сбалансированные показатели (распределение значений по оценочной шкале «позитивное – негативное» близкое к ситуации 50 / 50%) наблюдается для ФЕ в сфере природы в публистике. Максимальный разброс показателей характерен для ФЕ сферы человека на материале художественной литературы и публистики.

Немаловажным параметром оценки и квалификации особенностей дискурсивного варьирования ФЕ является способ введения в дискурс ФЕ, которая актуализуется в текстах либо в первозданном, либо в трансформированном виде. Сопоставительный дискурсивный анализ типов трансформации моделей ФЕ, объективирующих реалии внешней среды и объективирующих внутренний мир человека, дал следующие результаты.

Обнаружено, что в большинстве случаев авторами используется прием переосмыслиния ФЕ, которое приводит к обогащению содержания ФЕ новыми,

актуальными для автора смыслами, к полемическому отталкиванию от стандартных принципов ее восприятия в культуре, к изменению знака оценки в рамках взаимопереходов от мелиоративной к пейоративной оценке, кнейтрализации негативного и / или позитивного оценочного потенциала и пр.

Трансформация ФЕ в дискурсах разного типа выражается либо в использовании синонимических конструкций на грамматическом уровне, либо в замене одного из элементов ФЕ на синоним без изменения ситуативной составляющей ФЕ, с сохранением ключевого элемента, объективирующего исследуемый концепт. Анализ также показал, что часто допускается прием аллюзии, усечения ФЕ с сохранением во фразе ключевого элемента, и редки случаи смены знака оценки, что достигается путем использования антонима вместо одного из элементов ФЕ или использования отрицания.

Выявленные общие оценочные признаки и тенденции языковой объективации определенного концептуального содержания в сравниваемых группах английских ФЕ позволили подтвердить выявленное на предыдущем этапе исследования наличие ценностных доминант, которые объективно проявляют себя в дискурсной реализации ФЕ в художественных и публицистических текстах.

В целом когнитивно-дискурсивный анализ ФЕ обнаружил значительный культурный и оценочный потенциал фразеологии, который актуален для носителей языка и востребован языковым сообществом на протяжении всех периодов существования языка. В этом смысле ФЕ являются важнейшей составной частью совокупного ценностно маркированного культурного фонда этноса в речевой практике говорящих, которые постоянно обращаются к ним для языковой объективации своей позиции по отношению к миру, своих оценочных реакций на окружающую природную и социальную среду и на события внутренней жизни. Проведенный в диссертации анализ продемонстрировал, что национальный фразеологический фонд языка является одним из базовых способов хранения и каналов межпоколенной передачи системы идеалов и ценностей, вкусов и приоритетов языкового сообщества.

Указанные соображения позволяют сформулировать перспективы дальнейшего исследования, которые состоят в прежде всего в расширении исследовательской базы за счет привлечения данных других корпусов английского языка. Разработанная в диссертации методология синхронно-диахронного когнитивно-дискурсивного анализа ФЕ (которая в общем виде представлена

схемой «концепт» – «модель» – «признак») может быть применена для описания английских ФЕ, объективирующих другие классы концептов, которые не являлись предметом настоящего исследования: например, концепты группы «артефакты», «природные явления», «тело человека» и пр. Кроме того, значительным видится потенциал применения данной методики в сопоставительных межъязыковых фразеологических штудиях, в монолингвальных исследованиях культурной и национальной специфики ФЕ других языков на когнитивно-дискурсивной основе. В плане усиления диахронической составляющей предложенной в работе исследовательской модели перспективным может стать изучение выявленных и каталогизированных в настоящем исследовании оценочных признаков ФЕ для фразеологической системы и ее речевой реализации в ранненовоанглийский период.

Источники:

1. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corpus.byu.edu/coca/>

2. University of Oxford Text Archive (OTA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ota.ox.ac.uk/>

Научная, научно-методическая и справочная литература:

3. Абакумова, О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации [Текст]: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи: [монография]. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2013. – 352 с.

4. Авалиани, Ю.Ю., Эмирова, А.Н. К семантической структуре фразеологических единиц [Текст] / Ю.Ю. Авалиани, А.Н. Эмирова // Труды Самаркандского университета. – Самарканд: Изд-во Самаркандского института, 1971. – С. 20-50.

5. Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознание: Сб. науч. тр. [Текст] / Под ред. Н.А. Красовского. – Волгоград: Колледж, 2002. – 222 с.

6. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. трудов. [Текст] / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.

7. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и культура [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Язык и культура: Тезисы Второй международ. конф. –Ч. 1. – Киев, 1993. – С. 67-68.

8. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: моногр. [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. –172 с.

9. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и культура [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Язык и культура: Тез. Второй международ. конф. –Часть 1. – Киев, 1993. – С. 67-68.

10. Алефиренко, Н.Ф., Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты [Текст]/: монография / [Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольский, В.М. Мокиенко и др.; под ред. проф. Т.Н. Федуленковой. – Владимир: ВлГУ, 2017. – 229 [1] с. С. 14–53.

11. Алехина, А.И. Семантические группы во фразеологии современного английского языка [Текст] / А.И. Алехина. – Минск: «Вышэйшая школа», 1978. – 159 с.

12. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 350 с.

13. Аникин, В.П. Русское устное народное творчество [Текст] / В.П. Аникин. – М.: Высшая школа, 2001. – 239 с.
14. Аникин, В.П. Теория фольклора: курс лекций [Текст] / В.П. Аникин. – М.: Книжный дом «Университет», 2004. – 428 с.
15. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. – М.: 1986. – Вып. 28. – С. 5-33.
16. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: В 2-х тт. [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – 654 с.
17. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Избр. труды: В 2-х т. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 348-388.
18. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст] / В.Д. Аракин. – Л.: Просвещение, 1979. – 232 с.
19. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории [Текст] / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – 1391 с.
20. Арнольд, И.В. Стилистка. Современный английский язык: учебник для вузов. / И. В. Арнольд. – 8-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 384 с.
21. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Е.Ф. Арсентьева; Казанский госуниверситет. –Казань, 1986. – 128 с.
22. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики –1982. –М.: Наука, 1984. – С.5–23.
23. Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. –М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 685-686.
24. Арутюнова, Н.Д. От редактора: Вступительная статья [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. – М.: Наука, 1991. –С. 3–5.
25. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
26. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
27. Архангельский, В.Л. О постоянных и переменных элементах в структуре устойчивой фразы. Научные доклады высшей школы [Текст] / В.Л. Архангельский //

Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – № 3. – М.: Высшая школа, 1962. – С. 30-41.

28. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии [Текст] / В.Л. Архангельский. – Ростов-на Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 315 с.

29. Архангельский, В.Л. Семантика фраземного знака [Текст] / В.Л. Архангельский // Проблемы русской фразеологии. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ин-та, 1978. – С. 9-18.

30. Аскольдов, С.А. Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. / Под ред. В.Н. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-280.

31. Афанасьев, А. Н. Мифы, поверия и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. В 2 т. Т. 1 / А. Н. Афанасьев. – М.: Эксмо; Terra Fantastica, 2002. – 412 с.

32. Бабкин, А.М. Русская фразеология: ее развитие и источники [Текст] / А.М. Бабкин. – М.;Л.: Наука, 1970. –261 с.

33. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. [Текст] / А.М. Бабкин. – Изд.2-е. – М.: URSS, 2009. — 264 с.

34. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. –104 с.

35. Бабушкин, А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка[Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

36. Баевский, В.С. Лингвистические, математические, семиотические в истории и теории литературы [Текст] / В.С. Баевский. – М.: Языки слав. культ. 2001. – 332 с.

37. Байрамова, Л.К. Лакунарные фразеологизмы и универсальные концепты языка [Текст] / Л.К.Байрамова // Слово. Фраза. Текст: Сб. науч. статей к 60-летию проф. А.М. Алексеенко. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 41-46.

38. Байрамова, Л.К. Введение в контрастивную лингвистику: Учебное пособие [Текст] / Л.К.Байрамова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. –216 с.

39. Байрамова, Л.К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии [Текст] / Л.К. Байрамова // Фразеология и когнитивистика. – Т.1 Идиоматика и познание. – Белгород: БГУ, 2008. – С. 298-302.

40. Байрамова, Л.К. Родина и смерть в аксиологической парадигме [Текст] / Л.К. Байрамова // Филологические науки. –2009. –№3. – С. 101-110.

41. Байрамова, Л.К. Счастье и несчастье как ценность и антиценность во фразеологической парадигме [Текст] / Л.К. Байрамова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 275 с.
42. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
43. Банина, Е.Н. Оценочный компонент значения в семантике метафоры: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Е.Н. Банина. – Нижний Новгород, 2001. – 17 с.
44. Баранов, А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) [Текст] / А.Н.Баранов // Вопросы языкоznания. – 1989. – №3. – С. 74-90.
45. Баранов, А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А.Н. Баранов // Вопросы языкоznания, 2003, № 2, с. 73 – 93
46. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. –М.: Знак, 2008. – 656 с.
47. Бархударов, Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков) [Текст] / Л.С. Бархударов// Иностранные языки в школе. – 1980. – № 5. – С. 11-17.
48. Баско, Н.В. Фразеологические неологизмы в русском языке: семантика, этимология, функционирование [Текст] / Н.В. Баско // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, № 3 (81) С. 64 -66.
49. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; примеч. С.А. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – М.: 1986. – 444 с.
50. Белова, А.В. Оценочные средства обозначения личностных характеристик в английском языке: номинативно-коммуникативные аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / А. В. Белова. – М.: 2001. – 227 с.
51. Беляевская, Е.Г. Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) [Текст] / Е.Г. Беляевская // Несколькословные единицы номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. –Вестник МГЛУ. – Вып. 500. – М.: Изд-во МГЛУ, 2005 б. – С. 9-24.
52. Беляевская, Е.Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе [Текст] / Е.Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3 (36). – С. 41–48.
53. Беляевская, Е.Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора - синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) [Текст] / Е.Г Беляевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 22 (733). – С. 9–20.

54. Береговская, Э.М. Фразеологизмы арго как специфический взгляд на мир // Фразеология в контексте культуры [Текст] / Э.М. Береговская. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 108-113.
55. Биженкова, А.Е. Роль деонимов в формировании языковой картины мира (на материале немецкого, казахского и русского языков) [Текст] / А.Е. Биженкова // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2004. – №4. – С. 89-110.
56. Блох, М.Я., Ильина, Н.В. Структура и семантика оценочной конструкции [Текст] / М. Я. Блох, Н. В. Ильина // Функциональная семантика синтаксических конструкций: Межвуз. сборник научных трудов / Отв. ред. М. Я. Блох. –М.: МГПИ, 1986. – С. 14- 23.
57. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория Метафоры. –М.: Прогресс, 1990. – С. 153-173.
58. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения: дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / Е.В. Бобырева. – Волгоград: ВГПУ, 2007. – 465 с.
59. Бодуэн де Куртене, И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1 [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртене. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. –384 с.
60. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / сб. ст. – Воронеж, Изд-во Воронежского педагогического института, 2001. – 182 с.
61. Болдырев, Н.Н. Отрицание как модусно-оценочный концепт / Н. Н. Болдырев // Единство системного и функционального анализа лексических единиц: материалы научной конференции. – Воронеж, 2003. – Вып. 7. Ч. 1. – С. 4-5.
62. Болингджер, Д. Атомизация значения [Текст] / Д. Болингджер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. М.: Прогресс, 1981. – С. 20 – 234.
63. Борев, Ю.Б. Эстетика. В 2 т. Т. 1. / Ю. Б. Борев. – Смоленск: Русич, 1997. – 576 с.
64. Борисова Е. Г. «Эгоист ужасный / прекрасный»: (о вариативности оценки в лексических коннотациях) / Е. Г. Борисова // Вариативность в языке и коммуникации: сб. ст. / Рос. гос. гуманитарный ун-т, Ин-т лингвистики. – М.: РГГУ, 2012. – С. 140-145.
65. Бородина, М.А., Гак, В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований [Текст] / М.А. Бородина, В.Г. Гак. – Л.: Наука, ЛО, 1979. – 232 с.
66. Бородянский, И.А., Степанова, И.С. О символическом значении компонентов фразеологических единиц [Текст] / И.А. Бородянский, И.С. Степанова // Романо-германская филология: Сб. научн. трудов. –Киев: Вища школа, 1985. – Вып. 19. – С. 17–20.

67. Брагина, Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) [Текст] / Н.Г. Брагина // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 131-138.
68. Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 572 с.
69. Буренкова, С.В. Концептосфера нарушенности (на материале немецкого языка): дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / С.В. Буренкова. – М.: МПГУ, 2009. – 412 с.
70. Буторина, Е.П., Миронова, И.С. Несвободные сочетания слов в инструктивных текстах [Текст] / Буторина Е.П., Миронова И.С. // Русский язык в современном мире. – 2013. – № 1. – С. 40–47.
71. Варина, В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований: Сб. научн. трудов [Текст] / В.Г. Варина; отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1976. – С. 233-244.
72. Васильев, А.И. Вопросы фразеологизации в синхроническом и диахроническом аспектах [Текст] / А.И. Васильев // Вестник МГГУ им. Шолохова. – 2011. – № 2. – С. 69-73.
73. Вебер, Макс. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер // Вебер – М. Избранные произведения / Пер. с нем. и общ. ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–271.
74. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ.ст. Е.В Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
75. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 287 с.
76. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелёва.. –М.: Языки славянской культуры, 2001. –288 с.
77. Верещагин, Е.М., Костомаров. В.Г. Лингвострановедческая теория слова [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
78. Виноградов, В.В. Избранные труды по лексикологии и лексикографии [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – С. 140 –161.
79. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. –М.: Просвещение, 1977. –С. 140–161.
80. Викулова, Л.Г., Серебренникова, Е.Ф., Кулагина, О.А. Семиометрия рефлексии о ценностях современного общества [Текст] / Л.Г. Викулова,

Е.Ф. Серебренникова, О.А. Кулагина // Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов: Сб. науч. трудов. Отв. ред.: Викулова Л.Г. – М.: Тезаурус, 2011. – 352 с. С. 196–230.

81. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем., сост., вст. ст. и прим. М. С. Козовой. – М.: Гнозис, 1994. – 520 с.

82. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

83. Вопросы фразеологии и фразеоматики [Текст] / Межвузовский сб. науч. трудов под редакцией В.Д. Аракина. – М: МГПИ им. Ленина, 1983. – 356 с.

84. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.

85. Воркачев, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 284 с.

86. Воркачев, С.Г. Постулаты лингвоконцептологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Антология концептов. – Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 10-13.

87. Гаврилова, Е.Д. Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. [Текст] / Е. Д. Гаврилова. – Тамбов, 2005. – 17 с.

88. Гак, В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским [Текст] / В.Г. Гак. – М.: «Русский язык», 1975. – 278 с.

89. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) [Текст] / В.Г. Гак. – М: Международные отношения, 1977. – 264 с.

90. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.

91. Гак, В.Г. Особенности библейской фразеологии в русском языке (в сопоставлении с французским) [Текст] / В.Г. Гак. // Вопросы языкоznания. – 1997. – № 5. – С. 55-59.

92. Гак, В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

93. Гальперин, И.Р. Гносеологический аспект двуязычных словарей и проблемы контрастивной лексикографии [Текст] / И.Р. Гальперин // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. – 1982. – Т. 41. – Вып. 6. – С. 551–560.

94. Гальскова, Н.Д., Тарева, Е.Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность [Текст] / Н.Д. Гальскова, Е.Г. Тарева // ИЯШ. – 2004. – №5. – С. 44–48.

95. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразообразования [Текст] / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та, 1977. – 184 с.
96. Гвоздарёв, Ю.А. Современный русский язык. Лексика и фразеология [Текст] / Ю.А. Гвоздарёв. – Ростов-на-Дону: Феникс; Изд. центр МарТ, 2009. – 352 с.
97. Гизатова, Г.К. Аксиологическая функция фразеологизмов в английском и русском языках [Текст] / Г. К. Гизатова // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 3. – С. 179–183.
98. Гранин, Ю. Д. О гносеологическом содержании понятия «оценка» / Ю.Д. Гранин // Вопросы философии. – 1987. – №6. – С. 59 –72.
99. Гриднева, Т.В. Прагматический аспект коннотативного значения семантической структуры фразеологических единиц [Текст] / Т.В. Гриднева // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии. – Волгоград: Перемена, 1999. – 204 с. – С. 12-14.
100. Гумбольдт, В. фон О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 36-298.
101. Девидсон, Д. Что означает метафора? [Текст] / Д. Девидсон // Теория Метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 173 –194.
102. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк: пер. с англ. / под ред. В. И. Герасимова; сост. В.В. Петрова; вступ. ст. Ю.Н. Караурова и В.В. Петрова. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015 – 320 с.
103. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. С.239-320.
104. Дмитриева, О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов: на материале французского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / О. А. Дмитриева. – Волгоград, 1997. – 18 с.
105. Добровольский, Д.О. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) [Текст] / Д.О. Добровольский. – Владимир: Наука, 1990. – 80 с.
106. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии [Текст] / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 23-35.
107. Добровольский Д.О. Идиоматика и информационная структура высказывания // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. – М., 2014. С. 126-136
108. Добровольский, Д.О. Грамматика и фразеология: точки пересечения [Текст] / Д.О. Добровольский // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2017. – Т. 76. – № 1. – С. 5–14.

109. Дридзе, Т.М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности / Т. М. Дридзе // Речевое воздействие. – М.: Наука, 1972 – С. 34 – 80.
110. Ефремов, В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина –женщина»: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / В.А. Ефремов – СПб., 2010. – 40 с.
111. Жуков, В.П. О знаковости компонентов фразеологизма [Текст] / В.П. Жуков // Вопросы языкоznания. – 1975. – № 6. – С. 25–36.
112. Жуков, В.П. Русская фразеология: учеб. пособие для вузов [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 1986. – 311 с.
113. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов: учеб. пособ. [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 158 с.
114. Жуков, К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / К.А. Жуков; Новгородский государственный университет. – Великий Новгород, 2004. – 156 с.
115. Залевская, А.А. Метафора и формирование проекций текста [Текст] / А.А. Залевская // Текст в коммуникации: Сб. науч. тр. / Ин-т языкоznания; Тверской сельхоз. ин-т. – М., 1991. – 234 с.
116. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
117. Зимин, В.И. Модель этимологического анализа фразеологических единиц (применительно к словарям разных типов). [Текст] / В.И. Зимин // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Тезисы сообщений школы-семинара 13-17 ноября 1990 года. – Орел: ОГПИ, 1990. – С. 65-66.
118. Зимина, Л.И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках): автореф. дис. ...канд. филол. наук [Текст] / Л.И. Зимина; Воронежский госуниверистет. – Воронеж, 2007. – 23 с.
119. Золотых, Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / Л.Г. Золотых. – Белгород: Астраханский гос. ун-т, 2008. – 47 с.
120. Зыкова, И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты [Текст] / И.В. Зыкова. – М.: Гнозис, 2017. —752 с.
121. Ивин, А.А. Основания логики оценок / А. А. Ивин; ред. Э. Г. Храстецкий. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.

122. Иванова, Е.В. Пословичная картина мира (на материале английских и русских пословиц: монография [Текст] / Е. В. Иванова. – СПб., 2002. – 150 с.
123. Ильюшина, Е.С. Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Е.С. Ильюшина. –М., 2001. – 21 с.
124. Калашникова, Л.В. Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности: монография [Текст] / Л.В. Калашникова. – Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2008. – 304 с.
125. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант: Перевод с немецкого Н.М. Соколов. – М.: Издательство «Э», 2016. – 224 с.
126. Каньо, З. Мыслительно-языковые условия отображения структуры пословицы / З. Каньо // Паремиологические следования: сб. ст. / под ред. Г.Л. Пермякова; АН СССР: Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1984. – С. 178 – 199.
127. Карасик, В.И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс [Текст] / В.И. Карасик // Германстика России: Традиции и перспективы: Мат-лы науч.-метод. семинара. – Новосибирск: НГУ, 2004 а. – С. 28–32.
128. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004 б. – 390 с.
129. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры [Текст] / Карасик В.И. – М.: Гнозис: 2013. – 320 с.
130. Карасик, В.И. Языковое проявление личности [Текст] / Карасик В.И. – М.: Гнозис: 2015. – 384 с.
131. Карасик, В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: моногр. [Текст] / В.И. Карасик /. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.
132. Карапулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Карапулов. – 3-е изд., стер. – М.: УРСС, 2003. – 261 с.
133. Каримова, Л.Н., Шабанова, Т.Д. Изменение семантического типа предиката как основа формирования глагольных фразеологических единиц английского языка [Текст] / Каримова Л.Н., Шабанова Т.Д.// Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. – № 1. – С. 78–81.
134. Карташкова Ф. И., Куражова И. В., Егорова А. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре [Текст] / Ф.И. Карташкова и др. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. – 152 с.
135. Карташкова, Ф.И., Кольцова, Е.А. Ценностные ориентиры мужчин и женщин в английской и русской лингвокультурах (на материале брачных объявлений)

[Текст] / Карташкова Ф.И., Кольцова Е.А. // Личность. Культура. Общество. – 2013. – Т. 15. № 3-4. – С. 233–237.

136. Кассирер, Е. Философия символических форм. В 2 т. Т. 1 [Текст] / Е. Кассирер. – М.: Университетская книга, 2002. –270 с.

137. Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / Сост.: А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 848 с. С. 29 – 59.

138. Кислицина Н.Н. Прилагательные со значением обобщенной положительной оценки как фрагмент языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол наук: 10.02.17 [Текст] / Н. Н. Кислицина. – М., 2002. – 20 с.

139. Князев, В.П. Степени сравнения и точки отсчета [Текст] / В.П. Князев // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. – СПб.: РАН; Ин-т лингвистических исследований, 1996. – С. 129 – 144.

140. Князев, В.П. Степени сравнения как морфологическая категория [Текст] / В.П. Князев // Теоретические проблемы функциональной грамматики: материалы Всероссийской научной конференции / под. ред. А. В. Бондарко. – СПб., 2001. – С. 137 – 145.

141. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

142. Кононова, И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосфера (в синхронии и диахронии): дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / И.В. Кононова. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – 361 с.

143. Копыленко, М.М., Попова, З.Д. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы [Текст] / М.М. Копыленко, З.Д. Попова // Лексические и грамматические компоненты языкового знака: сборник науч. трудов. – Воронеж: ВГУ, 1983. – С. 149–155.

144. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры [Текст] / М.Л. Ковшова; изд. 3-е. – М.: URSS, 2016. – 456 с.

145. Кожин, А.Н. О границах стилистики русского языка / А.Н. Кожин // Основные понятия и категории лингвостилистики: Межвуз. собр. науч. трудов / под ред. М.Н. Кожина. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1982. – С. 9 – 20.

146. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

147. Коробка, П.Л. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 [Текст] / П.Л. Коробка. – М.: 1999. – 18 с.

148. Комлев, Н.Г. Компоненты содержания структуры слова / Н.Г. Комлев. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2003. – 192 с.
149. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публистики [Текст] // В.Г. Костомаров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 267 с.
150. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история [Текст] / Э. Косериу // Новое в лингвистике; Вып. III. – М.: Иностранный. литература, 1963. – 568 с. С. 237-262.
151. Котель, Г.Г. Оценочные предикативные номинации в современном английском языке (на материале дерогативных названий лица): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Г. Г. Котель. – М., 1980. – 27 с.
152. Коцюбинская, Л.В. Диахронический подход к исследованию фразеологических заимствований (на материале английского языка) [Текст] / Л.В. Коцюбинская // Вестник ЛГУ. – №: 2 Т. 1. – 2014. – С. 122-127.
153. Кошелев, А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов / А.Д. Кошелев – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. – 280 с.
154. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
155. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
156. Крейдлин, Г.Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы III: отражение наивной этики в вербальном и невербальном кодах / Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н. Д Арутюнова и др. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 341 – 352.
157. Кронгауз, М.А. Норма: семантические и pragматические аспекты / М.А. Кронгауз // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура /сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 380 с.
158. Кубрякова, Е.С. Картина мира и картины мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира –М.: Наука, 1986. – С. 29 – 42.
159. Кубрякова, Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний: Сб. научно-аналитич. обзоров. –М.: Наука, 1992. – С. 4–38.
160. Кулаева, О.А. Устойчивость английских лингвистических единиц в свете концепции речеязыкового континуума: дисс. канд. филол. наук 10.02.04 [Текст] / О.А. Кулаева. – Самара, 2003. — 226 с.
161. Кунин, А.В. Пути образования фразеологических единиц (на материале английского языка) [Текст] / А.В. Кунин // Иностранные языки в школе. –1971. – № 5. – С. 8–21.

162. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Международные отношения, 1972. – 289 с.
163. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1986. – 381 с.
164. Кучинская, Е.А. Жанр и композиция профессионально ориентированного текста: коммуникативно-семантическое моделирование: монография [Текст] / Е.А. Кучинская. – Смоленск: ВА ВПО ВС РФ. – 2011. – 233 с.
165. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. / Дж. Лакофф; Пер с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Гнозис, 2011. – 512 с.
166. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
167. Ларина, Т. В. «Категория вежливости и стиль коммуникации» [Текст] / Т.В. Ларина. –М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 516 с.
168. Латина, О.В. Идиомы и экспрессивная функция языка [Текст] / О.В. Латина // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности: сб. ст. АН СССР; Ин-т языкозн.; отв. ред. Н.В. Телия. – М.: Наука, 1991. – С. 136 –155.
169. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст] / Л. Леви –Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 602 с.
170. Лернер К., Куперман В. Категория сравнения и оценки [Текст] / К. Лернер, В. Куперман // Вопросы языкознания. – 1998. – №1. – С. 35–44.
171. Леэметс, Х.Д. Компаративность и метафоричность в языках разных систем [Текст] / Х.Д. Леэметс // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 184 с.
172. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
173. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
174. Лукьянова, Н.А. а. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность [Текст] / Н. А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5 / Отв. ред. К. А. Тимофеев. –Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1986. – С. 3–21.
175. Лукьянова, Н.А. б. Экспрессивность в системе, словаре и речи [Текст] / Н.А. Лукьянова // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности; АН СССР. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение АН, 1986. – С. 157 – 161.

176. Лызлов, А.И. Экстенсия абстрактных концептов на примере английских фразеологизмов: оценочный аспект [Текст] / А.И. Лызлов. – М.: Изд-во МГОУ, 2017. – 180 с.
177. Ляпон, М.В. Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкций [Текст] / М. В. Ляпон // Язык: система и функционирование: сб. научн. Трудов / АН СССР; Ин-т рус. яз.; отв. ред. Ю.Н. Каулов. – М.: Наука, 1988. – С. 158–170.
178. Максимов, В.И. Фразеологизмы и сопредельные с ними конструкции / В.И. Максимов // Русская речь. – 2003. – №4. – С. 31 – 38.
179. Маличевская, Д.Ч. Пословицы как источник культурно-национальной интерпретации [Текст] / Д.Ч. Маличевская // Семантика языковых единиц: доклады V международной конференции. – М., 1996. – С. 147– 149.
180. Мальцева, Д.Г. Страноведение через фразеологизмы [Текст] / Д.Г. Мальцева. – М.: Высшая школа, 1991. – 173 с.
181. Маркелова. Т.В., Хабарова, О.Г. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом [Текст] / Т.В. Маркелова, О.Г. Хабарова // Филологические науки. – 2005. – № 5. – С. 17-27.
182. Марьянчик, В.А. Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы: монография [Текст] / В.А. Марьянчик. – Архангельск: Поморский университет, 2011. – 281 с.
183. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
184. Мёд, Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи): дисс. ... д-ра филол. наук [Текст] / Н.Г. Мёд. – СПб: СПбГУ, 2008. –332 с.
185. Мелерович, А.М. К проблеме семантического анализа фразеологических единиц в языке и речи (на материале фразеологии современного русского литературного языка) [Текст] / А. М. Мелерович // Проблемы русской фразеологии. – Тула, 1978. – С. 31 –40.
186. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика –структура - текст) [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко – Кострома: КГПУ, 2011. – 455 с.
187. Мелерович, А.М. Соотношение фразеологических моделей с когнитивными структурами в системе языка и речи [Текст] / А.М. Мелерович // Фразеологизм и слово национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н. проф.

А.М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.) / Ред. кол.: В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, И.Ю. Третьякова, М.А. Фокина. – М.: Изд-во Элпис, 2008. – С. 29 –34.

188. Мельничук, В.А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII –начало XXI в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык [Текст] / В.А. Мельничук; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2017. – 211 с.

189. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций [Текст] / Н.Б. Мечковская. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с.

190. Минина, М.А. Психологический анализ семантики оценки (на материале глаголов движения): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / М.А. Минина. – М., 1995. – 22 с.

191. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс. – 1988. – 315 с.

192. Миронец, Е.С. Эволюция и особенности языковой репрезентации аксиологического концепта “DEMOCRACY” в инаугурационных речах президентов США: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Е.С. Миронец; Дальневосточный государственный университет. – Владивосток, 2007. – 22 с.

193. Миронова, Н. Н. Структура оценочного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. и 10.02.19 [Текст] / Н.Н. Миронова. – М., 1998. – 44 с.

194. Михеев, А.В. Контрастивная прагматика // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку: Сб. статей [Текст] / А.В. Михеев. – М.: Прогресс, 1987. – С. 175–180.

195. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1975. – 178 с.

196. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология: [Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов] [Текст] / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. школа, 1980. – 207 с.

197. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1990. – 264 с.

198. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология [Текст] / В.М. Мокиенко. – М.: Наука, 1980. – 312 с.

199. Мокиенко, В.М. Пословица в поэтическом тексте // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты [Текст]: монография / [Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольский, В.М. Мокиенко и др.; под ред. проф. Т.Н. Федулenkовой. – Владимир: ВлГУ, 2017. – 229, [1] с. С. 115–126.

200. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А.И. Молотков. – Л.: Наука, 1977. – 283 с.

201. Москвин, В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / В.П. Москвин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: УРСС – ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
202. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка [Текст] / А.Г. Назарян: Для ин-тов и фак. иностр. яз.: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Романо-герм. яз. и лит.». – Москва: Высш. школа, 1976. – 318 с.
203. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 5-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2008 – 328 с.
204. Никитин, В.М. Проблема классификации фразеологизмов и их относительная устойчивость и варьирование [Текст] / В.М. Никитин // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. – Тула: ТГУ, 1968. – С. 61 – 74.
205. Никитин, В.М. Основания когнитивной семантики / В.М. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им А. Н. Герцена, 2000. – 210 с.
206. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание [Текст] / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
207. Нуриева, А.Т., Шабанова, Т.Д. Значение английских глаголов оценки в лексикографических источниках и проблема их перевода [Текст] / А.Т. Нуриева, Т.Д. Шабанова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании материалы IX Междунар. научно-практич. конф. – 2014. – С. 108-111.
208. Огольцова, Е.В. Синонимия образных значений производных имен прилагательного [Текст] / Е.В. Огольцова. – Филологические науки. – 2005. – №3. – С. 60-67.
209. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры. // Теория метафоры: Сборник: Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с. С. 68 -110.
210. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии: ГПОССА/КАРО. – 2004. – 336 с.
211. Павлович, Н.В. Язык образов (парадигмы образов в русском поэтическом языке) / Н. В. Павлович. – М.: Азбуковник, 2004. – 528 с.
212. Перескокова, А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / А.Ю. Перескокова. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.
213. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки об общей теории клише) [Текст] / Г.Л. Пермяков. –М.: Наука, 1970. – 240 с.
214. Пименова, М.В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте [Текст] / М.В. Пименова – СПб.; Владимир: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, ВГПУ, 2007. – 415 с.

215. Пирогов, В.А. Структура и семантика паремиологических единиц в японском, английском, украинском и русском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / В.А. Пирогов. – Киев, 2003. – 20 с.
216. Писанова, Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетическая и этическая оценки): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Т.В. Писанова. – М., 1997. – 39 с.
217. Пищальникова, В.А., Сонин, А.Г., Карданова, К.С. Научные модели сознания: от образа к паттерну активации парадигмы научного знания в современной лингвистике [Текст] / В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин, К.С. Карданова. Сб. науч. трудов. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкоznания; редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. Сер. Теория и история языкоznания. – М: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. – 184 с. С.158–182.
218. Палевская, М.Ф. Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. [Текст] / М.Ф. Палевская. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1972. – 3 07 с.
219. Пирогов, В.А. Структура и семантика паремиологических единиц в японском, английском, украинском и русском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / В. А. Пирогов. – Киев, 2003. – 20 с.
220. Писанова, Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетическая и этическая оценки): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Т.В. Писанова. – М., 1997. – 39 с.
221. Петрова, Е.С. Языковая личность и оценка грамматических явлений [Текст] / Е.С. Петрова // Антропоцентризм в языке и речи: межвуз. сб. ст. / отв. ред. Л. П. Чахоян. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – С. 210–216.
222. Платон. Пир, Федр, Парменид, Стоик: пер. с древнегреч. [Текст] / Платон; общ. ред. В.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; примеч. В.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо -Годи. – М.: Мысль. – 1999. – 528 с.
223. Поливанов, Е.Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции [Текст] / Е. Д. Поливанов // Мода в языке и коммуникации: сб. статей / отв. ред. Л. Л. Федорова. – М.: Институт лингвистики, 2014. – С. 311–322.
224. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
225. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкоznания// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – №11. Ч.3. С.40-43.
226. Потебня, А.А. Мысль и язык: избранные труды [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с.

227. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
228. Прохорова, Н.М. Семантика английских пословиц и способы их перевода / Н.М. Прохорова // Проблемы семантики фразеологических единиц / Головной Иркутск. гос. пед. ин-т.; отв. ред. В. Ф. Донской. – Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. пед. ин-та. иностр. яз., 1986. – С. 57 – 65.
229. Радбиль, Т.Б. О термине и понятии «идеологема» [Текст] / Т.Б. Радбиль // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: Сб. науч. трудов. – Н. Новгород: НГПУ, 1996. – С. 11-28.
230. Радбиль, Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса [Текст] / Т.Б. Радбиль // Филологические науки. – 2006. – № 6. – С. 50-58.
231. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учебн. пособие. – Изд. 4-е, стереотипн. [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 328 с.
232. Радбиль, Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М.: Издательский дом ЯСК, 2017. – 592 с. – (Язык. Семиотика. Культура.)
233. Райхштейн А.Д. О сопоставлении фразеологических систем [Текст] / А.Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. – 1960. – № 4. – С. 8–15.
234. Райхштейн, А.Д. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц немецкого и русского языков [Текст] / А.Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. – 1979. – №4. – С. 3–8.
235. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии [Текст] / А.Д. Райхштейн. – М.: Высшая школа, 1980. –143 с.
236. Рахилина Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Изд 2-е доп. – М – «Азбуковник», 2010. – 448 с.
237. Резанова, О.З. Метафорические фрагменты русской языковой картины мира: ключевые концепты: монография / О.З. Резанова. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ. – 2003. – 209 (2) с.
238. Ремчукова, Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики: Морфологические ресурсы языка: Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Е.Н. Ремчукова. – М.: РУДН, 2005. – 323 с.
239. Ретунская, М. С. Английская аксиологическая лексика: Монография [Текст] / М. С. Ретунская. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. – 272 с.
240. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: учебник для студентов филол. спец. высш. пед. учебн. завед. / А.А. Реформатский; науч. ред. В. А. Виноградов. – М.: Аспект – Пресс, 2002. – 536 с.
241. Ройзензон, Л.И., Авалиани, Ю.Ю. Современные аспекты изучения фразеологии [Текст] / Л.И. Ройзензон, Ю.Ю. Авалиани // Проблемы фразеологии и задачи

её изучения в высшей и средней школе: сб. науч. трудов. – Вологда: ВГПУ, 1967. – С. 52–54.

242. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
243. Савицкий, В.М. Основы общей теории идиоматики [Текст] / В.М. Савицкий. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
244. Сартр, Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. / Ж.П. Сартр; пер. с фр. М. Бекетовой. – СПб.: Наука, 2002. – 319 с.
245. Свешникова, Г.С. Типологический анализ и фразеология: Ученые записки Первого МГПИИЯ им. Мориса Тореза [Текст] / Г.С. Свешникова. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1968. – Т. 42. – С. 120–134.
246. Семененко, Н.Н. Шипицина, Г.М. Русская пословица: функции, семантика, системность: моногр. [Текст] / Н.Н. Семененко, Г.М. Шипицина. – Белгород.: Изд-во БелГУ, 2005. – 172 с.
247. Серебренников, Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? [Текст] / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988 а – 216 с.
248. Серебренников, Б.А. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира: сб. ст. – М.: Наука, 1988 б – С. 2 – 19.
249. Серебренникова, Е.Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа [Текст] / Е.Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов: Сб. науч. трудов. Отв. ред.: Викулова Л.Г. – М.: Тезаурус, 2011. – 352 с. С. 27–40.
250. Сеше, А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. Пер. с фр. / Вступ. статья В. М. Алпатова [Текст] / А. Сеше. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
251. Скляревская, Г.Н. Новый академический словарь. Проспект [Текст] / Г.Н. Скляревская. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – 64 с.
252. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Скляревская. – 2-е изд., стер. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.
253. Скрипник, А.П. Моральное зло в истории этики и культуры [Текст] / А.П. Скрипник. – М.: Изд-во политической литературы, 1992. – 321 с.
254. Слышикин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) [Текст] / Г.Г. Слышикин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: ВГУ, 2000 а. – С. 38-45.

255. Слышкин, Г.Г. От текста к символу. Лингвакультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000б. – 128 с.
256. Слышкин, Г.Г. Аксиология языковой личности и сфера наивной лингвистики [Текст] / Г.Г Слышкин. // Социальная власть языка: сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 87 – 90.
257. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты (Монография) [Текст] / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
258. Смит, Л.П. Фразеология английского языка [Текст] / Л.П. Смит; пер. с англ. С. Игнатьева; пред. Д.Н. Шмелева. – М.: Учпедгиз, 1959. – 207 с.
259. Солганик Г.Я. Общие особенности языка газеты [Текст] / Г.Я. Солганик // Печать, радио, телевидение, докум. кино / [Г.Я. Солганик, Н.Н. Кохтев, Д.Э. Розенталь и др.]; Под ред. Д. Э. Розенталя. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 5–35.
260. Солодуб, Ю.П. Контрастивная фразеология [Текст] / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. – 1998. – № 4. – С. 57-65.
261. Солодуб, Ю.П., Альбрехт, Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка: Учеб. пособие [Текст] / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт. –М.: Флинта-Наука, 2002. – 264 с.
262. Солодухо, Э.М. Теория фразеологического сближения (На материале яз. слав., герм. и роман. групп) [Текст] / Э.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 294 с.
263. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики: пер. с французского. [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
264. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академпроект, 1997. – 989 с.
265. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / сб. ст. – Воронеж, Изд-во Воронежского пед. ин-та, 2001. – 182 с. С. 58 – 65.
266. Сулейманова, О.А., Фомина, М.А. Принципы и методы семантических исследований: учеб. пособ. Т.1. [Текст] / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина. – М.: Изд-во МГПУ, 2010. – 120 с.
267. Сулейманова О.А. Семантика безличных моделей со словами категории состояния // Контенсивные аспекты языка константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О.А. Сулеймановой / отв. ред. Т.Д. Шабанова. – 2-е изд. стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 288 с. С. 43 – 67.
268. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связное значение слова в языке [Текст] / В.Н. Телия; отв. ред. А. В. Уфимцева. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

269. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988 – С. 173–204.
270. Телия, В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии [Текст] / В.Н. Телия // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Международной научной конференции: В 2-х ч. / В.Н. Телия. – Минск: «Універсітэткае», 1994. – Ч. I. – С. 14–15.
271. Телия, В.Н. Предисловие [Текст] / В.Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Авторы-сост. Брилева И.С., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н.; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 6–14.
272. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. –М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
273. Темиргазина, З.К. Лингвистическая аксиология: оценочные высказывания в русском языке [Текст] / З.К. Темиргазина. – М.: Флинта; Наука, 2015. –247 с.
274. Темкина, В.Д. Содержательная сущность оценочности (на материале английской лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / В.Д. Темкина. –Одесса, 1984. – 16 с.
275. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Терминасова. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 624 с.
276. Тодоров, Ц. Теории символа [Текст] / Ц. Тодоров; пер. с франц. Б. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.
277. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
278. Токарев, Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций [Текст] / Г.В. Токарев // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С.56 - 60.
279. Томашевский, Б.В. Теория литературы: Поэтика / Б. В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 333 с.
280. Томберг, О.В. Аксиологические доминанты женских образов англосаксонской поэтической лингвокультуры [Текст] / О.В. Томберг // Язык и культура. – 2017. – № 39. – С. 64–74.
281. Томберг, О.В. Враг и вражда в ценностном пространстве древнеанглийской литературы [Текст] / О.В. Томберг // Филологический класс. – 2018. – № 4. – С. 41–48.

282. Томберг, О.В. Образ. Ценность. Культура: Лингвоаксиологические аспекты изучения художественных образов древнеанглийской литературы [Текст] / О.В Томберг. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. – 312 с.
283. Томберг, О.В. Аксиологические характеристики художественных образов в англосаксонской поэтической лингвокультуре [Текст] / О.В. Томберг: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 – германские языки: Волгоград. – 2019. – 43 с.
284. Топорова, Т.В. Об антропоцентризме эпического слова [Текст] / Т.В. Топорова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2016. – № 1 (29). – С. 19–26.
285. Трунова, О.В. Релятивизация высказывания / О.В. Трунова // Лексическая, категориальная и функциональная семантика: межвуз. сб. научн. трудов / АН СССР; Ленингр. отд.; Пед. ин-т. им. А. И. Герцена. – Л.: ЛГПУ, 1990. – С. 85 – 89.
286. Тухтаходжаева, З.Т. Выражение категорий квантификации и оценки в словообразовательной системе современного русского языка (на материале производных прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / З.Т. Тухтаходжаева. – М., 1982. – 26 с.
287. Урысон, Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкоznания. – 1998. – №2. – С. 3-21.
288. Урысон, Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексика округа и района) [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкоznания. – 1999. – № 6. – С. 79–83.
289. Фадеева, И.В. Фразеологизмы с положительной оценкой в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / И.В. Фадеева. – М., 1989. – 21 с.
290. Фахрутдинова, Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости [Текст] / Ф.Ф. Фахрутдинова. – Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2000. – 204 с.
291. Федосов, И.А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии [Текст] / И.А. Федосов. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1977. – 211 с.
292. Федуленкова, Т.Н. Тенденции развития пословицы (на материале английского языка) // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты [Текст]: монография / [Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольский, В.М. Мокиенко и др.; под ред. проф. Т.Н. Федуленковой. – Владимир: ВлГУ, 2017. – 229 [1] с. С. 176–195.

293. Фененко, Н.А. Язык реалий и реалии языка [Текст] / Н.А. Фененко. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 139 с.;
294. Флоренский, П.А. Собр. соч. В 4 т. Т 2. Наука как системное описание / А. Флоренский // Мысль и язык. – М.: Правда. – 1990. – 447 с.
295. Фомина, М.А. Концептуализация «пустого» в языковой картине мира [Текст] / М.А. Фомина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Специальность: 10.02.19. – Теория языка. – М. – 2009. – 29 с.
296. Фролова, О.Е. Пословица и ее отношение к действительности // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 2005. – №4. – 2005. – С. 125 – 131.
297. Френкель, Е.И. Парадигма оценочных семем в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Е.И. Френкель. – Одесса, 1982. – 21 с.
298. Хабарова, О. Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / О.Г. Хабарова. – Москва, 2004. – 24 с.
299. Хомякова, Е.Г. Порождающие ценностные концепты англоязычного социума [Текст] Е.Г. Хомякова // Англистика XXI века Материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции. – 2019. – С. 14–19.
300. Хомякова, Е.Г. Ценностный аспект речемыслительной деятельности [Текст] / Е.Г. Хомякова // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 248-254.
301. Хомякова, Е.Г. Об организации ценностного пространства англоязычного дискурса [Текст] / Е.Г. Хомякова // Герценовские чтения. иностранные языки Сборник научных статей. – 2018. – С. 120–122.
302. Хомякова, Е.Г. Ценностные образования в концептуальном пространстве английского языка [Текст] / Е.Г. Хомякова // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 87–92.
303. Чекулай, И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современно английского языка: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 [Текст] / И.В. Чекулай. – Белгород, 2006. – 473 с.
304. Черданцева, Т.З. Идиоматика и культура (Постановка вопроса) [Текст] / Т.З. Черданцева // Вопросы языкоznания. – 1996. – № 1. – С. 58-70.
305. Черданцева, Т.З. Метафора и символ во фразеологической единице // Метафора в языке и тексте: коллективная моногр. [Текст] / Черданцева Т.З. –М.: Наука, 1988. – С. 78–92.

306. Черная, А.И. Некоторые аспекты семантического анализа фразеологических единиц / А. И. Черная // Исследования по лексикологической сочетаемости и фразеологии: межвуз. сборник науч. трудов / Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина; под ред. В. Д. Аракина. – М.: 1983. – С. 31 – 38.
307. Чернейко, Л.О. Логико-философский анализ абстрактного имени [Текст] / О.Л. Чернейко. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.
308. Чернышева, И.И. Принципы систематизации фразеологического материала современного немецкого языка [Текст] / И.И. Чернышева // Язык и стиль: Сб. научн. статей. – М.: Мысль, 1965. – С. 125–138.
309. Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка: Учебн. пособие [Текст] / И.И. Чернышева. – М.: Высшая школа», 1970. –200 с.
310. Шабанова, Т.Д., Кариева, Р.М. Изучение английской поэзии: когнитивная метонимия как символ и ценностный код [Текст] / Т.Д. Шабанова, Р.М. Кариева // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 5 (72). – С. 141–147.
311. Шабанова, Т.Д., Кариева, Р.М. Изучение английской поэзии: когнитивная метонимия как символ и ценностный код [Текст] / Т.Д. Шабанова, Р.М. Кариева // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 5 (72). – С. 141–147.
312. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособ. для вузов по спец. «Русский язык и литература» [Текст] / Н.М. Шанский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
313. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
314. Шаховской, В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография [Текст] / В.И. Шаховской. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
315. Швейцер, А.Д. Контрастивная лингвистика и теория перевода [Текст] / А.Д. Швейцер // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку: Сб. статей. – М.: Прогресс, 1987. – С.157-167.
316. Швейцер, А.Д. Проблемы контрастивной стилистики перевода [Текст] / А.Д. Швейцер // Вопросы языкоznания. –1991. – № 4. – С. 31–45.
317. Швелидзе, Н.Б. Концептосфера поведения в глагольной фразеологии современного русского языка: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Н.Б. Щвелидзе; Пятигорский гос. лингв. университет. – Пятигорск, 2015. – 427 с.
318. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д.Н. Шмелев. – Изд. 2. – М.: УРСС, 2005. –244 с.
319. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. – 2-е. изд., стер. – М.: УРСС,2003. – 216 с.

320. Эко, У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / Умберто Эко; Пер. с ит. В. Резник и А. Погоняйло. – Санкт-Петербург: Symposium, 2004. – 538 [5] с.
321. Юнг, К.Г Подход к бессознательному // Человек и его символы. – М.: ПБОЮЛ Медков С. Б., Серебряные нити, 2006. – 560 с. С. 16–120.
322. Юм, Д. Исследование о человеческом разумении / Д. Юм; пер. с англ. С.И. Церетели. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – 237 с.
323. Юнусова, Р.Д. Аксиология фразеологизмов со значением «гостеприимство / кунакчыллык» в русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Р.Д. Юнусова; Татарский гос. гуманитарно-педагогический университет. –Казань, 2009. – 157 с.
324. Языкоzнание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая русская энциклопедия, 1998. – 685 с.
325. Ярцева, В.Н. «Исторический синтаксис английского языка» [Текст] / В.Н. Ярцева. – Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 308 с.
326. Alexander, R.J. Fixed expressions in English: A linguistic, psycholinguistic, sociolinguistic and didactic study (part 1). [Text] / R.J. Alexander // Anglistik und Englischunterricht. – № 6. – 1978. – P. 171-88.
327. Alm-Arvius, Ch. Figures of Speech [Text] / Ch. Alm-Arvius. – Berlin: Studentlitteratur AB, 2003. – 218 p.
328. Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Idiomaticity of reduplicated forms // Voprosy Jazykoznanija. – 2019. – 6. – P. 51–67.
329. Basler R. P. Abraham Lincoln. – Rutgers University Press, Vol. 4. 1953. – 457 p.
330. Burger, H. Semantic aspects of phrasemes [Text] / H. Burger // Phraseology: an international handbook of contemporary research. Harald Burger, Dmitrij Dobrovolskij, Peter Kuhn & Neal R. Norrick (eds.), Vol. 1. – Berlin: De Gruyter. 2007. – 636 p. P. 90–110.
331. Bybee, J. Language, Usage and Cognition, Cambridge etc., Cambridge University Press, 2010. – 252 p.
332. Cacciari C., Tabossi, P. The Comprehension of Idioms [Text] / C. Cacciari, P. Tabossi // Journal of Memory and Language. –1988. –№ 27 (6). – P. 668-683.
333. Chomsky, N. New Horizons in the Study of Language and Mind, Cambridge University Press, Cambridge etc., 2000. – 252 p.
334. Chomsky, N. Necessary Illusions: Thought Control in Democratic Societies, South End Press, Pluto Press, 1989. – 422 p.
335. Cermak, F. Fifteen commandments of a phraseologist [Text] / F. Cermak // Yearbook of Phraseology 1. Kuiper K. (ed.). – Berlin/NewYork: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010. – 212 p. P 179-183.

336. Chafe, W. Idiomaticity as Anomaly in the Chomskian Paradigm [Text] / W. Chafe // *Foundations of Language*, vol. 4, 1968. – P. 109-125.
337. Cserép, A. Idiom variation and decomposability Part II: Variation in the noun phrase [Text] / A. Cserép // *Yearbook of Phraseology*. – 2018. – № 8(1). – P. 133-154. Retrieved 16 May. 2018, from doi:10.1515/phras-2017-0007
338. Colson, J.-P. Cross-linguistic phraseological studies: an overview [Text] / J.-P. Colson // *Phraseology. An interdisciplinary perspective* [S. Granger; F. Meunier (eds)]. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008. – P. 191-206.
339. Cowie, A.P. *Phraseology: Theory Analysis and Application* [Text] / A.P. Cowie. – Oxford: Clarendon Press / Oxford University Press, 1998. – 258 p.
340. Cowie, A. *Lexicology* [Text] / A. Cowie // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. –2nd ed. –Vol.1-14. –UK: Elsevier Ltd, 2006. – P. 128-133.
341. Croft, W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies [Text] / W. Croft // *Cognitive Linguistics*. –1993. –№ 4 (4). – P. 335-370.
342. Croft, W. *Cognitive Linguistics* [Text] / W. Croft, D.A. Cruise. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
343. Dijk, T.A. van Episodic models in discourse processing. [Text] / T.A. van Dijk // *Comprehending Oral and Written Language*. – NY etc.: Academic Press, 1987, P. 161 – 196.
344. Dijk, T.A. van. Ideology and Discourse: a multidisciplinary introduction [Text] / T.A. van Dijk. –Barcelona: Ariel, 2003. –120 p.
345. Dobrovolskij, D., Piirainen, E. Idioms: Motivation and etymology [Text] / D. Dobrovolskij, E. Piirainen // *Yearbook of Phraseology* 1. Kuiper K. (ed.). — Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010. – 212 p. P. 73-96.
346. Dobrovolskij D.O., Baranov A.N. Cognitive modeling of actual meaning in the field of phraseology // *Journal of Pragmatics*. – 1996. –Vol. 25. – № 3. – pp. 409-429.
347. Dobrovolskij D. The notion of ‘inner form’ and idiom semantics // *Études et travaux d’Eur’ORBEM* (special issue: Proverbes et stéréotypes: forme, formes et contextes). – Paris: Sorbonne 2. – № 1. – 2016. – pp. 1-36.
348. Dobrovolskij, D. Proverbs and sentential phrasemes of other types // *Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты* [Текст]: монография / [Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольский, В.М. Мокиенко и др.; под ред. проф. Т.Н. Федуленковой]. – Владимир: ВлГУ, 2017. – 229, [1] с. С. 196–205.
349. Dobrovolskij, D. Konstruktionspatterns in der Idiomatik und ihre kognitiven Grundlagen (Construction patterns in idiomatics and their cognitive foundations) [Text] / D. Dobrovolskij // *Yearbook of Phraseology*. – 2018. – Volume 8, Issue 1. – P. 41–68. ISSN (Online) 1868-6338, ISSN (Print) 1868-632X, DOI: <https://doi.org/10.1515/phras-2017-0004>

350. Dobrovolskij D.O., Baranov A.N., Kiseleva K.L., Kozerenko A.D., Voznesenskaja M.M. Frequency and style: evidence from russian phraseology // *Phraséologie et discours. Bibliothèque de Grammaire et de Linguistique*. – Paris, – 2018. – p. 237-243.
351. Dobrovolskij D., Piirainen E. Conventional Figurative Language Theory and Idiom Motivation // *Yearbook of Phraseology*. – 2018. – № 8. – pp. 5-30.
352. Dobrovolskij D., Piirainen E. Idiom Motivation Revisited // *Lenguaje figurado y competencia interlingüística. Aspectos teóricos*. Interlingua, Granada: Editorial Comares. – 2018. – pp. 1-12.
353. Dobrovolskij, D., Piirainen, E. Kognitive Grundlagen der Idiom-Motivation // *Theorie und empirie in der Phraseologie – Approches théorétiques et empiriques en phraséologie*. Tübingen: Stauffenburg, Eurogermanistik. – 2019. – Vol. 37. – pp. 19-31.
354. Evans, V. *A Glossary of Cognitive Linguistics*, Edinburgh, Edinburg University Press, 2007. – 234 p.
355. Fauconnier, G. Methods and generalizations // *Cognitive linguistics, foundations, scope, and methodology* / edited by Theo Janssen, Gisela Redecker. (Cognitive linguistics research; 15), Berlin - New York, Mouton de Gruyter, 1999, 280 p. – pp. 95 – 128
356. Fernando, C. Idioms and idiomticity. Describing English language [Text] / C. Fernando. –Oxford, UK: Oxford University Press, 1996. –265 p.
357. Fillmore, Ch., Kay, P., O'Connor, K. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone [Text] / Ch. Fillmore, P. Kay, K. O'Connor // *Language*. – 1988. –№ 64. –P. 501-538.
358. Fleischer, M. *Die Semiotic des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Sprache* [Text] / M. Fleischer. – Bochum, Brockmeyer, 1991. – 422 s.
359. Fodor, Jerry A. *The Elm and the Expert: Mentalese and its Semantics* / Jerry A. Fodor. – Cambridge: The MIT Press, Cambridge Mass, 1995. – 128 p.
360. Fodor, J. *The Elm and the Expert: Mentalese and its Semantics* / Jerry A. Fodor. – Cambridge: The MIT Press, Cambridge Mass, 1995. – 128 p.
361. Fodor, J., Semantics: An interview with Jerry Fodor // *ReVEL*. – 2007. – № 8. – P. 1-38.
362. Fodor, J. *LOT 2: The language of thought revisited*, Oxford, Oxford University Press, 2010, pp. 1 – 12.
363. Fraser, B. Idioms within a Transformational Grammar [Text] / B. Fraser // *Foundations of Language*. – 1970. – № 6. – P. 22-42.
364. Gazdar, G., Klein, E., Pullum, G., Sag I. *Generalized Phrase Structure Grammar* [Text] / G. Gazdar, E. Klein, G. Pullum, I. Sag. –Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. –xii + 276 p.

365. Geeraerts, D. Specialization and reinterpretation in idioms [Text] / D. Geeraerts // Idioms: Structural and Psychological Perspectives, chapter 3; editors M. Everaert, E-J. van der Linden, A. Schenk, and R. Schreuder. – Amsterdam: Lawrence Erlbaum Associates, 1995 – 329 p. P. 57-74.
366. Gibbs, R. Spilling the Beans on Understanding and Memory for Idioms in Conversation [Text] / R. Gibbs // Memory and Cognition. – 1980. – № 8. – P. 149-156.
3667. Gibbs, R.W. The poetics of mind: figurative thought, language and understanding [Text] / R.W. Gibbs. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 527 p.
368. Gibbs, R.W., Nayak, N.P. Psycholinguistic studies on the syntactic behaviour of idioms [Text] / R.W. Gibbs, N.P. Nayak // Cognitive Psychology. – № 21. – 1989. – P. 100-138.
369. Gibbs, R.W., Jr., Nayak, N.P., Cutting, C. How to kick the bucket and not decompose: Analyzability and idiom processing [Text] / R.W. Gibbs Jr., N.P. Nayak, C. Cutting // Journal of Memory and Language. – №28(5). – 1989. – P. 576-593.
370. Glaser, R. A Plea for Phraseo-styliiics [Text] / R. Glaser // Linguistics across Historical and Geographical Boundaries. Vol. 1; Linguistic Theory and Historical Linguistics. Berlin; N.Y.; Amsterdam: Mouton de Gruyler, 1986. – P. 40-52.
371. Glaser, R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes [Text] / R. Glaser // Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English: Leipziger Fachsprachen-Studien. – Bd 9. – Frankfurt-am-Mein: Peter Lang, 1995. – P. 33-57.
372. Glucksberg, S. Idiom meanings and allusional content [Text] / S. Glucksberg // Idioms: Processing, structure, and interpretation; C. Cacciari, P. Tabossi (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. – 348 p. P. 3-26.
373. Glucksberg, S. Understanding figurative language: From metaphors to idioms [Text] / S. Glucksberg. – Oxford, UK: Oxford University Press. – 2001. – 142 p.
374. Goatley, A. The Language of Metaphors [Text] / A. Goatley. – Rutledge – N.Y. – London, 1997. – 360 p.
375. Granger, S., Paquot, M. Disintangling the phraeological web [Text] / S. Granger, M. Paquot // Phraseology: An interdisciplinary perspective; Granger, S., Meunier, F. (eds.). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 422 p. P. 27–50.
376. Gries, S.T. Phraseology and linguistic theory: a brief survey[Text] / S.T. Gries // Phraseology: An interdisciplinary perspective; Granger, S., Meunier, F. (eds.). –Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 422 p. P. 3–26.
377. Grzybek, P. Das Sprichwort im Literarischen Text [Text] / P. Grzybek // Sprichwörter und Redensarte, Oplatte Westdeutscher Verlag, 1991. –213 s.
378. Hare, R.H. Description and Evolution / R. H. Hare // The Language of Morals. – London – Oxford – N.Y.: Oxford University Press, 1972. – 450 p.

379. Hawkins, M.R., Mori, J. Considering ‘Trans-’ Perspectives in Language Theories and Practices [Text] / M.R. Hawkins, J. Mori // *Applied Linguistics*, Volume 39, Issue 1, 2018, P. 1–8 <https://doi.org/10.1093/aplin/amx056>
380. Henk, B. The effect of inherent and contextual features on the grammatical flexibility of idioms [Text] / B. Henk // *Synchronic Corpus Linguistics*. – Amsterdam: Rodopi, 1996. –vii+289 p. P. 69-83.
381. Horn, G. Idioms, metaphors and syntactic mobility [Text] / Horn, G. // *Journal of Linguistics*. – № 39 (2). –2003. –P. 245-273. doi:10.1017/S0022226703002020
382. Hunston S., Su H. Patterns, Constructions, and Local Grammar: A Case Study of ‘Evaluation’ [Text] / S. Hunston, H. Su // *Applied Linguistics*, Oxford University Press. –№10. – 2018. –<https://doi.org/10.1093/aplin/amx046>©
383. Jackendoff, R. Foundations of Language: Brain, Meanings, Grammar Evolution [Text] / R. Jackendoff. – Oxford: Oxford University Press, 2002. –4 77 p.
384. Johnson-Laird, P.N. Mental Models in Cognitive Science / P.N Johnson-Laird // *Cognitive Science*. – №4. – 1980. – pp. 71 – 115.
385. Kanyo, Z. Sprichworte – Analyse einer einfacher Form. Ein Beitrag zur generativen Poetik / Z. Kanyo. – Budapest: Akademie Kiado, 1981. – 309 s.
386. Kirby, S. Spontaneous Evolution of Linguistic Structure — an Iterated Learning Model of the Emergence of Regularity and Irregularity [Text] / S. Kirby // *IEEE Transactions on Evolutionary Computation*, 2001, № 5 – P. 102–110.
387. Kooij, G. Compounds and idioms [Text] / G. Kooij // *Lingua*. –№ 21. –1968. – P. 250-268. [https://doi.org/10.1016/0024-3841\(68\)90052](https://doi.org/10.1016/0024-3841(68)90052)(<http://wwwsciencedirect.com/science/article/pii/0024384168900521>)
388. Kovecses Z., Szabco P. Idioms: A View from Cognitive Semantics [Text] / Z. Kovecses, P. Szabco // *Applied Linguistics*/ – Volume 17, Issue 3, 1996. – P. 326–355, <https://doi.org/10.1093/aplin/17.3.326>
389. Lakoff, G. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. –London, Chicago: The university of Chicago press, 1980. – 252 p.
390. Langacker R. W. Language and its structure: some fundamental linguistic concepts, 2nd edition, Harcourt, Brace, Jovanovich, inc., NY, 1973. – 277 p.
391. Langlotz, A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing, NY, 2006. – 265 p.
392. Leech, G.N. The Principles of Pragmatics [Text] / G. N. Leech. –London: Longman Ltd, 1983. – 285 p.
393. Levorato, M.C. The Acquisition of Idioms and the Development of Figurative Competence [Text] / M.C. Levorato // *Idioms: Processing, structure, and interpretation*;

C. Cacciari, P. Tabossi (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. –348 p. P. 101-128.

394. Levoranto M., Roch M., Nesi B. A longitudinal study of idiom and text comprehension [Text] / M. Levoranto, M. Roch, B. Nesi // *Journal of Child Language*. – № 34(3). – 2007. – P. 473-494. doi:10.1017/S0305000907008008

395. Makkai, A. *Idiom Structure in English* [Text] / A. Makkai. –The Hague: Moulon, 1972. – 371 p.

396. Martin, W. A unified approach to semantic frames and collocational patterns [Text] / W. Martin // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*; Granger, S., Meunier, F. (eds.). –Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. –422 p. P. 51–66.

397. McCarthy, M.J., O'Dell, F. [Text] / M.J. McCarthy, F. O'Dell. *English idioms in use*. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. –190 p.

398. Mieder, W. A proverb is worth a thousand words: Folk wisdom in modern mass media. [Text] / W. Mieder Proverbium № 22. – 2005. – P. 167–244.

399. Mieder, W. *Making a way out of no way – Martin Luther King's Sermonic Proverbial Rhetoric* [Text] / W. Mieder. – Frankfurt/New York: Peter Lang, 2010 – 551 S.

3400. Minsky M. A. *Framework for Representing Knowledge* MIT-I Laboratory [Text] / M. A. Minsky. – New York: McGraw-Hill, 1975. – pp. 21 1– 277.

401. Moon, R. *Fixed expressions and idioms in English. A corpus-based approach* [Text] / R. Moon. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 440 p.

402. Moore, G. E. *Philosophical Studies*, 1922 [Text] / G. E. Moore // <http://www.ditext.com/moore/nmp.html>

403. Naciscione, A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse* [Text] / A. Naciscione. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2010. –292 p.

404. Newmeyer, F.J. *The Regularity of Idiom Behavior* [Text] / F.J. Newmeyer // *Lingua*. – 1974. – № 34 (4). – P. 327-342.

405. Nicolas, T. *Semantics of idiom modification* [Text] / T. Nicolas // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives* [M. Everaert, E. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.)]. –Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. – P. 233-252.

406. Nippold, M.A., Martin, S.T. *Idiom interpretation in isolation versus context: A developmental study with adolescents* [Text] / M.A. Nippold, S.T. Martin // *Journal of Speech and Hearing Services in Schools*, 1989. – № 32(1). – P. 171-180.

407. Norrick, N.R. *English phraseology* [Text] / N.R. Norrick // *Phraseology: International Handbook of Contemporary Research* [H. Burger et al. (eds.)]. –Berlin: Walter de Gruyter, 2007. – Vol. II. – P. 615-619.

408. Nuyts, J. Remarks on layering in a cognitive-functional language production models // *A new architecture for functional grammar*. Ed. by J. L. Mackenzie, Berlin, 2004. – 393 p. PP. 275 – 299.
409. O’Grady, W. The syntax of idioms [Text] / O’Grady W. // *Natural language and linguistic theory*. – № 16. – Netherlands: Kluwer academic publishers, 1998 – P. 279-312.
410. Omazić, M. Processing of idioms and idiom modifications: A view from cognitive linguistics [Text] / M. Omazić // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*; Granger, S. Meunier, F. (eds.). – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 422 p. P. 67–79.
411. Pamies-Bertran, A. Grammatical metaphor and functional idiomaticity [Text] / A. Pamies-Bertran // *Yearbook of Phraseology*, № 8, 2017. – P. 59–94.
412. Pamies-Bertrán, A. Grammatical metaphor and functional idiomaticity [Text] / A. Pamies-Bertrán // *Yearbook of Phraseology*. – 2018. – № 8(1). – P. 69-104. Retrieved 16 May. 2018, from doi:10.1515/phras-2017-0005
413. Parsons, T. Events in the Semantics of English: A Study in Subatomic Semantics [Text] / T. Parsons. –Cambridge: MIT Press, Cambridge Mass, 1994. –334p.
414. Philip, G. Reassessing the canon: ‘Fixed’ phrases in general reference corpora [Text] / G. Philip // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*; Granger, S., Meunier, F. (eds.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. – P. 95–108.
415. Piirainen, E. Figurative phraseology and culture [Text] / E. Piirainen // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*; Granger, S., Meunier, F. (eds.). –Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. – P. 207–228.
416. Prior, A. N. Logic and the Basis of Ethics [Text] / A. N. Prior. – Oxford: Clarendon Press, 1984. –111 p.
417. Pulman, S. The Recognition and Interpretation of Idioms [Text] / S. Pulman // *Idioms: Processing, Structure and Interpretation*, ed. by C. Cacciari and P. Tabossi. –New Jersey: Laurence Earlbaum Cognitive Science Monographs, 1993. –P. 249-270.
418. Quine, W.O. Word and object / W. O. Quine. – Cambridge: Cambridge Mass, The MIT Press, 1967. – 294 p.
419. Rosch, E. Principles of Categorization [Text] / E. Rosch. – N.J., Hillside, 1978. – 125 p.
420. Brygida Rudzka-Ostyn, ed. *Topics in Cognitive Linguistics*. In the series *Current Issues in Linguistic Theory*. – Amsterdam: John Benjamins. – 1988. – 70. p.
421. Russel, B. *Mysticism and Logic and other Essays* [Text] / B. Russel. –Melbourne, Penguin Books, 1953. – 220 p.
422. Sapir, E. *Selected Writings of E. Sapir in Language, Culture and Personality* / E. Sapir; Edited by David G. Handelbaum. – Berkeley. L.A.: University of California Press, 1968. – 617 p.

423. Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, Plans, Goals and Understanding. – Hillside, New Jersey, Yale University, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1977. – 248 p
424. Schenk, A. The syntactic behavior of idioms [Text] / A. Schenk // Idioms: Structural and Psychological Perspectives; editors: M. Everaert, E-J. van der Linden, A. Schenk, and R. Schreuder, chapter 10. – Amsterdam: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. – 329 p. P. 253 –271.
425. Schweigert, W.A. The comprehension of familiar and less familiar idioms [Text] / W.A. Schweigert // Journal of Psycholinguistic Research. – № 15 (1). – 1986. – P. 33-45.
426. Simpson, R., Mendis, D. A corpus-based study of idioms in academic speech [Text] / R. Simpson, D. Mendis. –TESOL Quarterly. – 2003. – № 37(3). – P. 419-441.
427. Sinclair, J. Trust the text. [Text] / J. Sinclair // Trust the text: Language, corpus and discourse; J. Sinclair and R. Carter (eds.). – London: Routledge – 2004. – P. 9-23.
428. Siyanova-Chanturia, A., Martinez, R. The idiom principle revisited [Text] / A. Siyanova-Chanturia, R. Martinez // Applied Linguistics? Oxford University Press. –2014. –P. 1-22 doi: 10.1093/applin/amt054.
429. Smith, L.P. Words and idioms. Studies in the English language [Text] / L.P. Smith. – London: Constable & Co Ltd, 1948. –299 p.
430. Sperber, D., Wilson, D. Relevance: Communication and Cognition [Text] / D. Sperber, D. Wilson, Second Edition. –Oxford/Cambridge: Blackwell Publishers, 1995. –350 p. – P. 2–9.
431. Sperber, D., Wilson, D. Beyond speaker's meaning [Text] / D. Sperber, D. Wilson // Croatian Journal of Philosophy. – № 15 (44). – 2015. – P. 117–149.
432. Storry M., Childs P. British Cultural Identities; 5th Edition [Text]. – Routledge Publ. – 2017. – 336 p.
433. Svensson, M.H. A very complex criterion of fixedness: non-compositionality [Text] / M.H. Svensson // Phraseology: An interdisciplinary perspective. Granger, S., Meunier, F. –Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. – 422 p. – P. 81–94.
434. Swinney, D.A., Cutler, A. The access and processing of idiomatic expressions [Text] / D.A. Swinney, A. Cutler // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. –№ 18(5). –1979. – P. 523-534.
435. Szerszunowicz J. Obraz czlowieka w polskich, angielskich, i wloskich leksykalnych I fraseologicznych jednostkach faunicznych / J. Szerszunowicz. – Bialystok, Wydawnictwo universitety w Bialymstok. – 446 s.
436. Tabossi, P., Zardon, F. The Comprehension of Idioms [Text] / P. Tabossi, F. Zardon // Journal of memory and language. – № 27. –1988. – P. 66-83
437. Tabossi, P., Zardon, F. The activation of idiomatic meaning in spoken language comprehension [Text] / P. Tabossi, F. Zardon // Idioms: Processing, structure, and interpretation;

C. Cacciari, P. Tabossi (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. –348 p. P. 27-55.

438. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2 Cambridge, MA: MIT Press 2003. – 503 p.

439. Taylor, J. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory [Text] / J. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 270 p.

440. Taylor, J. The Ecology of Cnstructions // Studies in Linguistic Motivation (Cognitive Linguistics research 28). Edited by Günter Radden and Klaus Uwe Panter, Berlin, Berlin-NY, 2004, Walter de Gruyter GmbH & Co., 390 p. – pp. 49 –72.

441. Ungerer F., Schmid H-J. An Introduction to Cognitive Linguistics; 2nd edition, London etc., Pearson-Longman, 2006. – 384 p.

442. Warnock, G.J. Morality and Language [Text] / G.J. Warnock. – Oxford, Blackwell: 1983. – 217 p.

443. Weinreich, U. Problems in the analysis of idioms [Text] / U. Weinreich // The substance and structure of language; J. Puhvel (Ed.). –Berkeley: University of California Press, 1969. – P. 23–81.

444. Williams, R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. – Croom: Helm, 1976. – 152 p.

445. Winter B., Wieling M. How to analyze linguistic change using mixed models, Growth Curve Analysis and Generalized Additive Modeling [Text] / B. Winter, M. Wieling // Journal of Language Evolution, Volume 1, Issue 1, 1 January 2016. – P. 7–18. <https://doi.org/10.1093/jole/lzv003>

446. Wray, A. Formulaic Language and the Lexicon. [Text] / A. Wray. –Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 344 p.

447. Wray, A., Perkins, M.R. The functions of formulaic language: an integrated model [Text] / A. Wray, M.R. Perkins // Language and Communication. – 2000. – № 20. – P. 1 –28.

448. Wright, von G.H. The varieties of goodness [Text] / G. H. von Wright. –N.Y.: 1963. – 567 p.

449. Zheltukhina, M.R., Vikulova, L.G., Serebrennikova, E.F., Gerasimova, S.A., Borbotko, L.A. Identity as an element of human and language universes: axiological aspect [Tekst] / M.R. Zheltukhina, L.G. Vikulova, E.F. Serebrennikova, S.A. Gerasimova, L.A Borbotko. // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. Vol. 11. – № 17. PP. 413– 422.

45. Ziembinski, Z. Logika praktyczna [Text] / Z. Ziembinski. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1963. – 284 s.

Словари:

451. Абрамов, А.П. Эстетика: Словарь [Текст] / А.П. Абрамов и др.; под общ. ред. А.А. Беляева. – М.: Политиздат, 1985. – 445 с.
452. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь (ERPD) [Текст] / А. В Кунин – 5-е изд., испрavl. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
453. Модестов, В. С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия (EPSRE) [Текст] / В. С. Модестов. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2003. – 467 с.
454. Мокиенко, В.М., Вальтер, Х. Антипословицы русского народа: Словарь [Текст] / В.М. Мокиенко, Х. Вальтер; ОЛМА медиагрупп. – СПб.: Нева, 2005. – 573. с.
455. Краткий словарь когитивных терминов. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
456. Энциклопедия «Языкоznание» Большой энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия: 1998. – 685 с.
457. Apperson G.L. [et al.], The Wordsworth dictionary of proverbs (WDP). – Hertford-London: Wordsworth Editions Ltd., 2006. – 656 p.
458. Cambridge International Dictionary of Idioms (CAM) [Text]. – Cambridge: Cambridge University Press, Cambridge, 1998. – 590 p.
457. Collins, V.H. A book of English idioms [Text] / V.H. Collins. –London: Longmans, Green & co., 1964. – 470 p.
459. Hendrickson, R. The Facts of file Encyclopedia of word & phrase origins [Text] / R. Hendrickson. – New York; Oxford: Facts of file. 1987. – 457 p.
460. Longman Dictionary of English Idioms (LONG) [Text]. – London: Longman Group Ltd., 1979. –790 p.
461. Oxford book of aphorisms (ed. by John Gross) (OBA) [Text]. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 382 (5) p.
462. Oxford concise dictionary of quotations (ed. Y Susan Ratcliffe), 6th edition (OCDQ) – Oxford: Oxford University press, 2011. – 584 p.
463. Radford, E. To coin a phrase: a dictionary of origins. Completely revisited. Ed. & rev. by Alan Smith. [Text] / E. Radford. – London, Hutchinson, 1973. – 435 p.
464. Speakers J. The Oxford dictionary of proverbs, 5th edition (ODP) [Text]. – Oxford: Oxford University press, 2008. – 388 p.
465. Stevenson, B. Stevenson's book of proverbs, maxims & familiar phrases [Text] / B. Stevenson. – London: Routledge - Paul LTD. Broadway House, 1949. – 684 p.
466. Mieder, W. English Proverbs: Philip Recalm jun. (EP) [Text]. GmbH. – Stuttgart, 2003. – 152 p.
467. Wordsworth concise dictionary of quotations (ed. By Connie Robertson) (WDQ) [Text]. – Ware: Wordsworth Editions Ltd., 1998. – 152 p.